

Учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»

Представительство Россотрудничества в Республике Беларусь
Русский дом в Гомеле

СЛАВЯНСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ И ПАРЕМИОЛОГИЯ

Сборник научных статей

Основан в 2020 году

Выпуск 5

Гомель
ГГУ им. Ф. Скорины
2024

УДК 811.16:398.9(082)

В сборнике представлены статьи, освещающие широкий круг вопросов славянской фразеологии и паремиологии: лингвокультурологическую специфику фразеологических и паремиологических единиц, теоретические аспекты фразеологии и паремиологии; проблематику компонентного состава, варьирования и семантической трансформации устойчивых выражений разных типов; вопросы фразеографии; различные аспекты изучения диалектной фразеологии; функционирование фразеологизмов и паремий в художественном тексте; проблематику неологических явлений в сфере фразеологии; вопросы сопоставительного исследования фразеологических и паремиологических единиц.

Адресуется специалистам в области фразеологии, фразеографии, паремиологии, лингвокультурологии, преподавателям, аспирантам и студентам-филологам.

Сборник издается в соответствии с оригиналом, подготовленным редакционной коллегией, при участии издательства.

Выпуски 1, 2 и 3 в 2020, 2021 и 2022 годах вышли без нумерации.

Сборник издан при финансовой поддержке
Филиала представительства Россотрудничества в Республике Беларусь –
Русского дома в Гомеле

Редколлегия:

И. Г. Гомонова (отв. ред.),
Е. В. Ничипорчик (зам. отв. ред.), Л. М. Шецко (отв. секр.),
Е. И. Тимошенко, Е. И. Холявко

Рецензенты:

доктор филологических наук В. С. Новак,
кандидат филологических наук М. М. Козловская

Рекомендован к изданию научно-техническим советом учреждения
образования «Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»

ISBN 978-985-32-0062-1

© Учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины», 2024

М. Д. Абжапарова

ИНТЕНСИФИКАЦИОННО-ОЦЕНОЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЕКСЕМ *КРАСНЫЙ* И *СИНИЙ* В ТЮРКСКИХ И СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Аннотация. В статье на материале казахского, алтайского и русского языков с применением методов словообразовательного, семантического и контекстуального анализа исследуются в качестве словообразовательных и лексических интенсификаторов цветковые лексемы *красный* и *синий*. Сделан вывод о том, что ведущая роль в системе языковых средств выражения значения интенсивности принадлежит лексическому уровню.

Ключевые слова: семантика, цветообозначения, цветолексемы, категория интенсивности, интенсификатор, славянские языки, тюркские языки.

Введение. Цветообозначения представляют особый интерес в процессе изучения лексической составляющей системы языка, в том числе с точки зрения соотношения содержания и формы языкового знака. Несмотря на то, что «физическая природа цвета одна и та же для всех культур» [1, с. 5], нельзя однозначно говорить об универсальной для всех языков оценке цветосемантики, так как семантика даже основных цветолексем в различных языках может не совпадать.

Функциональный подход к исследованию развития мировых языков наиболее активно начал применяться лишь на рубеже XX и XXI веков. Способы выражения интенсивности как усиления или ослабления признака привлекают внимание многих исследователей, среди которых В. В. Безрукова, Н. А. Лукьянова, П. А. Лекант, И. Шейгал, Е. В. Бельская, С. Е. Родионова, С. М. Колесникова, И. И. Туранский и др. При этом единого определения понятия интенсивности пока еще не выработано.

Исходя из понимания П. А. Леканта, интенсификация включает в себя «ряд функционально-семантических операций, включающих подчеркивание (акцентирование), усиление, полноту, градацию (обычно высокую ее степень), обобщение и оценку» [2, с. 58]. Это проявляется в том, что семантика интенсивности непосредственно связана с эмоционально-экспрессивной окраской и оценкой [3, с. 263], категория интенсивности имеет разнообразные средства выражения на всех уровнях языка – от фонетики до синтаксиса [4, с. 159], ее ядро образуют лексические единицы со значением степени [5, с. 272] и деривационные средства выражения значения усиления или ослабления признака [6, с. 136] и др.

Исследования и выводы ученых показывают, что категория интенсивности характеризует события и явления и выступает при этом как средство языковой оценки говорящим определенных признаков [7, с. 55]. Необходимо отметить, что интенсивность связана не с любой количественной характеристикой предмета или явления, а только с такой, которая указывает на отклонение от «нормальной» меры [8, с. 7]. Категория интенсивности также определяется как качественно-количественная категория, «занимающая срединное положение между полями качественности и количественности (пересекаясь и с тем, и с другим)» [9, с. 105]. Можно также согласиться с мнением В. Н. Егоровой, понимающей под интенсивностью, в самом широком смысле, количественное изменение признака; отличительной чертой этой категории является ее прагматический характер и наличие экспрессивного компонента [10, с. 224].

Таким образом, категория интенсивности для лексем-цветообозначений, согласно мнению большинства исследователей, отражает как объективную характеристику степени признака, так и ее субъективную интерпретацию. С семантической точки зрения, категория интенсивности является производной, с одной стороны, от категорий количественности и качественности, а с другой – от особой прагматической категории, содержание которой может быть осмыслено в рамках когнитивной лингвистики.

Материал исследования. Цветообозначения с интенсификационным значением взяты из художественных текстов, из произведений устного народного творчества, из материалов Национального корпуса казахского языка (НККЯ), корпуса русского литературного языка (КРЛЯ), корпуса языков народов России (КЯНР), а также из лексикографических источников.

Репрезентативность цветолексемы *красный* в качестве интенсификатора. И в славянских, и в тюркских языках прилагательные, обозначающие цвет, употребляются как первообразные и не делимы на составные части.

Прилагательное с семантикой ‘красный’ является древнетюркской лексемой, входит в 100-словный список Сводеша. Слово сохранилось во всех тюркских языках с некоторыми фонетическими изменениями. По А. Н. Кононову, красный цвет во всех тюркских языках ассоциировался с югом, и только в башкирском языке с востоком [11, с. 79]. В древнетюркском языке представление о красном цвете связано с такими явлениями окружающего мира, как огонь и кровь, оба понятия обозначались одним и тем же словом *кыз*. Перенос значения «огонь → красный цвет» мотивирован яркостью красного цвета. Основы, от которых прилагательные образованы, неизвестны или их невозможно установить. В языке древнетюркских памятников V–VIII веков прилагательные, обозначающие цвет, выступают как вполне оформившаяся лексико-семантическая группа, в которой система словообразования начала получать отличительный звуковой облик и семантическую самостоятельность, выявляя взаимодействие лексической, грамматической и фонетической сторон языка в процессе развития. В славянских языках этот процесс прошел позднее, около XIV века, слово *красный* (русс. *красный*, укр. *красний*, гарний, ст.-слав. *красньнъ*, болг. *красен*, сербо-хорв. *красан*, *красна*, словен. *krasan*, чеш., слвц. *krasny*, польск. *krasny* и др.) означало ‘прекрасный’, ‘красивый’, ‘великолепный’, ‘пригожий’. Словообразовательное гнездо в русском языке представлено небольшим количеством лексем: *красивее*, *красиво*, *красить*, *краситься*, *краснеть*, *краснобай*, *краснобайство*, *красноречивый*, *красноречие*, *красота*.

Высокая степень интенсивности красного цвета. Морфологическим способом выражения высокой степени интенсивности цвета в казахском языке является частичная редупликация: *кып-кызыл* ‘красный-прекрасный’: *Қып-кызыл екі бетің алмадайын, / Базарда бұлы қымбат қырмызыдай – Красные-прекрасные твои румяные щеки, / Как дорогой красный шелк лучшего качества на рынке* [Нурым акын].

Синтаксически значение интенсивности передается конструкцией, в которой прилагательное *кызыл* сочетается с интенсификаторами: *шымқай кызыл* ‘сплошной красный’; интенсификатор *шымқай* ‘сплошной’ усиливает значение ‘яркости’: *Нарттай жаным мойнында / Шымқай кызыл галстугы – Алым горел на шее / ярко-красный* (букв.: сплошной красный) *галстук* [НККЯ]; *Қырмызы кызыл жібек бозбала* *Ақын бұл жерде ажар-көркі, өң-ажары – Красивый здесь юноша в халате из малинового шелка* (Акын Казыбек. Иса).

Высокая степень интенсивности красного цвета в алтайском языке обозначается при помощи полной или частичной редупликации: *кызыл-кызыл* ‘красный-красный’: *Кызыл-кызыл маанылар каланың ороомдорында илilген туратан – Красные-красные флаги висели на улицах города* [КЯНР].

В русском языке высокую степень интенсивности можно передавать всеми описанными выше способами: *краснейший* (морфол.), *красный-прекрасный* (редупл.), в сочетании с интенсификаторами *самый*, *очень* и др.

Низкая степень интенсивности красного цвета. Значение низкой степени проявления интенсивности красного цвета в казахском языке выражается морфологически – аффиксами неполноты проявления признака: *кызыл=дау* ‘красноватый’, *кызыл=ырақ* ‘красноватый’, *кыз=гылт* ‘еле красный, розовый’, *кыз=гылтым* ‘красненький, розовый’, *кызыл=шаң* ‘красноватый’. Низкая степень проявления интенсивности красного цвета

в алтайском языке передается аффиксальными образованиями: *кыскылтырым* ‘красноватый’, *кыскылтым* ‘красноватый’. В русском языке – с помощью суффиксов *-оват-*, *-еньк-*, в сочетании с интенсификаторами *еле*, *чуть-чуть* и др.

Цветобозначения в казахском языке часто выступают в роли интенсификаторов при описании погодных явлений, обозначая при этом как высокую, так и низкую температуру: *қызыл шұнақ аяз* ‘лютый мороз’ (букв.: *красный безухий мороз*): *Шатынайды, тыста аяз, / Қызыл шұнақ аяз – Трещит на улице мороз, / Студеный лютый мороз* [НККЯ]; *қызыл іңір* ‘ранние сумерки’ (букв.: *красные сумерки*): *Мал өрістен қайтар қызыл іңірде кәрі-жас түгел ауыл сыртына жиналады – В ранних сумерках перед возвращением с поля скота и стар, и млад собирались за селом* [НККЯ].

Система номинативных значений в алтайском языке представлена несколько шире, чем в казахском. На основе цветового значения ‘красный’ реализуется номинативно-производное значение ‘спелый’. Данное значение отражает красный цвет созревших плодов и ягод, например: *Колындагы эки кызыл аламань ого: «Ме, балам – деп, эдми ле табыштырып берер күйүндү»* [КЯНР] – *Со словами «На, дочь моя» – готова была сейчас же отдать два наливных яблока, находящихся в руках* [12, с. 167].

Лексема *кызыл* в алтайском языке, как и в казахском, может выступать в значении ‘абсолютно, совершенно’, т. е. служить интенсификатором при выражении признака: *кызыл эт* ‘абсолютно голый, обнаженный’ (букв.: *красное тело*).

Высокая степень проявления признака в славянских и тюркских языках выражается редупликацией – частичной в казахском и русском языках и полной или частичной в алтайском, а также при помощи синтаксических конструкций с наречиями меры и степени. Механизм формирования значения ослабленности цветового признака является общим для изучаемых языков: используются многочисленные, но при этом уникальные для каждого языка аффиксы, что обусловлено принадлежностью этих языков к разным группам. В целом и в славянских, и в тюркских языках красный цвет несет положительные коннотации, ассоциирующиеся прежде всего с молодостью и красотой. Но может также иметь и отрицательную коннотацию, связанную с огнем, – угрозу.

Репрезентативность цветолексема *синий* в качестве интенсификатора. Репрезентантами микрополя синего цвета являются в казахском языке лексема *көк*, в алтайском *көк* как базовые цветобозначения синего цвета. Лексема *көк* является общетюркской, номинация синего цвета входит в 100-словный список Сводеша. Данные из этимологических словарей показывают, что лексем *көк* ~ *көк* являются полисемантическими. В тюркских языках исходным значением слова *көк* принято считать значение ‘небо’. По теории А. Вежбицкой, цветобозначения могут обозначать как основной цвет, так и оттенки. В данном случае тюркские системы цветобозначений представляют «макросиний» цвет, а зеленый в таких системах является оттенком «макросинего» [13, с. 182]. Это и объясняет использование одной лексема *көк* для передачи синего и зеленого цветов.

Как отмечает К. М. Мусаев, в общетюркские времена небо называлось *көк*, затем оно обозначало разные краски неба: синий, голубой; серый цвет, т. е. произошла трансформация из существительного в прилагательное [14, с. 38].

Для казахов синее небо означало божественное начало. В казахском языке лексема *көк* в своем номинативном значении обозначает цвет конкретных предметов (цвет моря, озер, рек; цвет тканей, растений, некоторых внутренних органов человека и др.). В современном алтайском языке слово *көк* сохранило исходное значение ‘небо’. В восприятии алтайцев синий цвет олицетворяет молодость, силу, бесстрашие. В алтайском языке нет слов, соответствующих русским *зеленый*, *синий*, *голубой*, – эти цвета обозначаются одним словом и различаются через предметно-связанные определения на основе словосочетаний.

Прилагательное *синий* в древних славянских памятниках имеет сложную систему значений, которая прослеживается с XI–XII веков, однако его основное значение совпадает

с современным. Оно употребляется в своем прямом значении и в современном русском языке для названия цвета водных источников (моря, реки), в описании некоторых природных явлений, для характеристики человеческой внешности и прочие: *На синем море, Синего Дону, синие молнии* [Слово о Полку Игоре].

Высокая степень интенсивности синего цвета в казахском языке выражается через аффиксальные производные и словосочетания со значением интенсивности синего цвета: *көкпеңбек* ‘синий-пресиний’, *шымқай көк* ‘сплошной синий’ (обозначает яркость, насыщенность синего цвета), *қою көк* ‘полностью синий’ (выражает степень усиления).

В алтайском языке со значением высокой интенсивности синего цвета, наряду с базовым цветообозначением *көк* ‘синий’, употребляются прилагательные *көп-көк* ‘синий-синий’ (частичная редупликация).

Восходя к представлению о небе как о великом, возвышенном, казахская лексема *көк* в значении ‘небо’ в сочетании с глаголами *қарау* ‘смотреть’, *көтеру* ‘подниматься’ выступает в значении ‘высокомерие’, ‘стремление к возвышенному’: *көкке қарау* ‘завздаться; ставить себя выше других’ (букв.: ‘смотреть на небо’).

Низкая степень интенсивности синего цвета. Помимо ядерного репрезентанта *көк* ‘синий’, в ядро микрополя синего цвета в казахском языке входят прилагательные, передающую низкую степень проявления интенсивности цвета: *көктеу* ‘синеватый’; *көкшілтім* ‘слегка синий’: *Көрмес енді көкшілтім қос сұлбаны – Не увидит теперь голубоватых два силуэта* [НККЯ].

В алтайском языке со значением низкой интенсивности синего цвета употребляется прилагательное *көпөгөш* ‘синенький’ (*көп-көк* + =*өш*: частичная редупликация + диминутивный аффикс =*аш* / =*өш*); *көксимек* ‘синеватый’; *көгдтирим* ‘синеватый’: *Жаан, соок кара көстөрининг көгдтирим актары кыйгазына жаантайын кажандап жүретен – Синеватая белизна его больших холодных глаз, всегда поблескивающих от скупости* [КЯНР].

К производно-номинативным значениям лексемы *көк* ‘синий’ в казахском языке относятся значения, указывающие на оттенки синего, голубого, серого, зеленого цвета. Отличительной особенностью казахского языка является употребление слова *көк* ‘синий’ для обозначения светлых оттенков глаз: *көк көз* ‘голубые глаза’. В алтайском языке таких употреблений не отмечено. В казахском языке зеленый цвет глаз также принято описывать тем же сочетанием *көк көз*, а сочетание **жасыл көз* (букв. ‘зеленые глаза’) вовсе не употребляется.

Система метафорических значений развивается для выражения признаков, относящихся к физической, духовной и другим сферам, при этом сохраняется сема интенсивности:

‘Синий’ / ‘зеленый’ → ‘неспелый, незрелый’ (физическая сфера): *көк түйнек* ‘неспелый’ (букв.: ‘синий зародыш растения’): *Әлі піспеген, көк түйнек қарбыздың дәмі де кірмеген – У еще незрелого арбуза и вкуса нет* (Казахская пословица).

Синий в значении ‘бесстрашный, храбрый, властный’ описывает внутренние свойства и качества человека. При описании характера человека слово *көк* может сочетаться со словами *бөрі қасқыр* ‘волк’ для выражения переносного значения ‘властный, наделенный властью’; *көк шулан қасқыр* ‘матерый, опытный’ (букв.: ‘сиво-бурый волк’).

Синий в качестве интенсификатора отрицательных характеристик человека: *көк ауыз* ‘болтун, пустомеля’ (букв.: ‘синий рот’), *көк жалқау* ‘настоящий лентяй’ (букв.: ‘синий лентяй’), *көк ми* ‘дурак’ (букв.: ‘синий ум’), *көк бет* ‘скандальная, упрямая женщина’ (букв.: ‘синее лицо’), *көк есек* (‘синий осел’) ‘упрямый человек’.

Как и в казахском языке, в алтайском лексема *көк* ‘синий’ в роли интенсификатора характеризует людей, высвечивая их отрицательные качества: *көк төгүн* ‘наглая / абсолютная ложь’ (букв.: ‘синяя ложь’), *көк тенеке* ‘очень глупый; глупец’ (букв.: ‘синий глупец’), *көк тескери* ‘совершенно упрямый’ (букв.: ‘синий упрямый’).

Синий – интенсификатор природных явлений: *көктайғақ* ‘гололед’ (букв.: ‘синий скользкий’); *көк салпақ* ‘весенняя пора’ (букв.: ‘слякоть в конце зимы’), *көк дауыл* ‘сильная буря’ (букв.: ‘синяя буря’).

На базе интенсификатора *көк тиын* ‘ничего не стоящий’ (букв.: ‘синяя копейка’) в казахском языке образуется фразеологизм *көк тиын жоқ* ‘нет ни копейки, ни гроша’ (букв.: ‘нет синей монеты’): *Бірақ, ешкімнің қалтасында көк тиын жоқ – Но ни у кого нет в кармане ни гроша* (Пословица).

В алтайском языке фразеологически связанные значения лексемы *көк* ‘синий’ образуются двумя способами: в первом отражается реальный синий цвет, во втором актуализируется роль интенсификатора ‘совсем’, ‘очень’: *көк айас* ‘мокрый’ (букв.: ‘небо ясное’), *көк мөдөн* ‘совершенно мокрый’ (букв.: ‘синий мокрый’). В казахском языке таких значений не выявлено.

В казахском и алтайском языках усиление и ослабление качества цветового тона передается одинаково – аффиксальными производными и словосочетаниями. Обще-тюркское происхождение лексем *көк* ~ *көк* казахского и алтайского языков обуславливает близость системы их значений.

Общими являются названия таких цветов, как синий, голубой, зеленый, серый, переносное значение ‘неспелый’, а также употребление для характеристики человека. Различия состоят в том, что в казахском языке лексемой *көк* ‘синий’ передается зрелость возраста (о мужчинах), в алтайском то же значение преломляется через описание седины волос. В казахском языке выделяется интенсификация погодных условий. Различия касаются средств выражения степени проявления цветового тона.

Заключение. В прямом значении прилагательные *красный* и *синий* в тюркских языках употребляются в составе словосочетаний, построенных по модели «AdjChrom + N», где N – имя существительное предметной семантики. Значение признака-интенсификатора они приобретают, сочетаясь со словами других частей речи – прилагательными, наречиями, а также именами существительными качественно-оценочной семантики.

Анализируя семантику цветообозначений, отметим тот факт, что в препозиции к некоторым лексемам прилагательные-цветообозначения *красный* и *синий* играют роль интенсификаторов и активно выступают в значении ‘очень, сильно, совершенно; сплошной, один лишь’. Другими словами, лексемы-цветообозначения и в славянских, и в тюркских языках используются не только в первоначальном лексическом контексте, но и в переносном значении, а также выступают в качестве важной части лексического состава языка, служащей эффективным средством развития художественной образности.

Список использованных источников

1. Навольнева, М. А. Социокультурный аспект выражения цветообозначений в разносистемных культурах / М. А. Навольнева. – Минск : ТетраСистемс, 2012. – 169 с.
2. Лекант, П. А. Аналитические формы и аналитические конструкции в современном русском языке / П. А. Лекант. – М. : ИИУ МГОУ, 2015. – 86 с.
3. Абжапарова, М. Прилагательные-цветообозначения в роли интенсификаторов в казахском языке (в сопоставлении с тюркскими языками Южной Сибири) / М. Абжапарова, Н. Б. Кошкарева // Сибирский филологический журнал. – 2022. – № 3. – С. 260–275.
4. Родионова, С. Е. Семантика интенсивности и ее выражение в современном русском языке / С. Е. Родионова // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры / А. В. Бондарко, С. А. Шубик (ред.). – СПб. : Наука, 2005. – С. 150–168.
5. Ермакова, О. П. Переход качества в количество: о природе интенсификаторов / О. П. Ермакова // Логический анализ языка: квантификатив. аспект языка / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания; отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М. : Индрик, 2005. – С. 272–279.
6. Терентьева, Е. В. Семантическое содержание прилагательных в функции собственно интенсификаторов / Е. В. Терентьева // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2014. – № 5–1. – С. 134–139.

7. Сунь, С. Модели употребления слов-идентификаторов в современном русском языке / С. Сунь // Мир русского слова. – 2022. – №1. – С. 53–62.
8. Коряковцева, Е. И. Динамика оценочных интенсификаторов в русском языке XXI в.: словообразовательный и семантический аспекты / Е. И. Коряковцева, Л. В. Радибурская, М. В. Сандакова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия «Языкознание». – 2021. – Т. 20–5. – С. 6–19.
9. Ладов, В. А. Интенциональность в языке: проблема выразимости / В. А. Ладов. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2003. – С. 103–108.
10. Егорова, В. Н. К вопросу определения интенсивности в современном языкознании / В. Н. Егорова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2009. – № 6 (2). – С. 224–226.
11. Кононов, А. Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках / А. Н. Кононов // Тюркологический сборник 1975 / Акад. наук СССР, Ин-т востоковедения [редкол.: А. Н. Кононов (отв. ред.) и др.]. – М. : Наука, 1978. – С. 159–179.
12. Майзина, А. Н. Семантическое поле цветообозначений в алтайском языке (в сопоставлении с монгольским языком) / А. Н. Майзина. – Горно-Алтайск, 2008. – 263 с.
13. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
14. Мусаев, К. М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении (Западно-кыпчакская группа) / К. М. Мусаев. – М. : Наука, 1975. – 358 с.

Abstract. In the article on the material of Kazakh, Altai and Russian languages with application of methods of word-formation, semantic and contextual analysis the color lexemes red and blue are investigated as word-formation and lexical intensifiers. It is concluded that the leading role in the system of linguistic means of expressing the meaning of intensity belongs to the lexical level.

Keywords: semantics, color denotations, color lexemes, intensity category, intensifier, Slavic languages, Turkic languages.

Абжапарова Майя Даулеткызы – кандидат филологических наук, PhD; Astana IT University (abzharovamd@mail.ru).

УДК 81'276.1:81'37:398.92

О. И. Авдеева

МЕХАНИЗМ МОТИВАЦИИ СЕМАНТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЗМА ЕГО ВНУТРЕННЕЙ ФОРМОЙ (НА ПРИМЕРЕ ФРАЗЕМ, ВОПЛОЩАЮЩИХ ЗООМОРФНЫЙ КОД КУЛЬТУРЫ)

Аннотация. Статья посвящена анализу механизмов мотивации семантики фразеологизма его внутренней формой. Две выделенные группы фразем, соотносимых с зооморфным кодом культуры (группа устойчивых сравнений и группа собственно фразеологизмов), показали различия в структуре фразеологизмов, в понятийной классификации, в классификации по структуре, в видах мотивации значения фразеологизма его внутренней формой, в трансляции культурных кодов. Метод синхронной этимологии выявил трудности понимания фразеологизмов со слабой или отсутствующей мотивацией.

Ключевые слова: фразеологизм, фразема, внутренняя форма фразеологизма, образная основа фразеологизма, идейная основа фразеологизма, семантика, синхронная этимология, В. И. Зимин, культурный код фразеологизмов, зооморфный код культуры.

Вопрос о соотношении семантики фразеологизма и его внутренней формы, несмотря на внешнюю кажущуюся простоту, на самом деле оказывается многоаспектным и непростым, поэтому остается дискуссионным на протяжении всей истории изучения фразеологии.

В данном исследовании предпринята попытка анализа данной проблемы посредством выяснения механизма влияния внутренней формы фразеологизма на его семантику с применением метода синхронной этимологии, разработанного профессором В. И. Зиминым [1; 2]. В качестве *объекта исследования* выбраны русские фразеологизмы, воплощающие зооморфный культурный код.

Предмет исследования составляет механизм мотивации семантики фразеологизма, соотносимого с зооморфным культурным кодом, посредством его внутренней формы.

Цель исследования – выявить особенности мотивации фразеологического значения посредством внутренней формы фразеологизма на материале русских фразеологизмов, воплощающих зооморфный код культуры.

Проведение данного исследования требует предварительного определения значений используемых в нем основных научных понятий, а именно: *внутренняя форма фразеологизма, синхронная этимология, зооморфный культурный код*.

Неустоявшееся понимание термина *внутренняя форма фразеологизма* часто не позволяет четко выявить истинный механизм образования фразеологического значения. Достаточно распространенной в современной фразеологии является точка зрения, согласно которой под *внутренней формой фразеологизма* понимается только его *образная основа*. В этом случае, на наш взгляд, выпадает из поля зрения исследователя важнейшее звено – *идейная основа фразеологизма*. Таким образом, термин *внутренняя форма фразеологизма* содержит две составляющих: *образная основа* и *идейная основа фразеологизма*, которые, на наш взгляд, следует различать. Например, фразеологизм *черная кошка пробежала (между кем и кем)* – ‘произошла ссора, размолвка между кем-либо, кто-либо с кем-либо поссорился’ [3, с. 201]. Образная основа данного фразеологизма – между стоящими рядом людьми прошла черная кошка. Но издавна черная кошка считалась воплощением недобрых сил. Поэтому идейная основа фразеологизма (идея этой ситуации) – между двумя людьми прошло что-то недоброе. Именно идейная основа фразеологизма является базой образования фразеологического значения.

Сразу оговорим, что данный подход применим к большинству фразеологизмов, а именно к тем, которые имеют «прозрачную» внутреннюю структуру или сохранили хотя бы какие-то следы этой «прозрачности», в частности, это те фразеологические единицы, которые В. В. Виноградов классифицировал как фразеологические единства и фразеологические сочетания [4, с. 29–32]. Об этом писал В. И. Зимин, обосновывая основные положения предложенного им *метода синхронной этимологии* фразеологизмов. Он считал возможным применение этого метода только к таким фразеологизмам, «внутренний образ которых пока еще “прозрачен”, хотя часто уже и тронут “тенью забвения”. Синхронная этимология носит по существу характер разъяснения особенностей значения и употребления фразеологизмов» [1, с. 586].

Вслед за В. Н. Топоровым [5, с. 52], ставившим вопрос о необходимости применения синхронной этимологии к лексическому корпусу языка, В. И. Зимин развил данный метод применительно к фразеологии. Но если В. Н. Топоров, выдвигая идею синхронной этимологии лексики, говорил о необходимости этимологии не только старых, но и вновь образованных слов, то В. И. Зимин развил эту идею в нескольких направлениях: во-первых, он применил ее к фразеологии, во-вторых, он предложил анализировать не только вновь образованные фразеологизмы, но и выверять понимание современными носителями языка старых фразеологизмов, внутренняя форма которых уже не совсем понятна, но еще просматривается. Это позволило уточнить значения и формы многих старых фразеологизмов, внести поправки и уточнения в их словарные дефиниции. Кроме того, методика синхронной этимологии фразеологизмов потребовала активного использования эксперимента.

Так как фразеологизмы являются одними из наиболее богато культурно маркированных единиц, их исследование дает богатый материал для лингвокультурологии.

В. Н. Телия выделила 15 кодов культуры, среди которых назван и зооморфный [6]. Г. В. Токарев выделил 5 наиболее крупных культурных кодов, объединив внутри них более частные: антропоморфный, акциональный, биоморфный, фетишный, анимический [7, с. 97–133]. Согласно его классификации, зооморфный культурный код является частью биоморфного.

М. Л. Ковшова отмечает, что «в вербальном коде культуры особая роль принадлежит фразеологизмам – знакам, зародившимся на пересечении языка и культуры с целью описания и оценивания того, что происходит в мире, сквозь призму устойчивых образов и ценностных ориентиров культуры» [8, с. 174–175].

Объектом данного исследования избраны фразеологизмы, в которых воплощен зооморфный код культуры, потому что включенные в них компоненты обладают достаточно яркой символикой не только в составе фразеологизмов, но и в языке в целом.

В. Н. Телия, определяя понятие *код культуры*, отмечает, что это не совокупность каких-либо материальных знаков, а совокупность окультуренных представлений о них. По ее мнению, код культуры – это «совокупность окультуренных представлений о картине мира некоторого социума – о входящих в нее природных объектах, артефактах, явлениях, выделяемых в ней действиях и событиях, ментофактах и присущих этим сущностям их пространственно-временных или качественно-количественных измерений... Кумулятивно-преемственная природа сознания хранит в своей окультуренной коллективной памяти эти коды и смысл образующих их таксонов» [9, с. 20–21]. Например, в составе фразеологизмов, воплощающих зооморфный код, *труслив как заяц* и *черная кошка пробежала* компоненты *заяц* и *черная кошка* передают информацию не о конкретных животных, а об окультуренных представлениях о них: в русской культуре заяц является символом трусости, а черная кошка – символом темных сил. Для сравнения следует заметить, что в испаноязычной культуре тот же заяц является символом хитрости, а во многих западноевропейских культурах – символом темных сил. Таким образом, в составе фразеологизмов компонент-зооним несет информацию не о реальном животном, а о символе, закрепленном за названием этого животного в культуре данного народа. Н. Ф. Алефиренко об этом писал: «Доминирующим для слова-символа является референт-идея, а референт-предмет при этом выполняет фоновую роль» [10, с. 84].

Рассмотрим механизм мотивированности значения фразеологизмов с зооморфным культурным кодом посредством их внутренней формы. Рассматриваемые фразеологизмы по своей структуре делятся на две группы: устойчивые сравнения и собственно фразеологизмы.

Для *устойчивых сравнений* характерно использование компонента-зоонима в качестве символа какой-либо одной черты человека: его характера, поведения или действия.

С точки зрения значения нами создана понятийная классификация фразеологизмов – устойчивых сравнений, включающая следующие наиболее распространенные группы.

Первая группа – фразеологизмы характеризуют постоянные качества человека, т. е. черты его характера: *упрямый как баран*, *глупый (глуп) как баран*, *жадный как акула*, а также его постоянное состояние, физическое, духовное или материальное: *гол как сокол*.

Другие фразеологизмы характеризуют непостоянные качества человека, т. е. состояние в определенной ситуации: *(с него) как с гуся вода*, *как рыба в воде*.

Некоторые фразеологизмы в зависимости от ситуации могут обозначать и постоянные качества – черты характера человека, и его непостоянные качества – состояние в конкретный момент: *злой как собака*, *здоров как боров*, *грязный как свинья*.

Следующую группу составляют фразеологизмы, характеризующие действия человека посредством сравнения этих действий с действиями животного: *молчит как рыба*, *ползет как черепаха*, *трудится как вол*.

Отдельную группу составляют фразеологизмы, характеризующие одновременно и действия человека, и его состояние: *напился как свинья*, *трястись (дрожать) как бобик*, *уставать как бобик*.

По форме сравнительного оборота устойчивые сравнения их можно разделить на две группы: в первой группе функцию сравнительного оборота выполняет название животного (*злой как собака, уставать как бобик*), во второй группе эту функцию выполняет словосочетание (*жить как кошка с собакой, (набилось) как сельдей в бочке, (смотреть) как баран на новые ворота*).

Внутренняя форма первой группы сформирована образной основой – названием животного – и идейной основой – символом, а именно одной чертой данного животного, которая легла в основу характеристики человека. Причем использование одного и того же компонента-зоонима может характеризовать совершенно разные черты человека: *злой как собака* и *верный как собака*.

Внутренняя форма второй группы сформирована образной основой – описанием ситуации с участием животного – и идейной основой – идеей этой ситуации, в которой важную роль играют символы компонентов-зоонимов. Во фразеологизме *жить как кошка с собакой* символика компонентов *кошка* и *собака* передает значение ситуации непримиримой борьбы и ненависти.

Таким образом, устойчивые сравнения обеих групп характеризуются сильной мотивацией значения фразеологизма его внутренней формой.

В первой группе фразеологизмов – устойчивых сравнений воплощены зооморфный и антропоморфный коды: зооморфный заключен в названии животного (*собака, волк, акула*), а антропоморфный – в названии качества человека (*верный, злой, жадный*).

Вторая группа фразеологизмов – устойчивых сравнений воплощает более сложную систему культурных кодов: ряд фразеологизмов воплощают зооморфный и антропоморфный коды (*жить как кошка с собакой*), но большинство фразеологизмов этой группы воплощают зооморфный, антропоморфный и предметный коды: зооморфный заключен в названии животного, антропоморфный – в описании действия человека, сходного с действием животного, предметный – в названиях предметов окружающей действительности ((*смотреть) как баран на новые ворота, (набилось) как сельдей в бочке*). Возможно наличие и других кодов, в частности религиозного, как во фразеологизмах *изуродовать как Бог черепаху, чистый как агнец (Божий)*.

Исследование данных фразеологизмов с точки зрения синхронной этимологии показало, что студенты – современные носители языка – практически не испытывают трудностей с пониманием и выявлением внутренней формы устойчивых сравнений, чему способствует достаточно прозрачная внутренняя форма данных языковых единиц, а также устоявшаяся в языке символика компонентов-зоонимов.

Собственно фразеологизмы, воплощающие зооморфный культурный код, имеют более сложную структуру и с точки зрения их семантики, и с точки зрения выявления их внутренней формы, и с точки зрения воплощения в них различных культурных кодов. Например, *гусей дразнить, желторотый птенец, змея подколотная, играть в кошки-мышки* и т. д.

В результате понятийной классификации нами выделены следующие группы.

Первая группа – фразеологизмы, характеризующие постоянные качества человека, это могут быть черты его характера: *змея подколотная* – ‘злой, мстительный, подлый’, *мухи не обидит* – ‘очень добрый’, *ни пава ни ворона* – ‘никакой, ни то, ни сё’, а также его постоянное состояние, физическое, духовное или материальное: *собаку съел* – ‘о знатоке в каком-либо деле, об имеющем большой навык, опыт в чем-либо’ [11, с. 128], *сонная тетеря* – ‘соня, человек, который любит спать, а не работать’ [12, с. 443], а также ‘медлительный, вялый человек’, *стреляный воробей* – ‘о многоопытном человеке, которого трудно обмануть, провести’ [11, с. 127], *белая ворона* – ‘человек, резко выделяющийся чем-либо среди окружающих его людей, отличающийся чем-либо, не похожий на них’ [2, с. 75].

Другая группа фразеологизмов характеризует непостоянные качества человека, т. е. состояние в определенной ситуации как результат действия самого человека:

считать (ловить) ворон (галок) – ‘быть невнимательным, бездельничать’, *убить (сразу) двух зайцев* – ‘извлечь двойную выгоду из чего-либо’, *показать где раки зимуют* – ‘проучить, жестоко наказать кого-либо’ [12, с. 198], *(быть) под мухой* – ‘в состоянии опьянения или в состоянии легкого опьянения, навеселе (быть, находиться, приходить, являться и т. п.)’ [12, с. 798]. Таким образом, данные фразеологизмы обозначают и состояния человека, и его действия.

Следующую группу составляют фразеологизмы с различными видами адвербиальной семантики, например, меры и степени: *кот наплакал* – ‘очень мало’, образа действия: *черепашиным шагом* – ‘очень медленно’, *комар носа не подточит* – ‘так хорошо, так точно, что не к чему придраться’ [12, с. 695], состояния: *мухи дохнут (мрут)* – ‘невыразимо скучно’ [12, с. 403], *нѣс его знает* – ‘неизвестно’ и т. д.

Одиночными примерами представлены некоторые фразеологизмы с субстантивной семантикой, типа *барашек в бумажке* – ‘взятка’, с глагольной семантикой – *давать/ подсовывать барашка в бумажке* – ‘давать взятку’, а также имеющие междометную семантику: *на кой нѣс!*

Особняком стоит группа фразеологизмов, в состав которых включены дериваты лексем-зоонимов: *черепашиным шагом, ворона в павлиньих перьях, заячья душа, волк в овечьей шкуре*.

По форме фразеологизмы, воплощающие зооморфный культурный код, могут соотноситься со словом (предложно-падежной формой): *под мухой*; с различными типами словосочетаний: *птица высокого полёта, напился до зеленого змия, вольная птица [пташка], свинья свиньёй* и т. д.; а также со структурой предложения: *черная кошка пробежала (между кем и кем), какая [что за] муха укусила, кошки скребут на душе, мухи дохнут (мрут)* и т. д.

Анализируя внутреннюю форму данных фразеологизмов, мы выделили три группы. В первую группу вошли те фразеологизмы, в которых компоненты-зоонимы сохраняют свою ярко выраженную языковую символику и обогащают посредством ее идейную основу фразеологизма. Сюда относятся фразеологизмы типа *гусей дразнить, желторотый птенец, жить как кошка с собакой, змея подколотная, черепашиным шагом, ворона в павлиньих перьях*. Следует отметить, что к этой группе относятся все фразеологизмы с компонентом – дериватом лексем-зоонимов, так как дериват сам по себе уже является языковым символом и поэтому активно формирует семантику фразеологизма, например, *заячья душа* – ‘трусливый человек’. Таким образом, данные фразеологизмы характеризуются сильной мотивацией значения их внутренней формой.

Вторая группа сформирована фразеологизмами, в составе которых внутренняя форма фразеологизма уже тронута забвением, но еще может просматриваться при более тщательном анализе. В них не сразу ясна роль компонентов-зоонимов в формировании и образной, и идейной основ фразеологизма. К таким фразеологизмам относятся следующие: *кот наплакал, барашек в бумажке, давать/ подсовывать барашка в бумажке, какая [что за] муха укусила, бобик сдох!, бред сивой кобылы* и т. д.

Рассмотрим фразеологизм *кот наплакал* – ‘очень мало’ [2, с. 201]. Образная основа этого фразеологизма заключается в ситуации, когда кот якобы плачет. Идейная основа данного фразеологизма заключается в том, что кот – маленькое по размеру животное – никогда не плачет, но если бы он плакал, то слез тоже было бы мало. Благодаря этому в обоих компонентах фразеологизма актуализируется сема ‘мало’, на основе которой и сформировано значение данного фразеологизма. Таким образом, данные фразеологизмы характеризуются слабой мотивацией значения фразеологизма его внутренней формой, так как внутренняя форма может быть выявлена только в результате специального анализа.

Третья группа сформирована единицами, в составе которых внутренняя форма фразеологизма утрачена и поэтому с точки зрения современного языка не мотивирует значение всего фразеологизма. Использование в их составе компонентов-зоонимов выглядит

в настоящее время случайным, традиционным по причине произошедшей в прошлом де-этимологизации, чаще всего связанной с утратой мотивировавших в прошлом реалий: обычаев, традиций, верований и т. д. К данной группе фразеологизмов относятся следующие: *под мухой, на кой пёс!, показать (узнать) где раки зимуют, собаку съел, убить бобра* и т. д. В формировании некоторых фразеологизмов этой группы, очевидно, не последнюю роль сыграла и рифма, как, например, во фразеологизмах *гол как сокол, хитёр бобёр* и т. д. Таким образом, данные фразеологизмы с точки зрения современного языка характеризуются отсутствием мотивации значения фразеологизма его внутренней формой.

С точки зрения воплощения *культурных кодов* рассматриваемые фразеологизмы тоже неоднородны. Часть из них транслируют только зооморфный код культуры: *свинья свиной, желторотый птенец* и т. д. Однако большинство данных фразеологизмов транслируют сразу несколько кодов культуры, например, зооморфный и предметный: *волк в овечьей шкуре, выпил молочка из-под бешеной коровки*; зооморфный и акциональный: *черная кошка пробежала (между кем и кем), мухи дохнут*; зооморфный, антропоморфный и акциональный: *показать где раки зимуют* и т. д.

В результате проведенного в аспекте синхронной этимологии исследования было выяснено, что определение значения и внутренней формы фразеологизмов этой группы вызвали затруднения у студентов, особенно ярко это проявилось при анализе фразеологизмов с частично или полностью утраченной мотивацией.

Таким образом, выделенные в составе фразеологизмов, воплощающих зооморфный код культуры, две группы – группа устойчивых сравнений и группа собственно фразеологизмов – показали различия не только в структуре самих фразеологизмов, но и в понятийной классификации обеих групп, в их классификации по структуре. Кроме того, выявлены различия в видах мотивированности значения фразеологизма его внутренней формой. В группе *устойчивых сравнений* выявлена только сильная мотивация значения фразеологизма его внутренней формой по причине ярко выраженной символики компонента-зоонима или его деривата. В группе *собственно фразеологизмов* выявлены все три вида мотивации: сильная, слабая и отсутствующая, что объяснимо разной степенью передачи символической информации компонентами-зоонимами. Помимо этого, *собственно фразеологизмы* оказываются значительно богаче *устойчивых сравнений* в плане передачи культурных кодов. Применение метода синхронной этимологии показало, что наиболее трудными для понимания и использования оказались *собственно фразеологизмы* со слабой или отсутствующей мотивацией, что требует особого внимания при обучении русскому языку не только как иностранному, но и как родному.

Список использованных источников

1. Зимин, В. И. Синхронная этимология как средство уточнения значения фразеологизмов / В. И. Зимин, О. И. Авдеева // Когнитивные исследования языка. Вып. № 2 (45): Знаки языка и смыслы культуры : сборник научных трудов, посвященный памятного юбилею Вероники Николаевны Телия / отв. ред. выпуска М. Л. Ковшова. – Тамбов : Издательский дом «Державинский», 2021. – 696 с.
2. Авдеева, О. И. Метод синхронной этимологии фразеологизмов в действии: верификация словарных значений и форм фразеологизмов / О. И. Авдеева // Славянская фразеология и паремология : сборник научных статей. Вып. 3 / редкол.: Е. И. Тимошенко (отв. ред.) [и др.] ; Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины ; Представительство Россотрудничества в Республике Беларусь, Российский центр науки и культуры в Гомеле. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2023. – С. 3–7.
3. Фразеологический словарь русского языка / сост. Л.А. Войнова и др.; под ред. и с послесл. А. И. Молоткова. – 7-е изд., испр. – М. : АСТ: Астрель, 2006. – 524 с.
4. Виноградов, В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – 2-е изд. – М. : Высшая школа, 1972. – 640 с.
5. Топоров, В. Н. О некоторых теоретических основаниях этимологического анализа / В. Н. Топоров // Вопросы языкознания. – № 3. – 1960. – С. 44–59.

6. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
7. Токарев, Г. В. Концепт как объект лингвокультурологии (на материале репрезентаций концепта «Труд» в русском языке) / Г.В. Токарев. – Волгоград : Перемена, 2003. – 233 с.
8. Ковшова, М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры / М. Л. Ковшова. – М. : ЛЕНАНД, 2016. – 456 с.
9. Телия, В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В. Н. Телия // Фразеология в контексте культуры. – М. : Языки русской культуры, 1999. – С. 13–24.
10. Алефиренко, Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Academia, 2002. – 394 с.
11. Бирих, А. К. Словарь фразеологических синонимов русского языка / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова; под ред. В. М. Мокиенко. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. – 448 с.
12. Яранцев, Р. И. Словарь-справочник : ок. 1500 фразеологизмов / Р. И. Яранцев. – М. : Русский язык, 1997. – 845 с.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the mechanisms of motivation of the semantics of a phraseological unit by its internal form. The two groups of phrasemes with a zoomorphic code of culture identified – a group of stable comparisons and a group of phraseological units proper – showed differences in the structure of phraseological units, in conceptual classification, in the classification of groups by structure, in the types of motivation of the meaning of a phraseological unit by its internal form, in the transmission of cultural codes. The method of synchronous etymology revealed the difficulties of understanding phraseological units with weak or absent motivation.

Keywords: phraseological unit, phraseme, internal form of a phraseological unit, figurative basis of a phraseological unit, ideological basis of a phraseological unit, semantics, synchronous etymology, V. I. Zimin, cultural code of phraseological units, zoomorphic code of culture.

Авдеева Ольга Ивановна – кандидат филологических наук, доцент; Московский педагогический государственный университет, Институт филологии (olavd@yandex.ru).

УДК 82-97:81'373:81'25:398.92:008

А. Д. Бакина

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА БИБЛЕЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Аннотация. В статье анализируются фразеологизмы библейского происхождения, под которыми понимаются в относительной степени устойчивые, воспроизводимые, полностью или частично переосмысленные сочетания раздельнооформленных слов, равных по структуре словосочетанию или предложению, этимологически восходящие к библейскому тексту или сюжету. Делается вывод о том, что передача библейских фразеологизмов на другой язык осложняется рядом факторов, одним из которых является их лингвокультурологическая специфика.

Ключевые слова: Библия, библейский текст, библейский фразеологизм, лингвокультурологический аспект, исходный язык, язык перевода, прагматика перевода, эквивалент.

Фразеология представляет собой особый фонд лексической системы национального языка, поскольку аккумулирует мудрость, традиции и культуру народа, а значит, обладает специфической семантикой, которая национально и культурно обусловлена. В семантике фразеологической единицы содержится культурная коннотация, дополнительный к образно-экспрессивному характеру оттенок смысла [1]. Библейская фразеология, сохраняя присущие общей фразеологии специфические характеристики, еще более уникальна в силу своей связи с контекстом, ее породившим, с одной стороны, и в то же время универсальна для многонационального христианского сообщества.

Многообразие фразеологизмов библейского происхождения обусловило необходимость их классификации и типологизации.

На основании соотношения библеизмов и текста Священного Писания выделяют пять дуальных оппозиций фразеологизмов, восходящих к Библии:

1. **Цитатные и ситуативные** библейские фразеологизмы. Цитатные, или контекстуальные (напр., *stumbling block* – *камень преткновения*), представляют собой элемент текста (иногда с изменениями), а ситуативные передают определенную ситуацию, описание которой в Библии может растянуться на несколько страниц (*Noah's ark* – *Ноев ковчег*).

2. **Первичные и вторичные** библейские фразеологизмы. Первичные библейские фразеологизмы непосредственно отражают библейский текст или ситуацию. К ним относится подавляющее большинство. Вторичные лишь отдаленно связаны с библейским текстом.

3. **Непосредственные и опосредованные** библейские фразеологизмы. Непосредственные восходят к Библии, опосредованные были заимствованы из другого языка или творчества отдельных авторов (напр., *A судьи кто?* – фразеологизм, восходящий к Библии по происхождению, однако вошедший в речь благодаря другому произведению).

4. **Прямые и переосмысленные** библейские фразеологизмы. Прямые – сохраняют свое первоначальное значение, а у переосмысленных фразеологических единиц (нередко при сохранении формы в целом) оно подлечит семантической трансформации (напр., *voice in the wilderness* – *глас вопиющего в пустыне*).

5. Оппозиция по принципу **наличия / отсутствия** конкретного библеизма в языке (существует множество схожих библеизмов в различных языках, однако в ряде случаев отдельная библейская ситуация, отобразившаяся в виде фразеологизма в одном языке, не закрепляется в другом). При сопоставлении языков становится очевидным, что не все библеизмы закрепляются в обоих языках [2, с. 55–59].

Основываясь на связи фразеологизмов с текстами Священного Писания, выделяют:

а) прямые библеизмы (они непосредственно связаны с Библией, поскольку представляют собой цитаты из Священного Писания, отрывки из цитат и библейские сюжеты), напр., *cast pearls before swine* – *метать бисер перед свиньями*;

б) косвенные библеизмы (они связаны с Библией не напрямую, опосредованно). Эти выражения отсутствуют в Библии, однако они опираются на библейские сюжеты и имеют ассоциативные связи с Библией, напр., *forbidden fruit* – *запретный плод*, *doubting Thomas* – *Фома неверующий* [3, с. 17].

В классификации Э. Б. Праведниковой присутствует пять видов библеизмов в зависимости от их связи с Библией [4, с. 1170–1174]. В данной классификации присутствует группа библеизмов, основанных на переосмыслении значения прототипа. Если библейский прототип используется в своем прямом значении, то фразеологизм, образованный от него, создается при помощи переосмысления, которое может также сопровождаться незначительными изменениями формы прототипа, как в случае с фразеологизмом *be all things to all people*, прототипом которого является фраза *I am made all things to all men*. Примечательно, что данный фразеологизм первоначально употреблялся с положительной коннотацией (*Бог пребывает в душе каждого*).

Сегодня выражение употребляется в отрицательном значении. Напр., *I know you want your students to like you, but you have to discipline them when they misbehave. You can't be all things to all people. I don't trust that candidate, he is trying to be all things to all people and still hasn't committed to a clear course of action* [5].

Наиболее подробная классификация английских фразеологизмов, основанная на связи с Библией, предлагается в труде А. В. Кунина [6]:

1. Фразеологизмы со свободным библейским прототипом, т. е. фразеологизмы с переменным сочетанием слов, использующимся в буквальном значении.

2. Варианты библейского прототипа являются фразеологизмами.

3. Образные библейские фразеологизмы, изменившие свою форму. Например, *be thou art weighed in the balances, and art found wanting* → *weighed in the balance and found wanting*.

4. Искраженные библейские обороты как результат неправильного цитирования.

5. Фразеологизмы, имеющие в своем составе компоненты, встречающиеся в Библии и используемые в буквальном значении, но отдельно, а не в составе данного фразеологизма (*loaves and fishes*).

6. Фразеологизмы, основанные на библейском сюжете, но не имеющие библейского прототипа.

7. Фразеологизмы, образованные по аналогии с библейским оборотом или являющиеся результатом игры слов, как, напр., фразеологический оборот *the light of one's countenance* (ирон. *благодарность, расположение*) образован в связи с библейским оборотом *свет лица господня: Lord, lift thou up the light of my countenance upon us* [6, с. 59–65].

Основываясь на семантическом и этимологическом критериях, Н. П. Матвеева разделяет библейские фразеологизмы на такие же группы, однако используют другую терминологию. Так, Н. П. Матвеева делит фразеологизмы на добиблейские фразеологизмы (которые уже в тексте Библии употреблялись метафорично и существовали задолго до написания Книги книг), постбиблейские фразеологизмы (которые включают в себя свободные словосочетания из Священного Писания, впоследствии метафоризированные или основанные не на текстах, а сюжетах из Библии, напр., *to cast one's bread upon the water / отпустить хлеб свой по водам, то есть творить добро, не ожидая за то благодарности и ничего взамен; to cast pearls before swine / метать бисер перед свиньями*) [7, с. 17].

Различают также «небиблейские» фразеологизмы, связанные с Библией, под которыми понимают заимствованные из предшествующих иудейских текстов фразеологизмы, а также «вполне библейские», метафоризация которых произошла непосредственно в тексте Библии. Есть еще и третья группа – пост-библейские фразеологизмы. В нее входят словосочетания, которые изначально используются в тексте Библии в своем прямом значении, а впоследствии в речи фразеологизировались и закрепились в языке как переосмысленные устойчивые обороты.

Используя классификацию А. В. Кунина, основанную на функции фразеологических единиц в коммуникации и их структурно-семантических характеристиках, подразделяем библейские фразеологические единицы на 4 класса, а именно номинативные (с подтипами: субстантивные, адъективные, адвербиальные и предложные); номинативно-коммуникативные (включают в себя глагольные фразеологизмы); коммуникативные, являющиеся предложениями (к ним относят пословицы и поговорки); междометные [6].

А. А. Меликян разработала свой вариант классификации, в основе которого находится понятие прототипа единицы в тексте Библии [8, с. 3]. Согласно данному подходу, библейские фразеологизмы могут иметь или не иметь библейский прототип.

Библеизмы, имеющие прототип, могут быть трех типов:

1. Библеизмы первичной номинации.

2. Библеизмы вторичной номинации («переосмысленные свободные сочетания слов»):

а) их прототипами являются словосочетания, употребленные в буквальном значении. Фразеологизмы на их основе созданы в результате переосмысления. Напр., фразеологизм *kill the fatted calf* ‘заклать упитанного тельца’ стал обозначать и ‘угостить лучшим, что есть дома’; *thirty pieces of silver* – *тридцать серебряников (цена предательства)*;

б) фразеологизмом становится вариант прототипа (*to live on the fat of the land* – *жить в роскоши* – стал более употребим, чем прототип *eat the fat of the land*);

в) фразеологизмы, прототипами которых являются измененные образы в библейских выражениях (*Pride goes before a fall* – *гордыня до добра не доводит* вместо *Pride goeth before destruction, and an haughty spirit before a fall*).

3. Библизмы третичной номинации – библизмы, появившиеся как следствие искажения (*cast in one's lot with smb* – *связать свою судьбу с кем-либо*, возможно, возникло из-за неверного толкования следующего отрывка: *Cast in thy lot among us; let us all have one purse* (Proverbs 1: 14), где речь шла о разделе награбленного с помощью жребия).

Библизмы, у которых отсутствует прототип, делятся на:

1. Фразеологизмы, элементы которых использованы в буквальном значении в тексте Библии по отдельности (*loaves and fishes* – *земные блага*: слова *loaves* и *fishes* упоминаются в разных местах в Евангелии при описании того, как Христос накормил пятью хлебами и двумя рыбами тысячи человек).

2. Фразеологизмы, один или не один из элементов которых не использовался в Библии (*a doubting Thomas* – *Фома неверующий*, *forbidden fruit* – *запретный плод*, *the massacre (slaughter) of the innocents* – *избиение младенцев*) [9].

Необходимо также выделить библейские фразеологизмы коммуникативного типа, которые представлены единицами с цельнокоммуникативной структурой, т. е. пословицами и выражениями «гномического характера». Как правило, они носят универсальный, обобщенный и нравоучительный характер, что позволяет им иррадиировать библейское мировоззрение.

На основании рассмотренных выше классификаций библейских фразеологизмов предлагаем собственную типологию библейских фразеологических единиц (далее – БФЕ) [10, с. 38]. Базовыми критериями нашей типологии являются: структурный, семантический, критерий фразеологической дифференциации, функциональный.

По структурному критерию выделяются фразеологизмы-словосочетания и фразеологизмы-предложения (коммуникативные фразеологизмы, или пословицы). Таким образом, круг исследуемых в данной работе объектов четко очерчивается.

На основании критерия фразеологической дифференциации разграничиваются:

а) библейские фразеологизмы, которые в тексте Библии являлись фразеологизмами, т. е. использовались в нем в переносном значении;

б) библейские фразеологизмы, которые в тексте Библии употреблялись в прямом значении, т. е. есть не являлись по сути фразеологическими единицами, а были переосмыслены позже, вне библейского текста.

С учетом наличия / отсутствия связи с библейским текстом выделяются:

а) фразеологические единицы, заимствованные непосредственно из текста Библии;

б) фразеологические единицы, созданные на основе библейского сюжета, но не встречающиеся в библейском тексте в том устоявшемся виде, в котором этот библейский фразеологизм используется в речи.

На основе семантических признаков, обуславливающих тематическую рубрикацию фразеологизмов-библизмов, выделяются две большие группы: 1) Человек и его отношения с окружающим миром; 2) Окружающий человека живой и неживой мир.

В каждую рубрику входит ряд групп, подразделяющихся, в свою очередь, на подгруппы. Например, рубрика «Человек и его отношения с окружающим миром» будет включать такие группы, как: ‘человек как представитель человеческого рода’; ‘характер человека, его чувства и эмоции’; ‘зоосемизмы, т. е. сравнения человека с животным с положительной или отрицательной окраской’; группа фразеологизмов, имеющих в составе библейские имена (антропонимы и топонимы); группа фразеологизмов, отражающих неотвратимость судьбы, страдания человека на земном пути. Рубрика «Окружающий человека живой и неживой мир» включает следующие тематические группы: ‘явления и состояния внешнего мира’; ‘богатство / власть и бедность’; ‘труд / лень и работа’; ‘ум и мудрость / глупость’; ‘вера’; ‘любовь’; ‘время’; ‘жизнь и смерть’; ‘грехи и пороки, наказание за грехи’; ‘правда / ложь’ и др. Тематическая рубрикация фразеологизмов библейского происхождения упорядочивает и организует объемный массив библейской фразеологии, способствует запоминанию и правильному употреблению фразеологизмов.

На основании критерия изменяемости или относительной структурной устойчивости выделяются: а) библейские фразеологизмы, допускающие изменение своей формы и, следовательно, имеющие узуальные варианты; б) фразеологизмы библейского происхождения, используемые только в одной устоявшейся форме.

Предложенная выше классификация демонстрирует многообразие структурно-семантических типов рассматриваемых единиц и упорядочивает многообразие библейских фразеологических единиц в систему.

Перевод фразеологических единиц представляет сложную задачу для переводчика, особенно если он пользуется прагматическим видом перевода. Передача на другой язык библейской фразеологии осложняется различием культурных, общественно-политических, исторических установок в языковых сообществах, использующих исходный язык и язык перевода соответственно [11, с. 142–144].

Учет лингвокультурологической специфики фразеологизмов библейской этимологии поможет осуществить их адекватный перевод. Смысловая и культурная универсальность, имплицитность понятий и смыслов, символизм, метафоричность, интертекстуальность являются отличительными характеристиками библейских текстов, при этом специфика таких текстов заключается в том, что, в силу размытости и нечеткости содержания, процессы их восприятия, понимания и интерпретации, а следовательно, и понимание семантики БФЕ является сложным и неоднозначным [12, с. 386].

Перечислим ряд приемов и процедур перевода библейской фразеологии:

1. Процедура эквивалентного перевода фразеологических единиц.

2. Прием лексического добавления или замена непонятного исходного элемента библейского фразеологизма добавочной информацией.

3. Процедура безэквивалентного перевода: *транскрипция* и *транслитерация* (используются в работе с БФЕ крайне редко, ввиду того что в подавляющем большинстве случаев они не формируют целый фразеологизм, а лишь помогают перекодировать входящие в его состав имена собственные), *калькирование* (дословный перевод, применяемый в случае совпадения условий использования единиц в обоих языках), *описательный* (некоторые емкие библейские фразеологизмы иногда не имеют эквивалентов в противоположном языке, поэтому нуждаются в объяснении), *приближенный* (замена устойчивого выражения не аналогичным, а похожим по значению фразеологизмом) и *трансформационный перевод* (наиболее нейтральный перевод).

Перевод библейских фразеологизмов значительно осложняется с учетом такого аспекта, как их **вариативность**, ведущая к

1) структурным преобразованиям (замене, расширению / сокращению компонентного состава):

а) замена компонента устойчивого сочетания другим, совпадающим с первым по своим морфологическим характеристикам, ритмической структуре или синтаксической позиции. За счет такой замены меняется смысл высказывания, усиливается его стилистическая окраска;

б) расширение их компонентного состава происходит за счет прилагательных, привязывающих библеизм к современным реалиям;

2) семантическим трансформациям (буквализация, двойная актуализация значения, семантизация):

а) при буквализации на первый план выходит исходное, прямое значение сочетания, являющееся основой для его образности, и библеизм приобретает благодаря контексту прямой небиблейский смысл;

б) введение библейских фразеологизмов нередко сопровождается фразеологическим актуализатором, т. е. происходит реализация фразеологического значения и исходных словарных значений компонентов словосочетания-прототипа в одном контексте;

в) семантизация фразеологической единицы может осуществляться с помощью синтаксического параллелизма, антонимического выражения, приведения дефиниции.

Представленные выше трансформации изменяют лишь формальную сторону библеизма, не затрагивая при этом его библейскую сущность.

Проанализируем несколько примеров, взятых из Британского национального корпуса [13]:

1. Отрывок из произведения «Flood water» (автор Peter Ling):

*If Maudie's going out, I suppose that means I've got to get back behind the counter. No peace for the wicked, as they say / Если Моду уходит, значит, мне придется подменить ее за прилавком. Как говорится, **покой нам только снится**.*

There is no rest / peace for the wicked («нечестивым нет покоя» – шутил. об очень занятом человеке, который вынужден продолжать работу, несмотря на усталость). Восходит к Книге пророка Исаии, глава 57, стих 21: «Нечестивым же нет мира, говорит Господь» / “There is no peace for the wicked”, says the LORD [14].

В примере используется цитатный, первичный, переосмысленный библейский фразеологизм. Применен безэквивалентный способ перевода – приближенный перевод.

2. Отрывок из произведения «The killing frost» (автор Thomas Hayden):

*He had lived the life of a rou in the **fleshpots** of London and Paris, squandering the Carew fortune in gaming saloons and on an army of mistresses / Он вел разгульный образ жизни: побывал во всех **публичных домах** Лондона и Парижа, растрачивал состояние Кэрю в игорных салунах и на армию любовниц.*

Fleshpots (of Egypt) – котлы с мясом – 1) богатство, роскошь; 2) злчные места. Восходит к Книге Исхода, Глава 16, стих 3: «Когда мы сидели у котлов с мясом, когда мы ели хлеб досыта!» (Исход 16:3). «When we sat by the flesh pots, and when we did eat bread to the full» (Exodus 16:3) [14]. В данном случае перед нами цитатный, переосмысленный библейский фразеологизм. Применен способ описательного перевода и способ лексического добавления, поскольку соответствующий лексико-семантический вариант данного слова в переводящем языке отсутствует.

3. Отрывок из книги «An awfully big adventure» (автор Beryl Bainbridge):

*And half way through the second act, when Ptolemy accused Caesar of driving him from his palace and Caesar said, “Go, my boy, I will not harm you; but you will be safer away, among your friends, here you are in **the lion's mouth**”, Stella imagined St Ives spoke more severely than usual / А в середине второго действия, когда Птолемей обвинил Цезаря в том, что тот изгнал его из своего дворца, и Цезарь сказал: «Иди, мой мальчик, я не причиню тебе вреда; но тебе будет безопаснее вдали, среди твоих друзей, здесь же ты **в большой опасности**», Стелла вообразила, что Сент-Айвс говорил более сурово, чем обычно.*

The lion's mouth («пасть льва», опасное место для жизни, карьеры и т. п.). Подобный фразеологизм позволяет перевод разными способами: возможен эквивалентный перевод, калькирование. В данном случае используется трансформационный способ перевода.

4. Отрывок из книги «The Royal Veterinary College London» (автор Ernest Cotchin):

*Smith said that Coleman was a dictator and monopolist, **ruling with an iron hand** in military and civil life. / По словам Смита, Коулман был диктатором и монополистом, который **держал** военную и гражданскую жизнь **в ежовых рукавицах**.*

Rule with an iron hand («управлять железной рукой», деспотически править, «держат в ежовых рукавицах»). Восходит к Откровению ап. Иоанна Богослова, глава 6, стих 4: «To the one who is victorious and does my will to the end, I will give authority over the nations – that one will rule them with an iron scepter and will dash them to pieces like pottery» (Revelation 2:26–27) [14].

В данном случае перед нами первичный, переосмысленный библейский фразеологизм. Перевод выполнен при помощи трансформации, так как в русском языке есть аналогичный по значению фразеологизм, работающий в контексте.

В заключение отметим, что природе людей свойственно обращаться к мудрости предков, а Библия является результатом трудов коллективного человеческого разума и содержит в себе накопленный веками опыт. Библеизмы не теряют своей актуально-

сти, ввиду того что носят на себе огромный культурно-исторический и социально-психологический отпечаток. Структура и прагматика библейских выражений может различаться в двух разных языках. В связи с этим нами были рассмотрены способы прагматической адаптации библейских фразеологических единиц при переводе – эквивалентный и безэквивалентный, как-то: транскрипция / транслитерация, калькирование, описательный, приближенный и трансформационный переводы. Наименее частотным показал себя способ транскрипции / транслитерации. В то время как лексическая или стилистическая замена фразы, ее объяснение или «домысливание», создание новой единицы кажутся наиболее актуальными вариантами прагматизации перевода библейских фразеологизмов, не считая эквивалентного перевода.

Список использованных источников

1. Ковшова, М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры / М. Л. Ковшова. – 2-е. изд. – М. : Книжный дом «Либроком», 2013. – 456 с.
2. Гак, В. Г. Особенности библейских фразеологизмов в русском языке (в сопоставлении с французскими фразеологизмами) / В. Г. Гак // Вопросы языкознания : сборник научных статей. – М., 1997. – № 27. – С. 55–59.
3. Байрамова, Л. К. Эквивалентность библейских аксиологических фразеологизмов / Л. К. Байрамова // Филология и культура, 2013. – № 1. – С. 17–22.
4. Праведникова, Э. Б. Тожественность современных фразеологизмов библейской этимологии оригинальным текстам / Э. Б. Праведникова // Вестник Башкирского университета. – 2013. – № 4. – Т. 18. – С. 1170–1174.
5. The Free Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://idioms.thefreedictionary.com>. – Дата доступа : 15.08.2024.
6. Кунин, А. В. Фразеология современного английского языка: Опыт систематизированного описания / А. В. Кунин. – М. : Изд-во «Международ. отношения», 1972. – 288 с.
7. Матвеева, Н. П. Библизмы в русской словесности / Н. П. Матвеева // Русская словесность, 1993. – № 5. – С. 15–22.
8. Меликян, А. А. Классификация библейских фразеологизмов английского языка на основе концептуальных моделей преобразования знания в семантические единицы языка : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / А. А. Меликян. – Пятигорск, 1998. – 203 с.
9. Адамия, З. К. Лепта библейской мудрости : русско-славянский словарь библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках: в 2 томах / З. К. Адамия, А. С. Алешин, Д. Балакова [и др.] ; под общей ред. Е. Е. Иванова, В. М. Мокиенко, Д. Балаковой, Х. Вальтера. – Т. 1. – Могилев : Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова, 2019. – 288 с.
10. Бакина, А. Д. Библизмы vs Библейские фразеологизмы: уточнение понятий (на примере английских и немецких текстов) / А. Д. Бакина // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки, 2021. – № 6. – С. 35–43.
11. Захарова, Л. Д. Прагматическая адаптация перевода / Л. Д. Захарова // Основные понятия переводоведения (отечественный опыт). Терминологический словарь справочник, 2010. – С. 142–144.
12. Бакина, А. Д. Прагматические аспекты перевода библейских фразеологизмов / А. Д. Бакина // МНКО, 2023. – № 4 (101). – С. 384–387.
13. British National Corpus [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.english-corpora.org>. – Дата доступа : 15.08.2024.
14. King James Bible Online [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.kingjamesbibleonline.org/>. – Дата доступа : 15.08.2024.

Abstract. The article analyzes phraseological units of biblical origin, which are understood as relatively stable, reproducible, fully or partially reinterpreted combinations of separately formed words, equal in structure to a phrase or sentence, etymologically dating back to the biblical text or plot. The transfer of biblical phraseologisms into another language is complicated by a number of factors, one of which is their linguocultural specificity.

Keywords: Bible, biblical text, biblical phraseology, linguocultural aspect, source language, target language, translation pragmatics, equivalent.

Бакина Анна Дмитриевна – кандидат филологических наук, доцент; Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева (Heart-anna@yandex.ru).

УДК 81'373(=161.1):398.92(=112.2)

Л. Ф. Бирр-Цуркан, К. В. Манёрова

ВИЗУАЛЬНОЕ ВОСПРИЯТИЕ СЕРОГО ЦВЕТА В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ (НА ФОНЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Аннотация. В статье анализируется лингвокультурный аспект языкового отражения визуального восприятия серого цвета в русской фразеологии на фоне немецкого языка. Для анализа материала – фразеологических единиц с компонентом *серый* – использованы лингвокультурный, семиотический и сравнительный методы.

Ключевые слова: фразеология, колористический компонент, серый, атрибуция, частичная композиционность, семантическая сочетаемость.

Колористические компоненты во фразеологизмах – *красный, белый, зеленый, серый* и другие – представляют собой символы лингвокультуры. Цвет как символ обладает той степенью абстракции, которая позволяет ему выступать как смысловой конструкт в переосмысленном составе фразеологической единицы разной степени идиоматичности – благодаря способности человека наделять символьным значением любые предметы, процессы и лица.

В данной статье представлены сравнительные пары фразеологизмов с цветовым компонентом *серый* (нем. *grau*) как воплощение глубинных, архетипических символов на основе визуализации или визуального восприятия. Для анализа материала использованы лингвокультурный метод, семиотический метод и сравнительный метод. С помощью лингвокультурного метода анализируется процесс включения и переосмысления цветового компонента *серый* во фразеологизмах, мотивированность и возникновение идиоматического значения; семиотический метод позволяет рассмотреть любой процесс коммуникации как процесс взаимодействия знаков, символов и смысловых конструктов; сравнительный метод призван раскрыть эквивалентность фразеологизмов с компонентами *серый* (нем. *grau*) в русском и немецком языках.

Серый цвет – ахроматический, получается соединением оттенков красного, зеленого, синего, может варьироваться от черного до белого (например, при обработке фотографий). Серый – неяркий, скромный цвет, не бросается в глаза, не вызывает беспокойства (в отличие от коричневого или фиолетового), визуально не оказывает будоражащего воздействия (как оранжевый – цвет, придающий энергию), является природным цветом с разными оттенками, например: *серый волк, серенький волчок, серый заяц, серая норка, пепельно-серый попугай жако, гриб серушка* (млечник), *серые скалы*, цветом погодных условий – *серый день, серые тучи* [1, с. 107].

В указанных словосочетаниях актуализируется первичное цветовое значение серого цвета. Старинный синоним прилагательного *серый* – *срений*. Серый цвет имеет оттенки: платиновый – дымчато-белый, цвет металла платины, серебряный (серебристый), свинцовый, сизый, стальной, суровый – естественный серо-буроватый цвет волокнистых материалов, таких как необеленный лён, пенька, шерсть; смурый.

В немецкой лингвокультуре серый цвет ассоциируется с мышами, пеплом, асфальтом, возрастом, также с бесцветностью, безнадежностью, безысходностью, скукой, незаметностью, отстраненностью, страхом бытия, нейтралитетом и консервативностью,

например *etwas grau in grau malen* – ‘представлять все в мрачных тонах, быть пессимистом’, букв. ‘рисовать серым по серому’, *graue Haare bekommen* – ‘поседеть’, *Aschenbrödel*, *Aschenputtel* (‘Золушка’, но как синоним для *graue Maus*).

Серый цвет, как и многие колористические компоненты в лексике языка, когнитивно переосмысливается и реализует свое метафорическое и фразеологическое значения в паре рассматриваемых языков. Переосмысление колористического компонента *серый* во фразеологизмах происходит двумя путями: 1) с помощью частичной композиционности и 2) путем семантической совместимости компонентов друг с другом. Оба механизма дополняют друг друга. Рассмотрим эти механизмы подробнее.

1. Частичная композиционность.

В составе фразеологизмов цвет переосмысливается согласно принципу частичной композиционности или принципу Фреге (также называется принципом регулярности композиции) – это семантический принцип, согласно которому значение многокомпонентного выражения, т. е. выражения, состоящего из частичных выражений, определяется значениями его частей и способом их соединения, согласно Д. О. Добровольскому [2, с. 46]. Идиоматизация семантически преобразует изначально многокомпонентное языковое выражение таким образом, что его значение больше не может быть определено на основе его компонентных значений, оно детерминировано дистрибутивно и синтаксически. Принцип частичной композиционности объясняет возникновение адъективных фразеологизмов, в частности, с колористическим прилагательным в его составе в качестве определения. В подобных фразеологизмах символично переосмысливается именно прилагательное, а второй компонент в качестве существительного сохраняет свое прямое значение, например *серая зарплата* – вознаграждение за труд, при котором часть суммы выплачивают официально, а другую часть выдают неофициально.

Подобные фразеологизмы частично идиоматичны и устойчивы. Частичная композициональность относится непосредственно к семантической символичности русских фразем с цветообозначением *серый*.

1.1. Так, *серым* символически называют то, что неясно, неявно, нелегально, скрыто: *серые схемы* (‘нелегальный способ заработка, приобретения, неуплаты налогов, нарушение трудового законодательства’), *серая зарплата*, *серые выплаты* (‘неофициальная выплата’), *серый кардинал*, новый (также военный) термин *серая зона* (‘зона с неопределенными правилами действий’), например:

Чаще всего нам удавалось приобретать по серым схемам чипы для автомобилей и использовать их в военных системах и подсистемах, в том числе в авиационной технике [Пора менять стереотипы // «Эксперт», 2014] [3];

Кстати, по мнению его представителей, в первые годы именно такой вариант предпочтет абсолютное большинство россиян. Плюсы реформы: 1. Повысится доля легальных зарплат и соответственно уменьшатся «серые» выплаты (2003) // [«Российская газета», 15.09.2003] [3].

Как видно из примеров, написание прилагательного *серый* в его фразеологическом значении может быть дополнительно маркировано кавычками.

Что касается немецкого языка, то в нем также присутствует подобное переосмысление серого цвета: *Grauzone* (сомнительная сфера, которая не может быть определена однозначно, к примеру, с правовой точки зрения не может быть однозначно интерпретирована как легальная или нелегальная или же в этическом смысле не может рассматриваться как приемлемая или неприемлемая. Интерпретация может быть достаточно свободной, в зависимости от контекста, главный критерий – невозможность или сложность отнесения к определенной категории), *Graubereich* (сфера, которая юридически недостаточно или неоднозначно урегулирована, а также сфера между двумя понятийными крайностями, как правило, противоположностями, которая не может быть однозначно названа):

Beide [Konfliktparteien] hätten [...] großes Geschick bewiesen, unterhalb der Schwelle eines offenen militärischen Konflikts und in den Grauzonen des Völkerrechts zu bleiben (2017) // [«Neue Zürcher Zeitung», 19.12.2017] [4];

*In Hamburg sind dies rund 30 selbstorganisierte Kunst- und Kulturorte, die vor allem jungen Künstlern eine Plattform bieten, um Ausstellungen und Projekte umsetzen zu können. Sie decken eine **Grauzone** zwischen Hochschule, etablierten Galerien und musealen Institutionen ab und arbeiten auf einer experimentellen, kreativen und nicht-kommerziellen Ebene (2007) // [«Die Zeit», 23.10.2007] [4];*

*Die Abgrenzung zwischen legalem und illegalem Kunsthandel sei [...] sehr schwierig, »es gibt einen großen **Graubereich** und oft widersprüchliche Expertenmeinungen« (2024) // [«Süddeutsche Zeitung», 19.12.2020] [4];*

*Ihre Kommentare zum Zeitgeschehen bleiben im **Graubereich**, nie schwarz, nie weiß (2020) // [«Neue Zürcher Zeitung», 10.06.2020] [4].*

Немецкие соответствия русским фразеологизмам с компонентом *серый* не всегда остаются в той же гамме. Так, значение ‘неофициальный’ (русские выражения *серая зарплата, серые выплаты*) связывается в немецкой фразеологии с черным цветом (этот цвет, кстати, присутствует и в русском в выражении *черный рынок*): *schwarz verdienen, schwarz arbeiten*.

В том же значении неопределенности употребляется прилагательное *серый* и в коллокации, не встречающейся в русском языке: *graue Literatur* (произведения, не опубликованные официально в издательствах и недоступные на лавках книжных магазинов, т. е. – отчасти, но не только – то, что у нас понималось под «самиздатом»):

*Der Aufsatz genügt [...] nicht einmal der wissenschaftlichen Mindestnorm. [...] Es handelt sich um eine Collage von Internetfunden, nicht um eine stringente Prüfung, die den Stand der Wissenschaft systematisch abklären würde. Als Quellen dienen vor allem Massenmedien, sogenannte **graue Literatur**, nicht Artikel von Fachleuten. Zudem fehlen stichhaltige Belege[...] (2021) // [«Die Welt», 20.02.2021] [4].*

Выражение *серый кардинал* заимствовано из французского языка (*Eminence grise*, буквально ‘серое преосвященство’), как в русский, так и в немецкий языки (нем. *graue Eminenz*), в обоих языках имеет значение ‘важный человек или помощник, доверенное лицо, принимающее решения и действующее за кулисами, скрыто, незаметно’. Прототипом серого кардинала принято считать помощника французского кардинала Ришелье, монаха Жозефа дю Трамбея, державшегося в тени и носившего серую сутану. Приведем примеры из русского языка:

*Пожалуй, никогда больше – до революции – его политическая позиция не была такой шаткой и уязвимой для критики; он вел себя как прожженный лицемер: говорил одно, делал другое, думал третье, а выглядел – на велосипеде, в кепи или котелке – **серым кардиналом** какой угодно, совсем не обязательно рабочей партии [Л. А. Данилкин. Ленин: Пантократор солнечных пылинок (2017)] [3].*

*«А я хотела что-нибудь зелененькое надеть», – на правах супруги Алексея Алексеевича подала голос Танечка. Сотрудники трепетали перед Алексеем Алексеевичем, продолжала перед ним трепетать рефлекторно и Танечка, хотя после их свадьбы прошло уже более года. Последнее время (словно в пику изначальному страху) Танечка позволяла себе вольности – реплики на производственных совещаниях. Глядишь, думали люди, Танечка еще и в **серого кардинала** превратится, если в некий момент не будет отставлена супругом как из жен, так и из подчиненных [А. Н. Бузулукский. Встреча с президентом // «Волга», 2014] [3].*

Похожее значение отмечено у немецкого выражения (*die*) *graue Eminenz*, с помехой «особенно в политике»:

*Er [der Politiker] ist Freund, Berater und Ideengeber des designierten Finanzministers, gilt in der SPD als der wichtigste Strippenzieher – und **graue Eminenz** im Hintergrund (2018) // [«Bild», 10.03.2018] [4]. (Он (политик) – друг, советник и идеолог назначенного министра финансов, считается в СДПГ важнейшим манипулятором – и серым кардиналом в тени).*

1.2. Серый – признак незаметности, посредственности, отсутствия индивидуальности:

Серая мышь (‘скромница’), *серая публика* (‘безликая публика’), *серая масса* (‘безликая масса людей’), *серая толпа* (‘безликая толпа’), *серый мужичок* (‘простой мужик, лапотник, серяк’) [8].

В устойчивом сочетании *серый мужичок*, устаревшем в современном русском языке, актуализируется значение простоты, низкого социального статуса, бедности, терпеливости, непредвзятости, например:

*Предъ русскою, простою, не хитрою, но могучею силою рушатся всѣ преграды, и нашъ одинокій паломникъ, **сѣрый мужичокъ** или старушонка съ посохомъ въ рукѣ и ранцемъ на плечахъ, встрѣчается въ такихъ уголкахъ Палестины, куда заѣзжіи туристы считают рискомъ показаться даже увѣсившись оружіемъ и въ сопровожденіи конвоя* [А. В. Елисеев. В долине Иордана (1886) // «Русский вестник», № 4, 1886, 1889] [3];

*И оказалось: какой это вздор, будто Бернс был **серый мужичок**-простачок, сочинитель самоделковых, топорных стихов, каким представляли его переводчики старого времени. Напротив, он предстал перед нами как один из самых изощренных стилистов, человек тонкого безупречного вкуса, замечательный виртуоз поэтической формы* [К. И. Чуковский. Высокое искусство (1968)] [3];

– *Итак, друзья, для вас всех понятно, что легковесное философствование, отрицание прогресса под маркой христианства, а по сути на основе возврата к крепостничеству, к «**серому мужичку**» с необыкновенной терпеливой душой, к мужичку, которого можно эксплуатировать без конца, ибо он все стерпит, надеясь на спасение души и так далее – вот отличительные черты неправедно вознесенного и по существу талантливому только количеством, но не качеством написанного Льва Толстого!* [В. Г. Шершеневич. Великолепный очевидец (1934–1936)] [3];

*Твой народ сохранил свою мощь, а теперь пришла пора показать свою силы; только русский народ сможет устроить царство божие на земле, только простой **серый мужичок** обладает талисманом, благодаря которому произойдет освобождение народов – это глубокая вера, та вера, которая горами движет* [Е. Д. Гайдукович. Дневник (1917)] [3].

Немецкие словосочетания *graue Maus*, *graues Mäuschen* (‘незаметное лицо женского пола без каких-либо выдающихся качеств, которая едва ли привлекает к себе внимание’), *graue Masse* (‘серая масса’), *graue Welt* (‘серый мир’) полностью соответствуют русскому узусу:

*Wer es in die Chefetage schaffen will, muss tendenziell extrovertiert sein – denn **graue Mäuse** und schüchterne Kerle fallen erst gar nicht auf* (2011) // [«Die Zeit», 17.09.2011] [4];

*Man möchte nicht in einer **grauen Welt** von **grauen Mäusen** (und Mäuserichen) leben, in der alle nur noch fungieren und zwischen Frauen und Männern nichts mehr reibt und knistert* (2017) // [«Die Zeit», 28.11.2017] [4];

*Der Film verpuffe viel Potenzial, was ihn in die **graue Masse** des Durchschnitts abfallen lasse* [5].

1.3. Метафорическое значение прилагательного *серый* в русском языке – ‘необразованный, малосведущий человек, невежда’.

Сравн. паремию с контрадикторным значением:

На мужике хоть кафтан сер, да ум у него не черт съел.

Отметим значение неопределенности, неизвестности немецкого фразеологизма *in grauer Ferne* (‘в дальнейшем будущем’), отсутствующее в русском языке:

*Ich war immer so sicher unter eurem Schutz,“ sagte Eva, „und doch hat stets etwas, das **in grauer Ferne** drohte <...>* [Beyer, Carl. Pascholl! Ein Volksroman aus der Franzosenzeit. 1912] [6].

Синонимические ряды со значением ‘серый’ в русском языке образуют устойчивые словосочетания с прилагательными *смурый*, *серебряный*, *свинцовый*, *сизый*, *стальной*, *суровый*.

Смурый – ‘серый’, в значении ‘нечистый, не белый, темного, мешаного цвета, избура-черно-серый, цвет дешевой шерстяной ткани для крестьянской одежды’. Входит в состав паремий *Смур кафтан, да душа бела, Хоть смуроват, да деловат, и черен, да рабоч*, а также коллокации *смурый мужичок*, ‘смурьш – рабочий, простолюдин’ (сравн. *смурожить, смурьжить* – ‘затаскать, заносить, загрязнить’).

Серебряный – ‘серый, связан с серебром’. Семиотическая значимость устойчивых выражений с прилагательным *серебряный* развивается через актуализацию сем ‘цвет’, ‘возраст’, ‘свойство металла – звонкость звучания’. Сема цвета соотносится с возрастом после 50, сравн.: *серебряный возраст*, сема ‘свойство металла’ – с аудио-восприятием: *серебряный голос, серебряные струны, серебряные трели* (‘звонкий, залиvistый’).

Свинцовый – ‘серый, связанный со свинцом’. В устойчивых словосочетаниях актуализируется сема ‘цвет’: *свинцовые тучи, свинцовое море* (с оттенком темного или темно-синего цвета), также сема ‘вес’: *свинцовая голова, свинцовые кулаки, свинцовый сон*.

Сизый – ‘тёмно-серый с густым синеватым отливом’. Колористическое прилагательное композиционно сочетается с существительными, имеющими в значении сему ‘пар, дым, испарение’, такими как *туман, мгла, дым: сизый туман, сизая мгла, сизый змий (курение)*. Сравн. присказки:

Не черны леса дремучие чернеются...

Что не пыль в поле подымается.

Не туман сизый с раздолу подымается...

Значение прилагательного *сизый*, определяемое в словарях как ‘физиологический розово-красный цвет кожи на лице, с синим отливом’, объясняет возникновение таких устойчивых словосочетаний как *сизый нос, сизые щеки* [9].

Стальной – ‘серый, связан со сталью’. Семиотическая значимость устойчивых выражений с прилагательным *стальной* развивается через актуализацию сем ‘цвет’, ‘свойство металла – крепость, прочность, негибкость’, также семы ‘тактильное ощущение холода’: *стальная гладь моря, стальные воды, стальные нервы, стальной торс, стальная воля, стальной взгляд* (‘холодный, суровый взгляд’).

Суровый – ‘серый, небеленый, грубый, без отделки’ (о тканях): *суровое полотно, суровые нитки, суровая ткань* [9]. Сема ‘жестокий, грубый, крайний’ актуализируется у прилагательного в составе словосочетаний *суровый человек, суровый кризис, суровый мороз, суровый приговор, суровый холод*.

2. Семантическая совместимость компонентов друг с другом.

Аспект семантической сочетаемости составляющих компонентов имеет особое значение для фразем с колористическим компонентом. Семантическая сочетаемость компонентов как аспект фразеологического значения непосредственно вытекает из особенностей устойчивых словосочетаний с колористическим компонентом, указанным в первом пункте (см. выше). Отличие фразеологизмов от свободных словосочетаний заключается в том, что прямое значение колористических прилагательных в подобных словосочетаниях не актуализируется, наоборот, существительное сохраняет свое прямое значение. Цветовые термины в обоих сравниваемых языках являются прилагательными и обладают семантическими свойствами, которые позволяют уточнить значение опорного существительного путем атрибуции: Adj + Subst. Сама атрибуция становится возможной в условиях сочетаемости прилагательного с определенными лексико-семантическими группами имен, например с существительными экзистенциальной и соматической семантики.

2.1. *Серый* – ‘скучный, безотрадный, не светлый, малоинтересный, рутинный’ (в сочетании с существительными экзистенциального значения):

серый день – серые дни, серые будни, все изображать в сером цвете, серая жизнь, серое будущее (‘туманное, безотрадное’): *Для него... будущее казалось сереньким и бесцветным.* (К. М. Станюкович. Откровенные) [3].

Серенькое утро, красненький денек (иноск.) – утешение или подбадрование в смысле «всякое начало трудно» (намек на примету о погоде).

В немецком языке выражение *Grauer Alltag* (*серые будни*) используется для обозначения монотонных, ничем не выделяющихся дней. Слово *будни*, которое и само уже несет в себе значение банальщины, унылости, безотрадности, еще больше усиливается эпитетом *серый*, обозначающим цвет незаметный, неброский, унылый и скучный. Именно такими предстают серые будни в одноименной песне немецкой группы “Tokio Hotel”:

*Keine Arbeit und Gewalt
So wird hier keiner von uns alt
Politiker fühlen sich ganz schlau
und trotzdem bleibt der Alltag grau* [7]

2.2. Серый – ‘нездоровый, бледный, бескровный’:
серое лицо, серый цвет лица, серая кожа, серые губы.

Нездоровый цвет лица связывается и в немецком языке с серым цветом – *ein graues Gesicht, eine graue Gesichtsfarbe*:

mein mageres graues Gesicht und die Trostlosigkeit meines Blickes [10, с.12].

Таким образом, визуальное восприятие серого цвета в русской фразеологии объясняется в статье с помощью анализа двух путей: частичной композиционности компонентов фразеологизма и их семантической сочетаемости. Рассмотрены устойчивые словосочетания с колористическим атрибутивным прилагательным, паремии и присказки. Лингвокультурная значимость колористического компонента общей семантики ‘серый цвет’ открывает широкую палитру возможных переосмыслений в рамках когнитивных моделей «серый цвет > небогатое, простецкое», «серый цвет > нелегальное», «серый цвет > незаметное», «серый цвет > безотрадное», «серый цвет > нездоровое». Дополняют картину визуального восприятия также и названия оттенков серого цвета, реализующие в составе устойчивых словосочетаний глубинные смыслы их переносных значений на основе выбора сем. Сравнение с немецким языком показало, что в целом и целом восприятие серого цвета в обеих культурах практически идентично.

Список использованных источников

1. Якутин, Ю. В. Русский цвет / Ю. В. Якутин. – М. : Издательский дом «Экономическая газета», 2011. – 521 с.
2. Dobrovolskij, Dmitrij. Kognitive Aspekte der Idiom-Semantik. 2. Aufl. Stauffenberg Verlag / Dmitrij Dobrovolskij. – Tübingen, 2016. – 400 с.
3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 05.10.2024.
4. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache, DWDS [Электронный ресурс]. – Режим доступа : dwds.de. – Дата доступа : 10.10.2024
5. Deutsch-Englisch-Wörterbuch [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://m.dict.cc>. – Дата доступа : 10.10.2024.
6. Lexikus. Digitale Bibliothek [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lexikus.de/bibliothek>. – Дата доступа : 10.10.2024.
7. База текстов песен [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://textbase.ru>. – Дата доступа : 10.10.2024.
8. Михельсон, М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии : сборник образных слов и иносказаний / М. И. Михельсон. – Т. 1–2. – СПб. : Тип. Ак. наук.–1896–1912.
9. Толковый словарь русского языка : в 4 т. – М. : Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935–1940 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp>. – Дата доступа : 05.10.2024.
10. Böll, Heinrich. Und sagte kein einziges / Heinrich Böll. – Wort. dtv Verlagsgesellschaft mbH & Co. KG, 1998. – 192 с.

Abstract. The article analyses the linguocultural aspect of linguistic reflection of visual perception of grey colour in Russian phraseology against the background of German language. The linguocultural method, semiotic method and comparative method are used for the analysis of the material, phraseological word combinations with the component 'grey' and its shades.

Keywords: phraseology, colouristic component, grey, attribution, partial compositionality, semantic combinability.

Бирр-Цуркан Лилия Федоровна – кандидат филологических наук, доцент; Санкт-Петербургский государственный университет (l.birr-tsurkan@spbu.mail).

Манёрова Кристина Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент; Санкт-Петербургский государственный университет (l.birr-tsurkan@spbu.mail).

УДК 81'373:398.92:621.783.2

В. И. Бурмина

АНТРОПОМОРФНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПЕЧИ (НА ПРИМЕРЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И ПАРЕМИЙ)

Аннотация. В статье раскрываются антропоморфные признаки русской печи на примере фразеологизмов и паремий. Антропоморфные представления о печи заключаются в том, что номинации ее деталей соотносятся с названиями частей тела человека, печь сравнивают с женщиной – хозяйкой дома (более распространенное представление), с мужчиной или просто живым существом.

Ключевые слова: антропоморфный код, фразеологизм, паремия, русская печь.

Антропоморфные представления об окружающем, т. е. наделяние объектов и явлений окружающего мира человеческими чертами и свойствами, – характерная сторона нашего мышления с древнейших времен. Наблюдая объекты и явления вокруг себя, человек противопоставлял их себе или отождествлял их с собой.

Одно из важнейших антропоморфных отождествлений – «человек – дом». С понятием дома были соотнесены основные характеристики жизнедеятельности человека, в частности строение тела [1, с. 69]. Внутри же самого дома находится его двойник – русская печь. «Двойничество» дома и печи с позиции антропоморфности проявляется в том, что диалектные номинации частей тела человека одновременно называют детали дома и детали печи [2, с. 482]. Сначала человек наделил антропоморфными характеристиками свое жилище, затем перенес их на печь.

Пространство жилища восточнославянского крестьянина было организовано вокруг печи, она могла занимать до одной четверти избы. Печь являлась неотъемлемым элементом дома. В мифологических представлениях человека сердце отождествлялось с печью, «горячее сердце» – жизненный центр, жар, тепло – признаки жизни [1, с. 74].

Среди номинаций, называющих русскую печь или ее части, можно обратить внимание на большое количество единиц, которые относятся к категории антропоморфности. Приведем некоторые примеры таких номинаций. Когда мы представляем себе русскую печь, то скорее всего имеем в виду ее переднюю стенку с арочным проемом во внутреннюю часть. Передняя стенка в говорах именуется *лицом*, арочный проем, напоминающий рот человека, – *устьем*. При этом устье еще именуют *роток*. Внутри устья обнаруживается *небо* (арочный свод), над устьем верхняя часть печи – *печная голова* [3, с. 122].

Цель данной работы – рассмотреть антропоморфные представления о русской печи на примере фразеологизмов и паремий. Источник фразеологического и паремиологического материала – сборники пословиц и поговорок русского народа, сборник загадок русского народа, а также Словарь русских народных говоров [4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11].

Итак, вернемся к передней стенке русской печи. Как уже было сказано, номинации ее деталей соотносятся с номинациями частей тела человека. В ярославском говоре зафиксирован фразеологизм *невымытое рыло*, речь идет о передней части русской печи, или о ее челе. Фразеологизм сопровождается пометой «шутливо-иронический». Речь идет о сравнении печи не с вытянутой передней частью головы животных, а с лицом человека. *Рыло* – бранное, просторечное слово. Про человека говорят: *рылом не вышел, рыло воротит*. Грубости по отношению к печи здесь нет, здесь заключена ирония по отношению к женщине, хозяйке дома, ее нелегкой доле: «Плохая бабья доля: век-векински трись у невымытого рыла, у печки», – так говорили в Ярославской области [10, с. 366]. А у самой печи «невымытое рыло», потому что постоянно идет топка – для готовки, сушки обогрева и т. п. и от горения остается сажа.

Если печь в сознании человека отождествляется с человеком, что это за человек: мужчина или женщина или это собирательный образ человека без гендерного отношения?

Гендерное восприятие печи связано в первую очередь с так называемым *началом* человека. Дом у восточных славян мог восприниматься как мужское тело в представлениях русских, а у украинцев (хата) – как женское тело [1, с. 70], при этом антропоморфные номинации дома такие же, как и у печи, но именно печь несет в себе женское начало, так как ее устье ассоциировалось еще и с лоном. Печь также символизирует противопоставление мужского и женского начала: в мифологии славян распространено представление о печи и огне как о женщине и мужчине [12, с. 164]. В связи с этим пространство в избе делится на мужское и женское. К женскому, в частности, относится печной (подовый) угол, также именуемый *бабий угол* (*кут*). В поговорках отмечается представление о печи и как о женщине, и как о мужчине или просто существе, наделенном человеческими качествами [13]. Чаще же всего печь предстает именно в образе женщины. Про нее говорят: *Печь нам мать родная* [5, с. 92].

Печь ассоциируют с женщиной, матерью, хозяйкой дома не случайно. Она будто бы заботится о человеке: *Печка нежит, а дорожка учит* [4, с. 242]. В печи готовят пищу, возле нее или на ней спят, печь служит для сушки одежды или продуктов питания. Печь – источник жизни, ведь она обогревает дом, сохраняет в нем тепло. Заслонка печи – обязательный широко известный ее элемент, в Иркутской области называется *свекрухин пуп* [11, с. 127]. Пуп – центр человеческого тела, жизненный центр. За ним, в устье печи, есть огонь. Когда печь не топится, в доме нет ощущения уюта, отсюда сравнение: *От холодной печи тепла, от мачехи добра – одинаково* [7, с. 202].

Если печь в сознании человека воспринимается как женщина, то какая она? В первую очередь дородная: полная, статная, видная [14]. *Мать толста, дочь красна, сын храбер (кудреват), в поднебесье ушел (печь, огонь и дым)* [5, с. 98]; *Стоит баба в углу, а рот в боку* [8, с. 28]. Баба – замужняя женщина, хранительница домашнего очага. Печь также называли девицей: *Стоит девица в избе, а коса на дворе* [8, с. 30] и старухой: *Белая старуха на одном месте сидит* [9, с. 429].

В загадках зачастую предметы антропоморфизируются с помощью имен. В загадках о печи встречаются такие имена, как Фетинья, Варвара, Арина: *Старая Варвара да сухой Матвей: привязался к ней, и теперь у ней (печь и голбец)* [5, с. 98]; *Толстая Фетинья, сухой Матвей привалился к ней (печь и голбец)* [5, с. 98].

Антропоморфность приобретают и части русской печи, напр., труба и печной столб: *Сидит барыня (баба) на печке в белой епанечке (труба)* [5, с. 99]; *Стоит яга, во лбу рога (печной столб с воронцами)* [5, с. 99]. Части печи в загадках также получают имена. Печную трубу называют Ариной и Варварой: *Стоит Арина – рот разиня (печная труба)* [5, с. 99]; *Стоит Варвара выше амбара* [8, с. 26]; *Матушка Софья день и ночь сохнет: утро настанет, прочь отстанет (заслонка печная)* [5, с. 99].

Несмотря на то что представление о печи как о хранительнице очага, матери широко представлено в славянской культуре, есть поговорки, в которых печь предстает

в образе мужчины: *Дедушка старый, весь белый, лето придет – не глядят на него, зима настанет – обнимут его (печь)*. Печь представляется также как живое существо без гендерной привязки: *Зимой все жрет, а летом спит; тело теплое, а крови нет; сесть на него сядешь, а с места тебя не свезет (печь)* [5, с. 98].

Встречается несколько паремий с лексемой *печь*, в которых дается характеристика человека без гендерной принадлежности: *Глуп как печка* [4, с. 380] – так описывают человека, который кажется неумным или неспособным к обучению. Так как печь, как правило, ассоциируется с чем-то тяжелым, неподвижным и неизменным, данное выражение подразумевает, что человек обладает такими же качествами. Следуя таким же представлениям о печи, про человека неповоротливого, неуклюжего говорят: *Поворотлив как печь* [4, с. 375].

Как уже было сказано ранее, печь занимала довольно большое пространство в избе крестьянина, сдвинуть ее с места было бы практически невозможно. *Голова с печное чело, а мозгу совсем ничего* [4, с. 379] – в данной паремии говорится о человеке, который, казалось бы, внешне мог создавать впечатление умного, внушительного, ведь голова у него «с печное чело», большая. Но противопоставление «мозгу совсем ничего» говорит о том, что внутри этот человек совсем не такой, каким кажется, он не отличается интеллектом.

В паремии *Из одной печи да разные речи* [7, с. 144] говорится о ненадежном человеке, который может поменять свое мнение. Рот человека в данной паремии сравнивается с отверстием печи (сравн.: *устье* или *роток*).

О том, кто оказался не достоин уважения, или о том, кто оказался не способен справиться с какой-либо ситуацией, говорят: *Не по печке заслонка* [6, с. 217].

Итак, русская печь как один из важнейших объектов славянского жилища наделяется антропоморфными характеристиками. В паремиях и фразеологизмах печь отождествляют с человеком, одушевляют, наделяют человеческими качествами, называют печь женским именем или словом, обозначающим женщину, реже мужчину. Детали печи также наделяются антропоморфными характеристиками: их названия соотносятся с частями человеческого тела, их наделяют человеческими качествами, называют мужскими или женскими именами.

Более широко распространено антропоморфное представление о печи как о женщине. Это связано в первую очередь с функциями печи и с обязанностями женщины при ведении домашнего хозяйства, представления о дородной крестьянке сопоставлены с внушительного размера русской печью.

В русском языке есть ряд паремий, в которых оценивается поведение человека, а сам человек сопоставляется по тем или иным параметрам с печью. Несмотря на то что такие паремии, как правило, несут негативную оценку человека, это связано не с негативным отношением к печи, а лишь с ее размерами или антропоморфным сходством отдельных ее частей с частями человеческого тела.

Список использованных источников

1. Мазалова, Н. Е. Состав человеческий: Человек в традиционных соматических представлениях русских / Н. Е. Мазалова. – СПб. : «Петербургское Востоковедение», 2001. – 192 с.
2. Якушевич, И. В. Символическая модель «печь – человек» в диалектной лексике / И. В. Якушевич // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект: материалы XIII Международной научной конференции, посв. 90-летию проф. А. Б. Копелиовича и 100-летию педагогического образования во Владимирской области, Владимир, 24–26 сентября 2019 г. – Владимир: Издательско-полиграфическая компания «Транзит-ИКС», 2019. – С. 481–484.
3. Якушевич, И. В. Соматический код русской печи в русских народных говорах / И. В. Якушевич, В. И. Бурмина // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». – 2023. – 4 (52). – С. 118–127.

4. Даль, В. И. Пословицы русского народа : в 2-х т. / В. И. Даль. – Т. 1. – М. : Худож. лит., 1989. – 431 с.
5. Даль, В. И. Пословицы русского народа : в 2-х т. / В. И. Даль. – Т. 2. – М. : Худож. лит., 1989. – 447 с.
6. Аникин, В. П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор / В. П. Аникин. – М. : Худож. лит., 1988. – 431 с.
7. Рыбникова, М. А. Русские пословицы и поговорки / М. А. Рыбникова. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1961. – 229 с.
8. Загадки русского народа : сборник загадок, вопросов, притч и задач / сост. Д. Садовников. – М. : Современный писатель, 1995. – 397,[1] с.
9. Пословицы. Поговорки. Загадки / сост., авт. предисл. и коммент. А. Н. Мартынова, В. В. Митрофанова. – М. : Современник, 1986. – 512 с.
10. Словарь русских народных говоров. Вып. 20 : Накучкать – Негоразд / [Сост. Н. И. Андреева-Васина и др.]. – 2002. – 376 с.
11. Словарь русских народных говоров. Вып. 33 : Протка – Разлука. – 2003 (ППП Тип. Наука). – 361 с.
12. Байбурин, А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян / А. К. Байбурин. – Ленинград : Наука : Ленингр. отд-ние, 1983. – 191 с.
13. Юдин, А. В. Ономастикон восточнославянских загадок / А. В. Юдин. – М. : О.Г.И, 2007. – 118 с.
14. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 томах / В. И. Даль. – М. : РИПОЛ классик, 2006. – Т. 1: А–З. – 752 с.

Abstract. The article deals with anthropomorphic features of the Russian stove using idioms and paroemias as an example. Anthropomorphic ideas about the stove consist in the fact that the nominations of its parts are related to the names of parts of the human body, the stove is compared to a woman – the mistress of the house (a more common idea), to a man or simply a living being.

Keywords: anthropomorphic code, idioma, Russian stove, paroemia.

Бурмина Виктория Ильинична – аспирант; Московский городской педагогический университет, Институт гуманитарных наук (burmina@outlook.com).

УДК 811.161.1'04:398.92:811.161.1'36

А. И. Васильев

ПРЕДЛОЖНО-ИМЕННЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Древнерусские предложно-именные фразеологизмы имели широкое распространение в древнерусских памятниках. В данной статье дается наиболее полная характеристика устойчивых словосочетаний древнерусского языка с точки зрения особенностей их строения, образования и функционирования. Наше исследование показало, что для древнерусского языка характерно наличие трех структурно-семантических моделей устойчивых предложно-именных сочетаний. Предложно-именным фразеологизмам древнерусского языка была свойственна многозначность.

Ключевые слова: древнерусский язык, предложно-именные фразеологизмы, фразеологическая единица (ФЕ), фразеологическая модель, фразеологическая многозначность и омонимия.

Современное состояние фразеологической системы русского языка является результатом длительного процесса его развития и совершенствования, и поэтому происхождение и природа многих современных фразеологических единиц (ФЕ) лежат в прошлых эпохах истории языка. Следовательно, чтобы понять внутреннюю форму многих современных фразеологизмов необходимо обращение к исторической фразеологии.

Фразеология является уникальной языковой системой: там, где существует язык в качестве средства коммуникации между людьми, его функционирование неизбежно приводит к появлению в нем фразеологических единиц. С нашей точки зрения, фразеологическая единица – это воспроизводимое идиоматическое сочетание двух и более знаменательных или служебных слов номинативного или коммуникативного характера, обладающее семантико-структурной устойчивостью. Однако вследствие существующей в языке вариантности, закрепленной нормой языка, состав и структура фразеологизма могут подвергаться изменениям, что дает основание говорить об относительной устойчивости состава и структуры у определенной группы фразеологизмов. Фразеологизмы – это готовые языковые единицы, извлекаемые из памяти целиком. Основными, категориальными и существенными свойствами фразеологизма, с нашей точки зрения, являются фразеологическая воспроизводимость, сверхсловность, устойчивость, идиоматичность, коннотативность, метафоричность/метонимичность, мотивированность/немотивированность значения ФЕ, номинативность, раздельнооформленность, целостность значения, экспрессивно-стилистическая окраска, эквивалентность слову и т. д. Но в целом они не всегда присутствуют, налицо лишь некоторые из них.

Понятие сущности и дифференциальных признаков фразеологических единиц до сих пор остается в лингвистике одним из актуальных и дискуссионных.

Для названия устойчивой организации слов во фразеологии употребляются несколько синонимичных терминов: 1) фразеологическая единица (ФЕ); 2) фразеологизм; 3) фразеологический оборот; 4) идиома; 5) фразема; 6) устойчивый словесный комплекс (УСК) и 6) фразис (фразистическое выражение или фразистическая единица).

В основу нашей фразеологической теории положена семантическая классификация фразеологизмов. Мы полагаем, что во фразеологической системе русского языка существуют только три типа фразеологизмов-идиом, выделяемых с точки зрения семантической слитности компонентов: 1) фразеологические сращения; 2) фразеологические единства и 3) фразеологические сочетания.

Фразеологические сращения обладают самой сильной степенью идиоматичности, т. е. полной невыводимостью значения всей языковой единицы из значений слов-компонентов: *курить фимиами, виттова пляска*.

Фразеологические единства обладают средней степенью идиоматичности, поскольку их значения опосредованно выводятся из суммы значений слов-компонентов: *закинуть удочку, мелко плавать, путеводная звезда*.

Фразеологические сочетания обладают слабой идиоматичностью, вследствие того что включают в свой состав только одно слово с фразеологически связанным значением: *проливной дождь, трескучий мороз, закадычный друг*.

Мы полагаем, что термин «идиома» необходимо употреблять по отношению к любому из приведенных выше трех групп фразеологических единиц: фразеологическим сращениям, фразеологическим единствам, фразеологическим сочетаниям.

Что касается фразеологических выражений, которые «целиком состоят из слов со свободными значениями, имеют общее значение, вытекающее из значений слов-компонентов, и которые воспроизводятся как готовые единицы с постоянным значением и составом» [1, с. 62], то эти выражения, как мы считаем, должны быть выведены за пределы фразеологии и рассматриваться в отдельной науке, которую мы предлагаем назвать словом «фразистика» (в основе данного термина, как и термина «фразеология», лежит греческое *phrasis* 'выражение'. Мы полагаем, что обороты типа *оптом и в розницу, письменные принадлежности, высшее учебное заведение* и многие другие, которые целиком состоят из слов со свободным значением и общее значение которых выводится из значений слов-компонентов, следует называть термином «фразис», синонимичными которому будут термины «фразистический оборот» и «фразистическая единица».

Это связано с тем, что класс фразисов образуют тысячи и тысячи в основном терминологических языковых единиц, употребляющихся во всех сферах науки, образования,

финансов, производства, торговли, сельского хозяйства, строительства, спорта и т. д., например: *садовый инвентарь, бытовая химия, свадебный салон, недвижимое имущество, благотворительный фонд, поджелудочная железа, желчный пузырь, мочевой пузырь, горюче-смазочные материалы, транспортное средство, платежное поручение, пластиковые окна, настольная лампа, натяжные потолки, платяной шкаф, ученая степень* и т. д. Включение отдельными лингвистами в состав фразеологии фразистических единиц непосредственно расширяет состав фразеологии, делает его качественно разнородным и становится препятствием для дальнейшего развития отечественной фразеологии.

В природе языка нет резких границ между хотя и разными, но смежными явлениями. Фразисы, обладающие лишь «нулевой» идиоматичностью, но устойчивостью своего состава, занимают, как мы полагаем, промежуточное положение между свободными словосочетаниями и фразеологизмами-идиомами. Мы допускаем, что в результате семантической трансформации хотя бы одного из компонентов устойчивого словосочетания отдельные фразисы смогут перейти в разряд фразеологизмов-идиом.

Такие категориальные свойства фразеологизма, как воспроизводимость, устойчивость, сверхсловность и идиоматичность, взаимообуславливают друг друга, ни одно вышеперечисленное свойство не может существовать без другого.

Существующие виды языковых единиц, такие как паремии (пословицы, поговорки и загадки), составные термины и наименования, крылатые выражения, фразеологические аппозитивы, вокативные и фольклорные устойчивые сочетания слов, предложно-именные словосочетания, междометные и модальные устойчивые обороты, штампы и клише, возможно отнести к фразеологии только при одном условии – если с точки зрения семантической слитности слов-компонентов, устойчивые языковые единицы этих классов являются фразеологическими сращениями, фразеологическими единствами или фразеологическими сочетаниями. Вопрос о том, номинативные это единицы или коммуникативные, не должен иметь никакого значения.

Такой подход позволит фразеологам четко осознать объект и предмет фразеологии, отказаться от понятий «широкий взгляд» и «узкий взгляд» на фразеологию и заниматься только тем, что и должно изучаться во фразеологии, а именно фразеологическими сращениями, фразеологическими единствами и фразеологическими сочетаниями.

Цель данного исследования – это всестороннее описание предложно-именных фразеологизмов древнерусского языка.

Следует сказать, что применительно к древнерусскому языку, когда происходило становление фразеологической системы русского языка, нам следует подключать к исследованию не только идиомы (фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания), но и фразисы.

Описание предложно-именных фразеологизмов древнерусского языка дано на материале преимущественно древнерусских летописей [2].

В современной фразеологической науке нет единого подхода к определению статуса предложно-именных устойчивых словосочетаний, хотя они в равной мере обладают такими же категориальными признаками фразеологических единиц (ФЕ), как и другие типы фразеологизмов: воспроизводимостью, устойчивостью, сверхсловностью и идиоматичностью своего состава.

Противником фразеологической природы устойчивых предложно-именных словосочетаний является Н. М. Шанский [1, с. 28]. Хотя в некоторых случаях Н. М. Шанский все-таки признает фразеологическую природу таких языковых образований, как *к слову* ‘кстати’, *в сердцах* ‘осердившись’ и подобных им устойчивых предложно-именных выражений, но отказывает им во фразеологическом статусе только на том основании, что они имеют всего одно ударение [1, с. 28–29].

Мы не считаем, что ФЕ обязательно должны обладать биакцентностью, как это предполагает Н. М. Шанский [1, с. 20]. В противном случае, огромное количество

устойчивых предложно-именных словосочетаний русского языка останется за пределами фразеологии, что является крайне неприемлемым как для фразеологической теории, так и для лексикографической практики.

Наше исследование показало, что для древнерусского языка характерно наличие трех структурно-семантических моделей устойчивых предложно-именных сочетаний, например: 1) фразеологическая модель «предлог **без** + имя существительное в родительном падеже»: 1) **безъ вѣсти** ‘неожиданно’ (НІВЛ, 1405, 265); **без мала** ‘почти’. НІЛМИ, 1141, 105 об.: и пригониша сторожеви ярославлѣ без мала до городища и вѣидоша весь град въ оружии от мала до велика къ городищуу и стоиаша 3 днии пеши за жилотоугомъ а коневнице за городищемъ; **без мѣры** ‘очень сильно’. Усп. сб., 277а: пастоухъ бо добрый избѣра овъча мало же пождавѣше и мы поидемъ сего и мы подражаемъ ине тако без мѣры плачимъ сѧ нѣ яко иже и лазорѣа христосъ поплака; **безъ оучьти** ‘очень много кого-или чего-либо’ (ИЛ, 1172, 198 об.); **бес числа** ‘об очень большом количестве кого-либо’ (Лет. Авр., 72); 2) «фразеологическая модель «предлог **подъ** + имя существительное в творительном падеже»: **подъ роукою** кого ‘под властью, под покровительством’. ИЛ, 912, 13 об.: да храните такоу же любовь къ княземъ же свѣтлымъ нашимъ роускимъ и къ всѣмъ иже соуть подъ роукою свѣтлаго князѣа нашего несъблазнену и непреложну всегда и въ вса лѣта; 3) фразеологическая модель «предлог **по** + имя существительное в дательном падеже»: **по правдѣ** ‘справедливо, по совести, честно’ (ИЛ, 1015, 49); **по силѣ** ‘по возможности’. ЛЛ, 1096, 80: всего же паче оубогыхъ не забываете но елико могоуще по силѣ кормите придавайте сиротѣ и вдовицю шправдите сами а не вдавайте силнымъ погоубити челоуѣка.

С точки зрения принадлежности к той или иной части речи, предложно-именные словосочетания древнерусского языка являются наречными: **въ борзѣ** ‘быстро’. ИЛ, 1151, 154: дюргии же с володимеромъ приде в борзѣ к зароубоу и перебродоша чересъ днѣпръ; **по воли** ‘добровольно’ (ИЛ, 1145, 117 об.); **до свѣта** ‘очень рано’. ИЛ, 1150, 151: изаславъ же приде в борзѣ к немуу к бѣлоугородоу и переправи полкы свои чересъ мостъ до свѣта самъ же изаславъ же исполца полкы своѧ иде къ киевоу.

Предложно-именным ФЕ древнерусского языка была свойственна многозначность: 1) **до коньца** – а) ‘полностью, окончательно’. ИЛ, 1146 122: давѣдовича же рекоста се есвѣ зачала дѣло зло а свершивѣ до конца братоубиство поидивѣ искоренивѣ свѣтослава и переимевѣ волость его; б) ‘до конца жизни’. Усп. сб., 293в: блаженъи же рече къ нимъ чѣто сѧ дивите нѣ паче славите чьловьколюбѣа бога избавляющаго ма сквърньнаго беззаконна и молитѣ бога за мѧ да до коньца понесоу благии яръмъ.

В результате утраты внутренней формы, а не случайного звукового совпадения, с нашей точки зрения, произошло образование таких омонимичных фразеологизмов, как I. **въ малѣ** ‘едва, еле-еле’ (ЛЛ, 1219, 152об.) и II. **въ малѣ** ‘в небольшом количестве’ (НІЛСИ, 1149, 26-26 об.).

Предложно-именные ФЕ могли активно варьировать свои служебные компоненты без ущерба для всей семантики такой языковой единицы: **въ малѣ** (НІЛСИ, 1322, 162 об.) – **на малѣ** (НІЛМИ, 1228, 149 об.) – **оу малѣ** (ИЛ, 1246, 268 об.) ‘едва, еле-еле’.

В результате метонимического переноса произошло образование фразеологизма **до доуши** ‘до последнего человека’. НІЛМИ, 1240, 165: и прииде вѣсть въ плесковъ яко взяша нѣмци изборско и вѣидоша плесковици вси и до доуши и бишасѧ с ними и побѣдиша ѧ нѣмци.

Некоторые древнерусские предложно-именные словосочетания могли образовываться в результате количественного варьирования, которое представляет собой

«сокращение компонентного состава фразеологизма, не влияющее на его значение» [3, с. 229], например: 1) до конца вѣка (НІВЛ, 971, 20об.: азъ свѣтославъ князь роуский ѿкоже кляхсѧ и оутвержаю на свѣщании семь ротоу свою хоцю имѣти миръ и любовь свершеноу съ всѧкимъ царемъ грѣческимъ и съ васильемъ и костянтиномъ и съ благовохновенными цари и съ всеми людьми нашими иже соуть подо мноу роусь богаре и прочии до конца вѣка – до вѣка (Усп. сб., 288а: агалии же рече боуди имѧ господне благословлено отселѣ и до вѣка) ‘до тех пор, пока существует жизнь’; 2) по малѣ времени (Лет. Авр., 1442, 184: и по малѣ времени того же мѣсяца погорѣ заполю микытинѣ оудичи и бысть пакость велика людемъ) – по малѣ дѣнии (ИЛ, 1146, 120: и по малѣ же дѣнии състоуписта давыдовича хрестъного цѣлованиа началничѣ же быша свѣтоу зломоу) – по малѣ (ИЛ, 1170, 193: и потомъ по малѣ посла мьстиславъ по братью свою съвкоупишасѧ всѧ братья оу него киевѣ) ‘через некоторое время’. В результате предельной редукции оставшаяся часть фразеологизма выражает то же самое целостное значение, что и полная форма ФЕ, способ обозначения объективной реальности при редукции ФЕ остается. Компоненты фразеологического оборота, оставшиеся после сокращения фразеологизма, Л. И. Ройзензон предлагал называть фразеологическими осколками [4, с. 116].

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам: 1) предложно-именные устойчивые словосочетания древнерусского языка являлись необходимой составной частью фразеологической системы древнерусского языка; 2) для древнерусского языка характерно наличие трех структурно-семантических моделей устойчивых предложно-именных сочетаний: а) фразеологические единицы, образованные по модели «предлог **безъ** + имя существительное в родительном падеже»; б) фразеологические единицы, образованные по модели «предлог **подъ** + имя существительное в творительном падеже»; в) фразеологические единицы, образованные по модели «предлог **по** + имя существительное в дательном падеже»; 3) с точки зрения принадлежности той или иной части речи предложно-именные словосочетания древнерусского языка являлись наречными; 4) некоторые предложно-именные ФЕ могли образовываться путем развития у них переносного значения; 5) предложно-именным ФЕ древнерусского языка были свойственны многозначность и омонимия; 6) предложно-именные ФЕ могли активно варьировать свои служебные компоненты без ущерба для всей семантики такой языковой единицы: **въ малѣ – на малѣ – оу малѣ**; 7) одним из способов образования предложно-именных ФЕ древнерусского языка было сокращение компонентного состава устойчивого словосочетания: **до конца вѣка – до вѣка**.

Список использованных источников

1. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. – М. : «Высшая школа», 1985. – 192 с.
2. Лаврентьевская летопись (ПСРЛ. Том первый). – М. : Языки русской культуры, 1997. – ЛЛ; Ипатьевская летопись (ПСРЛ. Том второй). – М. : Языки русской культуры, 1998. – ИЛ; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (ПСРЛ. Том III). – М. : Языки русской культуры, 2000: НЛСИ – Новгородская первая летопись старшего извода и НЛМИ – Новгородская первая летопись младшего извода; Новгородская четвертая летопись (ПСРЛ. Том IV. Часть 1). – М. : Языки русской культуры, 2000. – НІВЛ; Успенский сборник XII–XIII вв.: под ред. С. И. Коткова. – М. : «Наука», 1971. – Усп. сб.
3. Челябинская фразеологическая школа: Научно-исторический очерк. – Челябинск : Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2002. – 302 с.
4. Ройзензон, Л. И. Лекции по общей и русской фразеологии / Л. И. Ройзензон. – Самарканд, СамГУ, 1973. – 172 с.

Abstract. This article is devoted to the full description of the old Russian language prepositional – named phraseological units. They are characterized from the point of view their formation, functioning and structure. The prepositional – phraseological units were widely used in the Old Russian language.

Keywords: Old Russian language, prepositional phraseological unit, metaphorical and metonymical transformation, phraseology polisemy and homonymy.

Васильев Александр Ибрагимович – кандидат филологических наук; Башкортостан (alex.vas2010@mail.ru).

УДК 81'37: 398.92 (=161.1)(=161.3)

Д. Н. Гальцова, У. В. Сафонова

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТАМИ *ЖИТЬ, ЖИЗНЬ / ЖЫЦЬ, ЖЫЦЦЁ* В РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ: СЕМАНТИЧЕСКИЙ И ГРАММАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Аннотация. В статье рассматриваются семантические и грамматические особенности русских и белорусских фразеологизмов с компонентами *жить, жизнь / жыць, жыццё*. Приводится классификация типов соответствий формы выражения в русском и белорусском языках, дается семантический анализ. Разрабатывается грамматическая классификация выявленных фразеологических единиц. В заключение делается вывод о своеобразии русских и белорусских фразеологизмов с указанными компонентами.

Ключевые слова: фразеологизм, фразеологическая единица, семантика, грамматика, сопоставление.

Фразеология – это значимый пласт языка, содержащий информацию о культуре и мировоззрении того или иного народа. Русская и белорусская фразеологические картины мира имеют общую основу, однако каждая из данных систем формировалась в рамках отдельного этнического сознания носителей языка, поэтому исследуемый материал дает обширные возможности для сопоставления фразеологических единиц, для выявления сходств и различий в семантике и грамматике неделимых сочетаний.

Особый интерес представляют фразеологизмы, содержащие сведения о понимании людьми жизни в статике и динамике, о представлении феномена бытия в прошлом, настоящем и будущем. Концепт «Жизнь» является одним из важнейших в изучении менталитета народа, он передает суть видения мира человеком [1, с. 90].

Русские и белорусские фразеологизмы о периоде существования кого-либо имеют следующие компоненты: *жить/жыць, жизнь/жыццё*. В нашем исследовании мы анализируем устойчивые сочетания с приведенными лексемами, выявляем особенности семантики и грамматики фразеологических единиц, сопоставляем русские и белорусские варианты.

В качестве источника материала для исследования используется ряд фразеологических словарей русского и белорусского языка [2; 3; 4; 5; 6]. Всего отобрано 118 фразеологических единиц: русских – 62, белорусских – 56.

Приведем примеры проанализированных фразеологизмов, разделенных по следующим типам соответствий формы выражения в русском и белорусском языках (согласно классификации Т. Г. Трофимович [7, с. 17]).

1. Фразеологизмы, которые в русском и белорусском языках отличаются только произношением и/или написанием: *на широкую ногу' жыць* (бел.) – *жить на широкую ногу* (рус.) ‘жить богато, широко, не считаясь с затратами’; *на короткую ногу' жыць* (бел.) – *жить на короткую ногу* (рус.) ‘быть в близких, дружеских отношениях’.

2. Фразеологизмы, которые отличаются формой или словом: *жыць чужым розумам* (бел.) – *жить чужим умом* (рус.) ‘придерживаться чужих взглядов’; *жыццё адабраць* (бел.) – *решить (лишить) жизни* (рус.) ‘убить’; *загадаць доўга жыць* (бел.) – *приказать долго жить* (рус.) ‘умереть’; *на мяжы жыцця і смерці* (бел.) – *на грани жизни и смерти* (рус.) ‘в критический момент’; *на схіле жыцця* (бел.) – *на склоне лет (жизни)* (рус.) ‘о старости’.

3. Фразеологические единицы, которые в русском и белорусском языках имеют одинаковое значение, но различное выражение: *жыць як золата важыць* (бел.) – *жить на широкую ногу* (рус.); *жыццё як мёду піццё* (бел.) – *жить на широкую ногу* (рус.) ‘жить богато, широко, не считаясь с затратами’; *жыць як вянкi плесці* (бел.) – *жить в свое удовольствие* (рус.) ‘жить беспечно, весело, без забот’; *жыць як песню пець* (бел.) – *жить душа в душу* (рус.) ‘жить дружно, в согласии’. Здесь также отметим белорусские сочетания с компонентами *жыць*, *жыццё*, русские эквиваленты которых в своем составе данных компонентов не имеют: *жыць як набяжыць* (бел.) – *плыць по течению* (рус.) ‘не проявлять самостоятельности, подчиняться обстоятельствам’; *як жыць не збіраецца* (бел.) – *как в воду опущенный* (рус.) ‘имеющий унылый, печальный вид’; *адну пятніцу жыць засталося* (бел.) – *при последнем издыхании* (рус.) ‘в состоянии близком к смерти; в тяжелой ситуации’; *жыццё на нітку павесіў* (бел.) – *в чем душа держится* (рус.) ‘о хилом, слабом человеке’.

Приведенная классификация типов соответствий свидетельствует о том, что наибольшее количество выявленных фразеологизмов относится ко второй и третьей группам, следовательно, интересующие нас фразеологические единицы в русском и белорусском языках преимущественно различаются, во-первых, формой или словом/словами, во-вторых, способом выражения, т. е. образом, положенным в основу неделимого сочетания, причем образ может не совпадать как при сохранении стержневого смыслового компонента (сравн.: рус. *жить на широкую ногу* – бел. *жыць як золата важыць*; рус. *жить в свое удовольствие* – бел. *жыць як вянкi плесці*; рус. *жить душа в душу* – бел. *жыць як песню пець*), так и при его отсутствии в эквивалентах одного из языков (бел. *жыццё на нітку павесіў* – рус. *в чем душа держится*; бел. *жыць як набяжыць* – рус. *плыць по течению* и др.). Таким образом, несмотря на схожесть двух родственных языков, при сравнении семантики и формы ее выражения на примере фразеологизмов с компонентами *жить*, *жизнь* / *жыць*, *жыццё* наблюдаются существенные различия, отмечается своеобразие русского и белорусского фразеологического фондов.

В ходе нашего исследования была проведена также семантическая классификация исследуемых фразеологизмов, целью которой стало выявление представлений о жизни, присутствующих в сознании носителей русского и белорусского языков. Согласно этой классификации, исследуемые фразеологизмы можно распределить на 8 групп в соответствии с идеей, которую они выражают.

1. Жизнь как счастье, отрада: *жыццё крышнічыць* (бел.) – *жизнь бьет ключом* (рус.);
2. Жизнь как горе: *жыццё на нітку павесіў* (бел.) – *в чем душа держится* (рус.); *як жыць не збіраецца* (бел.) – *как в воду опущенный* (рус.);
3. Жизнь как борьба: *не на жыццё, а на смерць* (бел.) – *не на жизнь, а на смерть* (рус.);
4. Жизнь на исходе, конец жизни: *адну пятніцу жыць засталося* (бел.) – *при последнем издыхании* (рус.); *загадаць доўга жыць* (бел.) – *приказать долго жить* (рус.); *на схіле жыцця* (бел.) – *на склоне лет (жизни)* (рус.);
5. Познание жизни: *жыць чужым (сваім) розумам* (бел.) – *жить чужим (своим) умом* (рус.);
6. Место жизни: *у чорта на кулічках жыць* (бел.) – *у черта на куличиках* (рус.); *у чорта на рагах жыць* (бел.) – *у черта на рогах* (рус.);
7. Сложные жизненные ситуации: *між (паміж) жыццём і смерцю* (бел.) – *между жизнью и смертью* (рус.); *пытанне жыцця і смерці* (бел.) – *вопрос жизни и смерти* (рус.).

8. Образ жизни: *жыць як пан (як кароль)* (бел.) – *жить на широкую ногу* (рус.); *панам (па-панску) жыць* (бел.) – *жить на широкую ногу* (рус.); *жыць як золата важыць* (бел.) – *жить на широкую ногу* (рус.); *жыццё як мёду піццё* (бел.) – *жить на широкую ногу* (рус.); *жывем як песні няем* (бел.) – *жить на широкую ногу* (рус.); *жыць як вянкi плесці* (бел.) – *жить в свое удовольствие* (рус.); *жыць як Адам у раі* (бел.) – *жить в свое удовольствие* (рус.); *жыць як сад на пагодзе* (бел.) – *жить в свое удовольствие* (рус.); *на сваю пацеху жыць* (бел.) – *жить в свое удовольствие* (рус.); *жыць як песню пець* (бел.) – *жить душа в душу* (рус.); *жыць як набяжыць* (бел.) – *плыть по течению* (рус.); *як сыр у смятане (як клёцкі ў масле) плаваць (жыць)* (бел.) – *как сыр в масле кататься* (рус.); *з мазаля жыць* (бел.) – *жить своим трудом* (рус. лит.), *жить своими мозолями* (рус. диал.); *з музыкай (жыць)* ‘жить смело, с чувством собственного достоинства’, русский фразеологический эквивалент нами не найден; *на высокай хвалі (жыць)* ‘быть в состоянии удовлетворить самые высокие требования’, русский фразеологический эквивалент не найден.

Из приведенного материала видно, что семантика русских и белорусских фразеологизмов в большей степени совпадает. Интересно отметить, что большее количество фразеологизмов относится к группе «Образ жизни». Можно сказать, что человек больше склонен анализировать поведение и поступки как других людей, так и свои собственные, нежели давать оценку жизненным ситуациям в целом. Эта особенность прослеживается и в русских, и в белорусских фразеологизмах, однако не представляет собой уникального явления, а лишь подтверждает тезис о значимости поведения окружающих людей.

Не менее важную информацию дает наблюдение над грамматическими особенностями выявленных устойчивых сочетаний. Н. А. Данилович подчеркивает, что «семантическая природа фразеологизмов не может быть с достаточной полнотой выяснена без их грамматической природы» [8, с. 6]. Известно, что большинство фразеологизмов соотносятся с разными частями речи. Как отмечает И. Я. Лепешев, “суадносячы фразеалагізм з пэўнай часцінай мовы, карыстаюцца трыма паказчыкамі: семантычным, марфалагічным і сінтаксічным” [9, с. 99]. Ученый подробно рассматривает данные показатели, говорит о преимуществах и недостатках каждого, приходит к выводу о том, что “найлепшы вынік пры выяўленні катэгорыяльнага значэння фразеалагічнай адзінкі дае комплексны падыход, улік усіх трох паказчыкаў, цэласны аналіз семантыкі, марфалагічных асаблівасцей і сінтаксічнай функцыі ў сказе” [9, с. 101–102]. В нашем исследовании за основу берется морфологический принцип классификации фразеологизмов, при котором опираться следует на “граматычна галоўны (стрыжнёвы) кампанент, калі толькі ён ёсць у фразеалагізме” [9, с. 100]. Данный принцип применяется нами с учетом семантического и синтаксического показателей. Кроме того, мы придерживаемся точки зрения, согласно которой морфологический принцип не подходит для «классификации большинства фразеологизмов со структурой сочетаний слов и почти всех фразеологизмов со структурой предложения» [8, с. 15], в связи с чем единицы с такой организацией рассматриваются нами отдельно.

Таким образом, мы учитываем подходы И. Я. Лепешева, Н. А. Даниловича, основываемся на лексико-грамматической классификации фразеологизмов А. И. Молоткова [10, с. 127–148] и предлагаем четыре типа структурной организации фразеологизмов.

1. Фразеологизмы в виде словосочетаний, которые подразделяются на именные, глагольные, адъективные, адвербиальные (с опорой на морфологический принцип, описанный выше).

2. Фразеологические обороты в виде предложений, или глагольно-пропозициональные фразеологизмы.

3. Фразеологизмы в виде ряда однородных членов.

4. Компаративные фразеологизмы (фразеологизмы с русским компонентом *как* или белорусским компонентом *як*).

Приведем примеры проанализированных русских и белорусских устойчивых сочетаний.

Белорусские фразеологизмы в виде словосочетаний: глагольные: *ад жыцця пазбавіць; адну пятніцу жыць засталася; жыццё адабраць; жыць чужым розумам; у чорта на кулічках жыць; на шырокую нагу' жыць; на ласкавым хлебе жыць*; именные: *пытанне жыцця і смерці; на схіле жыцця; пуцёўка ў жыццё*. Русские фразеологизмы в виде словосочетаний: глагольные: *не даваць жыцці; лішыць жыцці; жыць в свое удовольстве; жыць милостыней; жыць на шырокую ногу; жыць на хлебах*; именные: *вопрос жыцці і смерці; путевка в жыць*.

Белорусские фразеологизмы в виде предложений: *жыццё крышнічыць; жыццё на нітку павесіў*. Русские фразеологизмы в виде предложений: *жыць б'еет ключом; в чем душа держится; жыць оборвалася; жыць тянется*.

Белорусские фразеологизмы в виде ряда однородных членов: *не на жыццё, а на смерць; між (паміж) жыццём і смерцю*. Русские фразеологизмы в виде ряда однородных членов: *не на жыць, а на смерць; между жыцьню и смертью*.

Белорусские компаративные фразеологизмы: *жыццё як мёду піццё; жыць як кот з сабакам; жыць як вянкi плесці; жыць як сад на пагодзе; жыць як у Бога за дзвярыма; як сыр у смятане (як клёцкі ў масле) плаваць (жыць); жыць як песні п'ем; жыць як Адам у раі*. Русские компаративные фразеологизмы: *жыць как жывется; жыць как кошка с собакой; жыць как птуца небесная (божыя); жыць как на вулкане*.

Большинство компаративных фразеологизмов белорусского языка имеют русский эквивалент, не являющийся сравнительным оборотом (*жыць як Адам у раі – жыць в свое удовольстве; жыць як пан (як кароль) – жыць на шырокую ногу* и др.). В русском языке все компаративные фразеологизмы имеют либо такой же компаративный белорусский аналог (*жыць как кошка с собакой – жыць як кот з сабакам*), либо не имеют эквивалента вовсе (*жыць как жывется*).

Таким образом, русская и белорусская фразеологические системы основываются на обширном общем фонде, что объясняется близким родством двух языков, однако, несмотря на схожесть языка и мировоззрения носителей, фразеологизмы с компонентами *жыць, жыць / жыць, жыццё* имеют определенные семантические и грамматические различия.

Список использованных источников

1. Усенко, И. Ю. «Жизнь прожить – не поле перейти»: семантика и функционирование русских идиом с компонентами «жизнь» и «жить» / И. Ю. Усенко, Ч. Цитун // Евразийский союз ученых. – № 9 (18). – С. 89–92.
2. Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларуская Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008.
3. Санько, З. Ф. Краткий русско-белорусский словарь пословиц, поговорок и фразем / З. Ф. Санько. – Минск : Навука і тэхніка, 1991. – 216 с.
4. Федоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Федоров. – 3-е изд., испр. – М. : Астрель: АСТ, 2008. – 878 с.
5. Фразеологический словарь русского языка / сост. Л. А. Войнова и др.; под ред. А. И. Молоткова. – 5-е изд., стер. – СПб. : Вариант, 1994. – 543 с.
6. Фразеологический словарь современного русского языка / сост. Ю. А. Ларионова. – М. : Аделант, 2014. – 511 с.
7. Трофимович, Т. Г. Фразеологические составы русского и белорусского языков в сопоставительном рассмотрении / Т. Г. Трофимович // Пачатковае навучанне: сям'я, дзіцячы сад, школа. – № 9. – 2020. – С. 16–18.
8. Данилович, Н. А. Грамматическая характеристика фразеологизмов современного белорусского литературного языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Н. А. Данилович. – Гродно, 1984. – 190 с.
9. Лепешаў, І. Я. Фразеалогія сучаснай беларускай мовы : вучэб. дапам. для філал. фак. ВНУ / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Выш. шк., 1998. – 271 с.
10. Молотков, А. И. Основы фразеологии русского языка / А. И. Молотков. – Л. : Наука, 1977. – 282 с.

Abstract. The article examines the semantic and grammatical features of Russian and Belarusian phraseological units with the components *to live, life*. The classification of the types of correspondences of the form of expression in the Russian and Belarusian languages is given, and a semantic analysis is given. A grammatical classification of the identified phraseological units is being developed. The conclusion is made about the uniqueness of Russian and Belarusian phraseological units with indicated components.

Keywords: phraseological unit, semantics, grammar, comparison.

Гальцова Дарья Николаевна – преподаватель кафедры славянской филологии; Воронежский государственный университет (darij98@yandex.ru).

Сафонова Ульяна Всеволодовна – студент; Воронежский государственный университет.

УДК 811.161.1'367.633

В. К. Голубева

О ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИИ В КРУГУ ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫХ ФОРМ И ИХ НАРЕЧНЫХ КОРРЕЛЯТОВ

Аннотация. В работе рассматриваются проявления влияния фактора фразеологизации на формирование значения адвербиализованных предложно-падежных форм (*наутро, на бегу*). Анализируются пары наречий и предложных групп типа *нетерпеливо – с нетерпением* с точки зрения способности каждого из коррелятов выступать компонентом устойчивой конструкции и отличаться от своего потенциального грамматического синонима.

Ключевые слова: наречие, предложно-падежная форма, фразеологизация, идиоматизация, адвербиализация, грамматическая синонимия, устойчивое сочетание, семантика.

Предложно-падежные формы, переходящие в наречия, становились объектом пристального внимания многих русистов (О. П. Ермаковой, В. В. Виноградова, В. Б. Евтюхина, Е. И. Янович, И. В. Высоцкой, Е. И. Тимошенко и других), поскольку такие синкретичные единицы демонстрируют гетерогенность своей природы, локализуются на разных участках субстантивно-адвербиальной шкалы и по-разному проявляют гибридные категориальные свойства в тексте. Кроме того, промежуточный статус таких образований, отражающийся в орфографии, заставляет снова и снова актуализировать практические и методические аспекты данной проблематики.

Предметом нашего рассмотрения стали адвербиализованные предложно-падежные формы в связи с процессами фразеологизации, которые, по замечанию В. Б. Евтюхина, играют важную роль при образовании наречных лексем, возникших неморфологическим путем (*с размаху, на весу*): «адвербиализация сопрягается с фразеологизацией и по существу является следствием фразеологизации», большое значение в этом имеет «фактор случайности, который заранее учесть невозможно» [1, с. 499]. Отмеченный ученым фактор случайности, сопровождающий образование фразеологизмов в целом, на уровне наречий проявляется, во-первых, в закреплении одной единицы в адвербиальной функции и неупотребительности другой (нерегулярность лексикализации изоморфных форм разных существительных, т. е., в сущности, тождественного материала для создания наречий); и, во-вторых, в расхождении семантики предложно-падежных форм, образованных по одной модели (высокая доля несоответствия «форма – значение» у единообразно оформленных единиц).

Так, при наличии лексемы *наутро* ‘утром следующего дня’ соответствующим образом не используются единицы со значением других частей суток – **на вечер, *на день, *на ночь* ‘вечером / днем / ночью’ (пример из [1, с. 499]); отсутствуют

и аналогичные лексикализованные формы существительных, обозначающих поры года: ***На весну** решили перестраивать дом; ***На лето** отправились в свою гастрольную поездку ‘с наступлением весны / лета’. Именные формы такой структуры в наречной функции не исключены, однако они выражают другую семантику: *Остатки овощей припасли на зиму* ‘для употребления зимой’, а не ‘с приходом зимы’ (потенциальная адвербиализованная форма, скорее всего, отличалась бы от данной ударением: не *на зиму*, а *на зиму*). Впрочем, такие явления фиксируются в художественных текстах, авторы которых, как известно, часто не ограничиваются узуальными / нормативными языковыми средствами: *Мы придем на будущую осень / В эту рою разложит костер. / А на осень бушевала буря. / Ты вернулся без меня, один* (В. Гушнова).

Еще одной иллюстрацией избирательности языка по отношению к предложно-падежным формам наречного свойства служат единицы *на минутку*, *на минуточку*, *на секунду*, *на секундочку*. В обычном, неидиоматическом употреблении они несут темпоральную характеристику действия:

(1) – Людмила Леонидовна, зайдите **на минутку**... очень вас прошу... (Е. Маркова. Отречение (1990–2000)); – Что-то мне нехорошо. Я **на минуточку** прилягу... (С. Довлатов. Чемодан (1986)); *Буктрейлер – это хороший шанс хоть на секундочку превратиться в любимого героя* (К. Мильчин. Картинки для книжек // «Русский репортер», 2013) (здесь и далее контексты с указанием источника языкового материала даются по [2]).

В то же время постепенно за данными формами закрепляется нетривиальная прагматическая роль, маркированная особой (вводной) синтаксической позицией:

(2) *Поверьте, я сама много лет прожила в глубочайшей депрессии, так я, на минутку, профессиональный психолог* (Форум: Как жить так, чтобы не убить себя (2013)); *Это не в льготах вопрос, не в квотах и т. д. Это вопрос в деньгах. Которые, на секунду, вынимаются из нашего кармана* (samolet73. livejournal.com samolet73 (2013)).

Данное явление уже обсуждалось в работах ряда лингвистов (см., например, статьи Е. М. Виноградовой и Е. В. Маркасовой [3; 4]), указывавших, что такие идиоматизированные формы обслуживают особые коммуникативные потребности адресантов – используются как средство, подчеркивающее «значимость и нестандартность некоего факта, которая, по мнению говорящего, могла не осознаваться слушателем» [3, с. 99].

Между тем аналогичные функции не усматриваются у предложно-падежных форм семантически близких существительных – номинаций также очень кратких временных отрезков: **Мой папа, на мгновение / на момент, директор компании*, а также более протяженных периодов времени: **А музыкант, на часок, был послом доброй воли; *Книга, на денек, очень стоящая*, хотя мотивация и такого рода употреблений могла бы быть выявлена: ‘хорошо подумай, осмысли ситуацию, оцени предлагаемую вещь’.

Нерегулярность моделей семантической деривации демонстрируют адвербиализованные формы *на бегу*, *на скаку*, *на плаву*, реализующие один структурный тип форм – «на + В. пад. отглагольного существительного» (от бесприставочного глагола). *На бегу* является полисемичной единицей: согласно [5, т. 1, с. 561], кроме первичного значения ‘во время бега или очень быстрого шага’ (3), она может использоваться и в более абстрактном, переносном значении ‘не сосредоточиваясь на чем-л., в состоянии спешки’ (4), а также, возможно, (6):

(3) **На бегу** у малыша подвернулась нога, и он упал на ровном месте на копчик («Я не предполагала, что сын может так кричать» // lenta.ru, 18.06.2019).

(4) *Это не для тех, кто хочет на бегу получить отрывки знаний, а для тех, кто готов один вечер почитать книгу целиком* (Немалый бизнес // Известия, 12.08.2019).

Адвербиализованное сочетание *на скаку* обладает иной семантической структурой: у него отсутствует вторичное значение, словарь [6] фиксирует только ‘в процессе скачки, во время движения вперед’. Даже в случаях, когда контекст актуализирует метафорический смысл, не происходит полного отвлечения от образа скачки и атрибутов этого процесса:

(5) <...> *выпускать вожжи на скаку федеральный центр не намерен* (Георгий Ковалев. Скрытая угроза Ахмада Кадырова (2003) // «Политком.ру», 28.03.2003).

Случаи переносного употребления *на скаку* крайне редки, контекст (6), впрочем, неоднозначен:

(6) *Еда на бегу, на скаку не очень полезна и приводит к нарушению пищевого поведения, к ожирению* (Диетолог предупредил об опасности перекусов // Парламентская газета, 2021.04.19).

Наконец, *на плаву*, наряду с первичным значением ‘в состоянии плавания, на воде (о судах)’ [6], имеет и вторичное, однако процессы семантической деривации не реализуют единую модель, например, с рассмотренной единицей *на бегу*. Если в случае адвербиализованной формы *на бегу* перенос ведет к отвлечению значения по линии ‘быстрое движение → быстрый темп жизни (разных действий)’ и интегрирующим смыслом выступает ‘скорость’, то в конструкции *на плаву* расширение семантической структуры происходит за счет переносного значения ‘в благополучном положении, состоянии’ [6], при этом базой деривации выступает первичная сема не ‘скорость движения’, а ‘способность держаться на воде, не тонуть’.

Наречия, образованные путем адвербиализации, не имеют семантически тождественного однокоренного коррелята, возникшего в результате морфологического словообразования: *на бегу, бегом* – **бегно*; *ночью, на ночь* ≠ *по-ночному*, **ночно*; *вечером, вечерами* ≠ *по-вечернему*, **вечерне* и т. д. (В НКРЯ находятся единичные употребления, требующие отдельных оговорок: это могут быть окказиональные речевые факты типа *Дивно, вечерне...*; включенный в состав фразеологизма *денно и ночью* лексический вариант наречия – *ночно* и т. п.). Между тем вопросы идиоматизации предложно-падежных форм интересно изучать и в аспекте их грамматической синонимии с прототипическими (ядерными) наречиями. Дело в том, что в парах типа *грустно* – *с грустью* второй член хотя и употребляется в адвербиальной функции, часто не отрывается полностью от субстантивной лексики, сохраняет ее свойства. Принято считать, что указанные корреляты взаимозаменяемы, они представляют морфологизированный (изосемический) и неморфологизированный (неизосемический) способы выражения обстоятельственных значений (образа действия):

(7) *Подойдите к краю. Опасливо шагнули. Вытянули шеи – никакого моста не было* (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000) – наречие *опасливо* синонимично предложной группе *с опаской*.

Однако более пристальное рассмотрение соотношения членов пар, реализующих модель «качественное наречие на -о – предлог с + Тв. пад. сущ.», показывает, что они способны различаться по ряду признаков. Эти признаки могут носить универсальный характер или применяться только к отдельным лексическим единицам; они затрагивают семантическую, сочетаемостную и стилистическую специфику коррелятов. В данной статье мы остановимся лишь на некоторых дистрибутивных особенностях членов пар, связанных с процессами идиоматизации одного из компонентов.

Наречие или предложно-падежная форма, которые различаются по своей способности формировать устойчивое сочетание с определенным главным словом и которые, соответственно, не взаимозаменяются, в других синтагматических условиях могут выступать синонимами.

Так, в паре *убедительно* – *с убедительностью* устойчивую конструкцию формирует адвербиальная лексема: *убедительно просить* – **с (такой / особой) убедительностью просить*. В качестве основного значения прилагательного *убедительный* (и наречия *убедительно*, признаваемого синтаксическим дериватом) отмечается ‘способный убедить; способствующий убеждению’ [5, т. 2, с. 539; 7, с. 1362]. Несоответствие наречия такой дефиниции в сочетании с глаголом *просить* особенно ярко демонстрируют перформативные употребления *убедительно прошу, убедительно просим* (сомнительно, что, используя наречие, говорящие отмечают сильное воздействие своей речи на адресата

‘я прошу и делаю это убедительно)’. Актуальное значение такого наречного употребления ‘настоятельно, очень настойчиво’ отражено в [5, т. 2, с. 539; 7, с. 1362]. Как показывает иллюстративный блок данных словарей, сочетанием с лексемами *просьба*, *просить* и ограничивается набор контекстов для реализации данной семантики у прилагательного и соответствующего наречия *убедительный* и *убедительно*.

В то же время с другими глаголами наречие реализует свое основное значение, и субституция «наречие ↔ предложная группа» не блокируется:

(8) *Академик Дмитрий Львов убедительно показал, что 70 % налогооблагаемой базы прямо или опосредованно связаны с обложением доходом наемного труда* (Иван-дурак и миллиардер Шахновский // «Завтра», 2003.08.22) ≈ *со всей убедительностью показал* (здесь и ниже мы осуществляем неточные преобразования с учетом того, что, во-первых, наречие не предполагает обязательных модификаторов, а предложно-падежная форма часто требует их наличия и что, во-вторых, модификаторы предложно-падежной формы лексически разнообразнее распространителей наречия).

(9) *Когда такое суждение высказано, обосновано с псевдологической убедительностью и зафиксировано, возникает возможность противопоставить ему другое суждение* (Г. А. Цукерман. У истоков учебной общности: микроанализ одного урока в первом классе (2003) // «Вопросы психологии», 22.07.2003) ≈ *убедительно обосновано*.

Обратное явление – идиоматизация предложно-падежной формы, в отличие от наречия, наблюдается в паре *нетерпеливо* – *с нетерпением* при сочетании с глаголом *ждать* и однокоренными лексемами (*дожидаться*, *ожидать*). Словарные статьи адъектива *нетерпеливый* (с входящим в нее наречием *нетерпеливо*) и существительного *нетерпение* не отражают коннотативного различия рассматриваемых нами грамматических синонимов, хотя предложная группа в конструкции *ждать с нетерпением* в подавляющем большинстве случаев обозначает ‘заранее испытывать приятное чувство, с удовольствием ждать, предвкушая наступление события’, что не характерно для наречия *нетерпеливо*, сравн.:

(10) *Любой показ по ТВ мама ждет с нетерпением и смотрит этот фильм, зная все ходы, шутки и афоризмы* (Форум: рецензии на фильм «Службный роман» (2006–2010)) ≠ *нетерпеливо ждет*.

В сочетании с другими глаголами предложно-падежная форма не несет такой однозначной коннотации. Так, в примере (11) с опорой на контекст можно усматривать положительную оценочность наречного сочетания:

(11) *Но как много еще и от меня закрыто тайною и я с нетерпением желаю вздернуть таинственный покров* (А. Новикова-Строганова. Высокое назначение чело-века // «Дальний Восток», 2019) (пунктуация автора сохранена) – данный глагол в принципе затрудняет присоединение наречия: ?*нетерпеливо желаю*.

В то же время контексты в (12) показывают, что предложно-падежная форма маркирует неприятное состояние экспериенсера (недовольство, раздражение, способное перерасти в злость); в таких случаях предложная группа *с нетерпением* синонимична наречию *нетерпеливо*:

(12) *Ну! Спиридон! – с нетерпением окликнул Сологдин. – Что такоича?* (А. Солженицын. В круге первом, т. 1, гл. 26–51 (1968) // «Новый Мир», 1990); *Теткина квартира уже изживала себя, она приглянулась внучке, собиравшейся замуж, и рязанский женишок ее с нетерпением поглядывал на Андрея: ну-ка, милок, выматывайся...* (А. Азольский. Лопушок // «Новый Мир», 1998) –

Закрепление особой семантической и прагматической функции можно фиксировать и у предложной группы *с радостью*. Рассмотрим ее свойства на фоне других изоморфных и синонимичных ей единиц – *с охотой*, *с готовностью*, *с удовольствием* (о смысловых оттенках данных форм и соответствующих наречий, что нас в данной статье не интересует, см. в монографии А. Б. Пеньковского [8, с. 239–273]). В отношении синонимичных наречий данные формы проявляют себя неединообразно. Так, у предложной группы *с удоволь-*

ствием нет коррелятивного наречия (в НКРЯ фиксируется только один современный пример лексемы *удовольственно* и три относящихся к XVIII–XIX вв.); редким можно назвать наречие *готовно* (в подкорпусе «Центральные СМИ», включающем большей частью тексты XXI в., найдено всего 5 контекстов с этим словом; по данным Основного подкорпуса, пик употреблений *готовно* приходится на 1970-е гг., а к сегодняшнему дню он абсолютно спадает, встречаются лишь единичные употребления). Таким образом, из четырех приведенных пар об отсутствии лакуны на уровне коррелятов можно говорить только в отношении *радостно* – *с радостью* и *охотно* – *с охотой*. В отличие от *охотно* – *с охотой* (13), (14), члены первой пары более отчетливо противопоставляются по (не)способности абстрагироваться от первичной семантики и, в частности, выполнять «этикетную» функцию, т. е. служить средством вежливого преувеличения: эта роль открыта для предложно-падежной формы *с радостью*, но не для наречия *радостно*, которое указывает на эмоциональное состояние (15), (16):

(13) [Коля] *с охотой* попил чаю с пряниками и даже покритиковал низьменских старух (В. Астафьев. Затеси (1999) // «Новый Мир», 2000) = *охотно*.

(14) Андрей *с охотой* согласился: – Давай (В. Распутин. Прощание с Матёрой (1976)) = *охотно*.

(15) Они наслаждались до позднего вечера – мать, никогда не видевшая такого дружного общения отца и ребенка <...>, *с радостью* глядела на них (Алексей Слаповский. Гибель гитариста (1994–1995)) = *радостно* глядела.

(16) Я и пошел. Приняли *с радостью*. Я молодой, здоровый, из рабочей семьи – по всем статьям подходил (М. Карпов. Список Визенталя // «Совершенно секретно», 2003.05.05) – предложная группа обозначает уже не ‘испытывая чувство душевного удовлетворения, подъема’, а ‘охотно, с готовностью’, а потому замена на наречие *радостно* не происходит.

Функциональная эквивалентность *охотно* – *с охотой* и неэквивалентность *радостно* – *с радостью* проявляется и в (не)возможности наречий служить ответной репликой со значением согласия (в такой позиции предложные группы, согласно [5, т. 2, с. 426], выступают в роли частицы):

(17) – Теперь расскажите, граф, как же вел себя этот купчина Пастухов? – спросила Екатерина. – *С охотой!* – ответил Строганов (В. Я. Шишков. Емельян Пугачев. Книга вторая. Ч. 1–2 (1939–1945)) = *Охотно!*

(18) Рома сказал: «Виктор Иваныч, сыграй мне Осипа Мандельштама». И я прокричал: «*С радостью!*» (Ян Шенкман. Кукла Мандельштама, легенды самиздата и совершенно новый Мамонов // Новая газета, 02.10.2015) – **Радостно!*

Показательно, что лексикализация конструкции *с радостью* в рассмотренной функции (ее обособление и от субстантивной лексемы, и от однокоренного наречия, сохраняющих семантику эмоциональной реакции) отражается и в лексикографической практике. Например, в [9, т. 22, с. 126] эта адвербиализованная форма помещена в ромбовую часть, а в [5, т. 2, с. 426] – и вовсе вынесена в отдельную словарную статью, в то время как *с охотой* в [9, т. 15, с. 167–168; 5, т. 1, с. 739] приводится в иллюстративном блоке к основному значению субстантива *охота*; в словаре Т. Ф. Ефремовой обе единицы (*с радостью* и *с охотой*) помещаются в отдельные статьи [6], однако данный лексикографический источник в принципе известен массовой фиксацией втянутых в процесс адвербиализации предложно-падежных форм.

В рамках данной работы мы проанализировали только отдельные случаи идиоматизации семантики предложно-падежных форм, имеющих и не имеющих наречный коррелят. Хотя фактор фразеологизации, обуславливающий дискретность предложной группы по отношению к базовому существительному, предопределяет крайнюю нерегулярность закрепления в языке одноструктурных адвербиализованных форм типа *на бегу* и трудную моделируемость процессов семантической деривации в этой области, данные процессы нуждаются в дальнейшем изучении и систематизации.

Компоненты пар «качественное наречие – предложно-падежная форма», которые традиционно считаются полными синонимами, имеют зону функциональной нетождественности. Наша попытка охарактеризовать некоторые предложные группы и однокоренные наречия как базу для формирования фонда устойчивых сочетаний языка позволяет уточнить область, в которой указанные корреляты не выступают грамматическими синонимами.

Список использованных источников

1. Морфология современного русского языка / ред. С. И. Богданов, В. Б. Евтюхин, Ю. П. Князев [и др.]. – СПб. : Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. – 634 с.
2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 15.10.2024.
3. Виноградова, Е. М. «На минуточку!» / Е. М. Виноградова // Русский язык в школе. – 2005. – № 3. – С. 99–100.
4. Маркасова, Е. В. Вводные слова как зеркало «новой вежливости» в современном русском языке (*на минуточку и стесняюсь спросить*) / Е. В. Маркасова // Scando-Slavica. – 2008. – № 54. – С. 240–251.
5. Морковкин, В. В. Большой универсальный словарь русского языка : в 2 т. / В. В. Морковкин, Н. М. Луцкая, Г. Ф. Богачева. – М. : АСТ-Пресс, 2022.
6. Современный словарь современного русского языка под ред. Т. Ф. Ефремовой [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova>. – Дата доступа : 15.10.2024.
7. Большой толковый словарь русского языка / ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
8. Пеньковский, А. Б. Очерки по русской семантике / А. Б. Пеньковский. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 464 с.
9. Большой академический словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; [ред.: Л. И. Балахонова]. – М. : СПб. : Наука, 2004–2021.

Abstract. The article examines the manifestations of the influence of the phraseologization factor on the formation of the meaning of adverbialized prepositional-case forms (*nautro* ‘in the morning’, *na begu* ‘on the run’). Pairs of adverbs and prepositional groups of the type *neterpelivo – s neterpeniem* ‘impatiently – impatiently’ are analyzed from the point of view of the ability of each of the correlates to serve as a component of a stable structures and differ from its potential grammatical synonym.

Keywords: adverb, prepositional-case form, phraseologization, idiomaticity, adverbialization, grammatical synonymy, stable structure, semantics.

Голубева Виктория Константиновна – кандидат филологических наук; Белорусский государственный университет (v.k.golubeva9@gmail.com).

УДК 811.161.1'37:398.92:82-1

И. Г. Гомонова

МЕТАОПЕРАТОРЫ ПАРЕМИЙ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Аннотация. В статье анализируется встраивание паремиологических единиц в поэтические тексты с помощью метаоператоров. Выявляются разные типы метаоператоров паремий: лексические, лексико-синтаксические и собственно синтаксические. Делаются выводы о преобладании в поэтических текстах лексических метаоператоров, которые входят в состав предикативных конструкций, имеющих образный характер.

Ключевые слова: паремия, паремиологическая единица, метаоператор, лексический, лексико-синтаксический, собственно синтаксический, поэтический текст.

Исследование выполнено в рамках финансируемой темы «Белорусско-русские фразеологические и паремиологические параллели в словаре и интернет-коммуникации», № государственной регистрации 20212044, дата государственной регистрации 02.06.2021.

Паремии, как известно, отражают наиболее характерные и востребованные в социально-культурном плане ситуации и коммуникативно значимые смыслы. По мнению паремиологов, «говорящему необходимо ввести в речь поговорку, чтобы подчеркнуть, что его мнение основывается не на оторванных от человеческой жизни представлениях» [1, с. 49], «чтобы создать иллюзию стоящего за ним плотного и гомогенного социального пространства» [2, с. 312]. Названная функция паремий приводит к их активному использованию в художественных (прежде всего прозаических) и публицистических произведениях. Выступая в качестве интертекста, паремиологические единицы служат средством концентрированного выражения мысли автора.

Что же касается поэтических произведений, как правило, тяготеющих к субъективизму, то в них паремии востребованы в меньшей степени, а их встраивание в текст представляет собой непростую задачу, решение которой предполагает гармоничное присутствие паремии в стихотворном произведении и требует от автора большого мастерства.

В функции интертекста паремии характеризуются различными приемами встраивания в текст, как имплицитными, так и эксплицитными. Предметом данной статьи является встраивание паремиологических единиц в поэтические тексты с помощью метаоператоров. В качестве источника материала для исследования используется Поэтический подкорпус Национального корпуса русского языка [3], из которого с опорой на перечень потенциально возможных метаоператоров отобраны стихотворные контексты, включающие в себя паремиологические единицы. Объем анализируемого материала – 101 контекст.

Функция метаоператоров при паремиях заключается в том, чтобы «сигнализировать о значении поговорки как общепринятой норме, системе ценностей, апеллировать к опыту поколений <...> или, наоборот, модифицировать норму, утверждать альтернативные ценности...» [1, с. 50].

В поэтических текстах представлены прежде всего метаоператоры лексического типа (82 контекста), в роли которых выступают слова *пословица*, *поговорка*, *мудрость*. Данные показатели присутствия паремий в тексте входят в состав предикативных конструкций, в которых лексический метаоператор занимает субъектную или объектную позицию.

Конструкции с метаоператором в позиции субъекта в свою очередь делятся на разные и нейтральные.

Для образных конструкций характерен прием олицетворения. Пословицам и поговоркам «приписываются» действия и признаки, свойственные человеку. Глагольные предикаты в таких конструкциях выражаются глаголами со значением речевого действия / воздействия (*говорить*, *гласить*, *вещать*, *твердить*, *утешать*):

Худой мир лучше доброй ссоры,

Пословица старинна говорит;

И каждый день нам тож примерами твердит,

Как можно не влетаться в споры... [И. И. Хемницер. Два соседа (1782)];

Пословица гласит недаром:

С волками должно выть по-волчьи. К знатным барам

Не вдруг вбежишь [Д. Ю. Струйский. Старый друг лучше новых двух (1830)].

Именной предикат в образных конструкциях с метаоператором в субъектной позиции выражается адъективом *права*:

Много ль подобных тебе? Что сутки, то талер, и даром.

Права пословица: счастлив игрою, несчастлив женою [В. А. Жуковский. Красный карбункул (1816)].

В следующем контексте конструкция с метаоператором *мудрость*, выполняющим функцию приложения, также имеет метафорический характер:

Легка ты, мудрость, на помине:

Лес рубят – щепки, мол, летят.

Но за удел такой доныне

Не предусмотрено наград [А. Т. Твардовский. Друг детства [За далью – даль, 9] (1950–1960)].

Нейтральные конструкции с метаоператором в субъектной позиции включают в себя предикаты, выраженные глаголами со значением бытия, существования (прежде всего глаголом *быть*), и имеют констатирующий характер:

Макар-бедняк, любя жену, не знает темной ноченьки,

Не спит, сидит, вздыхаючи, слезой туманя оченьки.

Слезами не помочь беде – есть русская поговорка,

А бабе-то, страдалице, всё нуще нездоровится [Л. Н. Трефолев. На бедного Макара и шишки валяются (1872)];

Ревут батареи в морозном дыму

В далеком Привислинском крае.

Что дальше от дому, то ближе к нему, –

Была поговорка такая [А. Т. Твардовский. Дорога до дому (1945)].

Конструкция с метаоператором может быть эллиптической, в ней подразумевается бытийный глагол:

Пословица у нас: *на ближних уповай,*

А сам ты не плошай! [И. И. Дмитриев. Жаворонок с детьми и Земледелец (1793)].

В следующем контексте лексический метаоператор входит в неполное предложение с пропущенным предикатом, выраженным бытийным глаголом *остаться*:

Если вычеркнуть войну,

Что останется? Не густо.

Небогатое искусство

Берeditь свою вину.

Что еще? Самообман,

Позже ставший формой страха.

Мудрость, что своя рубаха

Ближе к телу. И туман [Д. Самойлов. «Если вычеркнуть войну...» (1961)].

Конструкции с метаоператором в объектной позиции включают в себя предикаты, выраженные глаголами со значением речемыслительной деятельности; вся конструкция в целом обозначает отношение лирического героя к содержанию паремии. Это отношение, как правило, положительное: лирический герой придерживается того же мнения, что и коллективный автор паремий, считает это мнение мудрым и авторитетным:

Пословицы держусь, сему я мненью зрелу,

Что ближе завсегда своя рубашка к телу [Н. П. Николев. Сатира к музе на 16 году сочинителя (1774)];

В лесу ль меня ты выследишь,

Когда глаза заснут?

Припомни-ка поговорку:

Лежачего не бьют [С. М. Городецкий. Смеретушка (1907)].

В отдельных случаях в конструкциях с лексическими метаоператорами выражается негативное отношение лирического героя к содержанию паремии:

Нахвастает с три короба,

А уличишь – отишутится

Бесстыжей поговоркою,

Что «за погудку правую

Смычком по рожге бьют!» [Н. А. Некрасов. Кому на Руси жить хорошо (1865–1877)].

Таким образом, предикативные конструкции представляют собой наиболее типичный способ включения в стихотворное произведение метаоператора лексического типа. В то же время в анализируемый материал входит контекст с полупредикативной конструкцией, имеющей в составе лексический метаоператор:

Дожидался другого в приёмной:

На душе было так тяжело –

И народ-то кругом самый тёмный,

И погода дурная на зло;

Но и тут я решил справедливо,

Вспомнив мудрой пословицы глас,

Что мы ждём одного терпеливо,

Потому что не семеро нас [В. С. Курочкин. *Мудрость бедняка* (1859)].

Отношение лирического героя к содержанию паремии в составе анализируемых конструкций выражают также определения *мудрый, меткий, известный (в народе)*, которые сочетаются с метаоператорами *пословица* и *поговорка*:

Монтаньяры Вишовой Горки!

«Красный цвет лишь дурню мил!»

Так народ наш дальнорский

Этой меткой поговоркой

Вас навеки заклеимил [Н. Ф. Щербина. *Московским красным* (1858)];

Скажу пословицу, известную народу:

Спасаясь от огня, ты не бросайся в воду [Д. И. Хвостов. *Овца и Дождь* (1820)].

При предикате в данных конструкциях аналогичную функцию выполняет обстоятельство *недаром*:

Недаром есть пословица,

Что нашей-то сторонушки

Три года черт искал [Н. А. Некрасов. *Кому на Руси жить хорошо* (1865–1877)];

В разгаре хлебная уборка,

А урожай – как никогда.

Гласит недаром поговорка:

Берут навалом города [Б. Л. Пастернак. «В разгаре хлебная уборка...» (1957)].

Если лексические показатели присутствия паремий в тексте используются в составе вводных конструкций, такие метаоператоры имеют смешанный лексико-синтаксический характер (9 контекстов):

А вы... вы груздем назвались,

*Так, **по пословице**, извольте лезти в кузов!* [К. П. Масальский. *Выговор* [Из повести «Модест Правдин»], 7] (1828)];

Замолкли вы. Ужели – «с глаз долой –

*Из сердца вон», **по старой поговорке?***

Иль стариковские глаза не зорки,

Не видят равнодушья правды злой [Ю. Н. Верховский. «Замолкли вы. Ужели – «с глаз долой...» (1942)].

К собственно синтаксическим метаоператорам, сопровождающим паремии в поэтических текстах, относятся вводные конструкции, входящие в семантико-функциональный тип вводных единиц, указывающих на источник сообщения, и не содержащие при этом лексических показателей *пословица/поговорка*. В анализируемом материале такие метаоператоры представлены вводными конструкциями *как говорится, как говорят* и *как известно* (10 контекстов):

Я сойду на последней странице,

Красна девица в черном платочке.

Чем помочь? Не отпишешь пером.

*Это, как говорится, цветочки,
то-то ягодки будут потом!* [О. Г. Чухонцев. «Я сойду на последней странице...» (1961)];
*Сквозило. Это ль спугивало звук?
Четыре воли в поле, как известно.
И жаворонки всплакивали вдруг
в прозрачном сне – так нежно, так прелестно* [Б. А. Ахмадулина. Ночь на тридцатое марта (1983)].

К слову сказать, синтаксические метаоператоры, не востребовавшие авторами поэтических произведений в качестве показателей присутствия в них паремий, более активно используются в качестве сигналов присутствия фразеологических единиц в стихотворном тексте (при полном отсутствии, в силу узкой терминологичности, лексических показателей, выступающих в этой функции):

*Вы ушли,
как говорится,
в мир в иной.*

Пустота...

Летите,

в звезды врезываясь [В. В. Маяковский. Сергею Есенину (1926)];

Ты не кручинься, мама родная,

Как говорят, судьба слепая,

И может статься, что народная

Не зарастет ко мне тропа... [А. А. Галич. Баллада о вечном огне (1960–1969)].

Таким образом, в качестве опознавательных сигналов присутствия паремий в поэтическом тексте используются метаоператоры разного типа (лексические, лексико-синтаксические и собственно синтаксические); при этом отмечается наибольшая востребованность лексических метаоператоров, которые входят в состав предикативных конструкций, имеющих образный характер. Метаоператоры способствуют реализации функций интертекстем-паремий, основной из которых является отражение системы взглядов автора. Паремиологические единицы способствуют расстановке смысловых акцентов, характеризую и оценивая изображаемое, отражая авторское отношение к героям и событиям.

Список использованных источников

1. Даниленко, Л. П. Интертекстуальные реляции паремий / Л. П. Даниленко // Грани слова : сборник науч. статей к 65-летию проф. В. М. Мокиенко. – М. : ООО «Изд-во ЭЛПИС», 2005. – С. 47–51.

2. Николаева, Т. М. Обобщенное, конкретное и неопределенное в паремии / Т. М. Николаева // Малые формы фольклора : сборник статей памяти Г. Л. Пермякова / сост. Т. Н. Свешникова. – М. : Изд. фирма «Вост. литература», 1995. – С. 311–324.

3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 25.09.2024.

Abstract. The article analyzes the embedding of paremiological units in poetic texts using metaoperators. Different types of metaoperators of paremias are identified: lexical, lexical-syntactic and proper syntactic. Conclusions are made about the prevalence of lexical metaoperators in poetic texts, which are part of predicative constructions that have a figurative nature.

Keywords: paremia, paremiological unit, metaoperator, lexical, lexical-syntactic, proper syntactic, poetic text.

Гомонова Инна Геннадьевна – кандидат филологических наук; Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины (gomonova@gsu.by).

Н. Горбанали ния

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ 'ЩЕДРЫЙ – ЖАДНЫЙ' В РУССКОМ И ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. В статье сопоставляются фразеологические единицы русского и персидского языков со значением 'щедрый – жадный'. При общем богатстве фразеологизмов в обоих языках русский язык проявляет большее разнообразие смысловых оттенков. Кроме того, ряд исследуемых фразеологизмов в русском языке и в персидском отличаются образной основой, некоторые из них содержат национально-специфические компоненты.

Ключевые слова: русская фразеология, персидская фразеология, фразеологические единицы, смысловое значение, внутренняя форма фразеологизмов, значение фразеологизмов.

Русский язык богат настолько, что для иностранца порой непонятно, какое значение имеют те или иные единицы, и, в частности, особенно это касается фразеологических единиц, которые представляют «единое смысловое целое, значения компонентов которого могут быть различными», о чем писал В. В. Виноградов [1, с. 140–161].

Безусловно, фразеологические единицы служат для образного выражения мысли и обычно добавляют речи яркий национальный колорит. Правильное использование фразеологизмов окрашивает речь, придает ей неповторимое своеобразие, особую выразительность, образность, меткость, создает в речи некий эффект, позволяющий запомнить называемые предметы или явления на долгое время, и свидетельствует о богатстве речевого запаса говорящего, о широте его кругозора. Необходимо только избегать ошибок, связанных с употреблением фразеологизмов в речи. В учебных структурах Ирана русские фразеологические единицы изучаются уже на начальном этапе обучения. С этой целью чаще всего используется учебник «Дорога в Россию» [2], по которому русский язык преподают в высших учебных заведениях. В него включены фразеологические единицы и пословицы на элементарном и базовом уровнях овладения русским языком.

Л. С. Крючкова отмечает, что «в своем большинстве фразеологизмы относятся к безэквивалентным или неполноэквивалентным языковым единицам, поэтому во многих случаях они являются дословно не переводимыми в силу отсутствия реалий в стране, откуда прибыл иностранец. А так как они отражают национальную культуру и являются языковыми единицами исторического прошлого русского народа, то в них, как правило, используются слова, вышедшие из употребления из-за отсутствия предмета во внеязыковой действительности». По этой причине, пишет исследователь, «необходим комментарий преподавателя, раскрывающий семантику конкретного слова» [3, с. 201].

Нужно отметить, что фразеологизмы характеризуют многие стороны жизни человека, его личные достоинства и недостатки, отношение к труду, к другим людям. Изучая язык, необходимо изучать фразеологию для развития чувства языка, расширения знаний о языке, обогащения речи, а также для понимания речи носителей языка, особенно при аудировании, и не только. Фразеологизмы, включаемые в практические занятия по развитию и формированию речевых навыков: в диалоги, в тексты и т. п., воспринимаются учащимися с большим интересом, а наилучший результат достигается при включении их в систему ситуаций общения, что облегчает процесс обучения, делает его интереснее и легче. Этому может способствовать подбор русских фразеологизмов, которые имеют эквиваленты в родном языке студентов или близки по значению фразеологизмам родного языка, так как близость значений предполагает общность ситуаций употребления.

Так, фразеологические единицы со значением 'щедрый – жадный' в русском и персидском языках часто имеют схожие значения и оценки. Щедрый и жадный являются полными противоположностями друг друга. Издавна ходят легенды о человеческой

щедрости и жадности. Разумеется, усредненные щедрость и жадность в глаза не бросаются, но когда щедрость выходит за пределы нормы и бросается в глаза, является уже сверхщедростью, то на нее каждый человек смотрит по-разному. Например, когда человек отдает последний хлеб, а сам, совершая благородный поступок, часто остается голодным, не всегда такой поступок оценивается положительно. Хотя следует отметить, что в целом щедрость в обоих языках оценивается чаще всего положительно, а жадность, как правило, отрицательно.

Нужно отметить, что щедрость и жадность – это качественные характеристики человека, проявляющиеся в определенных ситуациях и при определенных обстоятельствах.

Щедрый человек отдаст бескорыстно и бесплатно свое богатство. Жадный человек любыми путями постоянно будет стремиться получить что-то и не отдавать ни свое, ни чужое, чем он завладел.

Для характеристики щедрого человека в русском языке существуют такие фразеологические единицы, как *широкая душа, рука не скупится, рука не клеит, щедрая рука, не считает копейки, последнюю рубашку отдаст* [4, с. 226]. В персидском языке для обозначения щедрости используются следующие фразеологизмы: *открытая рука* – دست باز, *прощающая рука* – دست بخشنده, *полная рука* – دست پر. При различии языковых средств выражения в русском и персидском языках просматривается общность семантики: в обоих языках часто используется лексема *рука* как символ отдающего начала. Кроме того, в русской фразеологии присутствует национально маркированный компонент *копейка*. В обоих языках щедрость чаще всего оценивается положительно.

Противоположная группа – фразеологизмы со значением ‘жадный’. Русские фразеологизмы *жадный до всего, жадные глаза, глаза завидующие [руки загребущие], руки загребущие, всё мало, жадный как акула, жаба душит* [4, с. 57] – создают образ человека очень жадного, цепляющегося за каждую мелочь. Эти русские фразеологизмы можно сопоставить с персидскими, например, *голодный глаз* – چشم گرسنه. В персидском языке это выражение означает человека ненасытного, у которого появляется аппетит каждый раз, когда он видит еду. Это выражение дает негативную оценку человеку. В современном русском языке выражение *голодный глаз* чаще всего используется в положительном смысле: так характеризуют человека, желающего всё знать, интересующегося самыми разными предметами и явлениями, т. е. характеристика из материального мира переходит в интеллектуальную область, в связи с чем и меняется оценка.

В русском и персидском языках во фразеологизмах, обозначающих жадного человека, встречается компонент *глаз* как название органа зрения, который порождает зависть и желание приобрести всё, что человек видит. В русских фразеологизмах также встречается компонент *руки*, но в этой группе данный компонент уже олицетворяет другое качество: не символ отдающего начала, а символ берущего начала, причем ненасытного (*руки загребущие*).

Фразеологическая единица *Зимой снега не выпросишь* говорит о жадных людях, которые не поделятся с другими даже тем, чего у всех в избытке, в данном случае речь идет о снеге, которого в России зимой в избытке. Другое выражение – *Прошлогоднего снега не выпросишь* – выражает такой смысл: у скупого не выпросишь никакой, даже совсем ненужной вещи, здесь – прошлогоднего снега. В персидском языке значение ‘жадный’ имеет фразеологическая единица *дуст бесте* – *закрытая рука*, что означает: человек не имеет желания делиться даже тем, что имеет в достатке. Другое выражение *چنگال طمع*, дословно переводится как *когти алчности* и имеет приблизительно то же значение, что и *закрытая рука*. Это выражение можно сопоставить с русским выражением *жадный как волк*, что характеризует человека чрезвычайно жадного, ненасытного.

В персидском языке есть пословица *چپیش تار عنکبوت بسته است* – *Его карман покрыт паутиной*. Смысл пословицы таков: у скупого человека карман полон денег, но он долгое время не берет деньги и не тратит их, потому что не хочет, чтобы количество денег

уменьшалось или они кончились. В этом случае персы говорят: *خیلی وقت است که دست به جیبش نبرده است / فکر کنم جیبش را تار عنکبوت گرفته.* – Он давно не трогал свой карман, опасаясь, что у него закончатся деньги; Мне кажется, его карман запутался в паутине. Другая персидская пословица *اب از دستش نمی چکت* – дословно: *Вода не капает с руки* – говорит о человеке жадном настолько, что даже каплю воды не даст [5, с. 200].

Интересна персидская поговорка *نم پس نمیدهد* – *Не возвращает влагу*. Это выражение применяют к жадным людям, не желающим тратить деньги. Например: *یک وقت برای پول قرض حواستن به عمویت رو نزن!* *او نم پس نمی دهد* *Он не возвращает влагу.*

А выражение *Жадный сам не съест, никому не даст, а, когда испортится, дает собакам*. Это о непомерной и неразумной жадности: такой человек жалеет и для себя, и для других. Данное выражение говорит о том, что некоторые люди тратят всю свою жизнь на приобретение богатства, главная цель их жизни – чтобы оно не иссякло. Они продолжают так действовать до последнего момента своей жизни, и в конце концов умирают, не воспользовавшись своим богатством, а богатство переходит другим. Как сказал Имам Али: «Скупой удерживает часть своего богатства от себя и щедро оставляет все это своим наследникам!». Эта же мысль выражена в русском переводе Псалтири: «человѣкъ... ..сокровиществует, и не вѣсть, комоу соберет ѿ» («Человек собирает и не знает, кому достанется то») [6, с. 188–189].

Таким образом, для того чтобы описать щедрость в русском и персидском языках, часто используются фразеологизмы и другие образные выражения, содержащие компонент *руки*, а для описания жадности используются компоненты *глаза* и *руки*. В русском языке в составе фразеологизмов, характеризующих жадного человека, отмечены компоненты, называющие животных: для характеристики людей, жадных по мелочам, цепляющихся за каждую незначительную ценность, используется компонент *жаба* (*жаба души*), а для характеристики непомерно жадных, алчных людей используются компоненты *акула*, *волк* (*жадный как акула*, *жадный как волк*), так как именно эти животные не знают меры во время охоты: убивают всё, что видят.

В русских фразеологизмах и поговорках со значением ‘щедрый – жадный’ встречаются национально маркированные компоненты, которые отсутствуют в персидских фразеологизмах в силу отсутствия называемых реалий: *копейка*, *снег*. В свою очередь персидские фразеологизмы отличаются своеобразием внутренней формы, не характерной для русского языка (*его карман покрыт паутиной*, *вода не капает с руки*, *не возвращает влагу*).

Таким образом, русские и персидские фразеологизмы со значением ‘щедрый – жадный’ имеют как сходные, так и отличительные черты. Сходство наблюдается в оценочности единиц, в использовании некоторых компонентов в составе фразеологических единиц и во внутренней форме некоторых фразеологизмов. Отличия наблюдаются также в использовании национально маркированных компонентов.

Сопоставительный анализ русских и персидских фразеологизмов дает богатый материал для преподавания русского языка как иностранного студентам, владеющим персидским языком, позволяет им быстрее и легче усвоить фразеологизмы русского языка.

Список использованных источников

1. Виноградов, В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В. В. Виноградов // Лексикология и лексикография. – М. : Наука, 1977. – С. 140–161.
2. Антонова, В. Е. Дорога в Россию. Элементарный уровень. Уровень А2 / В. Е. Антонова, М. М. Нахабина, А. А. Толстых. – СПб. : ООО Центр «Златоуст», 2022. – 256 с.
3. Крючкова, Л. С. Обучение иностранных учащихся русской фразеологии / Л. С. Крючкова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов. № 7. – Ч. 3. – 2016. – С. 198–202.
4. Бирих, А. К. Словарь фразеологических синонимов русского языка / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова; под ред. В. М. Мокиенко. – М. : АСТ ПРЕСС КНИГА, 2009. – 448 с.

5. Садеги Сайар, Мохамад. Самые красивые персидские пословицы / Мохамад Садеги Сайар. – Изд. «Тегеран», 2013.

6. Псалтирь с параллельным переводом на русский язык. – М. : УКИНО «Духовное преобразование», 2013. – 1376 с.

Abstract. The article compares phraseological units of the Russian and Persian languages with the meaning “generous-greedy”. With the general wealth of phraseological units in both languages, the Russian language exhibits a greater variety of semantic shades. In addition, a number of the studied phraseological units in Russian and Persian differ in their figurative basis, some of them contain nationally specific components.

Keywords: Russian phraseology, Persian phraseology, phraseological units, semantic meaning, internal form of phraseological units, meaning of phraseological units.

Горбанали ния Нилюфар – аспирант; Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина (nilufaralinia@mail.ru).

УДК 81'367.623:398.92(=161.1)-026.61

О. Н. Григорьева

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ С СЕМАНТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ 'ЛИШЕННЫЙ ЦВЕТА' В РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СОЧЕТАНИЯХ

Аннотация. В статье рассматриваются русские прилагательные с семантическим компонентом ‘лишенный цвета’, а также слова *черный*, *белый* и *серый*, именующие ахроматические цвета, в составе фразеологических сочетаний. Уделяется внимание поэтическим текстам Иосифа Бродского, в которых широко представлены общезыковые и авторские фразеологизмы с названными прилагательными.

Ключевые слова: фразеологическое сочетание, прилагательное, семантический компонент, коннотация, поэтический текст.

Субъективный опыт человека основывается на информации, полученной при помощи пяти сенсорных систем, наиболее мощной из которых является зрительная. В русском языке в центре лексико-семантического поля зрительного восприятия находятся слова, именующие признаки воспринимаемых объектов: их цвет, величину, форму. Отсутствие таких атрибутивных характеристик само по себе значимо: что-то без цвета, формы, невидимое.

С этой точки зрения представляются интересными прилагательные с семантическим компонентом ‘лишенный цвета’: *бесцветный*, *блѣклый*, *поблѣклый*, *белѣсый*, *бледный*, *тусклый*, *выцветший*, *обесцвеченный*, *линялый*, *полинялый*. В толковании последнего прилагательного в словарях отсутствует семантический компонент ‘потерявший цвет’, однако оно отмечается как синоним слов *поблѣклый* и *полинялый*. К этой группе относятся также *черный*, *белый*, *серый*, определяемые как *ахроматические цвета*, которые «различаются только по светлоте и лишены цветового тона. В противоположность им существуют хроматические цвета, обладающие цветовым оттенком разной светлоты и насыщенности» [1, с. 155].

В Толковом словаре иноязычных слов Л. П. Крысина *ахроматический* (нем. *achromatisch*, фр. *achromatique* < греч. *achrōmatos* бесцветный) определяется как «бесцветный, неокрашенный» [2]. Тавтологию *ахроматический* (*бесцветный*) *цвет* оправдывает то, что это терминологическое сочетание и что оно состоит из заимствованного и русского слова.

В приведенном ряду все прилагательные в их прямом значении (исключением являются *черный* и *белый*) неизбежно приобретают в речи негативную оценочную

коннотацию, которая возникает в устойчивых словосочетаниях *блѣклое небо, белѣые ресницы, тусклый свет, выцветшие обои*. Отсутствие цвета равносильно для человека частичной слепоте (сравн. дальтонизм), оно ограничивает его взаимодействие с окружающим миром. Этим можно объяснить наличие у прилагательного *бесцветный* переносного значения ‘лишённый своеобразия, выразительности; ничем не выделяющийся, заурядный’ [3, с. 76]. Например, *бесцветная жизнь, бесцветный человек, бесцветный стиль*. Это в той или иной степени относится и к фразеологическим сочетаниям с другими словами синонимического ряда. Так, *тусклый* может иметь значение ‘невыразительный’ (*тусклый взгляд*) или ‘бессодержательный’ (*тусклые будни*). *Бледный* в переносном смысле означает ‘не производящий впечатление’ (*бледный рассказ*).

Бесцветный сохраняет нейтральность значения, если выступает в номенклатурной функции: *бесцветный минерал, бесцветный лак*.

Белый цвет в различных культурах традиционно воспринимался как символ надежды, добра, чистоты, любви. В христианстве белый цвет является символом невинности души, чистоты и святости жизни. В Библии говорится о белом цвете как цвете чистоты и невинности. Это цвет одежды Христа и Девы Марии.

Использованием слова *белый* в древней христианской символике можно объяснить то, что оно является одним из самых употребительных в древних памятниках. Прилагательное *белый* выполняло в русском словесном искусстве и особую эстетическую функцию. Древнерусское представление о красоте человека включает белое лицо, белые руки, белое тело. В. В. Колесов пишет, что «исконное значение слова *белый* – «блестящий, прозрачный», т. е. невидимый. Затем из этого исходного значения выделилось связанное с ним «светлый», откуда недалеко было и до понятия «белый» (как цвет)» [4, с. 233]. Сочетание *белый свет* включает в себе глубокий смысл. Это мир, который можно увидеть, узнать, мир светлый, прекрасный, Божий.

Символика белого цвета отражается в обширной идиоматике русского языка, причем можно заметить интересную особенность прилагательного *белый*: оно может обозначать как положительную оценку чего-либо (*белый голубь, белая зависть, белая магия*), так и отрицательную (*белая смерть* – наркотики, соль сахар, *шито белыми нитками*). Возможно и совмещение противоположных коннотаций, их проявление в зависимости от индивидуального восприятия или контекста. Так, *белый флаг* – готовность сдаться в плен – это плохо или хорошо? А *белая ворона* – человек, непохожий на всех, – вызывает симпатию или антипатию? *Белый человек* в значении «элита, человек высшего общества» вызывает смешанные чувства, тогда как в значении принадлежности к определенной расе воспринимается нейтрально. Наконец, всем известна судьба словосочетаний *белая гвардия, белый офицер*: образ врага трансформировался в образ романтического героя.

Связь черного цвета с плохими событиями или людьми отражена в устойчивых сочетаниях, являющихся, как мы знаем, знаками культуры. С. Г. Тер-Минасова отмечает, что «метафорические значения белого и черного цветов в русском языке совпадают с английским: *черная душа, черная весть, черный день, черный глаз, черный враг*. Интересное культурное различие, обусловленное, по-видимому, климатом: русские откладывают, берегут что-либо жизненно важное на черный день, а англичане – на дождливый: *against a rainy day*» [5, с. 77]. Известно, что подобная асимметрия существует не только между языками, но и внутри одного языка. Это особенно ярко проявляется у антонимичных по своей природе слов, таких как *белый* и *черный*.

В современном русском языке наблюдается устойчивая связь прилагательного *черный* с отрицательными эмоциями или с низкой нравственной оценкой: *черный человек, черные мысли, черное дело, черная зависть, черная магия, черный вторник* (или любой другой день недели) – плохой день, обычно связанный с падением акций на биржах или обесцениванием денег. Если *черная зависть* противопоставлена *белой*, то *черный человек* в данном случае не имеет такой пары (это возможно только в значении

‘цвет кожи’), *черный ворон* – ‘машина для перевозки заключенных во времена сталинских репрессий’, как видим, вовсе не антоним *белой вороны*, *черный день* не соотносится с *белым днем*. В некоторых сочетаниях слово *черный* звучит нейтрально (*черные фигуры* в шахматах, *черное золото* – ‘нефть’ или ‘уголь’).

В обыденном сознании слово *черный* (по аналогии с *темный*) соотносится с понятием «скрытый, нераспознанный, зашифрованный». Происходит неожиданное сближение значений таких фразеологических сочетаний, как *черный ящик* и *черная лошадка*, несмотря на то, что первый является научным термином. «Черный ящик» в действительности – это не ящик и не черного цвета. Благодаря образу, который использован в названии, истинный смысл затуманивается и появляются основания для создания новых значений.

Что-то подобное происходит и с фразеологизмами *черная дыра* и *белое пятно*. «Черная дыра» как научный термин – это сгусток энергии, который обладает огромной силой притяжения. Ее плотность настолько велика, что через нее не может пробиться даже луч света. По одной из научных гипотез, гигантские «черные дыры» скрыты в самом центре галактик, в том числе и нашей (Млечный Путь).

В последнем примере интересным представляется то, что использована традиционная фразеологическая модель *белое пятно на карте*. В результате подобной контаминации происходит совмещение значений, возникает некоторая двусмысленность словосочетания *черная дыра*: «что-то мало изученное и вместе с тем поглощающее авторитет президента». СМИ экспериментируют и с самим словосочетанием *белое пятно на карте*: *светлое пятно, карта социологии, карта экономической теории, дипломатическая карта*.

В русском языке *серый* ассоциируется с заурядностью и будничностью. Мы говорим *серые будни* про скучные, ничем не примечательные дни.

Русское *серый* связано также с идеей «плохо видный, скрытый, угаенный». Отсюда его явно выраженная отрицательная оценка. Наряду с широко известными фразеологизмами, такими как *серый кардинал*, *серая лошадка* и т. д., возникает много новых словосочетаний (например, *серый телеканал*, *серая реклама*, *серая информация*, *серая пропаганда*).

Уникальные условия для особого прочтения названных прилагательных создает поэтический текст. Ярким примером этого является поэзия Иосифа Бродского. Так, в индивидуально-образной системе И. Бродского преобладают ахроматические цвета: белый – 22 %, черный – 22,5 %, серый – 9 %. Эти данные приводятся в «Словаре цвета поэзии Иосифа Бродского» В. П. Полухиной [6, с. 9]. Прилагательное *бесцветный* употреблено 28 раз [6, с. 35–36]. Вот что сам поэт писал об этом: «это мое, собственное, зрение, и если я вижу или не вижу что-то из того, что видят или не видят другие, то это следует считать не пороком зрения, но его частным качеством» [7, с. 33].

В стихотворении «Бабочка» (1972) эта мысль выражена еще определеннее, категоричнее:

*Навряд ли я,
бормочущий комок
слов, чуждых цвету,
вообразить бы эту
палитру смог* [8, с. 21].

Фразеологические сочетания с прилагательными *белый*, *черный*, *бесцветный* в поэтических текстах Иосифа Бродского представляют собой обширную группу, включающую и общеупотребительные, и индивидуально-авторские выражения. Приведем лишь некоторые из них:

1) **белый**: *среди бела дня, белая ночь, белый свет, белый воздух, белые мухи, белый снег, белый пароход, белый лист, белый свод небес, белые глаза, белый нож*;

2) **черный**: *черная лестница, черный ход, черный небосвод, черный воздух, черная вода, черные гнезда, черные птицы, черный квадрат окопа, черная мысль*;

3) **серый**: *серый язык воды, серое пламя, серый дождь, серый волк, серый песок, серая заря, серый север*;

4) **бесцветный**: *бесцветный день, бесцветный воздух, бесцветный ветер, бесцветное небо, бесцветная пыль, бесцветный голос*.

Исследователь творчества Бродского Т. Н. Баранова обращает внимание на то, что «трагический настрой лирического героя ведет не к обнадеживающей мысли о бессмертии человека, живой души, но к печальному прозрению относительно бестелесного и невесомого мира-ничто. Бабочка Бродского становится не традиционным зримым образом освобожденной (свободной) души, а предметным знаком незримого «белого фона» белого света, словно бы на физическом (= поэтическом) уровне подвергнутому дисперсии, разложению оптики бесцветного (в итоге) мира» [9, с. 667].

16 сентября 1992 года в «Независимой газете» впервые было опубликовано стихотворение, посвященное известному шведскому поэту Томасу Транстрёмру, хорошему знакомому Бродского:

*Вот я и снова под этим бесцветным небом,
заваленным перистым, рыхлым, единым хлебом
души. Немного накрапывает. Мышь-полевка
приветствует меня свистом. Прошло полвека.*

*Барвинок и валун, заросший густой щетиной
мха, не сдвинулись с места. И пахнет тиною
блеклый, в простую полоску, отрез Гомеров,
которому некуда деться из-за своих размеров* [10, с. 92].

Блеклый, в простую полоску, отрез Гомеров – образ моря. Бесцветное небо над бесцветным морем, как нам представляется, не означает отсутствия красок, а является символом бренности и неизменности бытия (*прошло полвека, не сдвинулись с места*).

Образ бесцветного мира, который не одухотворен присутствием Бога [11, с. 160], возникает в стихотворении Бродского «В горах»(1984):

*Голубой саксонский лес.
Снега битого фарфор.
Мир бесцветен, мир белес,
точноизвестн раствор* [8, с. 266].

В этой «недосотворенности», как и в словах со значением «лишенный чего-то», есть импульс к творчеству, заполнению семантической пустоты. «Тем и прекрасен цвет, который называют бесцветным. Он сложен и переменчив, как обыденная жизнь, и так же много в нем обещания и надежды» [12, с. 280].

Прилагательные с семантическим компонентом 'лишенный цвета', образующие в поэзии Бродского авторские фразеологические словосочетания, отражают попытку человеческого сознания понять пределы бытия.

*Там, за нигде, за его пределом
– черным, бесцветным, возможно, белым –
есть какая-то вещь, предмет* [8, с. 47].

Мы приходим к выводу, что значение слова *бесцветный*, как и других прилагательных с семантическим компонентом 'лишенный цвета', выходит за границы лексикографического описания. Многие фразеологические сочетания с этими прилагательными могут определять нечто непознанное, таинственное, запредельное. Не случайно в современном русском языке можно встретить словосочетание *бесцветная вечность*.

Список использованных источников

1. Беда, Г. В. Живопись / Г. В. Беда. – М. : Просвещение, 1986. – 192 с.
2. Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. – М. : Русский язык, 2002. – 856 с.

3. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. – СПб. : Норинт, 2008. – 1534 с.
4. Колесов, В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека / В. В. Колесов. – СПб. : Филологический факультет Санкт-Петербургского гос. университета, 2000. – 326 с.
5. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Слово/Slovo, 2000. – 624 с.
6. Полухина, В. П. Словарь цвета поэзии Иосифа Бродского / В. П. Полухина. – М. : Новое литературное обозрение, 2016. – 368 с.
7. Бродский, И. А. Поклониться тени: Эссе / И. А. Бродский. – СПб. : Азбука-классика, 2006. – 288 с.
8. Сочинения Иосифа Бродского : в 7 т. / сост. Г. Ф. Комаров. – Т. 3. – СПб. : Пушкинский фонд, 2001. – 310 с.
9. Баранова, Т. Н. «Бытие... есть на деле ничто»: жанрово-смысловые акценты большого стихотворения И. Бродского «Бабочка» / Т. Н. Баранова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. – Том 17. Вып. 3. – С. 663–674.
10. Сочинения Иосифа Бродского : в 7 т. / сост. Г. Ф. Комаров. – Т. 4. – СПб. : Пушкинский фонд, 2001. – 431 с.
11. Ранчин, А. М. «Человек есть испытатель боли...». Религиозно-философские мотивы поэзии Бродского и экзистенциализм / А. М. Ранчин // Октябрь, № 1, 1997. – С. 154–168.
12. Честертон, Г. К. Человек с золотым ключом / Г. К. Честертон / Пер., предисл., коммент. Н. Л. Трауберг. – М. : Кукушка, 2003. – 330 с.

Abstract. The article examines Russian adjectives with the semantic component ‘devoid of color’, as well as the words black, white and grey, naming achromatic colors, as part of phraseological combinations. Attention is paid to the poetic texts of Joseph Brodsky, which widely present general language and author's phraseological units with the named adjectives.

Keywords: phraseological combination, adjective, semantic component, connotation, poetic text.

Григорьева Ольга Николаевна – кандидат филологических наук, доцент; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (lonogrig@yandex.ru).

УДК 811.161.1'37: 81'373.612.2

О. С. Гуркова

О НЕОФРАЗЕМЕ БЕГУЩАЯ СТРОКА

Аннотация. В данной статье рассматривается функционирование устойчивого словосочетания *бегущая строка*. Выявлены варианты его структурно-семантических трансформаций в контексте (контаминация, метафоризация, оценочность и др.)

Ключевые слова: устойчивое сочетание, неофразема, метафоризация, контаминация, дефразеологизация.

Существенное влияние на развитие лексико-фразеологического фонда любого языка оказывают изменения в жизни социума. Во второй половине XX в. – начале XXI в. особенно стремительно развиваются информационные технологии, появляются новые устройства и изобретения.

Одним из них стала *бегущая строка* – 1) электронное устройство, предназначенное для отображения текстовой и графической информации. В самом простом варианте текст просто «бежит», двигаясь справа налево. Отображающая матрица обычно состоит из светодиодов. Очень часто помимо простого текста бегущие строки могут генерировать простейшую графику и накладывать различные эффекты на отображаемый текст [1]; 2) непрерывно прокручивающаяся строка с текстом, которая размещается внизу экрана во время телетрансляции [2].

Человек вычленяет из огромного потока информации только то, что имеет для него какое-то значение, что может быть ему полезным и целесообразным для его жизни и практической деятельности. Переосмысление таких ситуаций может вести к образованию вторичных значений, приобретаемых неоднословными единицами, потенциально способными пополнять фразеологический фонд языка. При этом основным источником переосмысления на уровне слов и словосочетаний в каждую историческую эпоху обычно являются те реалии, которые вызывают повышенный интерес в данном обществе в определенное время (закон Шпербера) [3, с. 174; 4, с. 99].

«Слово, как известно, манифестирует свои значения не изолированно, а в контексте, в непосредственной связи с другими словами, которые создают условия для новых трансформаций и семантических изменений лексических единиц. В процессе метафоризации могут наблюдаться интуитивные уподобления, неожиданные сравнения известного и неизвестного...», – отмечает В. Д. Стариченок [5, с. 30].

Обращение к интернет-ресурсу «Национальный корпус русского языка» (www.ruscorpora.ru), а также к поисковым системам «Яндекс» и «Google» позволило нам выявить целый ряд текстовых фрагментов, фиксирующих словосочетание *бегущая строка*. В результате обобщения и систематизации собранного материала нами обнаружены следующие варианты включения данной единицы в контекст.

В частности, ряд контекстов демонстрирует контаминацию анализируемого оборота *бегущая строка* с фразеологизмом *на лбу написано* ‘о человеке, по внешнему виду которого видны его замыслы, намерения, состояние духа [6], сравн.: *Провкин Игорь как-то смотрел интервью с создателями игры, рассказывает, что на лбу прям бегущая строка у них была мы миллионеры! На самом деле, молодцы ребята, заслужили. Приятно, кстати, что в игру можно и бесплатно порубиться, а если хочешь всяких бонусов и дополнительных функций, тогда уже придется раскошелиться. Думаю, не жалко, ибо очень честный подход, а главное – продукт весьма качественный* (И дети, и взрослые будут в восторге. Обсуждение на LiveInternet (2013));

Иванов перестает улыбаться и смотрит на меня с недоверием, на лбу у него явно видно бегущая строка: Этот тоже напишет про меня чушь (Л. А. Данилкин. Диагностика пармы (2016));

Такое ощущение что на курящих девушках, на лбу, бегущей строкой написано кем она работает – стюардессой или полицейским (<https://www.bolshoyvopros.ru/questions/4498586-pochemu-ja-nigde-ne-vizhu-kurjaschih-devushkek-stjuardess.html>).

В представленных выше контекстах фраза *бегущая строка* обозначает отражение чего-то очевидного (чувств, эмоций, намерений и т. п.), понятного всем и, по сути, заменяет либо распространяет собой компонент *написано*, что усиливает впечатление от образа.

В следующем примере анализируемый фразеологизм входит в состав сравнительного оборота, подчеркивающего такие смыслы, как стереотипность, стандартность мышления и т. п. Основной базой, толчком для формирования фразеологизмов является метафоризация словосочетания и семантический сдвиг слов, сопровождающий метафоризацию [7, с. 7].

Стояла под душем, думала уже готовыми письменными фразами. По всем законам синтаксиса и пунктуации. Как бегущая строка в голове. И голос, который ее озвучивает (Галина Трунцова. Темное время суток (2012)).

Вслед за А. Н. Столяровой мы считаем, что в процессе образования фразеологической единицы «использование метафоры позволяет не только сопоставить явления, имеющие хотя бы одну схожую характеристику, но и показать общее у разнородных сущностей, провести аналогии между явлениями окружающей среды и абстрактными понятиями, назвать прежде не существовавшие объекты, выразив при этом их оценку и передав эмоциональное отношение» [8, с. 68].

Так, в заглавии книги А. С. Демидовой «*Бегущая строка памяти*» отражено метафорическое переосмысление фразеологизма *бегущая строка*, входящего в генитивную

метафорическую конструкцию, в составе которой он наделяется смыслом быстротечности, присущей памяти. Сравн. аналогичный пример: *Она опять шла на работу рано утром// В глазах бегущая строка сплошного мата// Свои подглазные мешки, заполнив пудрой// Перепила вчера напиток с виноградом* (https://vk.com/wall-63892299_921). В данном примере сочетание *бегущая строка* приобретает значение 'непрерывный поток сплошного мата'.

– *Зачем ты так, Ваня?* – был спрошен *Охлобыстин*. – *Надо*, – ответил *Ваня веско*. – *Зачем?* – *А блеснит*. **Бегущая строка** *Дуня Смирнова* (она же *Авдотья Ипполитова*) вынашивает план рождения ребенка от арт-директора *А. Орлова*. Ребенка предполагает назвать *Эзотермой Андреевной*. Если родится мальчик, *Эзотермом Андреевичем* (Про себя (1997) // «Столица», 22.12.1997). В данном примере неофразама *бегущая строка* выступает в функции деперсонифицирующей метафоры с негативной оценочностью.

Приведем еще один пример: **В глазах твоих – бегущая строка**// *Прохладно говоришь: Пока// Читаю:Свет моих очей// Замок не слушает ключей// Закончен день. Дежурно: Чай// (Скучай по мне, пожалуйста, скучай!)// – Я на работе, занят с головой// (Весь день, любимая, с тобой!* (<https://stihi.ru/2013/01/07/6429>). В контексте данного стихотворения выражение *бегущая строка* служит для выражения безучастности, равнодушия, отсутствия душевного контакта, переданных через взгляд.

В следующем примере мы можем наблюдать прием реализации (буквализации) метафоры, или дефразеологизацию:

То, о чем вы всегда мечтали, хотя сами не знали, что об этом мечтаете: на Kickstarter собирают деньги на светящийся диско-наряд для собак. Если в сопутствующем приложении для смартфона набрать короткий текст, наряд превращается в разноцветную бегущую строку. А если ваша бегущая строка убежала от вас и bluetooth-связь прервалась, костюм начинает писать «LOST DOG», привлекая внимание окружающих (https://vk.com/wall-20215315_288).

Таким образом, анализируемый оборот в современном интернет-дискурсе можно квалифицировать как коммуникативно активную неофразаему, связанную с актуальными реалиями современности и подвергаемую разного рода семантическим и структурным трансформациям, а также способную выступать в текстообразующей функции и обладающую определенным оценочным потенциалом.

Список использованных источников

1. Бегущая строка [Электронный доступ]. – Режим доступа : <https://ru.wikipedia.org/wiki/>. – Дата доступа : 01.10. 2024.
2. Бегущая строка на телеканалах: объединение информации и рекламы в одном инструменте [Электронный доступ]. – Режим доступа : <https://124бегучка.рф/articles/interesnaia-statia>. – Дата доступа : 01.10. 2024.
3. Ковалёва, Л. В. Национальные особенности фразеосочетаний в европейских языках / Л. В. Ковалёва // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2018. – № 2. – С. 173–176.
4. Попова, З. Д. Общее языкознание : учеб. пособие / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : АСТ: Восток – Запад, 2007. – 408, [8] с.
5. Стариченок, В. Д. Образ человека в белорусском языковом континууме / В. Д. Стариченок. – Минск : Колорград, 2018. – 292 с.
6. Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный доступ]. – Режим доступа : <https://phraseology.academic.ru>. – Дата доступа : 01.10.2024.
7. Куклина, И. Н. Явления фразеологизации и дефразеологизации в языке современной прессы: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01/ И. Н. Куклина; Мос. гос. обл. ун-т. – М., 2006. – 26 с.
8. Столярова, А. Н. Новая фразеология в двуязычном медийном пространстве Республики Беларусь : монография / А. Н. Столярова; под ред. д-ра филол. наук С. Б. Кураша. – Мозырь : МГПУ им. И. П. Шамякина, 2024. – 107 с.

Abstract. This article examines the functioning of the stable phrase running line. Variants of its structural and semantic transformations in context (contamination, metaphorization, evaluativeness, etc.) are identified.

Keywords: stable combination, neophraseme, metaphorization, contamination, defrazeologization.

Гуркова Ольга Сергеевна – старший преподаватель; Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины (Olga.gurkova.by@yandex.by).

УДК 811'373:398.92:128

О. В. Данич

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ДУХОВНОГО КОДА БЕЛОРУСОВ (НА МАТЕРИАЛЕ УЧЕБНОГО СЛОВАРЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА)

Аннотация. Рассмотрены особенности лексикографической репрезентации и интерпретации такого аспекта белорусского духовного кода, как нравственные ценности. Объектом для рассмотрения стали фразеологизмы, в составе которых находятся соответствующие лексемы. Источником для анализа был выбран учебный словарь для младших школьников.

Ключевые слова: духовный код, нравственные ценности, фразеологизмы, учебный словарь, младшие школьники.

Понятия духовности, духовной культуры, являясь жизненно важными для сохранения человечества в целом и любой нации в частности, испытывают колебания в степени актуальности для разных периодов развития общества. Каждая эпоха по-разному влияет на расстановку приоритетов в нематериальной стороне жизни, и мы можем с определенной долей уверенности констатировать «взлеты» и «падения» в осознании и принятии вечных ценностей: от советских норм нравственности до духовной нищеты 90-х, от нигилизма «нулевых» до явного возрождения интереса к духовной стороне жизни в наше время. Осознание ценности культуры, особенно духовной, становится основой для движения общества вперед. Поэтому принципиально важным представляется создать все условия для культивирования духовного начала у основы нашего будущего – детей. Не случайно методологической основой системы отечественного образования служит культурологический подход как «совокупность взглядов и способов проектирования и организации образовательного процесса на основе ценностно ориентированного содержания образования, приоритета культуры в образовании, развития общей интеллектуальной культуры и духовного начала личности, обеспечения ведущей роли социокультурного контекста развития учащегося, установки на диалог культур, изучения традиций и ценностей, самобытности национальной культуры в контексте мировой» [1, с. 7].

В контексте культурно-ориентированного развития общества важным является понятие культурного кода как своеобразного сгустка культурной информации, актуальной для определенной нации. Это понятие имеет сложный, многоаспектный характер. Так, Р. Барт понимает под культурным кодом «фрагменты памяти культуры, носящие концентрированный характер» [2, с. 283]. Культурный код может быть вербальным и невербальным, имеет искусственную природу, и, самое главное, он символичен. Поэтому наиболее развернутую, даже концептуальную трактовку это понятие получило в лингвокультурологических исследованиях В. Н. Телия, В. А. Масловой, В. В. Красных, М. Л. Ковшовой и др. Код, в том числе духовный, как заимствование из семиотики, имеет знаковую природу, язык – тоже культурный код, и он тоже имеет знаковую

природу. А. Ф. Лосев отмечает, что «в слове и, в особенности, в имени – всё наше культурное богатство, накопленное в течение веков» [3, с. 25]. Исходя из понимания слова как носителя важнейшей культурной информации, представляется важным решение проблемы фиксации этого культурного смысла. В этом отношении традиционно беспроблемной является фиксация слова или целой конструкции в соответствующем словаре, т. е. лексикографирование.

Нами была предпринята попытка решения проблемы не просто фиксации культурного кода белорусов в традиционном энциклопедическом издании, а создания средства «присвоения» носителями языка и культуры этой культурно-национально окрашенной информации. Так, нами был разработан «Учебный словарь лингвокультурной грамотности младших школьников», совмещающий функции справочного и обучающего, т. е. учебного пособия, ориентированного на младший школьный возраст как наиболее чувствительный для эмоционально-чувственного восприятия образного переосмысления действительности. В нашем словаре культурно-национально значимая информация рассматривается в пределах нескольких языковых уровней (лексики, фразеологии, деривации), с привлечением ассоциативных связей и художественного контекста. Все структурные части словарной статьи сопровождаются практическими заданиями эвристического и творческого характера, что в совокупности позволяет из отдельных фрагментов сформировать целостное, устойчивое, «пережитое» на когнитивном и эмотивном уровне представление о фрагменте национальной культуры, присвоить ее код.

В первую очередь, представляется крайне важным заострить внимание на духовном коде культуры как совокупности нравственных норм и ценностей, традиций и символов, единообразное восприятие которых дает возможность людям понимать друг друга, взаимодействовать, а обществу эффективно развиваться. В концепцию духовного кода культуры принято включать такие аспекты, как нравственные ценности и убеждения, национальные традиции, обряды, праздники, мифы, легенды, символы и др. По мнению В. Н. Телия, коды культуры реализуются, как правило, в сакральных текстах, поговорках, метафорах, фразеологизмах, так как именно они обладают повышенной степенью символичности [4, с. 115]. Тогда в данном исследовании предметом нашего внимания становится представление духовного кода белорусской культуры в словаре лингвокультурной грамотности, где в понятие лингвокультурной грамотности мы включаем владение знаниями о культуре, явленное нам через язык и присвоенное средствами языка. Остановимся на лексикографической репрезентации и интерпретации духовных кодов культуры во фразеологизмах, для чего продемонстрируем элементы словарных статей, посвященных нравственным ценностям, актуальным для детей младшего школьного возраста.

ДОБРОТА. «Можно найти много фразеологизмов о доброте и добре.

По доброте душевной; по доброй воле; жизнь дана на добрые дела; пользоваться добротой; помнить добро; добрая душа; получить добро; не доведет до добра; такого добра хватает.

– Значение каких фразеологизмов вам непонятно?

Подсказка: можно уточнить у взрослых или обратиться к фразеологическому словарю.

– Назовите фразеологизмы, в которых добро НЕ обозначает доброту как качество человека или добрые поступки.

Подсказка: в этих фразеологизмах добро будет обозначать 'разрешение' или какую-либо 'вещь'.

– Составьте предложение с фразеологизмом:

..... (Что? Кто?) до добра не доведет» [5, с. 34].

Фразеологизмы с лексемой *доброта* предлагались в соответствии с возможностями восприятия и понимания детьми данной возрастной группы.

ЧЕСТНОСТЬ. «С честностью и честным поведением связаны фразеологизмы *давать честное слово; держаться на честном слове; при всём честном народе; кристальная честность; держать слово; служить верой и правдой.*

– Значение каких фразеологизмов вам непонятно?

Подсказка: можно уточнить у взрослых или обратиться к школьному фразеологическому словарю.

– Какой фразеологизм связан с содержанием второго абзаца текста задания 1?

– Придумайте предложение с фразеологизмом *держаться на честном слове*» [5, с. 130].

Содержание практических заданий к предложенным фразеологизмом ориентирует детей на работу с несколькими источниками, например, с предыдущими заданиями. Это активизирует познавательную деятельность, развивает навыки абстрактно-логического мышления, что позволяет решать задачи не только духовно-нравственного воспитания, но и развития когнитивной сферы детей.

СОВЕСТЬ. «С совестью связано много фразеологизмов.

Совесть заела; с чистой совестью; для очистки совести; идти/пойти против совести; угрызения совести; без зазрения совести; муки совести.

– Значение каких фразеологизмов вам непонятно?

Подсказка: можно уточнить у взрослых или обратиться к школьному фразеологическому словарю.

– Подберите близкую по значению пословицу или поговорку из задания 2 к фразеологизму *совесть заела.*

– Восстановите пропуски в устойчивых выражениях:

Не за страх, а за; ни? ни совести.

Составьте с ними предложения или словосочетания» [5, с. 108].

Присутствие в заданиях подсказок помогает детям эффективнее решить поставленную задачу, что создает ситуацию успеха, такую нужную для обеспечения положительной мотивации к процессу познания.

ДРУЖБА. «Очень интересны фразеологизмы, посвященные дружбе и друзьям:

Друзья не разлей вода; пуд соли съесть; друг на все времена; набиваться в друзья; водить дружбу; быть на дружеской ноге; плечо друга.

– Значение каких фразеологизмов вам непонятно?

Подсказка: можно уточнить у взрослых или обратиться к школьному фразеологическому словарю.

– Есть ли среди предложенных фразеологизм с отрицательным значением?

Подсказка: такой фразеологизм будет обозначать или плохое, неправильное поведение, или плохие качества человека и так далее.

– С какой пословицей из предыдущего задания связан по значению последний фразеологизм?

Подсказка: нужно найти пословицу о помощи друзей друг другу» [5, с. 45].

Практические задания сконструированы таким образом, что способствуют формированию универсальных учебных действий, метапредметных умений работы с информацией: найти информацию, проанализировать, интегрировать и интерпретировать ее, оценить ее форму и содержание. Владение такими умениями является залогом успешности дальнейшей не только учебной, но и профессиональной деятельности. Кроме того, в нашем случае сформированные метапредметные умения станут эффективным средством усвоения предложенной культурно-национально окрашенной информации, составляющей культурные духовные коды.

Таким образом, представленный языковой материал, содержательные и конструктивные особенности практических заданий ориентированы на присвоение системы нравственных ценностей, которые станут регуляторами поведения, одобряемого обществом. Это будет способствовать успешной социализации детей в национальном обществе и обеспечивать устойчивость самого общества перед вызовами времени.

Список использованных источников

1. Образовательный стандарт начального образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://adu.by/images/2019/01/obr-standarty-ob-sred-obrazovaniya.pdf>. – Дата доступа : 05.09.2024.
2. Барт, Р. Империя знаков / Р. Барт. – М. : АСТ, 2004. – 325 с.
3. Лосев, А. Ф. Философия. Мифология. Культура / А. Ф. Лосев. – М. : Политиздат, 1991. – 524 с.
4. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 356 с.
5. Данич, О. В. Учебный словарь лингвокультурной грамотности младших школьников / О. В. Данич. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2023. – 145 с.

Abstract. The features of lexicographic representation and interpretation of such an aspect of the Belarusian spiritual code as moral values are considered. The object of consideration was phraseological units, which contain the corresponding lexemes. An educational dictionary for primary school students was chosen as the source for the analysis.

Keywords: spiritual code, moral values, phraseological units, educational dictionary, junior schoolchildren.

Данич Оксана Владимировна – кандидат филологических наук, доцент; Витебский государственный университет имени П. М. Машерова (odanich@mail.ru).

УДК [81'373.612.2:37.016]:811.112.2

О. Г. Дедович

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ «ЧЕЛОВЕК» В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются вторичные окказиональные номинации, тематически связанные с областью-источником «Человек» и функционирующие в современном лингводидактическом дискурсе. Устанавливаются основные источники мотивации: наименования лиц по семейному положению, родству, дружеским отношениям, роду занятий, профессиональной деятельности, социальному положению, наименования мифических и фантастических лиц, частей тела человека. Выявляются конгруэнтные по семантике соотносительные пары, с отношениями частичного совпадения или безэквивалентности.

Ключевые слова: метафорическая модель, область-источник, семантическая типология, окказионализм, лингводидактика, немецкий язык, русский язык.

В современной научной парадигме активно развивается антропоморфический подход к исследованию языковых явлений, при этом «человек рассматривается не просто как пассивный референт языковых выражений, но и как их активный интерпретатор, не просто как носитель языка, но и как носитель определенной концептуальной системы, на основе которой он осуществляет коммуникацию с другими носителями языка, познает мир» [1, с. 6]. Метафору не случайно называют вербализированным способом мышления [2, с. 32]. Актуализация определенных семантических сфер в том или ином метафорическом контексте отражает многоплановость представлений носителя языка о себе и окружающей действительности. Окказиональные номинации из области-источника «Человек» активно функционируют в современном лингводидактическом дискурсе. В ходе исследования установлено, что в качестве источников мотивации выступают следующие тематические группы (рисунок 1).

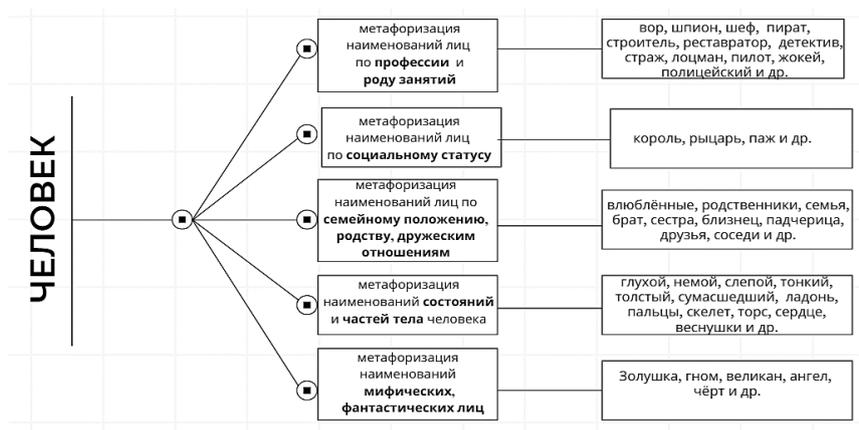

Рисунок 1 – Фреймовая структура области-источника «Человек»

Рассмотрим более подробно, как каждая из перечисленных групп задействована в процессе метафоризации и репрезентации лингводидактических понятий.

1. Наименования лиц по семейному положению, родству, дружеским отношениям.

В фокус метафоры родства попадают следующие представления:

а) о членах семьи: *семья* ‘группа людей, состоящая из мужа, жены, детей и других близких родственников, живущих вместе’, *брат / сестра* ‘каждый из сыновей / каждая из дочерей по отношению к другим детям этих же родителей’, *близнецы* ‘дети, рожденные одной матерью одновременно’, *падчерица* ‘неродная дочь одному из супругов’ →

нем. *Wortfamilie* ‘словарная семья’ (Schritte international 4, Arbeitsbuch, S. 88), (eduki, Grundschullehfe27, 14.06.2020); *Begriffsfamilien* ‘семьи понятий, ассоциации по теме в виде кластера’ (grundschule-lohne.de); рус. *семья слов* (Spektrum, 8 класс, 2019, с. 21); *семья дидактических понятий* (Е. И. Пассов). В визуальной метафоре *Familie Hauptsatz, Familie Nebensatz* ‘семья главного и второстепенного предложений’ члены немецкого предложения уподобляются членам семьи, указывается на признаки ‘постоянный / непостоянный’. Порой «дети» – определение, дополнение, обстоятельство – в предложении могут отсутствовать (Mit Erfolg zu Start Deutsch, Übungsbuch, S. 62–64);

нем. *Zwillingsbuchstaben* ‘буквы-близнецы, двойные буквы’ (zirkus-palope.de); рус. *речевые и коммуникативные упражнения – близнецы-братья* (Е. И. Пассов); аналогия и логика – *близнецы-сестры* (Е. И. Пассов);

нем. *Buchstabengeschwister* ‘буквенные брат и сестра: прописная буква и относящаяся к ней строчная’ (eduki, Marion Weyland, 14.10.2018);

нем. *Phonetik – das Stiefkind des Fremdsprachenunterrichts* ‘Фонетика – падчерица урока иностранного языка’ (M. Grein) – рус. *обучение письму – Золушка методики* (Е. И. Пассов);

б) о родственных отношениях: *родственник* ‘тот, кто находится в родстве с кем-л.’ → нем. *Wortverwandschaft* ‘родство слов’ (eduki, Heinz Trachsler, 26.07.2016); рус. *Какие «родственники» этого глагола твои старые знакомые, какие слова ты встречаешь впервые?* (Bunte Stufen, 5–6 класс, 2000, с. 269); *семейное родство языка и культуры* (Е. И. Пассов); *Содержание методики как науки и содержание системы иноязычного образования – кровные родственники, если хотите, – общающиеся сосуды, сиамские близнецы, у которых одна кровеносная терминосистема* (Е. И. Пассов);

в) о дружеских отношениях: *друг* ‘человек, связанный с кем-л. узами дружбы; сторонник, приверженец, защитник’ →

нем. *Freunde: rhythmische Wortgruppe* ‘друзья: ритмическая группа слов’ (D. Niebisch, Deutsch üben. Phonetik, 2020), *Nomenfreunde und verliebte Nomen* [eduki, unterricht_mit_plan, 10.02.2021], рус. *друзья артикль и субстантив* (А. Ф. Будько, Немецкий язык, 2 класс, 1997, с. 57; 2000, с. 9), (А. Ф. Будько, Sprechwelt Deutsch-1, 4 класс, 2001, с. 48); *друзья отделимые приставки* (А. Ф. Будько, Deutsch, 4 класс, 1996, с. 25).

2. Наименования лиц по роду занятий и профессиональной деятельности.

Исходя из коннотативных маркеров значения денотата (пейоративных и мелиоративных), можно выделить две группы данных метафор,

В первую группу входят лексические единицы *разбойник* ‘тот, кто занимается разбоем, грабежом’, *вор* ‘тот, кто занимается воровством’. Специфика их функционирования в лингводидактическом дискурсе обусловлена тем фактом, что во вторичной функции они несут скорее воспитательный заряд (нельзя понапрасну тратить время, нарушать дисциплину, необходимо соблюдать правила поведения): нем. *Zeiträuber* ‘похититель времени’ (eduki, grundschulemitherz, 17.11.2020), (eduki, ohne_punkt_und_komma, 07.09.2020). Таким образом, внимание сфокусировано не только на неправильном поведении, ведь дети могут вернуть потерянное время, например, работая тихо или быстро приводя свое рабочее место в порядок.

Во вторичном значении лексема *шпион* ‘тайный агент’ сохраняет ядерную сему ‘добывающий информацию тайными способами, передающий секретные сведения’, однако в лингводидактическом дискурсе негативная коннотация нейтрализуется:

→ нем. *der Spion darf gelegentlich einen Blick oder ein Ohr zu benachbarten Gruppentischen werfen und sich dort Anregungen für den Arbeitsprozess der eigenen Gruppe «stibitzen»*. – ‘Шпиону разрешается время от времени подсматривать или подслушивать идеи у других групп для ускорения рабочего процесса своей собственной группы’; рус. *диктант для «шпиона»*, в ходе которого необходимо быстро запомнить и как можно точнее передать информацию (nsportal.ru, Мальцева Т., 30.06.2014).

Нейтральная коннотация содержится в структуре вторичного лексико-семантического варианта (далее – ЛСВ) *пират* ‘морской разбойник’, который ассоциативно связан с логической игрой «Морской бой» → нем. *Vorsilben-Piraten* – досл. ‘приставки-пираты’, *Nachsilben-Piraten* – досл. ‘суффиксы-пираты’ (S. Burkhard, Lesespiele im Grundschulunterricht, 2010, S. 17).

Семы созидательной деятельности легко прочитываются во вторичных номинациях, связанных со строительством и реставрацией:

нем. *Sätze-Baumeister* ‘строитель предложений’, задачей которого является составление предложений из частей (eduki, Abenteuer_Grundschule, 16.03.2020);

рус. *прием «Реставратор»*, смысл которого заключается в том, что учащиеся должны восстановить («отреставрировать») предварительно искаженный или выданный в неполном объеме текст (инфоурок, Замостьянская М., 30.11.2023).

По мелиоративному направлению развиваются вторичные значения полисеманта *детектив* ‘сыщик, специалист по расследованию преступлений’ → нем. *Textdetektive* ‘детективы по работе с текстом’ (eduki, das_Nilpferd_in_der_Schule, 11.03.2019); *Abschreibdetektiv* ‘детектив по списыванию’ (eduki, FrauLatte, 05.11.2023), *Rechtschreibdetektive* ‘детективы по правописанию’ (eduki, Becky, 08.05.2023), *Wörterbuchdetektive* ‘детективы по работе со словарем, поиск слов по заданным параметрам’ (eduki, daz.klassenzimmer, 06.05.2024), *Wortartendetektiv* ‘детективы по определению частей речи’ (eduki, herzampult, 04.05.2020) и др.

Значение ‘организация и поддержание порядка’ репрезентируется метафорическими образами *Lärm-Polizist* / *Lautstärke-Polizei*, *Lautstärkewächter ruft die anderen zur Ruhe auf, wenn es etwas zu laut wird* ‘страж тишины’; досл. – ‘полиция по регулированию уровня шума призывает остальных к тишине, когда становится слишком громко’ (eduki, frau.maus, 03.03.2024).

С целью визуализации стратегий чтения привлекаются представления о связанных с навигацией профессиях: ‘специалист по проводке судов в опасных и труднопроходимых районах’ → *Leselotse* ‘лоцман для чтения’ (eduki, Unterricht mit Stil, 29.01.2023); ‘специалист, умеющий управлять летательным аппаратом’ → *Lesepilot* ‘пилот для чтения’ (eduki, _Konfettizauber_, 11.09.2021).

Сема ‘тот, кто управляет, самый важный’ реализуется в немецкой развернутой метафоре: *In jedem Silbenboot sitzt ein «Kapitän», ein Vokal, begleitet von einem oder mehreren «Matrosen», den Konsonanten.* – В каждой слоговой лодке есть «капитан» – гласный, сопровождаемый одним или несколькими «морьяками» – согласными (eduki.com/de, Madame Plume, 21.09.2022).

В смысловой структуре субстантива *жокей* ‘профессиональный наездник на скачках’ актуализируется представление о парности → прием интерактивного обучения «*Жокей и лошадь*» ‘каждый «жокей» (учащийся с карточкой-вопросом) должен найти свою «лошадь» (учащегося с карточкой-ответом)’ (инфоурок, С. Поморцева, 15.01.2024).

3. Наименования мифических и фантастических лиц.

Номинативная пара *гном – великан* проанализирована нами в более ранних публикациях [3, с. 1778–1779]. Рассмотрим пару *ангел – черт*, вторичные ЛСВ которой предсказуемо развивают оппозицию «плюс – минус» и реализуются в следующих лингводидактических контекстах: *Engel und Teufel Austausch von Argumenten sowie Entscheidungsfindung in Dreiergruppen: Ein Lernender ist der Engel, der allem zustimmt; ein Lernender ist der Teufel, der alles ablehnt; ein Lernender ist die Balance, die entscheidet, welches die besten Argumente sind* (eduki, Wandel vernetzt denken, 21. 07. 2023) – Ангел и черт – ‘обмен аргументами и принятие решений в триаде: первый учащийся – это ангел, который выдвигает аргумент «за»; второй ученик – это чёрт, который всё отвергает и высказывается «против»; третий учащийся – это баланс, который решает, какой из аргументов является лучшим’; *Die Engelchen-und-Teufelchen-Methode eine Feedbackmethode: Das «Engelchen» äußert sich nur positiv. Das «Teufelchen» hingegen sieht die Sache ausschließlich negativ* (riepel.net). – Ангелочек и дьяволенок – ‘прием обратной связи: «ангелочек» выражает только позитив; «дьяволенок», напротив, смотрит на всё исключительно негативно’.

Интересный пример представляет вторичная номинация *das Geister-h* ‘призрачная буква «х», буква-призрак’, актуализирующая сему ‘невидимый’ → в лингводидактическом значении ‘нечитаемый’ в некоторых словах (eduki, Primarschildkrötchen, 25.11.2020), (grundschulernportal.zum.de). В русском языке в тождественном значении функционирует атрибутивная конструкция «*немая*» буква.

4. Наименования лиц по социальному положению.

В смысловой структуре полисемантов *король, принц* реализуется семантика ‘тот, кто выделяется среди других’ [3, с. 1778]. К данной группе, на наш взгляд, примыкает лексема *герой* в значении ‘тот, кто вызывает восхищение, обладает исключительными качествами’. Целевыми зонами в лингводидактическом дискурсе выступают рецептивные виды речевой деятельности (восприятие и понимание речи на слух, чтение) → *Hör-Helden* ‘akustische Lautdifferenzierung’ – досл. ‘герои по слушанию: акустическая дифференциация звуков’ (eduki, Abenteuer_Grundschule, 24.01.2020); *Vorleseheld* ‘герой по прочтению вслух’ (eduki, fraulotta_, 07.11.2020).

5. Наименования частей тела человека.

В широком спектре соматических номинаций можно выделить несколько смысловых центров, которые актуализируются в процессе метафоризации.

Образное переосмысление физиологических состояний человека в лингводидактическом дискурсе позволяет сделать акцент на восполнении недостающей информации: *глухой* ‘полностью или частично лишенный слуха’ → *глухие интеллект-карты* ‘интеллект-карты с отсутствующими связями, понятиями’ (s3-minsk.cloud.mts.by); *слепой* ‘лишенный способности видеть’ → *слепой текст* ‘текст, в котором пропущены некоторые слова’ (school410.spb.ru), *слепые таблицы* ‘таблицы, в которых отсутствует определенная информация’ (мультиурок, Суязова И., 28.02.2022).

Языковая единица *сумасшедший* в лингводидактическом контексте интерпретируется как ‘лишенный смысла’ → *verrückte Wörter* ‘досл. безумные слова, бессмысленные слова, в которых перепутались буквы’ (eduki, Irikchen, 28.03.2021).

В фокусе метафор лингводидактики оказываются названия частей тела человека и собственно слово *тело*. К примеру, *скелет* ‘совокупность костей, составляющих твердую основу тела человека’ → ‘то, что служит основой для дальнейшего развития или конструирования’ → *Skelettdialog* ‘скелет диалога, его схематическая модель’ (derdiedaf.com); *торс* ‘туловище человека’ → *Worttorso* ‘словарный торс, прикрытая верхняя или нижняя часть букв в слове’ (bildungsportal-niedersachsen.de, 2007), (Basale Lesefähigkeiten, I. Hoppe, J. Schwenke, 2013, S. 51).

Выводы. Система метафорических образов из области-источника «Человек» в немецком и русском языках реализует различную смысловую соотносительность: отношения тождества (совпадения, эквивалентности, идентичной денотативной соотносительности), отношения частичного совпадения (разной денотативной соотносительности, коннотативной окраски, различия в смысловом объеме и др.) и отношения безэквивалентности. Совпадения чаще всего наблюдаются в группах, связанных с созидательной деятельностью человека, семейным родством или дружескими отношениями, что обусловлено универсальностью способов познания и категоризации объективной действительности, аналогиями и ассоциациями образно-познавательной деятельности носителей немецкого и русского языков. Различия в реализации метафорической модели касаются случаев, когда субстантивы одного языка остаются моносемантическими, а в другом языке на базе исходного значения образуются переносные, релевантные для лингводидактики. Семантика вторичных номинаций аккумулируется как в минимальных метафорических контекстах, так и в развернутых.

Список использованных источников

1. Стариченок, В. Д. Образ человека в белорусском языковом континууме : монография / В. Д. Стариченок. – Минск : Колорград, 2018. – 292 с.
2. Инь, Дун Вторичные экзистенциальные номинации в русском и китайском языках (на материале субстантивов) / Инь Дун. – Минск : Колорград, 2020. – 196 с.
3. Дедович, О. Г. «Королевские буквы и словарные монстры»: сказочные метафорические модели лингводидактического дискурса (на материале русского и немецкого языков) / О. Г. Дедович // XV Конгресс МАПРЯЛ : избранные доклады [Электронный ресурс] / редкол.: Н. А. Боженкова, С. В. Вяткина, В. Н. Климова и др.; отв. ред. М. С. Шишков. – СПб. : МАПРЯЛ, 2024. – 2495 с.

Abstract. The article examines secondary occasional nominations, thematically related to the source area of “Man” and functioning in modern linguodidactic discourse. The main sources of motivation are established: names of persons by marital status, kinship, friendly relations, occupation, professional activity, social status, names of mythical and fantastic persons, human body parts. Correlative pairs congruent in semantics are identified, with relations of partial coincidence or nonequivalence.

Keywords: metaphorical model, source domain, semantic typology, occasionalism, linguodidactics, the German language, the Russian language.

Дедович Ольга Геннадьевна – аспирант; Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка (olya-de@yandex.ru).

УДК 81'271:398.92:008

Е. М. Дубровская

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОДОВ КУЛЬТУРЫ В ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ НАРОДОВ РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению паремиологических единиц, составляющих духовный код русской культуры, а также тесно с ним связанных. Особое внимание в работе

уделено пословицам, присказкам и приметам, бытующим среди народов России. Такие паремии обнаруживают влияние религиозного сознания на восприятие мира, а также связь сакрального и светского в жизни народа.

Ключевые слова: духовный код культуры, пословицы, паремиология, народы России.

В современной научной парадигме устойчивую позицию занимает мысль о том, что без языка не может существовать культуры, а без культуры – языка, поскольку все явления культуры – концепты, стереотипы, ценности – находят свое отражение и фиксацию именно в языковых средствах. Несмотря на то, что это две совершенно разные семиотические системы, отличающиеся во многих когнитивных аспектах, их взаимосвязь проявляет себя в рамках функционирования таких фундаментальных процессов, как коммуникация, онтогенез и филогенез, неизбежно затрагивающих и использующих как язык, так и культуру.

Универсальные представления о мире, несмотря на их универсальность, воплощаются в рамках каждой национальности со своими особенностями, обусловленными географическим расположением, ментальностью народа и прочими уникальными факторами. Именно эти особенности объясняют самобытность национальной языковой картины мира.

Устройство национальной языковой картины мира можно рассматривать как сеть когнитивных связей – взаимодействия языковой семантики и факта окружающей действительности. Так, культурная информация о реальности вокруг человека «кодируется», обнаруживая себя в грамматических, лексических и синтаксических структурах языка. Таким образом, многие ученые идентифицируют национальную языковую картину мира как пространство культурных кодов, или же «сетку, которую культура набрасывает на окружающий мир, членит его, категоризует, структурирует и оценивает его» [1, с. 232].

По мысли В. А. Масловой, культурный код – это «глубинное культурное пространство, “контейнер”, в котором разные языковые сущности получают различные культурные смыслы, заполняя собой и формируя тем самым код» [2, с. 9]. В основе системы кодов культуры лежит когнитивная способность человека анализировать и выявлять взаимосвязь между явлениями из разных сфер. Базой для выявления такой связи становятся общие признаки объектов, сущностей и явлений. Так, концепты «верх» / «низ», «свой» / «чужой», «близкий» / «далекий» обеспечивают функционирование пространственного кода культуры. Природный код тесно связан с представлениями о природных явлениях, пищевой – с ролью и функциями пищи в жизни человека. Содержание временного кода культуры раскрывается в принципах восприятия времени. Древнейший код культуры – соматический (или телесный) – строится на осознании человеком своей физической сущности. В противопоставление телесному коду культуры существует духовный.

Особая важность духовного кода культуры заключается в том, что результат всех познавательных возможностей языковой личности реализуется именно его посредством. Сознание аккумулирует осмысленные и отрефлексированные факты действительности, «кодирует» их и размещает в системе координат таких аксиологических категорий, как «хорошо» / «плохо», «добро» / «зло», «плюс» / «минус». Продукты духовного кода культуры можно назвать вневременными, поскольку они, зародившись благодаря религии, выходят за рамки исторических периодов и пространства, включая в себя морально-нравственные нормы, этические прескрипции и общечеловеческие ценности.

Духовный код культуры воплощается в двух ипостасях: светской и сакральной. По В. А. Масловой, к светской ипостаси кода можно отнести ценности и нормы, не связанные с религией, к сакральной же – всё, что касается Бога. При этом справедливо отметить, что вопрос разграничения светского и сакрального воплощения духовного кода культуры стоит достаточно остро: зачастую становится трудно определить принадлежность того или иного регулятива к вероисповеданию, поскольку религия является древнейшим нормоустанавливающим институтом, сформировавшим множество базовых оппозиций и моральных установок.

Одним из основных способов актуализации, представления и переноса признаков с одного объекта на другой – механизма функционирования культурного кода – является метафоризация и метонимизация. Паремии, как известно, представляют собой опыт и знания народа, собранные и хранящиеся в виде кратких образных обобщающих высказываний [3, с. 102], что полностью соответствует принципу образования единиц, представляющих собой культурный код народа. В паремиологическом фонде русского языка есть пословицы, предметом образного описания которых стали явления, попадающие в поле таких концептов, как «Бог», «Вера», «Чудеса», «Добро», «Судьба» и др., соответственно, эти пословицы мы можем отнести к единицам духовного кода русской национальной культуры.

Так, в словаре «Пословицы русского народа» В. И. Даля мы обнаруживаем следующие паремии: *С верой нигде не пропадёшь* [4, с. 30]; *Кто любит бога, добра получит много* [4, с. 26]; *Поживи на свете, погляди чудес* [4, с. 253]. Приведенные пословицы можно охарактеризовать как единицы, воплощающие сакральный духовный код русской культуры. Если же говорить о светской ипостаси духовного кода, то можно привести в качестве примера его реализации следующие паремии: *Торопись на доброе дело, а худое само приспеет* [4, с. 106]; *У приказного за рубль правды не купишь* [4, с. 144]; *Будет и на нашей улице праздник* [4, с. 43].

В Большом словаре русских пословиц под редакцией В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной представлено около 70 тысяч пословиц, снабженных пометами различного характера. Обратившись к списку сокращений, приведенному в предисловии, мы обнаружили, что, помимо эмоционально-экспрессивной окраски и сферы употребления единиц, авторы выделяют также несколько групп (башк., бурят., коми-зырян., коми-пермяцк., тат. и др.), имеющих отношение к народам России. При этом мы не берем во внимание географические пометы, также предлагаемые авторами, так как изучение единиц с такими пометами представляет собой отдельную область исследования.

В числе башкирских паремий, зафиксированных в БСРП, нами были обнаружены следующие приметы: *Воробьи ложатся – к дождю* [5, с. 153] и *Если на поле челизни – знать, кто-то умрёт* [5, с. 684], свидетельствующие о вере башкирского народа в приметы и поверья, а также о склонности интерпретировать явления действительности в соответствии с различными устоями и традициями. Подобное миропонимание можно заметить и в приметах зырян: *Если (Естли) летящий навстречу ворон повернёт направо – к счастью, налево – к несчастью* [5, с. 154]. При этом если в первых двух случаях речь шла о народных наблюдениях, которые в дальнейшем привели к закреплению паремиологической единицы в сознании носителей языка и культуры, то в ситуации с зырянской приметой речь скорее идет о суевериях и предрассудках, нежели о воплощении многолетнего опыта народа. Народные приметы появились благодаря сакрализации явлений природы, однако основной механизм их образования – выявление закономерностей между событиями в природе и событиями жизни человека. Здесь мы можем говорить о том, что, несмотря на близость к духовному коду культуры, приметы все же относятся к природному коду культуры.

В башкирских паремиях обнаруживается также воплощение и светской ипостаси духовного кода: *Кто ленивый, у того уповод короткий* [5, с. 933], демонстрирующее важность труда и трудолюбия, как одних из важнейших компонентов ценностной картины мира русского человека.

Паремиологические единицы с пометой «бурят.» *Крепка байда, да кому нужна?* [5, с. 31], *Кто шулоту не хлебал, тот и горя не видал* [5, с. 1005] воплощают в себе представления об особенностях жизни и быта бурятского народа, отражая, скорее, народный опыт преодоления трудностей, сложностей и лишений, нежели демонстрируя элементы духовного кода и сакрализованного мышления народа. Метафоричность, заложенная в паремиологических единицах, отражает, скорее, пространственный код в сознании

бурятского народа. Здесь особое внимание обращено на объекты, ставшие частью окружающей реальности носителей языка настолько неотъемлемо, что метафорическое обращение к их признакам и свойствам будет однозначно считываться носителями бурятской культуры и без дополнительных комментариев о возможном значении слов *байда* и *иулога*.

В паремиях коми-пермяцкого народа большое значение отводится вере в сверхъестественное и, как следствие, ритуальным словам и действиям, призванным это сверхъестественное если не устранить, то хотя бы предостеречь. При этом занимательна тенденция наделять сакральными характеристиками обыденные для народа предметы, объекты и явления, как, например: *Вереск да осина – чёртова лесина* [5, с. 114], *Таракан не поган, муха – от святого духа* [5, с. 899]. Значимую роль в паремиологическом фонде коми-пермяцкого народа играют ритуальные и обрядовые высказывания, такие как *Не слушай, тёпла хороминка* [5, с. 965], где жилище наделяется признаком одушевленности и нуждается в заботе и защите от бранных слов и упоминаний нечистой силы. При защите жилища может также использоваться апелляция к защите не только силами обрядовых приговорок, но и высшими силами: *Христос с нашей избушечкой, тёпленькой хороминкой* [5, с. 969]. Паремиологическая единица *Богородица с неба сорок раз валится* [5, с. 80] представляет собой защитное выражение, призванное воспрепятствовать использованию брани не только на территории дома, но и вообще, подчеркивая, что Богородица не приемлет такого поведения и, соответственно, не стоит напрасно ее огорчать.

Особый интерес представляют выражения, имеющие отношение к религиозным праздникам и дням памяти различных святых, характерные как для русского национального сознания, так и для сознания народов, проживающих на территории России. *Василий Капильник – хоть три капли капнет с крыши, дак год хороший будет* [5, с. 106], *Закапает на Васьки Капки – год хороший будет* [5, с. 106], *Придут Фролы – затрясутся брулы* [5, с. 945], *Фролы – голы* [5, с. 945], *Покров – закрывай коров* [5, с. 682] – на примере этих паремиологических единиц мы можем проследить переход духовного кода культуры (христианские праздники и дни памяти святых) ко временному коду, когда приоритетным в семантике паремии является не близость к тому или иному празднику, а смена времен года, сезонов и наступление холодов (или, наоборот, оттепели), а отсюда и необходимость выполнять определенные сезонные работы – закрывать скот, убирать поля и др. Кажущуюся близость таких паремий к духовному коду культуры, признаком которой являются лексемно-хрононимы, можно объяснить важной ролью религии в языковом сознании.

Таким образом, можно говорить о том, что духовный код культуры, выраженный во многих русских пословицах как в светской, так и в сакральной ипостаси, обнаруживает себя в паремиологическом фонде народов, проживающих на территории России. При этом примечательно его влияние на языковые единицы-экспликаторы временного и природного кодов культуры, что обуславливается менталитетом народа, его территориальной принадлежностью, а также экспансией и влиянием русской православной культуры.

Список использованных источников

1. Красных, В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций / В. В. Красных. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.
2. Маслова, В. А. Духовный код культуры и его роль в единении восточных славян / В. А. Маслова // Сборник научных статей по материалам V Международной научной конференции «Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте»; под ред. Е. Е. Иванова. – Могилев: Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова. – 2018. – С. 7–12.
3. Паремиология на перекрестках языков и культур: монография / М. А. Бредис, Е. Е. Иванов, О. В. Ломакина, Н. Ю. Нелобов, Ю. А. Петрушевская; под ред. Е. Е. Иванова, О. В. Ломакиной. – М.: РУДН, 2021. – 246 с.

4. Даль, В. И. Пословицы русского народа. В 2-х тт. / В. И. Даль. – М. : «Художественная литература», 1989. – Т. 1. – 433 с.

5. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева ; под общ. ред. В. М. Мокиенко. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1024 с.

Abstract. The article is devoted to the consideration of paremiological units that constitute the spiritual code of Russian culture, as well as those closely related to it. Particular attention is paid to proverbs and omens among the peoples of Russia. Such paremi reveal the influence of religious consciousness on the perception of the world, as well as the connection of the sacred and secular in the life of the people.

Keywords: the spiritual code of culture, proverbs, paremiology, the peoples of Russia.

Дубровская Елена Михайловна – кандидат филологических наук; Новосибирский государственный технический университет (schitat.do.sta@gmail.com).

УДК 811.161.1'373.72+811.161.3'373.72

И. В. Елынцова

ПОСЛОВИЦЫ С КОМПОНЕНТОМ-ЦВЕТОНАИМЕНОВАНИЕМ В СОВРЕМЕННЫХ РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы межъязыковой эквивалентности русских и белорусских пословиц, имеющих в своем составе «цветовые» лексемы. Выявляются русско-белорусские пословичные параллели, в составах которых имеются как колоративы с прямым значением (хотя и употребляются метафорически), так и колоративы с переносным значением.

Ключевые слова: паремиологическая единица, пословица, цветонаименование, колоратив, русский язык, белорусский язык.

Паремиологические единицы (пословицы, поговорки, притчи, афоризмы, басни и др.) нередко выступают объектом научных изысканий. Особое внимание исследователи проявляют к пословицам – кратким, устойчивым в речевом обиходе, как правило, ритмически организованным изречениям назидательного характера, в которых зафиксирован многовековой опыт народа [1, с. 389]. Сегодня изучением данного вида паремий занимаются ученые-специалисты в области гуманитарных наук: фольклористы, этнографы, литературоведы, лингвокультурологи, лингвисты. Это обусловливается емкостью их смысловой характеристики, сосредоточением в них разнородных, а в некоторых случаях и противоречивых, признаков. Как отмечал в свое время В. И. Даль, пословица – это «суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот, под чеканом народности. Пословица – обиняк, с приложением к делу, понятый и принятый всеми. <...> При таком понятии о пословице мы должны согласиться, что она не сочиняется, а вынуждается силою обстоятельств, как крик или возглас, невольно сорвавшийся с души; это целые изречения, сбитые в один ком, в одно междометье» [2, с. 14].

Научный интерес лингвистов к таким паремиологическим единицам объясняется тем, что они обогащают язык, придают ему выразительность. Являясь основополагающим элементом духовной культуры, они заключают в себе смысловое богатство, наглядно показывают семантическую полноту и глубину языка и в краткой лаконичной форме фиксируют миропонимание народа, говорящего на этом языке [3, с. 8].

Будучи законченным высказыванием, пословица структурно организована как предложение и из общей системы предложений выделяется не своей структурной организацией, а содержанием. «Классическое предложение-пословица по своему смыслу всегда двупланово: оно имеет одновременно прямой план содержания высказывания,

точно соответствующий значению слов, образующих его, и иносказательный план содержания высказывания, не соответствующий значению слов, образующих такое предложение-пословицу» [4, с. 15]. Пословицы в большинстве случаев имеют метафорическое обобщенное значение, которое не соответствует сообщаемым непосредственно в предложении обстоятельствам.

В современном отечественном языкознании актуальными являются вопросы, связанные с сопоставительным изучением паремий в русском и белорусском языках. Паремиологический фонд этих языков хранит цветовые коды народов, в связи с чем любопытно проследить, какие колоративные единицы закрепились в структуре коррелятивных пословиц русского и белорусского языков и совпадают ли их компонентные составы. Цель данного исследования – выявить русско-белорусские пословичные параллели, в составе которых имеются как колоративы с прямым значением (хотя и употребляются метафорически), так и колоративы с переносным значением. Источниками фактического материала послужили «Русско-белорусский словарь пословиц» в 2-х частях [5] и “Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем” [6]. Было установлено, что большинство колоративов в компонентном составе русских пословиц и их белорусских параллелей утратили свое прямое, «цветовое», значение, выступая составным элементом (компонентом) паремиологической единицы, один из категориальных признаков которой – целостность значения. При этом колоративы являются семантическим центром пословицы.

Как показал анализ материала, русско-белорусские пословичные параллели, как правило, включают в себя основные колоративы. В частности, цветоименования *белый / белые* и *чёрный / чёрные* чаще всего употребляются в значениях соответственно ‘чистый’ и ‘грязный’, а пословицы передают представление народа о таких важнейших понятиях, как добро и зло, предостерегая при этом от однозначного толкования явлений жизни. Встречаются в русских и белорусских пословицах цветоименования *красный / красные*, выступающие в большинстве случаев как оценочные, что связано с их семантикой (‘прекрасный’, ‘красивый’, ‘приятный’). Цветообозначения, относящиеся к группе колоративов *зеленого* тона, представлены глаголом *зазеленеет* (‘станет зеленой’) (в белорусских параллелях такой колоратив отсутствует), а также наречием *зелено / зелена* в значении ‘неопытно’, ‘незрело’.

В ходе исследования было выявлено всего несколько русско-белорусских пословичных параллелей, в составе которых цветоименование выступает в своем основном значении, однако общий смысл пословиц – метафорический:

рус. *Бей сороку и ворону, добьёшься и до белого лебедя* – бел. *Бі сароку і варону – даб’ешся <i> да белага лебедзя* (‘начинай с малого, со временем, приобретя опыт, навык, добьешься и большего’);

рус. *Горшок над котлом смеётся, а оба чёрны* – бел. *Насмяяўся (пасмяяўся) гаршчок (чыгун) з катла, <a> абодва чорныя; Насмяяўся (пасмяяўся) гаршчок (чыгун) з катла, <a> агледзеўся – <i> сам чорны; Пасмяяўся гаршчок (чыгун) з катла, што той чорны; Пасмяяўся кацёл (чыгун) з гаршкі, што той чорны* (‘не смейся над кем-л., сам можешь оказаться в таком же положении’; говорится в ответ на чьи-л. насмешки, осуждение и т. п.);

рус. *Чёрного кобеля не вымоешь (не отмоешь) добела* – бел. *Варона колькі ні мыецца, усё адно чорная; Урадзілася цяля з белаю лапінкаю на лбе, так яно і памрэ; Чорнага сабаля не вымые(ць) ні мыла, ні вада; Чорнага кабяля (сакала) не вымыеш дабяля; Чорнае белым не стане* (‘убеждения, странности или укоренившиеся недостатки, пороки кого-л. исправить невозможно, поскольку человеческий характер неизменен’; говорится, когда нет никаких оснований думать, что кто-л. может отказаться от своих убеждений или изменить свой образ жизни, а также обычно иронично в ответ на предположение, что кто-л. собирается исправиться);

рус. **Красна** изба не углами, <a> **красна** пирогами; **Не красна** изба углами, <a> **красна** пирогами – бел. **Красна** дарога ездакамі; **Не красна** хата вугламі, а **красна** пірагамі (‘дом хорош не внешним видом, богатством и красотой убранства, а гостеприимством и хлебосольством хозяев’; говорится, когда придают большее значение гостеприимству и приветливости хозяев, чем внешнему виду жилища);

рус. **Молодо – зелено** <погулять велено> – бел. **Зелена** – молада (‘молодому простительны легкомыслие, неопытность, желание погулять’. Говорится обычно снисходительно или в оправдание, когда чьи-л. поступки или слова свидетельствуют о его молодости и потому неискренности). Отметим, что в составе некоторых белорусских пословичных параллелей данной русской пословицы зафиксированы и другие (основные и неосновные) колоративы, что свидетельствует о национальной специфике белорусского языка: *Тады (тагды) перастанець, як галава сіва станець; Тады (тагды) ўспакайнее, як галава пасівее; Тады хіба перастанець, калі ўся сарока бела станець.* И в русском, и в белорусском языках паремиологические единицы имеют одно и то же значение.

Выявлено значительное количество случаев, когда цветоименования входят в состав только русских пословиц, а в белорусских пословичных параллелях они отсутствуют:

рус. **Пока трава зазеленеет**, кобыла (кобылка) околеет – бел. **Пакуль гасцей упрошвалі садзіцца за стол, бліны падгарэлі; Пакуль да бога, то святыя дух выймуць; Пакуль да бога, то чорт душу выйме; Пакуль знайдзе, дык і сонца зайдзе; Пакуль сонца ўзайдзець (узыдзе), раса вочы выесць; Пакуль сыты зліняе, дык голы сканае. пакуль тое настане, і нас з табой не стане; Пакуль тое настане, калом спіна стане; Пакуль тоўсты абліняе, з худога дух выскачыць; Пакуль тыя барышы, у бацькоў не будзе і душы;**

рус. Ты <как бы> ближе к делу, а он про козу **белу** – бел. **Гавары (кажы) <яму> – стрыжана, а ён <табе> – голена; Ты яму стрыжана, а ён табе голена; Ты яму кажы, што стрыжана, а ён кажса, што смалена; Гэты пра воз, <a> той пра коз; Поп сваё, <a> чорт сваё <: аддай маю малітку>; Ты яму – абразы, а ён – гарбузы; Ты яму так, а ён табе гэтак; Ты яму тое, а ён другое; Хто пра хату, <a> хто пра лапату; Я сваё, ён сваё; <Я> яму пра абразы, а ён <мне> пра гарбузы; <Я> яму пра рэч, а ён <мне> пра печ; <Я> яму пра Фаму (пра Кузьму), а ён <мне> пра Ярому; Яму гавары, а ён да гары;**

рус. **Красна** птица перьем, а человек ученьем; **Красна** птица пером, а человек умом – бел. **Навука даражэй за ўсякае багацце; Навука хоць намучыць, але жыць навучыць; Навуку за плячыма не носяць; Не кручан(ы) – не рамень, невучан(ы) – не чалавек; Розум – найлепшае багацце; Чаму навучышся, за плячыма насіць не будзеш; Што замаладу навучышся, на старасць як знойдзеш;**

рус. **Всякое дело концом красно** – бел. **Канец – дзелу (справе) вянец;**

рус. **Старость не радость <, не красные дни>** – бел. **Гады маладыя за ўсё вартней; І сабака на старасці не брэша; На старасці і ўлетку холадна; Старасць – не радасць, а горб – не карысць. Старасць – не радасць, а маладосць не на век; Старасць – не радасць, а смерць – не пацеха; Старасць не радасць <, косці не гнуцца>; Старая баба і ў пятроўку на печы мерзне; Як малое падае, то анёл з пярэнкаю, а як старое, то чорт з бараною;**

рус. **Атаманом артель красна** – бел. **Хвала ваяводзе, што войска ў згодзе; Ухвацкага атамана і я не пагань; У добрага атамана ўсе хлопцы смелыя (дужыя); За ваяводам гошым усё зможам; За добраю радай красуе грамада; Без правадыра войска гіне;**

рус. **Весна красна** цветами, а осень – плодами – бел. **Багата вясна кветкамі, а восень палеткамі; Вясна кветкамі багата, а восень з пірагамі ў хату;**

рус. **Долг платежом красен** – бел. **Што вінен, аддаць павінен; Умеў узяць – умеі і аддаць; Любіш браць – любі і аддаць; Пазычай – як умееш, аддавай – хораша; Прышоў з мехам, не аббудзеш смехам; Круці, не круці, а што трэба заплаці;**

рус. **На миру и смерть красна** – бел. **На людзях і плакаць лягчэй; На людзях і памерці не страшна; А памрэ Аўдзей, дык жа між людзей.**

Надо отметить, что в данных примерах, в отличие от приведенных выше, прямое значение колоративов не выходит на первый план.

Зафиксирована русско-белорусская пословичная параллель, в состав паремий которой входят разные колоративы (в том числе и не относящиеся к основным), что свидетельствует о национальной специфике каждого из языков:

рус. *Не всё ненастье, проглянет и красно(е) (ясное) солнышко*; *Серенькое утро – красненький денёк* – бел. *І чорная хмара белым воблакам абернеца*.

Таким образом, как показал анализ фактического материала, в компонентных составах русско-белорусских пословичных параллелей отмечается наличие лексем с определенной «цветовой» характеристикой; прежде всего, используются колоративы *белый / белы, черный / чорны, красный / красны, зелено / зелена* и др. Чаше они встречаются в составе русских пословиц, чем в их белорусских параллелях, причем русской пословице с колоративом может соответствовать целый ряд белорусских параллелей без него, но передающих семантику русской паремии. Имеются случаи, когда в состав русских и белорусских коррелятивных паремиологических единиц входят разные цветоименования, что свидетельствует о национальной специфике каждого из языков и связывается с восприятием и оценкой народами одних и тех же явлений действительности.

Список использованных источников

1. Жуков, В. П. Пословица / В. П. Жуков // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
2. Пословицы русского народа: Сборник В. Даля. В 2-х т. Т. 1. / Вступ. слово М. Шолохова; худож. Г. Клодт. – М. : Худож. лит., 1989. – 431 с., ил.
3. Хрипкова, Д. И. Паремиологические единицы с компонентом модальности в английском, татарском и испанском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Д. И. Хрипкова; Казанский (Приволжский) федеральный университет. – Казань, 2022. – 23 с.
4. Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4 000 словарных статей / Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров; под ред. А. И. Молоткова. – 4-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1986. – 543 с.
5. Иванов, Е. Е. Русско-белорусский словарь пословиц = Руска-беларускі слоўнік прыказак: 777 пословиц русского языка, свыше 5000 белорусских паремиологических эквивалентов и соответствий : в 2 ч. / Е. Е. Иванов. – Могилев : ГА МТ «Брама», 2001.
6. Санько, З. Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем / З. Санько. – Мінск : Навука і тэхніка, 1991. – 218 с.

Abstract. This article discusses with the issues of interlingual equivalence of proverbs in Russian and Belarusian languages, which have “color” lexemes in their compositions. Russian-Belarusian proverbial parallels are revealed, which include both coloratives with direct meaning (although they are used metaphorically) and coloratives with figurative meaning.

Keywords: paremiological unit, proverb, color naming, colorative, Russian, Belarusian.

Елынцева Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент; Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси, Институт языкознания имени Якуба Коласа (i.elyntseva@gmail.com).

УДК 81'276.1:811.161.1'37

П. С. Завтрикова

О СТЕПЕНИ ИДИОМАТИЧНОСТИ СОЧЕТАНИЙ, ОБРАЗОВАННЫХ ПО МОДЕЛИ «Х НЕ НА МЕСТЕ»

Аннотация. В статье рассматриваются устойчивые и свободные сочетания, компонентом которых является предложно-падежная группа *на месте* с отрицательной частицей *не*. Анализируется

употребление и варьирование фразеологических единиц с данным компонентом. Определяются значения и синтаксические функции предложно-падежной группы *на месте* с частицей *не* в составе свободных сочетаний.

Ключевые слова: фразеологизм, вариативность, идиоматичность, значение, сочетание, синтаксическая позиция, НКРЯ.

Языковая система постоянно развивается, на каждом ее уровне можно наблюдать активные процессы взаимодействия и трансформации языковых единиц. Многие лингвисты, изучающие устойчивые сочетания, сталкиваются с подвижностью их структуры в речи носителей языка. Профессор Е. Г. Беляевская отмечает, что «изучение динамического аспекта устойчивости представляет исключительный интерес как в плане определения границ фразеологического фонда языка <...>, так и в плане более четкого уяснения закономерностей формирования фразеологической системы языка и протекающих в ней процессов» [1, с. 3].

Фразеологи прошлого и нынешнего столетия едины во мнении о том, что устойчивые единицы едва ли подвергаются исчерпывающей классификации. Так, в работе «Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины» академик В. В. Виноградов пишет, что «фразеология исследует наиболее живой, подвижный и разнообразный отряд языковых явлений» [2, с. 139] и что между тремя основными типами фразеологических единиц (фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания) «колеблется и дробится множество переходных, промежуточных разрядов» [Там же]. Профессор Д. О. Добровольский, описывая фразеологизмы-конструкции, отмечает: «Континуум между фразеологизмами-конструкциями и свободными словосочетаниями с трудом поддается классификации» [3, с. 12].

В настоящей работе объектом изучения являются сочетания, образованные по модели «*X не на месте*». Исследовательский интерес сосредоточен на вопросе о том, в какой мере таким сочетаниям свойственна идиоматичность.

Слово *место* характеризуется высокой степенью востребованности для аналитического обозначения понятий в русском языке. Согласно подсчетам исследователей И. Г. Казачук и Ю. А. Сысоевой, фразеологические единицы с компонентом *место* представлены «80 единицами, что позволяет считать их довольно крупным объединением в русском фразеологическом фонде» [4, с. 32].

В качестве самостоятельного фразеологизма выделяется единица *на месте*:

- 1) ‘именно там, где что-либо было, произошло или будет, произойдет’;
- 2) ‘в положении кого-либо (быть, находиться)’;
- 3) ‘вполне соответствует по своим способностям, качествам, знаниям и т. п. занимаемому положению, тому делу, которым занят’ [5, с. 368].

Идиоматизация формы предложного падежа слова *место* в сочетании с предлогом *на* может рассматриваться как пример морфологического профилирования лексемы. «Регулярная воспроизводимость приводит к тому, что лексемы “застывают” в определенной грамматической форме в составе определенных выражений», – пишут М. В. Копотев и Т. И. Стексова [6, с. 56].

Вместе с тем предложно-падежная группа *на месте* в сочетании с частицей *не* не фиксируется словарями в качестве автономного устойчивого сочетания, но является компонентом нескольких фразеологизмов. «Фразеологический словарь русского литературного языка» А. И. Фёдорова приводит две такие единицы:

- 1) *душа не на месте* – ‘кто-либо сильно страдает, встревожен’ [5, с. 216];
- 2) *сердце не на месте* – ‘кто-либо обеспокоен чем-либо, опасается чего-либо’ [5, с. 611].

«Большой словарь русских поговорок» В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной, помимо двух представленных выше фразеологизмов, фиксирует также *мозги не на месте* – ‘о несерьезном человеке’; ‘о психически ненормальном человеке’ [7, с. 407]. Интересен метафорический перенос человеческих переживаний и представлений в пространственную сферу, который свидетельствует о том, что в сознании носителей русского языка у души, мозга и сердца есть свое «место».

Для рассмотрения особенностей употребления фразеологизмов *душа не на месте*, *сердце не на месте*, *мозги не на месте* и свободных сочетаний, образованных по модели «X не на месте», обратимся к ресурсам Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [8].

В основном корпусе НКРЯ зафиксирован 441 контекст, в состав которого входит предложно-падежная группа *на месте* в сочетании с частицей *не*. Среди них есть 86 иллюстраций употребления фразеологизма *сердце не на месте* (20 % от общего числа контекстов):

Хотя ты сам, своей рукою уже пишешь мне, что ты совсем здоров, но все как-то сердце не на месте (А. Дубельт. Письма к мужу (1849)) [8];

А вот со специалистами неловко все же получилось, сердце не на месте (В. Распутин. Деньги для Марии (1967)) [8].

Как показывают корпусные данные, фразеологизм иногда подвергается структурным трансформациям: говорящий может добавить глагол-связку *быть* в прошедшем или будущем времени, употребить частицу между компонентами фразеологизма или указать на лицо, чье сердце не на месте:

Сердце артиллериста не на месте. Это они, это Кете, нельзя сомневаться (И. Лажечников. Последний Новик (1833)) [8];

Но сердце его все-таки было не на месте: что же с ней случилось? (В. Кунгурцева. Похождения Вани Житного, или Волшебный мел (2007)) [8].

Для компонента *сердце* характерно словообразовательное варьирование:

– *А ведь признайтесь, у вас сердчишко тоже не на месте!* (А. Шеллер-Михайлов. Лес рубят – щепки летят (1871)) [8];

Бежишь, бежишь, бывало, притулишься в овине, лежишь как бы мертвая, а у самой сердечушко не на месте: кабы с пьяных глаз дите не зашиб (А. Эртель. Две пары (1887)) [8].

В одном из контекстов автором используется стилистический прием двойной актуализации, основанный «на обыгрывании значения ФЕ [фразеологической единицы] и буквального значения одного, двух или трех ее компонентов» [9, с. 60]:

Сердце у меня слева и в то же время не на месте (Е. Велтистов. Миллион и один день каникул (1979)) [8].

Использование такого приема свидетельствует о прозрачности внутренней формы фразеологической единицы, о ее тесной связи с мотивирующей базой.

Фразеологизм *душа не на месте* фиксируется в 65 корпусных контекстах из 441 (15 %):

Мне кажется, у родителей душа не на месте, они не могут быть спокойны за такого сына (П. Козлов. Географический дневник Тибетской экспедиции (1924)) [8];

Опять я прыгаю с одного на другое да еще повторяюсь, но это от того, что голова болит, и в ней бедлам, и душа не на месте (В. Михальский. Одинокому везде пустыня (2003)) [8].

Наблюдаемая вариативность схожа с вариативностью фразеологизма *сердце не на месте* (добавление частиц или глагола-связки, указание на лицо):

Душа Николая Анисимовича была не на месте (К. Бадигин. Секрет государственной важности (1974)) [8];

Разумом понимаю, что все это чушь, а душа все равно не на месте (Ю. Кашкин. Валюха-горюха // «Ковчег» (2013)) [8].

Фразеологическая единица *мозги не на месте* фиксируется в основном корпусе НКРЯ только один раз, вероятно, ввиду своей сниженной коннотации:

И хороший он парень, а мозги у него, кажись, немного не на месте (Н. Алексеев. Лжецаревич (1899)) [8].

В корпусных контекстах закономерно представлены варианты анализируемых фразеологизмов, ведь вариативность признана лингвистической универсалией. Ученые предлагают рассмотрение «вариативности как общего свойства, заложенного в самом

“устройстве” языковой системы, как способа существования и функционирования всех без исключения единиц языка, обнаруживающего специфические черты в пределах каждого уровня» [10, с. 31].

Фразеологизмы *душа не на месте*, *сердце не на месте* характеризуются невысокой степенью идиоматичности, вследствие чего носители языка свободно варьируют именной компонент:

Простите, милый друг, что пишу мало и бессвязно. У меня, здесь, как всегда, голова не на месте (П. Чайковский. Письма Н. Ф. фон-Мекк (1879)) [8];

И все-таки, согласитесь, читаешь этот документ, вроде бы все правильно, а совесть почему-то не на месте (Пенсионеры ждут надбавку. Мы – ответа // «Встреча» (Дубна) (2003)) [8].

Интересно, что в качестве именного компонента в составе конструкции «*X не на месте*» могут выступать другие соматизмы, помимо *сердце*, *душа*, *голова* и *мозги*, однако тогда слово *место* будет характеризоваться одним из своих прямых значений (‘определенное пространство, специально отведенное, предназначенное для кого-, чего-л. или обычно занимаемое кем-, чем-л.’ [11]):

Все находят, что она глупа, несносна, безобразна, что у нее лопатка не на месте (А. Чехов. Из записок вспыльчивого человека (1887)) [8];

Чтобы разглядеть, поднес кисть руки почти к самому носу. Большой палец был не на месте (С. Носов. Грачи улетели (2005)) [8].

В подобных предложениях именной компонент конструкции «*X не на месте*» занимает позицию подлежащего, а предложно-падежная группа в сочетании с отрицательной частицей и глагольной связкой (нулевой или материально выраженной) – позицию сказуемого.

Фразеологизмы *душа не на месте*, *сердце не на месте*, *мозги не на месте* в разных контекстуальных условиях характеризуются различной степенью семантической и синтаксической спаянности компонентов. При контактном расположении компонентов данные фразеологизмы в наибольшей степени близки по своей функции к синтаксически несвободным сочетаниям:

– Яблоков, сударыня, не угодно ли? – прошептал я, а у самого сердце не на месте (И. Кокорев. Сибирка. Мещанские очерки (1847)) [8];

У меня просто душа не на месте всякий раз, как только подумаю о предстоящих длительных станциях (Г. Адамов. Тайна двух океанов (1939)) [8];

В тех случаях, когда именной компонент и компонент *не на месте* дистантно расположены или когда у именного компонента появляется распространитель, фразеологические сочетания функционально идентичны свободным:

И, однако ж, все равно сердце начальника второго СПО было не на месте (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей (1978)) [8];

Душа радовалась, как дитя, но была не на месте (В. Ремизов. Воля вольная // «Новый мир» (2013)) [8].

Позицию подлежащего в свободном сочетании, образованном по модели «*X не на месте*», могут занимать существительные с разнообразной семантикой. Более чем в ста корпусных контекстах описывается положение некоторого конкретного объекта не на своем месте. Зачастую речь идет об одной вещи или небольшой детали:

В комнате должен быть такой порядок, что если одна вещь не на месте, то уже заметно (А. Володин. Назначение (1964));

Тогда встал начальник рельсобалочного цеха и стал загибать пальцы: там болты не затянуты, там деталь не на месте, там электрика не отлажена (Л. Брежнев. Возрождение (1980)) [8].

По отношению к недвижимым объектам предложно-падежная группа *на месте* в сочетании с частицей *не* может обозначать неудачное расположение, зачастую приводящее к необходимости перемещения или ликвидации объекта:

– *Усадьба ваших господ не на месте*, – продолжал офицер, – ее велено снести (Г. Данилевский. Сожженная Москва (1885)) [8];

Новая проектированная станция не может быть доделана, а начатый новый завод бросают, ибо он не на месте (И. Шитц. Дневник «Великого перелома» (1929)) [8].

Представленные выше контексты иллюстрируют использование предложно-падежной группы *на месте* в сочетании с частицей *не* в качестве сказуемого.

«Не на месте» могут оказаться запятые, буквы, слова, цезуры:

Кроме того, тут цезура не на месте, и, наконец, в остальных строфах некоторые синекдохи и оксюмороны настолько не оправданы (Р. Райт-Ковалева. Роберт Бернс (1959)) [8];

Слово «разбудил» тут немного не на месте, но другого не подобрать (В. Пелевин. Бэтман Аполло (2013)) [8].

В последнем приведенном контексте *не на месте* семантически сближается с фразеологизмом *не к месту*. Значение ‘неуместно, некстати’ выявляется примерно в 20 корпусных контекстах:

Не смейтесь, профессор, ваш смех очевидно не на месте (М. Соковнин. Обход Профессора (1969–1973)) [8];

– *Малая, шутка хороша, когда она на месте, а когда не на месте, она уже не шутка* (А. Львов. Двор (1981)) [8].

В 88 случаях употребления сочетания предложно-падежной группы *на месте* с отрицательной частицей *не* (20% от общего числа) позицию подлежащего занимают существительные, обозначающие человека, или местоимения, указывающие на лицо. Эти контексты можно условно разделить на три группы:

1) речь идет о человеке, который неуютно себя чувствует:

Я этих сборищ не люблю, чувствую себя не на месте (А. Батюто. Дневник (1949)) [8];

Еркина чувствовала себя не на месте, понимая, что ее пригласили на эту встречу «по ошибке» (Н. Каманин. Дневник (1963)) [8].

Сочетание *чувствовать себя не на месте* по значению оказывается близким фразеологизму (*чувствовать себя*) *не в своей тарелке* (‘стесненно, смущаясь, неловко (чувствовать себя)’ [5, с. 679]) и характеризуется некоторой степенью идиоматичности. В предложении данное сочетание является сказуемым.

2) речь идет о человеке, который плохо справляется со служебными обязанностями, занимает неподходящую должность:

Сегодня Кутайсов, разбирая варшавские беспорядки, говорил, что следовало назначить туда Игнатьева, что он был бы там на месте, а Максимович не на месте (А. Богданович. Дневник (1905)) [8];

Но, повторяю, совсем не на месте оказался Рерих, а я на него, как на тонкого дипломата, больше всего рассчитывал (А. Бенуа. Дневник (1917)) [8].

Здесь *на месте* употребляется в качестве фразеологической единицы со значением ‘вполне соответствует по своим способностям, качествам, знаниям и т. п. занимаемому положению, тому делу, которым занят’ и вместе с частицей *не* и глаголом-связкой входит в состав сказуемого.

3) речь идет о человеке, который не присутствует на работе или на службе:

– *Это что такое? Почему командир второй стрелковой роты не на месте?* (В. Гаршин. Из воспоминаний рядового Иванова (1882)) [8];

– *Привалов, – сурово сказал он, – почему вы опять не на месте?* (А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Понедельник начинается в субботу (1964)) [8].

В таких случаях существительное (местоимение) и предложно-падежная группа с частицей сопряжены предикативными отношениями.

40 контекстов (9 % от общего количества) иллюстрируют употребление анализируемого сочетания частицы с предложно-падежной группой *не* в составе конструкции «X не на месте», а в составе глагольной группы:

*Несмотря на дождь и слякоть, пошел его искать и **нашел** его уже **не на месте**, где оставил, а в ближайшей ферме, куда догадался зайти* (А. Бенуа. Дневник (1905)) [8];
*Миру опрокинуло на спину и **закружило**, но **не на месте**, а поднимая куда-то* (Ю. Лавряшина. Улитка в тарелке (2011)) [8].

Здесь слово *место* характеризуется прямым значением и вместе с предлогом и частицей занимает синтаксическую позицию обстоятельства места. Подобное употребление встречается также в контекстах, в которых слово *место* имеет генитивный распространитель. Речь может идти о месте постройки, месте битвы, месте добычи сырья, месте производства, месте расположения города и даже месте в салоне автомобиля:

*Почему же компания **построила** завод **не на месте добычи сырья**, а в Корее?* (Е. Кригер. На берегах Тэдонгана // «Огонек» (1959)) [8];

*В темном салоне иномарки **сидел** человек, причем **не на месте водителя**, а рядом* (С. Таранов. Мстители (1999)) [8].

Анализ данных фразеологических словарей и материалов основного корпуса НКРЯ показал, что сочетания, компонентом которых является предложно-падежная группа *на месте* с отрицательной частицей *не*, могут характеризоваться разной степенью идиоматичности. Словари отмечают наличие в языке фразеологических сочетаний *душа не на месте*, *сердце не на месте*, *мозги не на месте*, из которых регулярностью употребления в НКРЯ характеризуются первые два. Наблюдается частотное варьирование именного компонента данных фразеологизмов. Устойчивые сочетания *душа не на месте*, *сердце не на месте*, *мозги не на месте* в зависимости от контекстуальных условий могут проявлять различную степень семантической и синтаксической спаянности компонентов.

Регулярно используются предикативные сочетания, образованные по модели «*X не на месте*». Чаще всего именной компонент называет отдельную вещь или человека. Предложно-падежная группа *на месте* с частицей *не* может входить в состав непредикативного сочетания, являясь зависимой от глагола и занимая позицию обстоятельства места.

Сочетание частицы *не* и предложно-падежной группы *на месте* не является самостоятельным фразеологизмом, однако анализ употреблений этого сочетания в речи свидетельствует о его переходном статусе. В контекстах фиксируется активное варьирование именного компонента фразеологизмов *душа не на месте*, *сердце не на месте*, дистантное расположение именного компонента или его распространение, использование предложно-падежной группы *на месте* с частицей *не* в значении, синонимичном значению других фразеологизмов (*не к месту*, *не в своей тарелке*). Подобные языковые явления в очередной раз демонстрируют гибкость фразеологической системы и позволяют наблюдать за активным взаимодействием свободных и устойчивых сочетаний.

Список использованных источников

1. Беляевская, Е. Г. Динамические аспекты устойчивости словосочетаний / Е. Г. Беляевская // Фразеологическая семантика в парадигматике и синтагматике : сб. науч. тр. – Вып. 226. – М. : МГПИИЯ им. М. Тареза, 1984. – С. 3–17.
2. Виноградов, В. В. Лексикология и лексикография : избранные труды / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1977. – 312 с.
3. Добровольский, Д. О. Грамматика конструкций и фразеология / Д. О. Добровольский // Вопросы языкознания. – 2016. – № 3. – С. 7–21.
4. Казачук, И. Г. Семантико-грамматические и структурные свойства фразеологизмов с компонентом «место» / И. Г. Казачук, Ю. А. Сысоева // Вестник Курганского государственного университета. – 2019. – № 3 (54). – С. 31–38.
5. Фёдоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка : ок. 13 000 фразеологических единиц / А. И. Фёдоров. – 3-е изд., испр. – М. : Астрель : АСТ, 2008. – 878 с.
6. Копотев, М. В. Исключение как правило. Переходные единицы в грамматике и словаре / М. В. Копотев, Т. И. Стеклова. – М. : Языки славянской культуры, 2016. – 168 с.
7. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 784 с.

8. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorgo.ru>. – Дата доступа : 13.09.2024.

9. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка / А. В. Кунин. – Дубна : Феникс+, 2005. – 488 с.

10. Солнцев, В. М. Вариативность как общее свойство языковой системы / В. М. Солнцев // Вопросы языкознания. – 1984. – № 2. – С. 31–42.

11. Большой толковый словарь русского языка / под. ред. С. А. Кузнецова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://gufo.me/dict/kuznetsov/место>. – Дата доступа : 17.09.2024.

Abstract. The article discusses stable combinations and free constructions, the component of which is a prepositional case group *in the right place* with the negative part *not*. The use and variation of phraseological units with this component is analyzed. The meanings and syntactic functions of the prepositional-case group *in the right place* with a part *not* in the composition of free structures are determined.

Keywords: phraseological unit, variability, idiomaticity, meaning, combination, syntactic position, RNC.

Завтрикова Полина Сергеевна – аспирант; Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины (tumanika1@gmail.com).

УДК 81'37:398.92(=111)(=161.1)

Е. В. Иванова

НОМО СПРЕСТĂNS ВО ФРАЗЕОЛОГИИ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ДАННЫХ КОРПУСА)

Аннотация. Цель статьи состоит в рассмотрении фразеологической репрезентации способности человека видеть на материале ряда русских и английских фразеологических аналогов и с опорой на данные корпусов. Подчеркивается важность учитывать в процессе моделирования вербализованных во фразеологии концептуальных представлений информацию о частотности функционирования исследуемых фразеологических единиц. Обосновывается целесообразность опираться на корпусные данные при проведении сопоставительных исследований в области фразеологии.

Ключевые слова: фразеологическая единица, корпус, частотность, конкорданс, сопоставительный анализ.

Образ человека – характер, внешний вид, способности, эмоции – занимает центральное место во фразеологии и паремиологии любого языка. Находит свое отражение во фразеологии и паремиологии и такая важная особенность человека, как получение информации об окружающем мире через орган зрения. Дополнительные и немаловажные данные о репрезентации этого органа во фразеологии дает обращение к корпусному анализу.

Корпусный анализ все шире и интенсивнее используется во многих областях лингвистики, в том числе и во фразеологии. На основе корпусных данных уточняется актуальное значение фразеологических единиц [1], исследуется их варьирование в текстах, определяются характеристики функционирования и типичное окружение [2]. Данные корпуса позволяют выявить наиболее употребительные фразеологические единицы (ФЕ) в целях рационального подбора учебного материала [3], а также существенно повысить уровень адекватности перевода [4].

Помимо перечисленного, корпусные данные вносят неоценимый вклад в моделирование интерпретации мира на основе анализа фразеологии того или иного языка и проведение сопоставительного исследования этой интерпретации в разных лингвокультурах. В данной статье рассматриваются некоторые аспекты последнего направления в корпусном анализе фразеологии.

В качестве материала исследования используется ряд фразеологических единиц русского и английского языков с компонентами, именуемыми орган зрения. Корпусный анализ проводится по Национальному корпусу русского языка (НКРЯ) [5] и Корпусу современного американского варианта английского языка (Corpus of Contemporary American English – COCA) [6].

Глаза всегда играли очень важную роль в жизни человека, именно через глаза к человеку поступает основная часть информации о мире и осуществляется его взаимодействие с миром. Неудивительно, что с глазами у разных народов связано много мифов и легенд (см., например: [7; 8]). Неудивительно также, что в силу единства филогенеза, общности жизненного опыта у разных народов, обусловленной едиными закономерностями социально-исторического развития, в основе многих ФЕ разных языков лежат одинаковые ассоциативные связи и, следовательно, одинаковые взаимодействующие концептуальные схемы значения и внутренней формы ФЕ. Например, открытые глаза естественным образом ассоциируются с видением и познанием окружающего мира, а закрытые – с невозможностью его познания, часто преднамеренной.

русск. *открывать глаза кому (на кого, на что)* ‘выводить кого-либо из заблуждения или из состояния неведения, помогая правильно понять истинное положение вещей’; *закрывать глаза (на что-либо)* ‘стараться не видеть, не знать; игнорировать’;

бел. *адкрыць вочы* ‘дапамагаць зразумець становішча, рабіць відавочнай праўду аб чым’; *закрыць вочы* ‘знарок не заўважаць чаго-н. важнага, значнага’;

англ. *open your eyes / open someone's eyes* ‘if something opens your eyes, it makes you aware that something is different from the way that you thought it was’ / ‘to make someone realize something surprising or shocking that they had not known about or understood before’; *close your eyes* ‘to ignore something bad and pretend it is not happening’;

исп. *abrir los ojos* ‘salir de la ignorancia’; *cerrar los ojos a algo* ‘negarse a ver’;

нем. *die Augen aufmachen* ‘aufmerksam wahrnehmen, beobachten, verfolgen, was (aktuell) in der eigenen (unmittelbaren) Umgebung geschieht oder zu sehen ist’; *die Augen verschliessen* ‘ein Problem, eine Bedrohung o. Ä. bewusst ignorieren’.

В основе данных ФЕ лежит общая концептуальная схема метафтонимической модели: открывать глаза – видеть, закрывать глаза – не видеть (метонимия); видеть / не видеть непосредственно – понимать / не желать понимать и знать происходящее (метафора). Однако в них прослеживаются и определенные различия. Ситуации, связанные с закрытием и открыванием глаз, различны. Глаза закрывает сам субъект по собственному желанию, тогда как открывает он их вследствие действий иного субъекта, лица или же события, факта, обстоятельств. Это различие хорошо видно на следующих примерах из конкордансов корпусов:

Человек, которому он проиграл, грозил открыть глаза на Ивановы шалости его тестю, а тестя Ваня боялся.

Ему настолько дорог и важен оказался Герцен-друг из 1840-х, что он предпочел закрыть глаза на произошедшие с тем изменения.

I know that travelling could open my eyes to new opportunities.

And so she'd closed her eyes to the promises Dail wanted to make her.

В анализе учитываются только глагольные ФЕ, структуры типа *with open eyes* и их соответствия в русском языке во внимание не принимаются.

Рассмотрим информацию, полученную в отношении функционирования русских и английских ФЕ в корпусах.

Обращение к НКРЯ показывает, что ФЕ *закрывать глаза* имеет приблизительно в три раза больше вхождений, чем противоположная по значению ФЕ *открывать глаза*. Особенно существенна эта разница при обращении к газетному разделу НКРЯ: 914 вхождений ФЕ *закрывать глаза* против 34 вхождений ФЕ *открывать глаза*. При этом речь может идти вовсе не обязательно о том, что глаза надо закрыть, как в следующем примере:

Даже несмотря на то, что экономику нужно спасать, мы не можем закрыть глаза на COVID-19 и отменить защитные меры.

Попутно заметим, что публицистический стиль в целом является более благодатной сферой для поиска ФЕ в корпусе, чем художественный, поскольку в последнем часто встречаются омонимичные ФЕ буквальные словосочетания.

Высокая частотность ФЕ *закрывать глаза на что-либо* отмечается и в исследовании Е. И. Селиверстовой [9, с. 393].

Таким образом, можно говорить о значимости для образа человека в русской фразеологической картине мира ситуации, связанной с ФЕ *закрывать глаза*. Необходимо подчеркнуть, что дальнейшие исследования функционирования данной ФЕ в корпусе должны быть направлены на рассмотрение ее непосредственной роли в общей семантике фрагмента каждого текста.

Обратимся к анализу английской пары ФЕ.

Число вхождений n-граммы с глаголом *close* существенно превосходит количество вхождений n-граммы с глаголом *open* (8 090 против 6 736). Однако полученный материал требует ручной обработки, поскольку в нем присутствуют как ФЕ, так и свободные словосочетания с прямым значением. Это одна из отмечаемых исследователями сложностей с анализом ФЕ на основе корпуса, поскольку, как правило, программа не распознает идиоматичности [10; 11]. Данное исследование ограничивается ручной обработкой первых 100 строчек в материале корпуса в качестве предварительной характеристики материала. Его полная характеристика, безусловно, требует учета всех данных корпуса.

Количество ФЕ в первых 100 строчках выборки с глаголом *open* составляет 606 вхождений (76,6 %) по сравнению с 184 (23,4 %) в соответствующей выборке с глаголом *close*, превышая последнюю в 3,2 раза. Наибольшую частотность обнаруживают ФЕ с притяжательными местоимениями *their* (89), *our* (88), *your* (88):

It's sad how some people refuse to open their eyes to those benefits ...

... but we are constantly deceiving ourselves and others. If we will open our eyes and look honestly to see the truth...

My only point here is to open your eyes to the reality of the situation, and quit thinking you have all the answers ...

Для ФЕ с глаголом *close* также преобладают вхождения с местоимениями *their* (84), *your* (48), *our* (34):

You are a real bore, and you just close your eyes to everything. You are so selfish!

Will they just close their eyes and pretend it doesn't exist?

...and we should not close our eyes to the unpleasant side.

Как видим, местоимение *their* преобладает в функционировании обеих ФЕ, т. е. готовность видеть правду и стремление ее игнорировать связываются в первую очередь с группами неких третьих лиц. Превалирующей для американского мировидения, репрезентированного в корпусе, является в целом ситуация с открытыми глазами, однако при соотношении субъекта с местоимением *they* значимость обеих ситуаций выравнивается.

Рассмотрим еще пару примеров русских и английских ФЕ:

дурной / лихой / худой глаз – по суеверным представлениям взгляд недоброжелательного человека, приносящий несчастье;

evil eye – a look that someone gives other people that is believed to have the power to injure or harm them.

Компоненты *глаз / eye* переосмысляются в обеих ФЕ в обозначения взгляда, поэтому они и представлены в составе ФЕ в единственном числе, хотя глаза – парный орган и человек смотрит на других людей двумя глазами.

В НКРЯ русская ФЕ представлена весьма скудно: *дурной глаз* имеет 41 вхождение, *худой глаз* – 2, *лихой глаз* – 0.

Нет. У него дурной глаз. – Что ж ты сразу не сказала?

Не увеличивает это количество и обращение к газетному разделу корпуса: 12 вхождений в центральных СМИ и 3 в региональных.

Обращение к СОСА показывает 379 вхождений для ФЕ *evil eye*.

She's got the evil eye, and the evil eye is making her lose her hair.

Однако было бы ошибочно делать вывод о том, что владельцы дурного глаза или же сам предрассудок более свойственны английской лингвокультуре. Если ввести в НКРЯ глагол *сглазить*, окажется, что он дает 303 вхождения и вместе с тремя вариантами русской ФЕ вполне уравнивается в количественном отношении английскую ФЕ *evil eye*. К тому же еще и существительное *сглаз* обнаруживает 57 вхождений. Данный пример как нельзя лучше демонстрирует необходимость быть осмотрительным при попытках описать концептуализацию мира социумом на основе данных о функционировании сопоставляемых ФЕ в конкордансах корпусов. Малое число вхождений русской ФЕ свидетельствует о ее редком употреблении и меньшей значимости во фрагменте русской фразеологической картины мира по сравнению с соответствующей английской ФЕ. Однако русская языковая репрезентация предрассудка не ограничивается только ФЕ, и делать вывод о мировосприятии социума только на основе частотности употребления данной ФЕ не представляется возможным. Английская ФЕ имеет синонимы, но, в отличие от русского глагола и существительного, они выходят за пределы рассматриваемой здесь «глазной тематики» (*evil spell, curse*) и не учитываются в отношении своих вхождений в корпус.

Итак, на основе проведенного исследования можно заключить, что частотное распределение ФЕ рассмотренной семантики в конкордансах корпусов дополняет представление об образе человека во фразеологии разных лингвокультур.

Список использованных источников

1. Баранов, А. Н. Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М. : Знак, 2008. – 656 с.
2. Добровольский, Д. О. Корпусы текстов и двуязычная фразеография / Д. О. Добровольский // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2015. – № 5 (27). – С. 23–37.
3. Комарова, И. А. Исследование английской фразеологии с помощью подходов корпусной лингвистики / И. А. Комарова, М. С. Коган // Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии. – 2019. – Вып. 3. – С. 40–49.
4. Пивоварова, Е. В. Корпусный анализ как инструмент для выявления семантических изменений у фразеологизмов – «ложных друзей» переводчика / Е. В. Пивоварова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. – Т. 13. Вып. 9. – С. 312–320.
5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/>. – Дата доступа : 15.04.2024.
6. Corpus of Contemporary American English [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.english-corpora.org/coca/>. – Дата доступа : 15.04.2024.
7. Ясинская, М. В. Мифологические представления о глазах и зрении у славян / М. В. Ясинская [Электронный ресурс] – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/mifologicheskie-predstavleniya-o-glazah-i-zrenii-u-slavyan/viewer>. – Дата доступа : 20.05.2024.
8. Лапушинская, Н. О. Символические значения компонента «глаз» / Н. О. Лапушинская // Ученые записки Витебского государственного университета им. П. М. Машерова. – 2012. – Т. 14. – С. 185–192.
9. Селиверстова, Е. И. Глаза как зеркало души: лексико-фразеологический аспект / Е. И. Селиверстова // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2018. – Т. 9, № 2. – С. 388–402.
10. Minugh, D. Studies in Corpora and Idioms: Getting the cat out of the bag / D. Minugh. – Stockholm : University of Stockholm. 2014. – 217 p.
11. Moon, R. Fixed Expressions and Idioms in English: A corpus-based approach / R. Moon. – Oxford : Clarendon, 1998. – 352 p.

Abstract. The article is aimed at the examination of the phraseological representation of human ability to see, based on a number of Russian and English phraseological analogs and corpus data. The article emphasizes the importance of phraseological unit frequencies in corpora concordances for modelling conceptual constructs verbalized in phraseology. The advisability of resorting to corpus data in cross-linguistic studies is demonstrated.

Keywords: phraseological unit, corpus, frequency, concordance, cross-linguistic analysis.

Иванова Елизавета Васильевна – доктор филологических наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет (e.v.ivanova@spbu.ru).

УДК 811.161.3(811.161)+ 811.162

І. У. Каліта

КОЛЕРАВЫЯ КОДЫ НЕАФРАЗЕАЛОГІІ – АГУЛЬНЫЯ ТРЭНДЫ Ў АДЛЮСТРАВАННІ (КАЛЯ)ЭКАНАМІЧНАГА ДЫСКУРСУ

Анатацыя. Артыкул прысвечаны аналізу неафразем з ахраматычным кампанентам-каларонімам, звязаных з эканамічнай сферай. Фразелагічныя інавацыі разглядаюцца на фоне традыцыйнай беларускай фразеалогіі, а таксама ў параўнанні з эквівалентамі іншых славянскіх моў. Пашыраныя ў медыядыскурсе неафраземы адлюстроўваюць змены ў псіхалогіі чалавека, якія адбываюцца пад уплывам эканамічных працэсаў, і актуалізуюць яго псіхалагічны партрэт на фоне “сацыяльных інтэр’ераў” яго часу.

Ключавыя словы: фразеалогія, неафразема, прагматыка, ахраматычны каларонім, славянскія мовы, “сацыяльны інтэр’ер”.

Фразеалагічны запас мовы, у адрозненні ад лексічнага, папаўняецца марудна. Устойлівыя адзінкі, якія пачалі запаланняць пісьмовыя мовы свету на пачатку XXI стагоддзя, маюць хутчэйшы тэмп. У адрозненне ад традыцыйнай фразеалогіі, адлюстроўваюць шырокараспаўсюджаныя эканамічна-абумоўленыя тэндэнцыі і працэсы, якія паралельна працякаюць у розных краінах, і ў той ці іншай ступені парушаюць заканадаўства. Працэс утварэння такіх фразеалагічных адзінак (ФА) звязаны з актыўным выкарыстаннем каларонімаў, пераважна ахраматычнага спектру (*белы, чорны, шэры*). Новыя трэндны, такія як развіццё экалагічнага мыслення, вядуць таксама да актывізацыі іншых каларонімаў – *зялёны і сіні*. Частка новай фразеалогіі пашыраецца як міжнародны трэнд, крыніцай якога лічыцца англійская мова. Выкліканыя да жыцця эканамічнымі зменамі і зменай ладу сацыяльных зносін запазычаныя ФА з кампанентамі-каларонімамі ўступаюць у нацыянальных мовах у працэс даместыкацыі, пры гэтым яны часта маюць іншыя адпаведнікі – без каларонімаў. Асэнсаванне запазычанняў у межах іншых нацыянальных карцін свету часам вядзе да іх стылістычнага зніжэння.

Новыя ўстойлівыя спалучэнні, што з’явіліся ў выніку развіцця нестандартных эканамічных працэсаў і палітычных пертурбацый, называюць *неафраземамі*. Паводле В. Макіенкі і Т. Нікіцінай неафраземы сацыякультурна маркіраваны і валодаюць рознай сцэпенню ідыяматычнасці [1, с. 85]. Безумоўна, новы разрад устойлівых адзінак мае сваю спецыфіку. Неафраземы рэалізуюцца ў канкрэтна акрэсленых сферах – (каля)палітычнай і (каля)эканамічнай і іх люстэрку – сродках масавай інфармацыі, і толькі зрэдку накладаюцца на сферу бытавых зносін чалавека, у межах якой выкарыстоўваецца традыцыйная фразеалогія.

Мэтай дадзенай публікацыі з’яўляецца аналіз неафразем з ахраматычным кампанентам-каларонімам, якія ўжываюцца ў беларускай мове і адлюстроўваюць змены эканамічнага і палітычнага характару; да задач адносіцца таксама апісанне іх значэнняў, з аднаго боку – на фоне традыцыйнай беларускай фразеалогіі, а з другога боку –

апісанне асаблівасцяў неафразем на фоне пашыраных у медыядыскурсе іншаславянскіх эквівалентаў. Пры аналізе мы абапіраемся на тэксты і навуковыя публікацыі на славянскіх мовах, якія асвятляюць сучасны этап развіцця эканомікі. Прыклады неафразем адабраныя метадам суцэльнай выбаркі ў вольным доступе медыяпрасторы.

1. “Сацыяльны інтэр’ер” у фразеалогіі – дэфініцыя

Тэрміналагічны інструментарый даследавання ўключае тэрміналогію, ужывальную ў фразеалагічнай навуцы, акрамя таго, з мэтай паглыблення ў праблематыку разглядаемага намі разрада ФА, мы звяртаемся да тэрміна, які ўжо выкарыстоўваўся аўтаркай дадзенай публікацыі, але пакуль не набыў усталяваны характар. “Сацыяльныя інтэр’еры” для любой нацыянальнай фразеалогіі – пераменная, якая служыць генератарам абнаўлення ФА [2, с. 185].

“Сацыяльным інтэр’ерам” у старажытнасці для чалавека была прырода і жывёльны свет, дзякуючы якім чалавек псіхалагічна крышталізаваў стадыі свайго сталення. Характар жывёлы паступова стаў увасабленнем розных рыс характару і паводзін чалавека, на пачатку ў казках і міфах, пазней і ў мастацкай літаратуры – у байках. Гэтыя складнікі, як канстанты, адлюстроўваюць архетыповыя сувязі і спрадвечную псіхалогію чалавека, закладзеную ў яго генетычным кодзе. “Сацыяльныя інтэр’еры”, або асяроддзе эпохі – своеасаблівы фон, на якім існуючыя фразеалагізмы могуць адкрывацца ў іншым святле і набываць сэнсавыя канатацыі. “Сацыяльны інтэр’ер” звязаны з шырокім разуменнем міфа. Яго першакрыніца – міфалагічная свядомасць першабытнага чалавека, пазней “скарэганая” рэлігіяй, пасля – навукай і рацыяналістычнай свядомасцю, якая ў наш час знаходзіцца таксама пад ўладай палітычных інстытутаў, – што можна пазначыць як неміфалагічную свядомасць. Таму з пазіцыі сяміятычнага аналізу ФА могуць разглядацца як знакавыя сістэмы з розным наборам канататаў і дэнататаў.

2. Традыцыйная беларуская семантыка ахраматычных колераў (белы, чорны, шэры)

Да найбольш актыўных каларонімаў у сучаснай фразеалогіі адносяцца *белы, шэры і чорны*. Будучы антонімамі, *белы і чорны* захоўваюць свае супрацьлеглыя семы і ў складзе ФА. У «Слоўніку фразеалагізмаў» І. Я. Лепшава колеравы кампанент *белы* зафіксаваны ў складзе ФА: *да белага калення, казка пра белага бычка, не бачыць белага свету, рабіць з белага чорнае, рабіць белае чорным, белая варона, белая костка, белая пляма, белы свет, выводзіць на белы свет, у белы / божы свет, у белы свет як у капейку, на белым кані, не жылец на белым свеце, чорным па белым, шыта белымі ніткамі, да белых мух, да белых мядзведзяў, у белых пальчатках, белья мухі* [3, т. 1, с. 104]. Семантыку чорнага колеру ўтрымліваюць ФА з кампанентамі *чорна-*, прыметнікам *чорны* ў ж., м. і н. родах, адз. і мн. лікаў: *рабіць з белага чорнае, чорнае золата, маляваць чорнай фарбай, чорная костка, чорная кошка перабегла, чорны кот перабег, на чорны пазногаць, чорны воран, чорны дзень, як чорны вол, рабіць белае чорным, у чорным святле, у чорным целе, чорным па белым, глядзець праз чорныя акуляры* [3, т. 2, с. 643–644].

Сярод пералічаных ёсць толькі адна пара, у якой *чорны і белы* колеры ўступаюць у сувязь з адным і тым жа кампанентам і ў складзе ўтвораных ФА выяўляюць поўную семантычную супрацьлегласць: *белая костка – чорная костка*, першая адзінка мае значэнне ‘чалавек элітнага (часцей дваранскага) паходжання’, другая – ‘чалавек простага, нязнатнага паходжання’ [3, т. 1, с. 592].

На першы погляд падобна выглядае пара *белая варона – чорны воран*, але гэтыя ФА не маюць паміж сабой ніякай сувязі. *Белая варона* ўжываецца ў значэнні ‘чалавек, рэзка непадобны да іншых людзей сваімі паводзінамі ці знешнім выглядам, не такі, як усё’ [3, т. 1, с. 174], а фразема *чорны воран* узнікла ў першай палове ХХ ст. і звязана з савецкай гісторыяй і рэпрэсіямі – ‘аўтамашына для перавозкі арыштаваных’ [3, т. 1, с. 210].

Прыведзеныя ФА пабудаваныя на аснове кантрасту, у іх складзе каларонімы *белы і чорны*, як першаколеры, у пераважнай большасці захоўваюць першасную семантыку,

белы звязаны з пазітыўнымі характарыстыкамі, *чорны* – з негатыўнымі. Белы “асацыюецца з рытуальнай чысцінёй”; “у шматлікіх песенных творах эпітэт «белы» выкарыстоўваецца з мэтай ідэалізацыі артэфактаў, якія ён характарызуе” [4, с. 73]. Прытым што кожны колер мае ў фальклоры амбівалентныя характарыстыкі, белы ў беларускай культуры ўспрымаецца як пазітыўны – яго назва ўваходзіць у назву краіны і адпаведна – нацыі, белы (светлы) колер пераважае і ў традыцыйнай вопратцы.

“Значэнне белага ў традыцыйнай народнай культуры (...) ахоплівае ўсё існае, усё, што ў стане спазнаць (не абавязкова зразумець) чалавечы розум”. (...) белы, маркіруючы боскасць, набывае дадатковыя сэнсы, блізкія па значэнні да «абсалютнай чысціні», «святла», «ззяння»” [5, с. 8].

Ахраматычныя фразеалагізмы падцвярджаюць амбівалентнасць колерасемантыкі. Нягледзячы на пераважную пазітыўнасць белага колеру, сярод вышэйпрыведзеных ФА сустракаюцца адзінкі з адмоўным значэннем: *да белага калення* – ‘да поўнага адчаю, да поўнай страты самавалодання’, *казка пра белага бычка* – ‘бясконцае паўтарэнне аднаго і таго ж з самага пачатку; вяртанне да таго самага’, *не бачыць белага свету* – ‘не ведаць спакою, пакутаваць (ад непасільнай працы, вялікага клопату і пад.)’, *у белы свет як у капейку* – ‘у невядомым напрамку, не выбіраючы дарогі, абыводзіць куды (ісці, пайсці, ехаць і пад.)’, *шыта белымі ніткамі* – ‘няўмела, няўдала схавана, скрыта што-н., да белых мядзведзяў – адправіць у канцэнтрацыйны лагер на поўначы або на ўсходзе Расіі’.

Семантычная бінарнасць характэрна і для ФА з кампанентам *чорны*. Не ўсе з іх маюць адмоўныя значэнні, хаця пры агульнай характарыстыцы “чорны колер (...) сімвалічна прадстаўляе небыццё, хаос, разбурэнне, небяспеку, чужое, нечалавечае, няправеднае, дэманічнае і маркіруе пэўны аб’ект як прыналежны да «таго» свету, «чужы», адлюстроўвае негатыўныя ўласцівасці міфалагічнага персанажа, сведчыць пра яго варажое стаўленне да людзей і інш.” [6, с. 18].

Сярод ФА з кампанентам *чорны* сустракаем нейтральны намінацыўны выраз *чорнае золата*, які азначае нафту, *ФА на чорны / сіні пазногаць* – ‘трошачкі, ледзь-ледзь’ [3, т. 2, с. 153], стылістычна нейтральны *чорным па белым* – ‘вельмі дакладна, выразна, зусім пэўна, недвухсэнсоўна’ [3, т. 2, с. 644]. Устарэлыя *чорная костка* і *белая костка* для сучаснага носьбіта мовы таксама не нясуць негатыўнага значэння.

У “Слоўніку фразеалагізмаў” І. Я. Лепешава зафіксавана толькі адна адзінка з кампанентам *шэры* – *шарая / шэрая гадзіна* ‘час, калі пачынае цямнець, на стыку дня і ночы; прыцемак’, дзве адзінкі з каларонімам *сівы*: *да сівых валасоў* ‘да старэчага ўзросту, да глыбокай старасці (дажыць, застацца і інш.)’ [3, т. 1, с. 171] і *трызненне (мроя) сівой кабылы* – ‘тое, што пазбаўлена ўсялякіх падстаў, бяссэнсіца’ [3, т. 2, с. 527]. Да актыўных таксама адносяцца параўнанні *сівы, як голуб* і *як лунь сівы / белы* – ‘сівы’. У пераносным значэнні ўжываюцца і сінанімічныя выразы *сівыя / даўнія вякі, сівыя часы* і *сівая даўніна / мінуўшчына* – ‘старыя часы’, *шэрае жыццё* і *шэрыя дні* – ‘нічым непрыкметнае сумнае цяжэнне дзён’ і пазнейшы запазычаны выраз *шэрая мыш* ‘невывразны чалавек, які не прыцягвае да сябе ўвагу’. Дыялектная адзінка *дажыць да сівой кабы* структурна падобная, але семантычна нетоесная вышэйпрыведзенаму *да сівых валасоў*. Слова *каса* у дадзенай ФА ўключае семантыку ‘старая дзева’ і ‘злосць’, а выраз *да сівых валасоў* спалучаецца з мужчынскімі і жаночымі вобразамі, але не мае негатыўных канатацый і азначае ‘(дажыць) да старасці’ [7, с. 114].

3. Семантыка ахраматычных колераў у славянскіх неафразамах

Неафразамамы з ахраматычнымі каларонімамі праяўляюць тэндэнцыю да ўтварэння семантычных трыяд (*белая эканоміка* – *шэрая эканоміка* – *чорная эканоміка, белыя заробкі / зарплаты* – *шэрыя заробкі / зарплаты* – *чорныя зарплаты / зарплаты*). Як правіла, яны маюць іншамоўныя калькі-адпаведнікі ў іншых мовах (чэш. *bílá ekonomika* – *šedá ekonomika* – *černá ekonomika*), па-другое, у кожнай мове такія неафразамамы ўтвараюць сінанімічныя групы, у склад якіх уваходзяць стылістычна адрозныя

адзінкі, як нейтральныя (бел. *ценьвая эканоміка, нефармальная эканоміка*, рус. *вторая экономика, теневая экономика*, укр. *тіньова економіка, неформальна економіка*, славац. *tieňová ekonomika, neformálna ekonomika*, чэш. *stínová ekonomika, neformální ekonomika*, польск. *gospodarka nieformalna, nielegalna, nieobserwowalna, nieoficjalna, gospodarka cieni, gospodarka ukryta*), так часам і зніжаныя (рус. *черный нал*). У большасці славянскіх моў неафраземы (каля)эканамічнай тэматыкі ўтвараюцца па падобных схемах, пры гэтым кожная мова прыстасоўвае асобныя тэрміналагічныя выразы да ўласнай лексічнай базы, напрыклад, у польскіх сродках масавай інфармацыі пераважаюць выразы *szara strefa (gospodarki), czarna gospodarka*, у чэшскай мове розныя ступені эканамічнай нелегальнасці называюцца *černý trh*, у беларускай мове пры наяўнасці выказаў *шэрыя выплаты і шэрыя заробкі* перавага аддаецца фраземе *заробкі ў канвертах*, паралельнае ўжыванне пералічаных ФА заўважаем і ва ўкраінскай мове: *сірі выплаты, сіра зарплата, тіньові зарплати, зарплати в конвертах*. Пры іх выкарыстанні ў медыя як прыметнікі са значэннем колеру, так і назоўнік не маюць адзінай правапіснай нормы – не заўсёды, але часта яны бяруцца ў двухкоссе: у “*канвертах*”, “*сірі*” *выплаты*, “*шэрыя заробкі*”.

Да найбольш актыўных неафразем з кампанентам *чорны* адносяцца *чорны рынак, чорная біржа, чорны рыэлтар, чорны піяр, чорны хакер*.

Бел. *Больш таго, празмерныя накупленні ўзбраенняў істотна павялічваюць рызыкі іх перацякання ў незаконны абарот. Паколькі вялікая частка ўзбраенняў трапляе на чорны рынак з легальнага абароту* [I-1].

Укр. *Долар на чорному рынку можна купіць у сярэднім па 41,50 грн і продати по 41,45 грн*. [I-2].

Рус. *Белорусские стражи порядка предотвратили попадание на черный рынок почти 48 кг наркотиков* [I-3].

Словац. *Klientky jej dohadzuje špekulantka a kšeftárka na čiernom trhu Lily* [I-4].

Чэш. *Nedostatek potravin a černý trh jsou příčinou toho, že střední třída ztrácí důvěru ve vládu* [I-5].

Польск. *A administrator majątku, pan Majewski, miał nawet przykazane zdobywać bez względu na koszty wszystko, co wielkim ucztom dodaje świetności; czarny rynek wciąż działał świetnie* [I-6].

У складзе трохкампанентных мадэляў найбольш актыўны каларонім *шэры, чорны* часцей набывае абагульняючае значэнне, а *белы*, як паказчык нормы, адносіцца да малачастотных.

Ахраматычныя трыяды найбольш актыўна выкарыстоўваюцца ў рускай мове, дзе яны прыстасоўваюцца да новых сфер. Прыклад апісання магчымасцяў пошукавай аптымізацыі (SEO – Search Engine Optimization) у сферы інтэрнэт-маркетынгу, або спосабу паляпшэння пазіцыі сайта ў выніках пошуку Google, Яндекс і іншых пашукавікоў, дзе выкарыстоўваюцца *белыя метады – шэрыя метады – чорныя метады, белая аптымізацыя – шэрая аптымізацыя – чорная аптымізацыя* і інш.

Белое SEO – это полностью легальный метод, при котором соблюдаются все правила поисковых алгоритмов; **Серая оптимизация** – эта стратегия допускает незначительные нарушения, из-за которых сайт может быть заблокирован. Но если делать все грамотно, вряд ли поисковые системы наложат санкции, а со временем вы получите хорошую выдачу и постоянный поток клиентов [I-7]; **“черная” оптимизация (negative SEO)** – это применение методов по раскрутке ресурса, которые грубо нарушают правила поисковых систем. Злоумышленники используют техники для манипуляции алгоритмами ПС для “взрывного” увеличения трафика, ложной лидогенерации, наращивания ссылочной массы, устранения конкурентов [I-8].

Да найбольш частотных трыяд адносяцца *белыя схемы – шэрыя схемы – чорныя схемы, белыя кампаніі / фірмы – шэрыя кампаніі / фірмы – чорныя кампаніі / фірмы*.

У беларускім інтэрнэце знаходзім шмат прыкладаў: *У Магілёве раскрыта шэрая пасрэдніцкая схема рэалізацыі беларускіх тавараў* [I-9]; *Як зазначаецца на афіцыйным сайце ведамства, для незаконнай мінімізацыі падаткаў дырэктар кампаніі арганізаваў і выкарыстаў “шэрую” схему на куплі-продажы беларускай прадукцыі (гадзіннікі, адзенне, тэкстыльная прадукцыя, шпалеры) з выкарыстаннем расійскіх пасрэдніцкіх структур; Шэрую схему на сыходзе ад выплаты падаткаў выкрыла фінансавая міліцыя Дзяржкантролю* [I-10]; *Як паведамілі “Звяздзе” ў Камітэце дзяржаўнага кантролю, фінансавая міліцыя раскрыла шэрую схему гандлю дарагой бытавой тэхнікай* [I-11].

Адначасова разнастайнасць “шэрага” эканамічнага махлярства садзейнічае стварэнню шматлікіх новатвораў: *2297 пар “шэрага” абутку. Наваполацкім міжрэжымным аддзелам фінансавых расследаванняў спынены незаконны ўвоз у Рэспубліку Беларусь буйной партыі абутку. “Шэры” тавар быў выяўлены ў грузавым аўтамабілі, які ехаў праз в. Кастрова Верхнядзвінскага раёна Віцебскай вобласці* [I-12]; *“Шэры” тавар канфіскауюць. “Шэрыя” прадаўцы, зразумела, ніякага пасведчання не спытаюць: купляйце, падпальвайце, а далей, як пашанцуе* [I-13]. Прыведзеныя адзінкі немагчыма ў поўнай меры аднесці да неафразем, але носьбіт мовы беспамылкова ідэнтыфікуе іх як адзінкі, суадносныя з шэрай эканамічнай сферай.

У ахраматычнай неалогіі распаўсюджаны трыяды і пары. Назіраецца і новая тэндэнцыя – словы, якія раней немагчыма было ўявіць у якасці складніка ахраматычнай трыяды, пачынаюць у іх уваходзіць. Напрыклад, нарматыўная адзінка з умоўна “белым” адценнем, што азначае пэўную з’яву, пачынае ўжывацца як семантычны “апанент” фраземы з кампанентам чорны: *чорны гумар*, укр. *чорний гумор*, рус. *чёрный юмор*, славац. *čierny humor*, чэш. *černý humor*, і *чорны піяр*, укр. *чорний піар*, рус. *черный пиар*. Развіццё маркетынговых стратэгіі спрыяе ўтварэнню, галоўным чынам у рускай мове, ахраматычнай трыяды піяру: *чёрный пиар – серый пиар – белый пиар*, дзе чорны мэтанакіравана дыскрэдытуе аб’ект, наўмысна выкарыстоўваючы ілжывую або скажоную інфармацыю, *шэры піяр* чэрпае інфармацыю з сумнеўных крыніц, не падмацаваную фактамі, а *белы піяр* накіраваны на стварэнне пазітыўнага іміджу і карыстаецца аўтарытэтнымі і даставэрнымі крыніцамі.

Найшырэйшая шкала колераў належыць паняццю працоўнай сацыяльнай лесвіцы, якая паступова пераходзіць у іншыя мовы з амерыканскай англійскай. Умоўна назавём яе “каўнерыкавай лесвіцай”. Найбольш распаўсюджаным запазычаннем у славянскіх мовах з’яўляецца калька *white-collar workers* ад *white collar*, якая разам з *сінімі* і *ружовымі каўнерыкамі* выкарыстоўваецца для стратыфікацыі шырокай шкалы працоўных пазіцый. “Белыя каўнерыкі адрозніваюцца ад рабочых вышэйшым сярэднім заробкам, лепшымі перспектывамі прасоўвання па службе і вышэйшым прэстыжам” [8]. У адрозненні ад іншых схем, у “каўнерыкавай лесвіцы” найбольш засвоеным з’яўляецца белы колер: рус. *белые воротнички*, укр. *білі комірці*, чэш. *bilé límečky*, славац. *biele goliere* – ‘дзяржслужбоўцы, працаўнікі разумовай сферы, чыноўнікі, працаўнікі апарату кіравання’. У некаторых еўрапейскіх краінах у адносінах да *белых каўнерыкаў* нарастаюць асацыятыўныя сувязі з мафіёзнымі структурамі ў дзяржаапаратах і іх крымінальнымі дзеяннямі, звязанымі з падаткавымі махінацыямі. Напрыклад, у 2015 годзе ў Славакіі адбыўся суд, які атрымаў шырокую пагалоску ў медыа, былі асуджаныя і юрысты – саўдзельнікі крымінальных афер: *Označenie sa na Slovensku používalo najmä v súvislosti s tafiánmi. (...) Pre zločin založenia, zosnovania a podporovania zločineckej skupiny odsúdil takzvané biele goliere. Právnik a podnikateľov, ktorí sa podieľali na podvodoch s vratkami DPH a mali v úmysle pripraviť štát o milióny eur* [I-14].

На “каўнерыкавай лесвіцы”, поруч з найбольш прэстыжнымі – белымі, існуюць *ружовыя каўнерыкі* – ‘жанчыны, занятыя ў сектарах нефізічнай працы, сферы паслуг’, якіх ў 1970-ыя гады залічвалі да ніжэйшых і сярэдніх сацыяльных класаў; *злёненыя каўнерыкі* (Green Collars) – прадстаўнікі прафесій, звязаных са сферай навакольнага

асяроддзя і аднаўляльнымі крыніцамі энергіі; *шэрыя каўнерыкі* (Grey Collars) – працаўнікі сацыяльнай інфраструктуры, працуючыя пенсіянеры і часова занятыя, якіх немагчыма аднесці да белых ці сініх; *сінія каўнерыкі* (Blue Collars) ‘рабочыя’ (паводле колеру працоўнай вопраткі). Апошні новатвор на гэтай лясвіцы – *новыя каўнерыкі* (New Collars) [9], ён фіксуе новы трэнд, калі пры пошуку працаўнікоў на абвешчаную вакансію не патрабуюць спецыяльнай адукацыі, прэтэндэнта выбіраюць паводле яго здольнасцей арыентавацца ў сферы і звязаных з ёй сітуацыях, часцей за ўсё размова ідзе пра таленавітых самавукаў. Апісаная “каўнерыкавая лясвіца” ў амерыканскай традыцыі мае і іншыя колеры, але славянскія мовы не запазычылі іх і карыстаюцца толькі каларонімам *белы*.

4. Кампаратыўныя аспекты славянскай неафраземікі

Традыцыя пераемнасці ва ўтварэнні неафразем працуе на ўсіх этапах развіцця “сацыяльных інтэр’ераў”, пры гэтым у славянскіх мовах назвы адных і тых жа з’яў ці прадметаў могуць адрознівацца па сваім лексічным афармленні. У адных мовах найменне ўключае ахраматычны каларонім, у іншых ён адсутнічае. Да найбольш старажытных адзінак, звязаных са зменай “сацыяльных інтэр’ераў”, можна аднесці чэшскі ўстарэлы выраз *černá kuchyně* (даслоўна *чорная кухня*, вядомая з сярэднявечных часоў, ‘будова без коміна, з адтулінай у столі для выхаду дыма’), яму адпавядаюць бел. *Курная / чорная хата / хатка*, укр. *курна хата, рудна хата, чорна хата (димнянка)*, рус. *курная изба, чёрная изба*, спосаб атаплення якой апісваецца выразам з каларонімам – *тапіць па-чорнаму / у печы паліць па-чорнаму*, гэта значыць, што дым выходзіў праз дзверы ці праз верхнік (дымнік), пры такім спосабе ў хаце паўсюль асядала сажа, якую потым трэба было адмываць.

Пазнейшыя “сацыяльныя інтэр’еры” вядуць да ўзнікнення сацыяльнай няроўнасці, як вынік маем ФА *белая косць і чорная косць*. Яшчэ пазней, як вынік асэнсавання каштоўнасці прыродных багаццяў, якія пачалі дабываць прамысловым спосабам, нараджаецца выраз *чорнае золата* – ‘нафта’ і падобныя.

Параўнанне славянскай фразеалогіі дае шмат узораў, якія сведчаць пра аднатыпнасць схем утварэння неафразем (каля)эканамічнай сферы. Разам з тым кожная мова і ў гэтай надзвычай шаблоннай прасторы праяўляе сваю індывідуальнасць. Разгледзім некаторыя міжмоўныя эквіваленты.

Černý pasažér – уласначэшскі выраз, даслоўна ‘чорны пасажыр’ у значэнні ‘безбілетнік’, якому ў беларускай мове адпавядае сленгізм *заяц*, сэнсава з ім звязаны фраземы бел. *ездзіць зайцам*, укр. *їхати зайцем*, рус. *ездить зайцем* – іх чэшскі эквівалент *jezdít načerno*.

Černý kůň – запазычанне з англійскай мовы (Dark horse) – малавядомы суб’ект – чалавек ці жывёла, які не лічыцца фаварытам (у конкурсе, спаборніцтвах, выбарах), але нечакана становіцца канкурэнтам або пераможцам. Тэрмін паходзіць са сферы конных скачак. У беларускай і украінскай мовах гэты выраз не прыжыўся, а рускі эквівалент замест чорнага колеру ўтрымлівае яго адценне – *тёмная лошадка*.

Тэрмін з кібернэтыкі, дзякуючы сродкам масавай інфармацыі, пачаў асацыявацца з інфармацыйнай сістэмай – бартавым самапісцам самалётаў: бел. *чорная скрыня* (скрынка), укр. *чорна скрынька*, рус. *чёрный ящик*, польск. *czarna skrzynka*, чэш. *černá skříňka*, славац. *čierna skrinka*.

Эквівалентам ўсходнеславянскай адзінкі *іронія лёсу* з’яўляецца чэшская ФА *černá ironie: Zkáza Bejrútu má v pozadí černou ironii. Lod', která smrt přivezla, mířila jinam* [I-15]. (Пераклад: За знішчэннем Бейрута стаіць іронія лёсу. Карабель, які прынёс смерць, накіроўваўся ў іншае месца).

Карэляцыя чорнага і яго адценняў назіраецца і ў іншых міжславянскіх эквівалентах, як напрыклад, *potmě každá kráva černá і potmě každá kočka černá* (даслоўна: *у цемры кожная карова чорная, у цемры кожная кошка чорная*), якія маюць значэнне ‘ноччу

цяжка што-небудзь адрозніць або пазнаць сутнасць паводле выгляду'. Дадзеныя фраземы сэнсава суадносяцца з рускай, таксама запазычанай, кантэкстуальна шматзначнай адзінкай *ночыю все кошки серы* – 'у крызіснай ці складанай сітуацыі складана зразумець, на чым баку праўда'. У чэшскай мове існуе ФА *také černá kráva bílé mléko dává*, якая азначае, што 'нават нехта / нешта патэнцыйна дрэнны/ае або небяспечны/ае можа быць карысным'.

У беларускай мове, як паказваюць прыклады, больш актыўна ў працэсе стварэння неафразем выступае каларонім *шэры*, які стварае назвы дробных удзельнікаў шэрых схем ці магчымых працэсаў іх рэалізацыі. У чэшскай мове прадуктыўны каларонім *чорны*, які называе функцыянальна падобныя працэсы: *na černo* (прыслоўе) з агульным значэннем 'карыстацца нечым без аплаты' (жыць недзе нелегальна, працаваць нелегальна, нелегальна везці нешта (за мяжу), ездзіць зайцам, будаваць нешта без афіцыйнага дазволу і г. д.), або абагульняе розныя тыпы эканамічных парушэнняў, як *černý trh* – абагуленае азначэнне ўсіх праяў неафіцыйнай, па-беларуску – *шэрай эканомікі*. Парушэнне закона фіксуе неафраземы *černá skládka* (даслоўна: *чорны сметнік* – 'нелегальная звалка'), *černá stavba* (даслоўна: *чорнае будаўніцтва* – 'нелегальная будоўля').

Падсумаванне

Кампаратыўны аналіз традыцыйнай фразеалогіі і неафразем, узнікненне якіх цесна звязана са зменай "сацыяльных інтэр'ераў" і з'яўляецца вынікам трансфармацыі эканамічнага дыскурсу, паказвае, што гэтыя дзве фразеалагічныя плыні развіваюцца па іншых законах. Нацыянальны фразеалагічны запас уключае агульнаславянскі базіс, запазычанні, ўласныя ФА і этнафразеалагізмы. Другая плынь, пазнейшая па часе свайго утварэння, фіксуе значныя змены ў жыцці чалавецтва на розных гістарычных этапах. Неафраземіка, фармаванне якой адбываецца на працягу апошніх ста гадоў, а больш інтэнсіўна – ад пачатку XXI стагоддзя, падкрэслівае існаванне нацыянальных эканомік як вінцікаў агульнасветавага эканамічнага арганізму, якія дзейнічаюць па адных і тых жа законах. Структурна-семантычнымі элементамі неафразем выступаюць ахраматычныя каларонімы *белы*, *шэры*, *чорны*, найбольшая прадуктыўнасць ва ўсходнеславянскіх мовах належыць шэраму колеру, які нясе на сабе ацэначны цяжар усёй трыяды, а таксама ўтварае шмат кантэкставых выразаў, якія, дзякуючы сваёй структуры і ўжо засвоенай секундарнай семантыцы шэрага колеру, зразумелыя носбітам мовы.

"Фразеалагізмы ацэначнай семантыкі ў эканамічным дыскурсе з'яўляюцца лінгвістычнымі механізмамі для характарыстыкі рэальных таварна-грашовых адносін. (...) Фразеалагізм у эканамічным дыскурсе – гэта сродак выразнасці, лаканічнасці, а таксама знакавая сістэма, якая служыць для адлюстравання культурных, этычных устаноў, інтэграваных у эканамічны кантэкст. Асабліваець фразеалогіі эканамічнага дыскурсу заключаецца ў шматграннай семантычнай сетцы, у якой фінансава-эканамічныя фактары ўзаемадзейнічаюць з канцэптамі рызык, дабрабыту і маралі" [10, с. 229].

Існаванне ахраматычных трыяд садзейнічае градацыі азначаемых імі з'яў і працэсаў, упарадкаванню сістэм ўмоўных каштоўнасцяў і крытэрыяў дасягнення пэўных мэтаў. Трохкампанентныя схемы, якія першапачаткова характарызавалі эканамічныя працэсы, паступова, але не марудным тэмпам, пранікаюць ў іншыя маркетынжавыя сферы, у наш час найбольш актыўна ў сферу рэкламы і прасоўвання інфапрадуктаў на платформах інтэрнэту. Эканамічная сфера і інтэрнэт – гэта сучасныя "сацыяльныя інтэр'еры", якія прыйшлі на змену з'явам мінулага і савецкім шаблонам XX стагоддзя, яны ўтвараюць шырокую пляцоўку для развіцця неафраземікі, у якой пераклучэнне кодаў – з'яў 'белых', 'шэрых' і 'чорных' часта бывае ўмоўным. Абсяг 'белага' і 'шэрага', таксама як 'шэрага' і 'чорнага', адрозніваецца працэнтам захавання этычных крытэрыяў і шкалай законапаслухмянасці. Этычныя нормы заціскаюцца скрыжалямі новых тэхналогій, тэмп развіцця якіх змяняе і саму этыку, і чалавечыя ўзаемаадносіны.

Неафраземы актуалізуюць псіхалагічны партрэт сучасніка на фоне новых "сацыяльных інтэр'ераў" і адлюстроўваюць змены ў псіхалогіі чалавека, якія адбываюцца

пад уплывам эканамічных працэсаў. Узнікненне неафразем абумоўлена не комплексам прыроднага асяроддзя – як гэта было ў традыцыйнай фразеалогіі, неафраземы нараджаюцца ва ўрбанізаванай жыццёвай прасторы, у скрыжальях эканамічных рэформ, у фарматах значных грамадскіх змен.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Мокиенко, В. М. Аксиология неофразем и фразеотрансформаций в лексикографической интерпретации / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина // Вопросы лексикографии, 2022. – № 25. – С. 81–107.
2. Калита, И. Характеристика человека посредством фразеологизмов с лексемой *голова* (компаративный ракурс: чешский vs. белорусский) / И. Калита // Rossica Olomucensia LIV. Sborník příspěvků z mezinárodní konference XXIII. Olomoucké dny rusistů 10–11.09.2015. – С. 185–191.
3. Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларуская энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. Т. 1 – 672 с., Т. 2 – 704 с.
4. Швед, І. А. Функцыянаванне белага колеру ў песенным фальклору беларусаў / І. А. Швед // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 3. Філалогія. Педагагіка. Псіхалогія, 2013. – № 1 – С. 68–75.
5. Анемпадыстаў, М. Колер Беларусі / М. Анемпадыстаў. – Мінск : Логвінаў, 2017. – 196 с.
6. Швед, І. А. Семантычная апазіцыя «белы/чорны» ў міфалагічнай карціне свету беларусаў / І. А. Швед // Веснік БДУ. Сер. 4, 2009. – № 3. – С. 15– 19.
7. Калита, И. Очерки по компаративной фразеологии. Серая палитра в национальных картинах мира русских, белорусов и чехов / И. Калита. – М. : Дикси Пресс, 2016. – 176 с.
8. Sociologická encyklopedie (Editor: Nešpor Z. R.). – Praha : Sociologický ústav AV ČR, 2017. [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <https://encyklopedie.soc.cas.cz/>. – Дата доступу : 15.10.2024.
9. Hetler, A. New-collar jobs explained: Everything you need to know (8.03.2024) [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <https://www.techtarget.com/whatis/feature/New-collar-jobs-explained-Everything-you-need-to-know>. – Дата доступу : 15.10.2024.
10. Чулкова, В. И. Фразеологизмы экономического дискурса в онтологическом представлении (на материале русского и английского языков) / В. И. Чулкова // Филология. Серия: Гуманитарные науки, 2024. – № 5. – С. 225–229.

Электронныя рэсурсы, з якіх прыведзены прыклады (дата доступу : 15.10.2024)

- I-1 Рэжым доступу : <https://svisloch.gov.by/by/republic-by/view/mzs-belarusi-bjazdumnae-nachupenne-zbrojaj-tyx-tsi-inshyx-dzjarzhau-pramy-shljax-da-eskalatsyi-napruzhanastsi-23259/>
- I-2 Рэжым доступу : <https://espresso.tv/kurs-valyut-dolar-yevro-gryvnia-na-siogodni>
- I-3 Рэжым доступу : <https://odkb-csto.org/videogallery/beloruskie-strazhi-poryadka-predotvratili-popadanie-na-chernyy-rynok-pochti-48-kg-narkotikov1/#loaded>
- I-4 Рэжым доступу : <https://bonito.korpus.sk>
- I-5 Рэжым доступу : <https://www.korpus.cz>
- I-6 Рэжым доступу : <https://nkjp.pl/poliqarp/nkjp300/query/7/>
- I-7 Рэжым доступу : <https://ics-media.ru/blog/poiskovoe/seo-chnoe-beloe-seroe/>
- I-8 Рэжым доступу : <https://botfaqtor.ru/blog/chnoe-seo-i-boty/#SEO>
- I-9 Рэжым доступу : <https://www.zviazda.by/be/news/20240911/1726056394-u-magilyove-raskryta-sheraya-pasrednickaya-shema-realizacyi-belaruskih>
- I-10 Рэжым доступу : https://news.by/by/news/proisshestviya/ch-p/seruyu_skh_emu_po_ukhodu_ot_uplaty_nalogov_raskryla_finansovaya_militsiya_goskontrolya
- I-11 Рэжым доступу : <https://zviazda.by/be/news/20181017/1539799099-finansavaya-militsyua-raskryla-sheruyu-shemu-gandlyu-daragoy-bytavoy>
- I-12 Рэжым доступу : <https://www.shumilino.by/?p=30598>
- I-13 Рэжым доступу : <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2018/december/31896/>
- I-14 Рэжым доступу : <https://www.trend.sk/trend-archiv/zlociny-bielych-golierov>
- I-15 Рэжым доступу : https://www.idnes.cz/zpravy/zahranicni/bejrut-vybuch-ledku-v-bejrutu-lod-rhosus-igor-grecuskin.A200807_180557_zahranicni_kzem

Abstract. The article is devoted to the analysis of neophrasemes with an achromatic color-term component related to the economic sphere. Phraseological innovations are considered against the background of traditional Belarusian phraseology, as well as in comparison with equivalents in other Slavic languages. New phraseological units common in media discourse reflect the dynamics of changes in human psychology that occur under the influence of economic processes, and actualize his psychological portrait in the context of the “social interiors” of his time.

Keywords: phraseology, neophrasemes, pragmatics, achromatic color, Slavic languages, “social interior”.

Каліта Іна Уладзіміраўна – кандыдат філалагічных навук, PhD; Беларускі Інстытут у Празе (inna.kalita@belarus-institute.cz).

УДК 811.161.1'373:811.581.11:23

Кан Жоши

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ В ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ КИТАЙСКИХ И РУССКИХ ЗООНИМОВ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности фразеологизмов с зоонимами в русском и китайском языках через лингвокультурологический и психолингвистический подходы. Основной объект исследования – зоонимы во фразеологических единицах и пословицах. Для выявления общих и специфических черт восприятия зоонимов среди носителей русского и китайского языков были проведены свободные ассоциативные эксперименты с участием 1 200 респондентов.

Ключевые слова: фразеологизмы, зоонимы, русский язык, китайский язык, лингвокультурология.

Лингвокультурология как научная дисциплина возникла на стыке лингвистики и культурных исследований в конце XX – начале XXI века. Ее основная задача заключается в том, чтобы через язык раскрыть особенности мышления и культурные черты человека. Лингвокультурология рассматривает язык как культурное явление, исследуя, как через призму национального языка отражается определенная картина мира и как язык служит средством выражения национального менталитета. Основными объектами исследования данной дисциплины являются языковые единицы, метафоры и знаковые системы [1, с 168].

Согласно В. Н. Телия, фразеология рассматривается как «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» и является «самым культураносным компонентом языка в действии» [2, с. 9; 3, с. 19]. Анализ всех фразеологических единиц в языке как целостной системы позволяет исследовать мировоззрение данного народа, а также его социальные и культурные особенности. Фразеологическая система хранит в себе коллективный опыт, передаваемый из поколения в поколение, и может быть использована не только для изучения далекого прошлого языка, но и для понимания культурной истории его носителей, а также для определения их культурного и этнического фона [4, с. 167]. На этой основе возникло понятие «языковая картина мира», которое обычно понимается как целостный образ мира на уровне языка, представляющий собой совокупность всех духовных и практических взаимодействий человека с окружающей действительностью.

Фразеологизмы и пословицы в китайском и славянских языках содержат уникальные культурные коды и мировоззрение. Эти языковые единицы не только передают нормы морали, но и отражают традиционные представления о жизни, труде, семейных ценностях и межличностных отношениях. Исследование фразеологии тесно связано

с национальными особенностями, историческим фоном, образом жизни и природной средой. Лингвокультурологический анализ способствует выявлению общих и специфических черт в идеологии китайского и славянских народов, что обеспечивает научную основу для более глубокого понимания их культурных особенностей.

Зоонимы во фразеологизмах и пословицах несут важное символическое значение, отражая наблюдения носителей разных культур за природой, отражая их социальные ценности и нравственные нормы. Они часто используются в метафорическом значении или сравнительном плане для выражения сложных черт человеческого характера или поведения. Например, китайское выражение 狼心狗肺 («волчье сердце и собачьи лёгкие») описывает человека с жестоким сердцем, тогда как русское *работать как лошадь* означает усердную и тяжелую работу. Зоонимы также тесно связаны с определенным культурным контекстом: так, в Китае дракон символизирует удачу и власть, а на Западе он ассоциируется с опасностью, злом. Пословицы, содержащие зоонимы, часто отсылают к жизненной мудрости и нравственным поучениям. Например, китайская пословица 画虎不成反类犬 («рисовал тигра, а получилось некое подобие собаки») предупреждает, что перед тем, как что-то делать, нужно взвесить все «за» и «против» и не быть слишком жадным, а русская *волков бояться – в лес не ходить* подчеркивает необходимость преодолевать трудности. Изучение зоонимов в составе фразеологизмов и пословиц помогает лучше понять мышление, социальные нормы и культурные традиции различных народов.

Психолингвистика сосредоточена на исследовании связи между языком и психологическими процессами человека, изучает порождение, понимание, познание и использование языка. Эта дисциплина изучает психологическую составляющую механизмов языка, особенности его усвоения, обработку и языковые нарушения. Психолингвисты с помощью анализа экспериментальных данных исследуют, как язык обрабатывается мозгом, как он усваивается, а также какова его роль в когнитивных функциях, таких как память и внимание. Фразеология предоставляет психолингвистике богатый языковой материал и исследовательскую основу, помогая раскрыть механизмы обработки устойчивых выражений в языковом сознании. По-своему изучая фразеологизмы, психолингвистика может глубже понять целостную обработку языка, когнитивные механизмы производства метафор, зависимость значений от контекста, полисемию, а также процессы усвоения устойчивых выражений в ходе изучения языка.

Основной целью данной статьи является изучение фразеологизмов, полученных в ходе ассоциативных экспериментов с зоонимами среди носителей китайского и русского языков. Данные фразеологизмы мы относим к группе так называемых *текстовых ассоциаций*, применяя при этом лингвокультурологический подход.

Мы провели серию свободных ассоциативных экспериментов с зоонимами в китайской аудитории и среди русскоязычных белорусов, всего опрошено около 1 600 человек. Для корректности сравнения отобрано 1 200 анкет, по 600 для обоих языков. В русскоязычной части ассоциативного эксперимента было исследовано 46 названий животных, а в китайской части – 48 названий. Несовпадение в количестве зоонимов в этих частях эксперимента объясняется тем, что их отбор учитывал разницу в национальном культурном восприятии, наиболее точно представляющем образ страны языка. Мы намеревались исследовать различия в языковой картине мира носителей русского и китайского языков на основе фразеологической составляющей, обнаруженной в ходе наших ассоциативных экспериментов.

Прежде всего, мы можем разделить различия и сходства между полученными русскими и китайскими фразеологизмами на несколько пунктов.

Во-первых, русские фразеологизмы не имеют фиксированной структуры и характеризуются гетерогенностью, открытостью и изменчивостью. Количество слов в русских фразеологизмах может варьироваться, они состоят из двух или более слов.

А наиболее распространенной структурной моделью китайских фразеологизмов является «модель четырех иероглифов». Согласно мнению Хуан Борун и Ляо Сюйдун, структура китайских фразеологизмов может быть разделена на девять типов: параллельная структура, структура модификатора и ядра, глагольно-объектная структура, дополнительная структура, субъектно-предикатная структура, структура с последовательными глаголами, двойное управление, сжатая структура и редупликация [5, с. 12]. Из этого видно, что, по сравнению с русскими фразеологизмами, китайские более упорядочены и стабильны по внешней форме, а также сложны и разнообразны по внутренней грамматической структуре.

Во-вторых, в китайских фразеологизмах встречается множество выражений, связанных с природой и дикими животными. В русских идиомах больше всего тех, которые связаны с бытовыми ситуациями, где человек часто является субъектом действия. Сравнение результатов ассоциативного эксперимента также показывает, что количество фразеологизмов, связанных с животными, в ассоциациях китайцев значительно превышает аналогичные данные у русскоязычных белорусов.

В-третьих, что касается общих черт, для русских и китайских идиом характерна метафорическая сущность. Кроме того, и в русском, и в китайском языках большое число идиом происходит из национальных литературных произведений и культурных текстов [6, с. 60].

Исходя из смысловой эквивалентности русских и китайских фразеологизмов их соответствие можно разделить на три уровня.

Первый уровень – это полное соответствие. Такие фразеологизмы в русском и китайском языках имеют одинаковый состав и выражают одно и то же общее значение. Эти полностью соответствующие устойчивые выражения указывают на то, что в некоторых аспектах культура и мышление китайцев и русскоязычных белорусов совпадают. Например, в русском ассоциативном эксперименте одна из реакций на стимул овца – *отпущения*. Эта ассоциация возникла через цепочку *овца – баран – козёл – козёл отпущения* благодаря идиоме, используемой для обозначения человека, на которого перекладывают вину за чужие ошибки или проблемы. Это выражение происходит из описания библейского ритуала, когда козёл отпускался в пустыню, унося на себе грехи общества. В китайском языке есть полностью соответствующая этой идиоме фраза 替罪羊 (буквально: «козёл отпущения»). Причем в китайском ассоциативном эксперименте одно из ассоциируемых с овцой слово тоже совпадает с этим выражением. Это указывает на то, что ассоциативное поведение китайцев и русскоязычных белорусов совпадает в реакциях на стимул «овца».

Еще пример: в ассоциациях на слово-стимул собака как у китайцев, так и у русскоязычных белорусов встречается реакция *лай*. В русском языке есть пословица *лает, но не кусает*, обозначающая человека, который много говорит, угрожает, но на деле не причиняет вреда. Ей соответствует китайская пословица 会咬人的狗不叫 (буквально: «Собака, которая кусает, не лает»).

Второй уровень – это неполное соответствие. Не полностью соответствующие пословицы и фразеологизмы можно разделить на два типа. Сущность первого типа – определенные слова с особым «национальным» значением в пословицах и фразеологизмах не могут быть полностью сопоставлены, но выражают одинаковый смысл. Например, в результатах русского ассоциативного эксперимента одна из реакций на стимул кролик – *трус*. В русском языке *заяц-трус* или *трусика-зайчишка* – это понятия, которые описывают очень пугливого или робкого человека (хотя реакция *трус* может быть расценена и как своеобразная интерференция в связи со словом *трус* («кролик») в белорусском языке). Это совпадает с реакцией на слово-стимул мышь в китайском языке: 胆小如鼠 (буквально: «труслив как мышь»). В русском языке *заяц* используется как символ трусости, тогда как в китайском языке для этого применяется образ *мышь*, что отражает различия двух культур. В природной среде Восточной Европы

и России зайцы и другие представители семейства зайцевых распространены довольно широко. Эти животные известны своей быстротой, осторожностью и умением убежать от опасности. Эти особенности сделали зайца символом трусости и стремления избежать угроз. В то же время в древнекитайском аграрном обществе из-за высокой численности населения зайцы были одной из главных целей охоты, что сделало их реже встречающимися в обыденной жизни людей. В отличие от зайцев, мыши из-за своего небольшого размера и склонности воровать зерно часто появлялись в жилищах и на полях. Ночная активность и подобное поведение мышей создали в сознании людей образ хитрого и боязливого существа, что привело к появлению выражения *трусливый как мышь* в китайском языке.

Сущность второго типа неполного соответствия – для него требуется общее ассоциативное восприятие [7, с. 19]. Например, *правда глаза колет* – эта русская поговорка означает, что правда может быть неприятной и болезненной для восприятия, особенно если она касается недостатков или ошибок человека. А в китайском языке этому соответствует выражение 良药苦口 (буквально: «хорошее лекарство горькое»). Еще одна русская поговорка *обжѣгшись на молоке, будешь дуть и на воду* означает, что человек, переживший неудачу и получивший неприятный опыт, становится излишне осторожным даже в ситуациях, которые не представляют угрозы. Она передает идею, что негативный опыт делает человека более бдительным или даже чрезмерно осторожным в будущем. В китайском языке этому выражению соответствует поговорка 一朝被蛇咬, 十年怕井绳 (буквально: «Один день укушенный змеёй, десять лет боится верёвки из колодца»). Поскольку объектом исследования в ассоциативном эксперименте являются зоонимы, а животных с особым национальным значением относительно мало, большинство несоответствий в результатах экспериментов относится к первому типу. Слово *журавль* вызывает в памяти связь со словом *синица* благодаря поговорке *лучше синица в руке, чем журавль в небе*, обозначающей предпочтение малого, но надежного перед чем-то большим и заманчивым, но недостижимым. В ассоциациях на слово-стимул *петух* встречается выражение 宁当鸡头不当凤尾 (буквально: «Лучше быть головой петуха, чем хвостом феникса»).

В ассоциациях с одними и теми же зоонимами тоже можно найти схожие фразеологизмы. Среди ассоциаций китайцев на слово 凤凰 («феникс») встречается выражение 浴火重生 (буквально: «воскреснуть из огня»). В результатах русского эксперимента слово *феникс* вызвало в памяти фразеологизм в сочетании со словами *возрождение*, *пепел* и *восстание*. Фразеологизмы *возрождение из пепла* или *восстать из пепла* означают восстановление, возрождение после полного разрушения или утраты, как легендарная птица феникс, которая сгорает и возрождается заново из пепла.

В результатах русского эксперимента реакция *рога* на слово-стимул *бык* может вызвать в памяти фразеологизм *взять быка за рога*, означающий решимость взяться за трудное дело или смело приступить к чему-либо. В китайском языке соответствующим фразеологизмом является 虎口拔牙 (буквально: «вырвать зуб у тигра»).

В результатах русского эксперимента реакция *бисер* на слово-стимул *свинья* вызывает в памяти фразеологизм *метать бисер перед свиньями*, означающий трату усилий или знаний на тех, кто не может их оценить. В китайском языке соответствующим фразеологизмом является 对牛弹琴 (буквально: «играть на лютне перед быком»).

В третьем случае русские и китайские идиомы полностью не могут соответствовать друг другу. Основной причиной этому являются культурные лакуны в русской и китайской культурах. Чтобы достичь понимания, необходимо целостно осмыслить культурные значения, лежащие в основе высказывания. Например, в русском эксперименте реакция *воровка* на стимул *сорока* вызывает в памяти фразеологизм *сорока-воровка*, который означает «ворующая сорока»: он описывает склонность сорок к воровству блестящих

предметов. Этот фразеологизм используется для описания собирающих вещи, обычно это относится к жадным или любопытным людям. В некоторых случаях он также может описывать тех, кто гонится за новыми вещами, не понимая их истинной ценности. В нашем эксперименте в ассоциативном поле русского слова-стимула сорока есть 91 ассоциат, а реакция *воровка* появилась 40 раз. В целом около 45 % ассоциаций в ассоциативном поле стимула сорока были уничижительными. В то же время данные китайского эксперимента со словом сорока были диаметрально противоположными. У китайцев 167 разных ассоциаций в ассоциативном поле сорока, причем реакции *воровка* нет и только 3 слова содержат негативную оценку птицы, а ассоциаций с положительной окраской 85 %. Такое различие вызвано тем, что в русском языке это еще и текстовая реминисценция повести Александра Герцена «Сорока-воровка».

Описанные несоответствия показывают, что наличие уникальной этнической культуры у какого-либо народа при сравнении с иной культурой приводит к образованию культурных лакун, из-за чего наблюдается несовпадение культурных реакций на определенные слова-стимулы. Это создает разницу в восприятии, что, в свою очередь, приводит к различиям в языковых картинах мира.

Хотя русский и китайский языки принадлежат к разным языковым семьям и цивилизациям, в последние годы с учетом сближения Китая и Беларуси и развитием культурного обмена сопоставление русского и китайского языков становится всё более значимым. В этом плане представляет интерес фразеологическая составляющая такого сопоставления. Можно сказать, что образы животных в культуре каждого народа, особенности восприятия зоонимов и соответствующий им ассоциативный фон репрезентируют язык, культуру и национальный характер.

Список использованных источников

1. Бахритдинова, А. Н. Лингвокультурологический подход в изучении фразеологических единиц / А. Н. Бахритдинова // *Miasto Przyszłości*, 2022. – S. 168–171 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://miastoprzyszlosci.com.pl/index.php/mp/article/view/204>. – Дата доступа : 12.09.2024.
2. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 284 с.
3. Телия, В. Н. Культурно-языковая компетенция: ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка / В. Н. Телия // *Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках*. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – С. 19–31.
4. Мохаммед Абдель Фаттах Абу эль-Иля. Лингвокультурологический анализ фразеологизмов с числовым компонентом в русском и арабском языках / Мохаммед Абдель Фаттах Абу эль-Иля // *Политическая лингвистика*. – 2018. – № 1 (67). – С. 167–175.
5. 黄伯荣, 廖序东著.现代汉语增订五版[M].北京: 商务印书馆.1982.
6. 米沙 (Filippov Mikhail). 俄罗斯学习者习得汉语成语的偏误研究[D].上海外国语大学, 2023. DOI:10.27316/d.cnki.gswyu.2023.000913.
7. 牟玮.俄汉谚俗语中语言世界图景的差异[D].长春工业大学,2016.
8. Фёдоров, А. И. Фразеологический словарь / А. И. Фёдоров. – М., 2008 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://gufo.me/dict/fedorov>. – Дата доступа : 18.09.2024.

Abstract. The article explores the features of phraseology with zoonym usage in Russian and Chinese languages through a linguoculturological and psycholinguistic approach. The main focus of the study is on zoonyms in idiomatic expressions and proverbs. To identify the common and specific characteristics of zoonym perception among Russian and Chinese speakers, free associative experiments were conducted with 1,200 respondents.

Keywords: idioms, zoonyms, Russian language, Chinese language, linguoculturology.

Кан Жоши – аспирант; Белорусский государственный университет (kangruoshi@gmail.com).

Ф. Керамати

ПРИРОДНЫЙ КОД КУЛЬТУРЫ В РУССКИХ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЯХ

Аннотация. В статье рассматривается природный код культуры в русскоязычной картине мира, который получил яркое выражение в устойчивых сравнительных выражениях. На основе представленных примеров, содержащих в себе такие природные концепты, как «болото», «река», «гора», «степь», показано национально-культурное содержание ряда устойчивых сравнительных оборотов и отношение носителей русскоязычной картины мира к особенностям окружающего ландшафта.

Ключевые слова: культурный код, ландшафт, сравнительные обороты, фразеологизмы, концепт, суша, вода, болото.

Согласно современным лингвистическим исследованиям, понимание кода культуры постоянно эволюционирует. Важный вклад в эту тему вносит В. В. Красных, которая предлагает модель представления культурного кода в виде некоей абстрактной сетки. Эта сетка, по ее мнению, является инструментом, через который культура воздействует на окружающий мир, упорядочивая, классифицируя, структурируя и оценивая его [1, с. 232]. Наиболее оптимальным для лингвокультурологического исследования представляется, по мнению М. Л. Ковшовой, организация культурных знаков в код культуры по тематическому признаку: «человек» (антропный код), «природа» (природный код), «тело» (телесный, или соматический код) [2, с. 174].

В современных исследованиях акцентируется значение ландшафта как определяющего фактора в формировании культуры. Л. Н. Гумилев выделяет роль ландшафта в создании уникальных представлений и ценностей этноса, что обусловлено способностью членов этноса адаптироваться к окружающей среде путем изменения своего поведения и принятия стереотипов. Поэтому во фразеологических оборотах русского языка отражается важность ландшафта как элемента культурного кода [3, с. 105].

Важно понимать, что отличает представителей одного этноса от другого – это усвоенные стереотипы, которые исторически сложились. Д. С. Лихачев отмечал, что русские всегда чувствовали себя свободно в широких просторах, которые они заполняли уникальными понятиями и представлениями [3, с. 105].

В данной работе рассматриваются единицы, относящиеся к ландшафту, т. е. к природно-ландшафтному коду, под которым мы понимаем «совокупность имен и/или их сочетаний, обозначающих природные объекты или их части – элементы ландшафта, включая те, которые были изменены человеком, в их изолированном существовании или взаимодействии» [4, с. 131].

Ландшафт – базовое понятие физической географии. Термин был введен знаменитым немецким ученым А. фон Гумбольдтом. В немецком языке *die Landschaft* означает «вид земли», «вид местности», «большой, обозримый простым глазом участок поверхности, отличающийся от соседних участков характерными индивидуальными чертами». А. фон Гумбольдт определял ландшафт как «визуально воспринимаемую и эстетически оцениваемую красоту окружающего» [5, с. 6]. В русском языке наиболее близким к термину *ландшафт* является слово *местность* ‘территория, имеющая единый облик, образ’. Существует большое количество разных видов ландшафта, а представления, сложившиеся о них в той или иной культуре, отражаются в лексике языка [4, с. 132]. В русском языке выделяется значительное число слов-концептов, связанных с ландшафтным кодом культуры и вызывающих существенные трудности у иностранцев.

Языковые формы, такие как пословицы, поговорки и устойчивые сравнения, представляют собой ключ к пониманию связи между культурными традициями и окружающей средой. Они служат важным мостом между человеческим опытом и природой, отражая философские и культурные взгляды в разнообразных языковых выражениях, таких как *В долгу что в море: ни дна, ни берегов; Жить как з каменной горой; Чужая душа – темный лес* и др.

Для исследования данного вопроса мы использовали материал из «Большого словаря русских народных сравнений» [6]. Следуя терминологии авторов этого словаря, под устойчивыми сравнениями подразумеваем образные выражения со сравнительной семантикой, независимо от присутствия или отсутствия формального показателя, такого как союз *как*.

Следует отметить, что в природно-ландшафтном коде выделяются две основные группы: водное пространство (с элементами *море, озеро, ручей*) и суша (включая *лес, поле, горы*). Обратимся к компоненту *болото*, входящему в первую группу, продемонстрируем его лингвокультурологический потенциал и национальную специфику, нашедшую отражение в устойчивых сравнениях русского языка.

Лексема *болото*, согласно толковым словарям русского языка, обладает двумя основными значениями. Первое из них описывает водоем со стоячей водой, который окружен влаголюбивыми растениями; представляя собой топкое и сырое место. Второе значение относится к атмосфере или состоянию, характеризующемуся застоем и инертностью [7]. По мнению Т. В. Леонтьевой и В. М. Мокиенко, представление о болоте как о житейской, обывательской, застойной среде, убивающей инициативу и индивидуальность человека становится все более актуальным и востребованным, что отражено в современных контекстах [6].

Переносное значение слова возникло на основе образов, связанных со значениями 'стоячая вода' и 'топкое место, которое затягивает, в котором можно погибнуть', на чем и основываются главные стереотипные представления, отраженные в устойчивых сравнениях.

В устойчивых сравнениях русского языка болото часто ассоциируется с чем-то отталкивающим, с опасностью, неустойчивостью (*ходить как по болоту; провалиться как в болото*), с одиночеством (*один как выпь на болоте; один как кулик на болоте; один как черт на болоте*), с грязью (*грязный как чёрт из болота*), с бесцельной и бессмысленной жизнью (*прожила как в болоте прогнила*).

В народной мифологии болото нередко воспринимается как обитель злых духов и незнакомых сил, что придает ему дополнительную угрюмость и пугает. Этот образ не случайный – он соответствует реальной природе болот, которые являются грязными, сырыми и опасными местами [8, с. 228]. Болото рассматривается как дом черта, который жестко контролирует свои владения. Слова и выражения, такие как *ворочать как черт в болоте (вертеть как черт в омуте)*, выражают идею о человеке, который решительно и строго управляет ситуацией [9, с.741].

Выражение *как черт из болота* иллюстрирует внезапное и негативное появление чего-либо, в то время *загордиться как пузырь в болоте* подчеркивает тщеславие и несущественность. Фраза *говорить что кому как глухому болоту* описывает бесполезные попытки донести информацию до безразличного собеседника. *На беду как черт на болото* указывает на что-то, что неизбежно приводит к неприятностям, аналогично тому, как черт ассоциируется с болотом. Выражение *как старый гриб на болоте* описывает что-то неприятное и мягкое, а *речка как болото* говорит о грязной, заболоченной реке. Устойчивое сравнение *ходить как по болоту* обозначает занятие делом, в котором высока вероятность провала или неудачи.

Обратимся к другому компоненту водного ландшафтного пространства – реке. Согласно Толковому словарю С. И. Ожегова, река имеет два значения: 1. Постоянный водный поток значительных размеров с естественным течением по руслу от истока до устья. 2. Поток, большое количество, масса [10].

В фольклоре используется сравнительный оборот *беспрерывно как река* с целью описать непрерывный поток чего-либо. Река, непрерывно текущая своим живым потоком, становится символом вечности, постоянства и текучести времени. Этот образ акцентирует внимание на устойчивости и постоянстве какого-то процесса или явления, подчеркивая его непрерывность и неизменность: *Стены уже расселись, деревянный пол накренился к огромной печи, но в избе тепло, домовито, солидно – строили этот дом на века, на нерушимую, беспрерывно, как река, текущую, Богом освященную жизнь* (Е. А. Гагарин. Поездка на святки (1945–1948)); *Любовь непрерывна, как река. Потом она куда-то там впадает, в Каспийское море – и всё, конец* (Давид Маркиш. Статья Лютовым. Вольные фантазии из жизни писателя Исаака Бабеля // «Октябрь», 2001) [НКРЯ – дата обращения 15.09.2024]. Представление о необратимости времени и его постоянном движении отражено в устойчивом сравнении *время течет как река*. Это выражение отражает идею о том, что время, подобно реке, неуклонно течет вперед, унося с собой всё прошедшее в прошлое, не давая возможности вернуться к нему: *Время течет, как река, в которую нельзя войти дважды, – сказал Сфинкс* (Мариам Петросян. Дом, в котором... (2009)); – *Ну да, – сказал я, – Все течет, все изменяется. Человек – как река. Скорее процесс, чем объект, согласен* (Виктор Пелевин. S.N.U.F.F (2011)) [11]. Таким образом, с одной стороны, река – символ вечности и постоянства, а с другой, постоянное движение (течение реки) связано с представлениями о неизбежности изменений.

Беспрерывность и многоводность реки связаны в народном сознании с обильным потоком слез: *как река льется* (о потоке слез); *лить слезы (плакать) как река; не река рекой льется* (1. О сильно, навзрыд плачущем человеке. 2) О большом количестве вина, водки где-л. [7, с. 569]). Этот образ часто используется в фольклоре и литературе и придает выразительность и эмоциональную насыщенность описываемой ситуации: *Но когда возвратился он домой, когда увидел, что пусто в его комнате, что даже стул, на котором сидела Пульхерия Ивановна, был вынесен – он рыдал, рыдал сильно, рыдал неутешно, и слезы, как река, лились из его тусклых очей* (Н. В. Гоголь. Старо-светские помещики (1835–1841)) [11].

Обратимся теперь к речевым компонентам другой разновидности ландшафтного кода. Одним из таких компонентов является понятие «горы».

Горы играют значительную роль в славянском фольклоре, олицетворяя могучие и величественные силы природы. В славянской мифологии горы часто рассматриваются как священные места, обладающие особыми магическими свойствами и способные притягивать к себе мудрость и силу.

Одним из наиболее распространенных сравнений является *как гора, с гору*. Это сравнение часто применяется для описания чего-то большого, массивного, высокого: *Жил-был Йозеф. Огромный как гора. Ростом два метра, лысый и с усами* (Антон Наумов. Да, дела // «Дальний Восток», 2019); *Мама с утра оставляет черепахе кочан салата, который возвышается перед ней как гора* (Евгения Басова. Звери из детства // «Октябрь», 2013) [11]. По данным «Русского ассоциативного словаря», реакция «высокая» на стимул «гора» занимает первое место и в сознании русских, составляя 16 % от общего количества ответов; на втором месте – «большая» (6,8 %) – это две главных из признаковых реакций; ассоциация «крутая» составила лишь 3,3 % (РАС, т. 1, <http://thesaurus.ru/dict/>). С горой связаны представления о надежности, защите: *стоять/встать (подниматься/подняться) горой за кого* ‘о защите, отстаивании чего-л. кем-л. всеми силами’; *жить за кем как за горой* ‘о человеке, имеющем надежную защиту, покровительство кого-л.’.

Устойчивое сравнение *за ночью как за горой* употребляется для описания того, что далеко, недоступно или непонятно, подобно тому, как за ночью скрывается неизвестность и неизведанность. Такое сравнение помогает создать загадочный и загадывающий образ, который заставляет читателя думать и размышлять о скрытых смыслах или о преодолении трудностей.

Степь в сознании русского человека прежде всего ассоциируется с широтой русской души, раздольем, бескрайними просторами, что показывают контексты из Национального корпуса русского языка: *Я любил слушать Кулюшу, ее просторные, как степь, рассказы о детстве, о крестьянской работе, о пешем паломничестве ее вдовой бабки в Иерусалим, из которого та не вернулась, отписав через год на родину, что вышла замуж за рабби Пинхаса бен-Элишу и стала еврейкой* (Александр Иличевский. Воробей (2004) // «Новый Мир», 2005); *На фотографии был заснят Гетманов в своем довоенном обкомовском кабинете, – он сидел за просторным, как степь, письменным столом в гимнастерке полувоенного образца, а над ним висел портрет Сталина, такой огромный, какой может быть только в кабинете секретаря обкома* (Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1960)); *Улица была бескрайней, как степь, она переходила в проспект* (Егор Радов. Змеесос (2003)) [11].

В пословице со сравнением *как степь* (*Имеешь друзей – широк как степь; не имеешь – узок, как ладонь*) степь, ее простор и свобода, символизирующие бескрайние просторы природы, могут использоваться для описания нашего окружения и отношений.

Таким образом, на основе вышеприведенных примеров мы можем видеть, что в русском языке в природном коде широко представлены разновидности ландшафта. Такие понятия, как «гора», «болото», река», «степь», являются знаками культурных смыслов, в каждом из которых скрыты национально-культурные специфические значения, представления, отношения и т. п., нашедшие отражение в устойчивых сравнениях русского языка. Такие значения не фиксируются в «классических» словарях русского языка, в связи с чем лексикографическое описание этих значений требует особого подхода, выраженного в создании словарей вербальных кодов русской культуры, словарная статья которых имеет большое количество компонентов, способствующих поэтапному раскодированию национально-культурной информации.

Список использованных источников

1. Красных, В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: лекционный курс / В. В. Красных. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
2. Ковшова, М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры / М. Л. Ковшова. – М.: ЛЕНАНД, 2016. – 456 с.
3. Коюпченко, П. Н. Ландшафтный код русской культуры в учебном словаре, предназначенном для иностранных студентов-филологов / П. Н. Коюпченко // Мир русского слова. 2023. – № 3. – С. 102–111.
4. Коюпченко, П. Н. Объем и структура лексико-семантической группы существительных, называющих виды ландшафта, как средство обучения русскому языку иностранных студентов / П. Н. Коюпченко // Вестник педагогических наук. 2021 (1). – С. 131–135.
5. Колбовский, Е. Ю. Ландшафтоведение / Е. Ю. Колбовский. – М.: Академия, 2007. – 480 с.
6. Леонтьева, Т. В. Метафора болота в характеристиках социума / Т. В. Леонтьева, В. М. Мокиенко // Вестник Томского государственного университета. 2021. – № 465. – С. 13–21.
7. Кузнецов, С. А. Современный толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2001. – 960 с.
8. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских народных сравнений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. – 800 с.
9. Толстой, Н. И. Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах. – Т. 5: С (Сказка) – Я (Ящерица) / Н. И. Толстой. – М.: Международные отношения, 2012. – 736 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ibooks.ru/bookshelf/371418/reading>. – Дата доступа: 17.09.2024.
10. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 3 изд., стер. – М.: Азъ, 1996. – 907 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=5469>. – Дата доступа: 10.09.2024.

11. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 15.09.2024.

Abstract. The article examines the natural code of culture in the Russian-speaking picture of the world, which has received vivid expression in stable comparative expressions. Based on the presented examples containing such natural concepts as “swamp”, “river”, “mountain”, “steppe”, the national and cultural content of a number of stable comparative turns and the attitude of speakers of the Russian-speaking worldview to the peculiarities of the surrounding landscape are revealed.

Keywords: cultural code, landscape, comparative phrases, phraseological units, land, water, swamp, concept.

Керамати Фарназ – аспирант; Санкт-Петербургский государственный университет (st092615@student.spbu.ru).

УДК 811.161.1'42'371'373.6:398.92:004.77:366.46

В. И. Коваль

ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ И УПОТРЕБЛЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМА

Аннотация. Рассматривается плач Ярославны – текстовый фрагмент «Слова о полку Игореве» – с точки зрения его структуры и особенностей семантики. Выявляется эмоциональный и духовно-нравственный потенциал данного текста, отмечается его связь с традициями язычества. Определяется семантика фразеологизма *плач Ярославны* и особенности его употребления в современных художественных и публицистических текстах.

Ключевые слова: плач Ярославны, заклинание, фразеологизм, семантика, употребление.

Словосочетание *плач Ярославны* используется для обозначения одной из структурных частей выдающегося памятника древнерусской литературы – «Слова о полку Игореве». В содержательном отношении этот вполне самостоятельный текст является одним из самых ярких и запоминающихся фрагментов «Слова», поскольку он представляет собой искренний, эмоциональный монолог, с помощью которого жена князя Игоря – Ефросинья Ярославна – выражает глубокие личные переживания, вызванные тревогой за судьбу мужа и его дружины, ушедших на войну с врагом. Наличие в «плаче Ярославны» мотивов оборотничества и возвращения к жизни воина с помощью мертвой и живой воды (*Полечю, – рече, – зегзицею по Дунаеви, омочю бобрянь рукавь въ Каяле реце, утру князю кровавья его раны на жестоцемь его теле*) позволяет увидеть в нем признаки похоронно-поминальных причитаний [1, с. 8–9]. В то же время этот «текст в тексте» не может быть безоговорочно отнесен к жанру плачей – обрядовых текстов, связанных с оплакиванием покойников. По мнению Д. С. Лихачева, в данном случае уместно говорить о тексте, в котором выражен мотив разлуки: «Плач Ярославны, жены князя Игоря, «оплакивает» разлуку с мужем, ушедшим в далекий поход на язычников» [2, с. 18]. С точки зрения внешней формы плач Ярославны воспринимается как строгий, продуманный ритуал, совершаемый женщиной с учетом времени (рано утром) и места его проведения (на городской стене): «Церемониален плач Ярославны. Она плачет открыто, при всех, на самом высоком месте своего Путивля – на городских забралах, откуда открывается простор Посеймья» [2, с. 58] (рисунок 1).

Рисунок 1 – Ярославна на городской стене Путивля

По своей направленности (и в значительной мере – по структурно-семантической организации) «плач Ярославны» является языческой молитвой, текстом-заклинанием, основанным на вере в силу слова. Об этом свидетельствуют не только представленные здесь обращения к опозитизированным стихиям, но и изложение трагических ситуаций – как внешней (военное поражение княжеской дружины), так и внутренней (тяжелое, «на грани срыва» морально-психологическое состояние самой Ярославны), а также использование риторических вопросов и выраженных в императивной форме просьб-побуждений. Очевидно при этом, что Ярославна воспринимает ветер и солнце как «недружественные» стихии, усугубляющие и без того сложные условия, в которых оказался князь Игорь со своей дружиной во время неудачного для них военного похода на половцев. При этом водная стихия – Днепр – характеризуется женщиной как могучий магический помощник, который в состоянии соединить ее с любимым человеком (*Възледей, господине, мою ладу къ мне, а быхъ не слала къ нему слезъ на море рано*).

Обращает на себя внимание и тот факт, что Ярославна, будучи княжеской женой, поступает отнюдь не по-христиански: вместо того, чтобы молиться перед иконой в церкви, она в стрессовой для себя ситуации отдает дань языческой традиции, в основе которой – единение человека с природой в самых разных ее проявлениях. П. Ф. Маркин в связи с этим замечает: «Языческим духом пронизан и знаменитый плач Ярославны. <...> Ярославна просит о помощи не Богородицу и не Христа, и даже не канонизированных языческих богов из пантеона князя Владимира, а архаичных, представляющих природные стихии – Солнце, Воду и Ветры. В космогонии древних славян они издавна считались первоначалами бытия, породившими все сущее. <...> Перед нами не просто народный плач-причитание, а сложная импровизация, включающая различные фольклорные жанры. Ведущими среди них являются заклинание и магический заговор, основанные на анимистических представлениях об одушевленной природе, способной понять и помочь обратившемуся к ней человеку» [3, с. 61].

Не менее значимым является и то, что именно после плача Ярославны князь Игорь, преодолевая препятствия, совершает побег из половецкого плена на родину: «Игорь обретает свободу после заговора-заклинания Ярославны, когда природные силы из враждебных превращаются в союзников князя» [3, с. 59]. Игорю во время его побега из плена помогает христианский Бог (*Игореву князю Бог путь кажет из земли Половецкой на землю Русскую*), а по возвращению в Киев он направляется для совершения благодарственного молебна в церковь Богородицы Пирогощей (*Игорь едет по Боричеву къ святей Богородици Пирогощей*). Из сказанного следует, что откровенно языческий

заклинательный текст – плач Ярославны – оказывается магическим «ключом», залогом спасения ее мужа – князя Игоря, приверженца христианства: «Призыв Ярославны к солнцу, ветру и Днепру отозвался бегством Игоря из плена» [2, с. 210].

В современном русском и русскоязычном языковом сознании «плач Ярославны» как неотъемлемая часть «Слова о Полку Игореве» приобрел статус своеобразного культурного концепта, вмещающего в себе представления, связанные с поведением русской женщины – верной, терпеливой и заботливой жены, а также женщины-патриотки, переживающей за судьбу своей родины. Но в данном случае произошла не только очевидная «конденсация смысла», но и своеобразная смысловая «перекодировка», в результате чего в русском языке выражение *плач Ярославны* приобрело статус самостоятельного языкового знака – устойчивого словосочетания, реализующего семантику, соотносящуюся с негативно-оценочными переносными значениями слов *плакать* и *плач*. Сравн.: др.-рус. *плач* ‘печаль, скорбь’ [4, стлб. 951]; *плакать* ‘грустить, горевать, тужить, тосковать, скорбеть, жалеть о чем’ [5, 3, с. 119]; *плакать* ‘горевать, сожалеть по поводу чего-либо’ [6, с. 836]. В оценке литературоведов Ярославна характеризуется не как плачущая (проливающая слезы), а как несчастная и тоскующая женщина: *К силам природы – к ветру, Днепру и солнцу – с мольбой о помощи мужу обращается тоскующая по нем Ярославна* (Н. К. Гудзий. История древней русской литературы (XI–XV вв.), 1938); *В «Слове о полку Игореве» несчастная и милая Ярославна горько взывает к ветру, Днепру-реке и солнцу* (Л. В. Успенский. Слово о словах, 1971).

С другой стороны, в газетном тексте, посвященном юбилею певицы Татьяны Булановой, фразеологизм *плач Ярославны* используется с оттенком иронии как общая характеристика ее «плаксивых» песен, проникнутых мотивами тоски, печали и вызывающих у женщин слезы: «*Ясный мой свет*», «*Мой ненаглядный*», «*Не плачь*», «*Спи, мой мальчик маленький*» – неслись из каждого радиоприемника. Ее песни Алла Пугачева назвала «*плачем Ярославны*» (О чем плакала Татьяна Буланова: певица отмечает 50-летний юбилей // Московский комсомолец, 06.03.2019). В следующем афористичном по своей природе высказывании устойчивое словосочетание *плач Ярославны* также сблизается с основным значением слова *плач* (от *плакать* ‘проливать слезы’): *Что такое старость? Это – плач Ярославны о молодости* (Рюрик Ивнев. Дневник, 1967) [7].

Обращение к ресурсам Национального корпуса русского языка свидетельствует о том, что компонентный состав фразеологизма *плач Ярославны* остается неизменным, и лишь в двух случаях в текстах одного и того же автора отмечено расширение его компонентного состава за счет использования словоформы *на Путивле* – результата сокращения исходного словосочетания *в Путивле на забрале*: *Знаешь, Максик, давай прервем плач Ярославны на Путивле. Все это, конечно, не то чтоб блеск. Но у нас с тобой есть свое дело и его доводить надо* (Семен Данилюк. Рублевая зона. 2004); *Но-но-но! Только без плача Ярославны на Путивле. На жизнь ты как раз нажировал* (Семен Данилюк. Бизнес-класс. 2003).

Как свидетельствует выявленный фактический материал, рассматриваемый оборот в основном употребляется в значении ‘выраженные в устной форме жалоба, сетование по поводу чего-либо’, что вполне соотносится с общей эмоциональной направленностью плача Ярославны: в ее риторических вопросах, обращенных к Ветру и Солнцу, содержатся в скрытой форме просьбы: не посылать вражеские стрелы на русских воинов и уберечь их от солнечного зноя.

В приведенных ниже контекстах содержание фразеологизма *плач Ярославны* раскрывается пояснительными конструкциями, позволяющими понять, в чем заключается та или иная жалоба: *Хотим сразу расставить точки над i: мы не собираемся устраивать «плач Ярославны» о неэффективности аграрного образования* (Наум Бабаев, Татьяна Юрасова. России нужна реформа аграрного образования // «Эксперт», 2015); *Мы вновь делаем школу козлом отпущения за грехи государства, устраивая плач Ярославны*

по утрате воспитания в сфере образования (А. Г. Асмолов. Вперед к Д. Б. Эльконину: неклассическая психология будущего (2004) // «Вопросы психологии», 10.02.2004); *Какие бы мы ни принимали законы, которые бы позволили автостраховщикам извлекать дополнительную прибыль, всё равно мы будем слышать от них «плач Ярославны», что им очень тяжело* (Реформа ОСАГО: автовладельцу предложат ремонт вместо денег // Парламентская газета, 2017.02.28).

Устойчивое словосочетание *плач Ярославны* может употребляться также как обозначение каких-либо пассивных жалоб и сетований, которым противопоставляются предприимчивость, инициатива, активная деятельность: *На фоне фрустрирующих интеллектуалов выделяются фигуры сибирских предпринимателей, патриотов своей малой родины до мозга костей, блестящих профессионалов, предпочитающих плачу Ярославны конкретные дела* (Александр Попов, Александр Ивантер. От периферии к провинции // «Эксперт», 2014); *Если удариться в плач Ярославны, опустить руки и ничего не делать, то, наверно, случится беда* (govvnr36. Жизнь в Воронеже, 2020).

В некоторых случаях рассматриваемый фразеологизм используется для выражения сомнения, суть которого раскрывается придаточным изъяснительным предложением: *«Если вы вспомните, когда указы вышли, начался «плач Ярославны», что они невыполнимы», – напомнил Путин* (Путин оценил реализацию майских указов и вспомнил плач Ярославны // lenta.ru, 14.12.2017); *Дело в том, что с 2003 года, как у нас был принят закон об ОСАГО, я все время слышу некий такой «плач Ярославны» от страховщиков, что якобы это все занятие убыточное* (Александр Жихарев: от страховщиков всё время слышен «плач Ярославны» // Vesti.ru, 25.04.2011).

Устойчивое словосочетание *плач Ярославны* может употребляется для выражения негативных эмоций с целью привлечения внимания к определенной ситуации: *Нам же остается изображать плач Ярославны: шуметь, кричать, взывать к разуму и совести* (Андрей Ванденко. Алексей Гордеев: Село слезам не верит (2003) // «Российская газета», 15.05.2003); *Но, заходя на разные киноблоги, сайты и в группы о кино, я практически постоянно сталкиваюсь с «плачем Ярославны» по поводу того, как же плохо у нас снимают и как еще хуже поддерживают талантливое кино молодых режиссеров* (18. vk (22.01.2016).

В публицистических текстах фразеологизм *плач Ярославны* может выполнять роль образной характеристики озабоченности по поводу нехватки финансовых средств в таких бюджетных сферах, как культура и образование: *Любимый «плач Ярославны» работников культуры – о нехватке денег*. (Все направления культуры находятся в состоянии разной степени подзабытости // Коммерсант, 07.12.2012); *Подводя итог обсуждению, министр культуры сказал, что долгие годы доклад о состоянии дел в области культуры напоминал «плач Ярославны» о том, что выделяется недостаточно денег* (Отечественное кино может приносить в казну большие деньги // Парламентская газета, 2017.05.17); *Предприниматели смогут давать конкретные образовательные заказы только тогда, когда высшее образование превратится в бизнес, а не в плач Ярославны* (Юлия Малецкая. В Челябинской области катастрофически не хватает IT-специалистов // Новый регион 2, 07.04.2011).

Таким образом, фразеологизм *плач Ярославны*, образованный как результат «сжатия» популярного прецедентного текста, реализует в современных публицистике и художественной литературе различные значения, в разной мере соотносящиеся с содержанием одного из самых эмоциональных фрагментов «Слова о полку Игореве».

Список использованных источников

1. Соколова, Л. В. Фольклорные традиции и их интерпретация в плаче Ярославны / Л. В. Соколова // Текст и традиция. – 2020. – Т. 8. – С. 7–34.
2. Лихачев, Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени / Д. С. Лихачев. – Л. : Худож. лит., 1978. – 360 с.

3. Маркин, П. Ф. Языческий текст «Слова о полку Игореве» / П. Ф. Маркин // Культура и текст. – 2001. – № 6. – С. 52–64.
4. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Труд И. И. Срезневского. Издание отделения русского языка и словесности императорской Академии наук. Том второй. – Л–П. – СПб. : Типогр. импер. Академии наук, 1902. – 1802 стлб.
5. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. 3: П. – М. : Рус. яз., 1980. – 555 с.
6. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : «Норинт», 2000. – 1536 с.
7. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 09.10.2024.

Abstract. The text fragment of the “Words about Igor's campaign” – Yaroslavna's lament – is considered from the point of view of its structure and features of semantics. The emotional and spiritual and moral potential of this text is revealed, its connection with the traditions of paganism is noted. The semantics of the phraseological unit Yaroslavna's lament and the peculiarities of its use in modern artistic and journalistic texts are determined.

Keywords: Yaroslavna's lament, incantation, phraseology, semantics, usage.

Коваль Владимир Иванович – доктор филологических наук, профессор; Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины (vlad-kov@mail.ru).

УДК 811.161.1+811.162.4

М. Ю. Котова

К ВОПРОСУ О ВАРИАБЕЛЬНОСТИ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМ РУССКО-СЛОВАЦКОГО ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОГО ЯДРА

Аннотация. На материале авторских социолингвистических паремиологических экспериментов рассматриваются общие черты глагольной вариантности параллельных русских и словацких пословиц-лингвокультурем. Указываются признаки системности русско-словацкого паремиологического ядра, входящего в русскую и словацкую паремиологические картины мира.

Ключевые слова: глагольная вариантность, паремиологическая картина мира, паремиологический минимум, русский язык, словацкий язык.

Лингвокультурема здесь понимается как языковая единица на лексическом, фразеологическом или паремиологическом уровне, которая может быть представлена в форме лексемы, фразеологизма или паремиологической единицы (далее – ПЕ).

Вслед за исследователями В. А. Масловой и Р. Петровой будем считать, что лингвокультуремы – это лингвокультурологические концепты, содержащие оценочные характеристики и дидактические коннотации, воплощенные в пословицах [1; 2]. Понимание пословиц как лингвокультурем корреспондирует с рядом исследований по лингвокультурологии и сопоставительной паремиологии: М. Витановой, Й. Кириловой, И. Панчева и др. [3; 4; 5].

Паремиологическое ядро [6] – это актуальные пословичные параллели (параллельные пословичные лингвокультуремы) в двух или нескольких рассматриваемых языках. К таковым относятся знаки идентичных ситуаций, которые могут быть воплощены в виде ПЕ и их полных или относительных пословичных параллелей. Параллельные пословичные соответствия могут быть и аналогами, то есть полностью отличаться по компонентному составу, структуре и образной основе (если это образные ПЕ). Другими словами, паремиологическое ядро – это ядро знаков идентичных ситуаций в виде пословичных лингвокультурем и их иноязычных пословичных параллелей. Здесь рассматриваются пословичные параллели только в виде полных и относительных эквивалентов.

Наш паремиологический социолингвистический эксперимент 2022 года выявил вариантность русских пословиц, включенных в опрос, но с разной степенью распространенности вариантов среди носителей (участвовало 340 носителей русского языка). В качестве варианта компонента пословицы в результатах эксперимента признаны только те, которые были указаны минимум шестнадцатью информантами. Остальные варианты не учитывались в окончательном списке (то есть в обновленном паремиологическом минимуме русского языка 2022 года) [7; 8, с. 23–46].

Зафиксированы два основных вида вариантности: именная (имен существительных, имен прилагательных, имен числительных) и глагольная, а также единичные примеры адвербиальной вариантности.

В статье рассматриваются русские пословичные лингвокультуры с глагольной вариантностью, указанные в результатах нашего паремиологического опроса 2022 года, на фоне их полных или относительных параллелей в словацком языке, выявленных в ходе нашего словацкого паремиологического социолингвистического эксперимента первой четверти XXI века, в котором участвовало 100 носителей словацкого языка [8, с. 23–46; 9]. Эти пары пословичных параллельных лингвокультур входят в русско-словацкое паремиологическое ядро из-за своей высокой общеупотребительности.

Цель исследования: демонстрация одного из признаков системности русско-словацкого паремиологического ядра, проявляющегося, в частности, в общих тенденциях к варьированию глагольных компонентов в составе параллельных пословичных лингвокультур, входящих в паремиологические минимумы указанных языков.

Паремиологическая картина мира динамична и формируется, в первую очередь, за счет паремиологического минимума (общеупотребительных пословиц-лингвокультур), но включает и периферию:

- малоупотребительные пословицы прошлого, вышедшие из общего употребления;
- современные новообразования (антипословицы, прецедентные фразы или клишированные обороты из разных источников), пока не закрепившиеся в общем употреблении.

Паремиологическую картину мира мы рассматриваем как часть языковой картины мира, которая была определена Е. С. Яковлевой как взаимосвязанность языка и образа мышления, как мировоззрение через призму языка [10, с. 13].

Таким образом, данное исследование имеет значение и для характеристики общих актуальных тенденций в развитии русской и словацкой паремиологических картин мира.

Лингвокультурологические исследования направлены на изучение взаимодействия языка и культуры, а также на анализ формирования культурных кодов, которые мы отмечаем и в нашем материале.

Глагольная вариантность встретилась у 61 русских ПЕ (то есть у 11,2 % от общего числа пословиц в нашем материале), в том числе у 23 ПЕ в форме сложного предложения (т. е. в 9,9 % от общего числа сложных), и у 38 ПЕ в форме простого предложения (т. е. в 12,3 % от общего числа простых).

Поиск словацких пословичных параллелей к шестидесяти одной русским ПЕ с глагольной вариантностью дало следующие результаты: к 21 русской пословице словацких пословичных параллелей не выявлено. Среди 40 (сорока) зафиксированных в ТП 3 словацких пословичных параллелей русских пословиц с глагольной вариантностью 11 словацких пословичных параллелей оказались аналогами.

Обнаружено 29 русских ПЕ, к которым зафиксированы полные и относительные эквиваленты среди словацких параллельных лингвокультур.

В этих двадцати девяти русских пословицах-лингвокультурах с глагольной вариантностью компонентов фиксируются следующие культурные коды:

- духовный код (2 ПЕ): *Левая рука не знает, что делает (творит) правая* (68,8 % инф.); *Не рой другому яму – сам /в неё/ попадёшь (упадёшь)* (81,8 % инф.);

– ментальный код (5 ПЕ): *Дома и стены помогают (лечат)* (60,9 % инф.); *За что купил, за то и продаю (продал)* (87,1 % инф.); *Как бы чего не вышло (не случилось)* (73,5 % инф.); *Как хочу, так и ворочу (будет, делаю, живу)* (76,5 % инф.); *Скромность украшает (красит) /человека/* (48,2 % инф.);

– ментально-телесный код (5 ПЕ); *В рай за волоса не тянут (не тащат)* (28,8 % инф.); *Глаза б мои не видели (не глядели, не смотрели)* (95,3 % инф.); *Лбом стену не прошибёшь (не пробьёшь)* (58,2 % инф.); *Правда глаза колет (режет)* (91,5 % инф.); *Что имеем, не храним, /а/ потерявши (потеряем), плачем* (89,4 % инф.);

– ментально-природный код (1 ПЕ): *Утопающий и за соломинку хватается (держится, ухватится, схватится)* (80,0 % инф.);

– ментально-пространственный код (5 ПЕ): *Клин клином вышибают (выбивают)* (87,4 % инф.); *Любовь горы свернёт (сворачивает)* (75,0 % инф.); *Не в свои сани не садись (не лезь)* (52,6 % инф.); *От своей тени не убежишь (не уйдёшь)* (62,6 % инф.); *От судьбы не уйдёшь (не убежишь)* (94,7 % инф.);

– природный код (3 ПЕ): *Одна ласточка весны не делает (не сделает)* (43,5 % инф.); *Против шерсти не гладят (не гладь)* (63,2 % инф.); *Рыба портится (тухнет, гниёт) с головы* (78,2 % инф.);

– пространственный код (3 ПЕ): *Вот где собака зарыта (порылась)* (91,8 % инф.); *Где положишь, там и возьмёшь (найдёшь)* (51,8 % инф.); *Гора с горой не сходится (не сходятся) /, а человек с человеком сходится (сойдутся)* (27,9 % инф.);

– временной код (5 ПЕ): *Всё течёт, всё меняется (изменяется)* (67,9 % инф.); *Из искры возгорится (разгорится) пламя* (55,0 % инф.); *Не откладывай на завтра то, что можно (можешь) сделать сегодня* (98,5 % инф.); *Терпи, казак, атаманом будешь (станешь)* (90,3 % инф.); *Что было, то прошло (было, сплыло)* (86,5 % инф.).

Глагольная вариантность в словацких параллельных пословицах-лингвокультуремах представлена несколькими типами, например:

а) близкими по смыслу или синонимичными глаголами, отличающимися только префиксами (в русской пословице) и префиксами или видом глагола (в словацкой пословице), например:

Не рой другому яму – сам /в неё/ попадёшь (упадёшь) [РССПАС, с. 181; ТП 8, с. 36] (духовный код) – словац. *Kto druhému jami kope sám do nej spadne (padne, padá):*

Kto druhému jami kope sám do nej padá (15 инф.). *Kto druhému jami kope, sám do nej padá;*

Kto druhému jami kope sám do nej padne (25 инф.). *Čo činím ja tebe, to činíš ty mne. Kto druhému jami kope, sám do nej padá. To znamená, že to je všetko! A tu by som mohol kludne skončiť;*

Kto druhému jami kope sám do nej spadne (35 инф.). *V Budhovom učení je Zákon karmy! V ľudovej múdrosti: «Ako sa do hory volá, tak sa z hory ozýva», «Kto druhému jami kope, sám do nej spadne!» Vo fyzike sa učíme: «Každá akcia vyvolá reakciu opačného smeru!»* [ТП 3, с. 139];

б) близкими по смыслу глаголами (в русской и в словацкой пословицах):

Лбом стену не прошибёшь (не пробьёшь) [РССПАС, с. 83; ТП 8, с. 31] (ментально-телесный код) – словац. *Hlavou múr neprerazíš (neprebiješ, nerozbiješ):*

Hlavou múr neprebiješ (15 инф.). *Hlavou múr neprebiješ – hovorí ľudové porekadlo a v každej situácii a za každú cenu presadzovať vlastný názor je niekedy nielen riskantné, ale aj ekonomicky neatraktívne. Veľa slov niekedy nepomáha a málo slov môže viesť k názoru o neprispôsobivosti, alebo o snahe izolovať sa od neprajníkov vlastného názoru;*

Hlavou múr neprerazíš (63 инф.). *Hlavou múr neprerazíš, preraz nápadom!;*

Hlavou múr nerozbiješ (12 инф.). *Vraví sa že hlavou múr nerozbiješ. Z času na čas sa jedincovi podarí ovplyvniť spoločnosť* [ТП 3, с. 87].

Клин клином вышибают (выбивают) [РССПАС, с. 71; ТП 8, с. 30] (ментально-пространственный код) – словац. *Klin sa klinom vybija (vyráža)*:

Klin sa klinom vybija (69 инф.). *Klin sa klinom vybija. Platí to aj v láske? Ak chceme zabudnúť na stratenú lásku, máme si nájsť novú lásku?*

Klin sa klinom vyráža (16 инф.). *Klin sa klinom vyráža... Táto ľudová múdrosť je v dnešnej dobe už trochu krátkozraká. Bolesť zuba, sa nemusí vyhádzať bolestivým ošetrením. V každej kvalitnej stomatologickej ambulancii disponujú s viacerými možnosťami anestézy, ktoré dokážu eliminovať pocit bolesti pri ošetrení* [ТП 3, с. 132].

От судьбы не уйдёшь (не убежишь) [РССПАС, с. 153; ТП 8, с. 37] (ментально-пространственный код) – словац. *Osudu neujdeš (neutečieš, sa nevyhneš, neunikneš, nerozkážeš, nevyhneš)*:

Osudu nerozkážeš (4 инф.). *Osudu nerozkážeš. „Asi sa to odo mňa očakáva, keďže máme za sebou bratovu svadbu a ja som starší;*

Osudu neujdeš (18 инф.). *Ale ako sa hovorí, osudu neujdeš. A vesmír jej pripravil inú cestu, než promenáдование sa v bielom plášti so stetoskopom na krku. Konkrétne – promenáдование sa v šatách tých najvychytenejších dizajnerských mien;*

Osudu neunikneš (4 инф.). *Osudu neunikneš (Pierre Bellemare) (Kniha). V príbehoch napísaných podľa skutočných udalostí vystupujú vedci, lekári, šarlatáni i blázni;*

Osudu neutečieš (13 инф.). *Svojmu osudu neutečieš. Rovnako ani nikto z nás. Tak sa tým už netráp. On už možno žije iný život v inom tele a tento predchádzajúci si nepamätá;*

Osudu nevyhneš (1 инф.). *NOTÁR (podá Maríne ruku): Nesmúť, žena moja. Osudu nevyhneš... (Bozká ju na vlasy.) Mali ma zabiť na fronte... bola by si i tak vdovou... s mojimi sirôtkami;*

Osudu sa nevyhneš (6 инф.). *Ty sa už svojmu osudu nevyhneš, ale postaraj sa o to, aby si zachránila svoje srdce* [ТП 3, с. 204];

в) близкими по смыслу глаголами (в русской поговорке) и видовой парой глаголов (в словацкой поговорке):

Утопающий и за соломинку хватается (держится, ухватится, схватится) [РССПАС, с. 148; ТП 8, с. 43] (ментально-природный код) – словац. *Topiaci sa aj slamky (stebľa) chytá (chytí)*:

Topiaci sa aj slamky chytá (73 инф.). *Konal som podľa príslovia – Topiaci sa aj slamky chytá, lebo tú dlhodobú prácu, aby som za ňu pravidelne mesačne dostával mzdu, naozaj naliehavo potrebujem;*

Topiaci sa aj slamky chytí (6 инф.). *Nieкто by to nazval výhovorkami, ja to nazývam záchranou v intenciách hesla "topiaci sa aj slamky chytí";*

Topiaci sa aj stebľa chytá (5 инф.). *T'ažko je však dostať sa k niekomu ozaj kvalifikovanemu pre poradenstvo, ale pre zistenie, čo máš v sebe, je to celkom vhodné. Tiež netvrdím, že je to 100% vieryhodne, ale ved to poznáš: topiaci sa aj stebľa chytá* [ТП 3, с. 247];

г) видовой парой глаголов (в русской и словацкой поговорке):

Одна ласточка весны не делает (не сделает) [РССПАС, с. 80; ТП 8, с. 37] (природный код) – словац. *Jedna lastovička leto (jar) nerobí (neurobí, nespraví) / Jedna lastovička /ešte/ nerobí leto (jar)*:

Jedna lastovička ešte nerobí leto (1 инф.). *Jedna lastovička ešte nerobí leto. Ja už len teraz budem čakať, ako na Slovensku budú vznikať nové prepravné spoločnosti ako huby po daždi;*

Jedna lastovička jar nerobí (14 инф.). *Iste, jedna lastovička jar nerobí a z výpovede jedného mladého človeka nemôžete robiť všeobecné úsudky;*

Jedna lastovička leto nerobí (29 инф.). *Trénovali sme útočné kombinácie cez priestor, čo slávil úspech aj v zápase. Boli sme lepším mužstvom a vyhrali sme zaslúžene, ale jedna lastovička leto nerobí. Až najbližších sedem stretnutí ukáže, ako sme pripravení, – zhodnotil Valovič;*

Jedna lastovička leto nespraví (2 инф.). *Pochopiteľne, že ani v tomto prípade jedna lastovička leto nespraví. Ale niečím začať treba;*

Jedna lastovička leto neurobí (5 инф.). Nemám to, tak nevyskakujem, aj keď nesúhlasím so všetkým čo sa tu deje. Porekadlo: jedna lastovička leto neurobí sa mi zdá byť pravdivé;

Jedna lastovička nerobí jar (2 инф.). Jedna lastovička nerobí jar a jedno horúce a suché leto alebo jedna zima s kopou snehu nerobí ani globálne otepľovanie, ani novú dobu [ТП 3, с. 100].

Вариантность глагольных компонентов у русских ПЕ и их словацких пословичных параллелей различных культурных кодов проявляется в сходных тенденциях. В русско-словацкой пословичной параллели тип вариантности может совпадать в русской и словацкой ПЕ (в форме близких по смыслу глаголов; в форме глагольной видовой пары) или представлять комбинацию различных форм: в виде близких по смыслу или синонимичных глаголов, отличающимися только префиксами (в русской ПЕ) и префиксами или видом глагола (в словацкой ПЕ); в виде близких по смыслу глаголов (в русской ПЕ) и видовой пары глаголов (в словацкой ПЕ).

Зафиксированная общая тенденция к вариативности пословичных пар лингвокультурем русско-словацкого паремиологического ядра указывает на признаки системности этого ядра и тождественные черты паремиологической картины мира русских и словаков. Исследование русской и словацкой паремиологических картин мира в рамках сопоставительной лингвокультурологии еще впереди.

Список использованных источников

1. Маслова, В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – М. : Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
2. Петрова, Р. Културемата – единица за лингвокултурологични съоставителни изследвания (върху материал от английски и български пословици) / Р. Петрова // В огледалния свят на езика и културата. – Русе: „Лени Ан”, 2007. – С. 9–28.
3. Витанова, М. Човек и свят. Лингвокултурологични проучвания / М. Витанова. – София : Бул-Корени, 2012. – 192 с.
4. Кирилова, Й. Концептът ум и жената според българската паремиологична картина на света / Й. Кирилова // Българска реч, 2009, кн. 1–2. – С. 88–94.
5. Панчев, И. Паремии за парите в три славянски лингвокултури: българската, руската и словацката / И. Панчев // Български език / Bulgarian Language 66 (2019), 2. – С. 63–72.
6. Kotova, M. Y. To the question of the Russian–Czech–Slovak–Bulgarian–English paremiological core / M. Y. Kotova // – Bohemistika, (1), 2019. – P. 3–18.
7. РССПАС = Котова, М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями / М. Ю. Котова. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2000. – 360 с.
8. ТП 8 = Котова, М. Ю. Тетради паремиографа. Вып. 8: Паремиологический минимум русских пословиц 2022 года / М. Ю. Котова, Н. Е. Боева, О. В. Гусева, В. В. Мушчинская, О. В. Раина, О. С. Сергиенко; под ред. М. Ю. Котовой. – СПб. : Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2023. – 560 с.
9. ТП 3 = Котова, М. Ю. Тетради паремиографа. Вып. 3: Словацкие пословичные параллели русских пословиц паремиологического минимума / М. Ю. Котова, О. С. Сергиенко, О. Н. Тарараева; под ред. М. Ю. Котовой. – СПб. : Политехника-принт, 2017. – 286 с.
10. Яковлева, Е. С. К описанию языковой картины мира / Е. С. Яковлева // Русский язык за рубежом. – № 1–3. – 1996. – С. 47–56.

Abstract. Based on the material of the author's sociolinguistic paremiological experiments, the general features of the verbal variability of parallel Russian and Slovak proverbs-linguoculturemes, containing various cultural codes, are considered. The Russian-Slovak paremiological core, which is a part of the Russian and Slovak paremiological worldviews, is supposed to have signs of the systemic nature.

Keywords: verbal variability, paremiological worldview, paremiological minimum, Russian language, Slovak language.

Котова Марина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет (m.kotova@spbu.ru).

О. В. Крамкова

**ЭВФЕМИСТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ
ЛЕКСЕМЫ *ИЗУМРУДНЫЙ* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Аннотация. В статье рассматривается эвфемистическая функция термина цвета *изумрудный* на материале текстов художественного и публицистического дискурсов. Устанавливается, что в отношении определенного денотата (воды и водных пространств) лексема *изумрудный* замещает нежелательный с точки зрения говорящего термин цвета *зеленый*, проявляя свойства и функции эвфемизма. Данный вид эвфемии связан с избеганием нежелательных коннотаций, идущих от представлений о зеленом цвете воды как негативном свойстве объекта.

Ключевые слова: термины цвета, цветообозначение, зеленый цвет, эвфемизм, прагматическая функция, русский язык.

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» эвфемизмы определяются как «эмоционально нейтральные слова или выражения, употребляемые вместо синонимичных им слов и выражений, представляющих говорящему неприличными, грубыми или нетактичными» [1, с. 590]. М. Л. Ковшова рассматривает эвфемизмы как единицы речевого акта в аспекте лингвистической прагматики. Описывая семантическую структуру эвфемизма, ученый выделяет в нем все составляющие речевого акта и определяет иллюкутивное значение как «сознательное создание смягчающей замены тем словам или выражениям, которые, по мнению говорящего, являются неприятными или грубыми для его собеседника» [2, с. 36]. Перлокуция (результат воздействия) «заключается в благоприятном воздействии смягченной речи на собеседника, в эффекте эмоционального сближения собеседников и успешной коммуникации в целом» [Там же]. Среди функций эвфемизмов отечественные исследователи называют избегание прямого упоминания табуированных тем, смягчение грубых и деликатных тем, достижение бесконфликтного общения и др.

В данной работе объектом анализа является однословные цветочные прилагательные *зеленый* и *изумрудный*. Несмотря на большой интерес к теоретическим и прикладным аспектам изучения цветообозначений в современной русистике, до сих пор функционирует множество терминов, обозначающих слова, содержащих сему «цвет», что свидетельствует о расширении аспектов изучения и поиске наиболее точного наименования рассматриваемого объекта. В нашей работе для обозначения слов, содержащих сему «цвет», мы используем понятия *термин цвета*, *цветообозначение* и *цветолексема* как полные синонимы. Первые два понятия являют собой дань традиции описания отечественных ученых-исследователей, понятие *цветолексема*, на наш взгляд, емко выражает идею цвета и указывает на принадлежность слова языковой системе.

Исследуя лексему *изумрудный* с точки зрения отражения национально-культурной информации в слове [3, с. 183–189], мы увидели, что цветолексема *изумрудный* в обозначении определенного предмета действительности (воды) замещает другое цветообозначение – лексему *зеленый* – во избежание нежелательных коннотативных смыслов. *Зеленая вода* в русском языке ассоциируется с нечистым, непроточным водоемом. Об этом так пишет Е. В. Рахилина: «Прилагательное *зеленый*, как и *желтый*, тяготеет к отрицательной оценке. <...> ... Даже вода, в случае, если она называется зеленой, является не чистой, не проточной и не пригодной для питья. Зеленая вода описывает зацветшую, с запахом, воду болота или старого пруда» [4, с. 187]. Среди частотных коллокаций в НКРЯ к лексеме *зеленый* наличествует одна позиция, обозначающая воду и водные пространства, – словосочетание *зеленая муть*. Таким образом, значение словосочетания *зеленая вода* имеет отрицательно-оценочную коннотацию несвежести, непрозрачности

и т. д., если стилистически и семантически не подтверждается обратное специальными речевыми средствами. Поэтому можно высказать предположение о действии эвфемистической замены лексемы *зеленый* лексемой *изумрудный* в обозначении определенного денотата – воды и водных пространств.

Цель данного исследования – на примерах текстов художественного и публицистического дискурсов показать действие эвфемистической замены в функционировании лексем *зеленый* – *изумрудный* для обозначения воды и водных пространств, установить коммуникативно-прагматическую цель данной эвфемии в разных типах текста. Материалом послужили тексты, взятые из основного и газетного подкорпусов НКРЯ [5]. Общая методологическая основа исследования базируется на современном лингвокультурологическом подходе, рассматривающем языковые явления сквозь призму культурных феноменов. Пошагово ход исследования состоял в следующих действиях: 1) анализ парадигматических связей слова; 2) отбор и анализ репрезентативных контекстов употребления данной языковой единицы; 3) выявление прагматических условий реализации данной единицы, коммуникативных целей высказывания.

По данным словарных дефиниций, в семантической структуре лексемы *изумрудный* выделяются следующие компоненты значения – «прозрачность», «яркость», «зеленый цвет». Лексикографические определения прилагательного *изумрудный* в толковых словарях таковы: ‘прозрачно-зеленый, цвета изумруда’ [6], ‘ярко-зеленый, цвета изумруда’ [7]. В синонимических словарях лексема *изумрудный* является ближайшим синонимом лексемы *зеленый* в ряду других терминов зеленого цвета.

Рассмотрим примеры употребления данной лексемы в толковых словарях разных лет. Лексема *изумрудный* играет важную роль в описании колористики природы. С данной лексемой употребляются названия объектов природы – *вода, листва, трава*. В Словаре Д. Н. Ушакова – *Изумрудная вода залива*. В Словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой 1995 – *Изумрудная вода*. В Большом Академическом словаре 2007 – *Изумрудная трава, листва*. МАС – в иллюстрации: *изумрудные листья, изумрудные глаза стрекозы* и др. В. Г. Кульпина указывает сферу денотации для лексемы *изумрудный* так: природные явления: изумрудная вода, в море, заливе; растения: изумрудная трава, окказионально артефакты: блузка [8, с. 95]. Проведенный нами анализ синтагматических связей слова выявил группы предметов, с которыми сочетается данная лексема: «Растительность», «Вода», «Животные», «Глаза», «Артефакты». Группа «ВОДА» включает следующие объекты: собственно вода, ее состояния (капля, лед), волна, залив, лагуна, море, океан.

Обратимся к текстовому материалу и рассмотрим примеры употребления лексемы *изумрудный* в разных типах текста. Репрезентативным контекстом для нашей исследовательской цели будет контекст, который показывает сочетание лексемы *изумрудный* с цветообозначениями, которые выражают близкие по цветовому тону оттенки – голубой и синий. В русской лингвокультуре этими оттенками традиционно описывается цвет воды. Известно, что вода бесцветна, но в непосредственном наблюдении вода имеет цвет, который зависит от многих факторов – освещения, ландшафта, времени суток.

(1) *12 июля 1923 года Вячеслав Иванов пишет Брюсову, зовущему его в Москву, о костре субтропического солнца, о синем Хвалынском море (которое серое, стальное, голубое и изумрудное, где уже глубина, но никак не синее, даже если над ним нависло грозное облако), о генуэзских очертаниях Баку, о его иерусалимских холмах, возносящих амфитеатром выжженные высоты и дороги с врезанными в камень колеями, о скорпионах, фалангах и гюрзах повсюду; о воротах Востока, в створе которых кипит культурная работа, об энтузиастических учениках, которым ему не жаль давать своей работы* [Александр Иличевский. Перс (2009)].

(2) *Пусть он с рождения знал, что дружелюбные дикари на самом деле людоеды, а изумрудная и синяя глубь таит в себе тысячи жадных щупалец, хищных ртов и глаз,*

иерархию всеобщего поедания, – но мореплаватель знал обольщения и потому был богаче; пусть он пришел в исходную точку – но ведь смысл путешествия никак не в его цели [Дмитрий Быков. Орфография (2002)].

(3) Порода, сквозь которую вода пробилась себе дорогу, – буро-красный глауконитовый песчаник с весьма плотным цементом. Цвет воды в массе **изумрудный**. При ярком солнечном освещении белая пена с зеленовато-синим цветом воды и с красно-бурыми скалами, по которым разрослись пёстрые лишайники и светло-зелёные мхи, создавала **КАРТИНУ** чрезвычайно эффектную [В. К. Арсеньев. Дерсу Узала (1923)].

В приведенных фрагментах текстов вода обозначается через разные по цветовому тону лексемы *серый, стальной, голубой, изумрудный, синий*. Автор в (1) прямо называет цвет моря «не синее», а изумрудное, имея в виду зеленый оттенок. При этом избегает прямой номинации зеленого оттенка. В примерах (1) и (2) в описании морского пейзажа имеется в виду толща воды, ее глубокие слои. В примере (3) также дано указание на большое количество воды, но не глубины, а площади водной поверхности. Здесь лексема *изумрудный* используется в номинативной функции, с целью обозначить зеленоватый оттенок толщи или большой площади воды. Лексема *зеленый* замещается лексемой *изумрудный* с целью убрать нежелательные коннотации, неприятные ассоциации, связанные с образом зеленой воды. Акцентируется внимание именно на цветовой характеристике воды. В обозначении больших морских пространств цветовая характеристика лексемы *изумрудный* смещается в сторону темных оттенков зеленого цвета [9, с. 55–61]. Вода в примере (3) названа через односложное цветочное прилагательное *изумрудный*, а в определенных условиях (при ярком освещении) через составное цветочное прилагательное *зеленовато-синий*, относящееся к оттенкам синего цвета. В русском языке для обозначения сложного оттенка цвета, состоящего из зеленых и синих красок, используется составная лексема *сине-зеленый*, но автор намеренно выбирает менее распространенное цветообозначение *зеленовато-синий*, чтобы дифференцировать зеленый, выраженный лексемой *изумрудный*, и синий, выраженный составной лексемой *зеленовато-синий*, оттенки морской воды.

В следующих примерах (4) и (5) авторы выразительно изображают живописные уголки природы – острова в океане, горную цепь при слиянии больших рек. Лексема *изумрудный* здесь используется в экспрессивной функции. При этом актуализируется предметное содержание слова – прототип-эталон – драгоценный камень изумруд с его высококачественными свойствами – чистотой, прозрачностью, редкостью. Метафорический перенос качеств драгоценного камня на природный водный объект помогает емко выразить физическую красоту природного объекта и положительно-оценочное эмоциональное отношение к нему (восхищение и восторг). Эвфемистическая замена используется не столько для избегания нежелательных коннотаций лексемы *зеленый* в обозначении воды, сколько «для улучшения денотата» [10, с. 6], т. е. выделения положительных качеств описываемого объекта.

(4) И только очень редко попадаются маленькие островки, окаймленные ожерельем коралловых рифов, с **изумрудными** лагунами [В. И. Севастьянов. Дневник над облаками (1975)].

(5) ВИД, открывающийся с тропы, захватывает дух: прямо из-под ног уходят в пропасть огромные отвесные скалы, покрытые цветущим маральником (рододендроном), а внизу «кипит» только что встретившаяся с Неманом Катунь — своими **изумрудными** водами он вливается в ее беловодье [Свято место не пустует // «Наука и религия», 2007].

Другим репрезентативным контекстом для слова *изумрудный* являются слова, связанные с понятием света. В рассмотренных нами контекстах цветолексема *изумрудный* активно сочетается с существительными *свет, луч, искра, отсвет, блеск, отблеск, блик*; прилагательными *блестящий, мерцающий, переливчатый*; глаголами *сверкать, сиять, блистать, светить* и др.

(6) *Но солнце ярко // блестит на площади Сан Марко: // И изумрудный блеск зыбей, // И воркованье голубей, // И, грезой дивною и дикой, // Родного велелепья полн, // Как сон, поднявшийся из волн, // Златой и синей мозаикой // Сияет византийский храм...* [С. М. Соловьев. Венеция: «Лазурь и свет. Зима забыта...» (1913–1915)]. В этом стихотворении цветочное прилагательное *изумрудный* используется для описания волн Адриатического моря, в лагуне которого находится Венеция. Описанию красоты храма, стоящего на берегу моря, посвящены строки поэта. Окружает храм атмосфера неземной, величественной красоты, которую автор передает с помощью лексики высокого стиля – *зыбь, воркованье, греза, дивный, велелепье, златой, сиять, храм*. В метафорическом выражении *изумрудный блеск зыбей* (воды) актуализируется семантический компонент «прозрачность» в структуре цветолексемы; чистота воды сравнивается с чистотой прозрачного камня изумруда. Именно чистота воды позволяет увидеть выразительную игру света.

(7) *Но если вырваться из города и проехать всего-то километров пятьдесят, попадаешь в совсем иной МИР: вулканические озера, извилистые реки, изумрудный океан, кокосовые пальмы и ананасовые поля, банановые и манговые сады, рисовые плантации, заросли бамбука, чистый воздух и маленькие, аккуратные городки и поселки, в которых живут маленькие и работающие филиппинцы* [Владимир Молчанов, Консуэло Сегура. И дольше века... (1999–2003)].

В примерах (3), (5) и (7) выделенные прописными буквами слова *картина, мир, вид* указывают на другое пространство, увиденное автором, отличное от обыденной реальности. Описываемый мир красив и гармоничен. Коммуникативно-прагматической установкой автора в этих текстах является желание приподняться над реальностью, уйти от обыденности (5, 7) или посмотреть на мир гармоничным взглядом художника, исследователя, человека в поиске истины (3). Лексема *изумрудный*, помимо семантики красоты и выразительности зеленого цвета, здесь приобретает значение идеальности, т. е. принадлежности не обыденной, а другой (сказочной, волшебной, иной) реальности. Реализуется сложный метафорический перенос, который можно схематически выразить так: *изумрудный* – красивый зеленый (прозрачный, чистый, ценный) – идеальный зеленый (сказочный, магический, божественный). Эта смена и усложнение значений становится основой для эвфемистической замены *зеленый* – *изумрудный*.

При замене лексемы *зеленый* лексемой *изумрудный* апелляция к положительному предметному образу драгоценного камня позволяет избежать неприятные ассоциации и улучшить представление об обозначаемом объекте (воде), перенося как реально-физические (чистота, прозрачность), так и идеальные характеристики драгоценного камня (красоту, гармоничность, магическую силу) на свойства воды и водных пространств.

Проведенный анализ употребления лексемы *изумрудный* в художественных и публицистических текстах показывает действие механизма эвфемистической замены лексемы *зеленый* ее ближайшим синонимом – лексемой *изумрудный*. В обозначении воды и водных пространств лексема *изумрудный* используется в функции эвфемизма, целью которого является избегание нежелательных коннотаций, связанных с негативными представлениями о зеленом оттенке воды, формирование позитивного представления об объекте.

Список использованных источников

1. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 683 с.
2. Ковшова, М. Л. Семантика и прагматика эвфемизмов. Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов / М. Л. Ковшова. – М. : Гнозис, 2007. – 320 с.
3. Крамкова, О. В. Национально-культурная специфика лексемы *изумрудный* / О. В. Крамкова // Сборник статей по материалам Международной научной конференции «Языки и культуры в цифровую эпоху». – Нижний Новгород, ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2022. – 436 с.
4. Рахилина, Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость / Е. В. Рахилина. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Изд. Центр «Азбуковник», 2010. – 448 с.

5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorgo.ru/> . – Дата доступа : 20.09.24.
6. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Российская АН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. – М. : АЗЪ, 1995. – 928 с.
7. Большой толковый словарь русского языка / Автор и руководитель проекта, составитель С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 1996. – 1536 с.
8. Кульпина, В. Г. Лингвистическая цветология: от истории к современности цветовых концептосфер / В. Г. Кульпина. – М. : МАКС Пресс, 2019. – 298 с.
9. Крамкова, О. В. Цветовая характеристика лексемы «изумрудный» (лингвокогнитивный аспект) / О. В. Крамкова // Освоение семантического пространства : сборник научных и научно-методических статей. – Нижний Новгород : НГЛУ, 2023. – 131 с.
10. Сеничкина, Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка / Е. П. Сеничкина. – М. : Флинта: Наука, 2008. – 464 с.

Abstract. The article examines the euphemistic function of the term *emerald* colour based on the texts of fiction and journalistic discourses. The lexeme *emerald* is argued to be a replacement of the undesirable term *green* with respect to a certain denotation (water and water spaces), representing the euphemistic properties and functions. This type of euphemism is associated with the avoidance of unwanted connotations coming from ideas about the green colour of water as a negative property of the object.

Keywords: colour terms, colour meaning, green colour, euphemism, pragmatic function, Russian language.

Крамкова Ольга Валентиновна – кандидат филологических наук; Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Институт филологии и журналистики (o.kramkova@mail.ru).

УДК 81'33:398.92(=16):82-54

С. В. Кулинская, М. Н. Кунина

ЗНАЧЕНИЕ СЛАВЯНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ И ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация. В статье раскрывается проблема осмысления значения славянской фразеологии в современном политическом и юридическом дискурсе, а также раскрываются перспективы лингвистических и лингводидактических исследований. Славянские языки, обладая богатым фразеологическим фондом, представляют особый интерес для исследований в контексте политического и юридического дискурса. В статье делается попытка акцентировать исследовательское внимание на ценностных основаниях, заложенных в лингвистические конструкции на фундаментальном экзистенциальном и даже онтологическом уровне, что, в свою очередь, определяет содержание юридического и политического дискурса.

Ключевые слова: обучение языку, славянская фразеология, политический дискурс, юридический дискурс, лингвистические исследования, лингводидактика, коммуникация, культурное наследие, лингвистическая педагогика.

Когда мы говорим о языке, мы говорим не только о средстве коммуникации, но и о зеркале культуры, истории и менталитете народа. Славянские языки, обладая богатой фразеологией, представляют собой особый интерес в контексте политического и юридического дискурса. В современном мире, где слова часто становятся инструментом влияния и даже оружием, понимание глубинных слоев языка приобретает особую значимость. Мышление не может быть внеязыковым, а значит, у каждого человека с рождения есть то, что определяет его реальность на ментальном, экзистенциальном и социокоммуникативном уровне. Слова, складывающиеся в более сложные конструкции, тоже

составляют основу для социальности. По сути, фразеологизмы – это не просто устойчивые выражения, это носители коллективного опыта, мудрости и мировоззрения. Они формировались веками, отражая исторические события, традиции и обычаи. Вспомним, как часто в повседневной речи мы используем выражения, смысл которых уходит корнями в глубокое прошлое: *не все коту масленица, как рукой сняло, водить за нос*. Здесь, конечно, важен исторический контекст. Как отмечают исследователи, «в русском языке чаще других употребляются фразеологизмы, связанные с символикой: *белый как снег, черный как уголь, красный как рак, синий как небо, зеленый как лес*. Также в русском языке много фразеологических оборотов, связанных с действием: *каменя на камне не оставить, почивать на лаврах* и т. д.» [1]. Становление фразеологии вплетено во время, в историю страны, в ее уникальное содержание [2].

Связь с историей особо важна, когда возникает необходимость обоснования определенных качеств или явлений, присущих национальному самосознанию. В политическом и юридическом дискурсе фразеологизмы играют особую роль. Они способны не только украсить речь, но и придать ей определенную эмоциональную окраску, сделать ее более убедительной и доступной для широкой аудитории. Однако использование фразеологии требует тонкого понимания контекста и культуры, иначе существует риск быть неправильно понятым. В современных исследованиях существует сложившаяся практика обобщения фразеологического опыта. По мнению К. Д. Наумова, «в русской фразеологии регулярно фиксируются единицы, восходящие к следующим группам славянских сакральных когнитивно-культурных представлений:

- 1) сакрализация фундаментальных стихий мироздания – воды, огня, земли;
- 2) сакрализация различных видов пространства (сравн.: *заколдованный круг* – по суеверным представлениям, пространство внутри магического (заколдованного) круга недоступно для действия враждебных (темных) сил; *в тихом омуте черти водятся* – в омутах, по древним поверьям, живут водяные и вировики – духи воды);
- 3) сакральное представление о жизни и смерти; сакрализация предков;
- 4) персонификация сакральных сил – богов и духов;
- 5) сакрализация животных и растений;
- 6) культовые действия, обряды, заговоры и обереги, связанные с языческими сакральными представлениями» [3]. В некоторых случаях подобные особенности языка остаются устойчивыми в феномене игры [4]. В славянских языках также не менее важно влияние религиозного дискурса [5].

Итак, политика – это искусство возможного, а язык в политике – это инструмент влияния. Неслучайно в античности красноречие считалось обязательным элементом воспитания высшего сословия. Политические лидеры часто обращаются к фразеологизмам для усиления своих посланий, апеллируя к общим ценностям и культурным кодам. Например, выражения типа *разделяй и властвуй* или *игра с огнем* сразу вызывают определенные ассоциации и эмоциональный отклик. В некотором смысле обращение к фразеологизмам означает апеллирование к целой исторически сложившейся языковой конструкции, ставшей обобщающим опытом формирования отношения к явлениям. Нередко за фразеологизмом стоит изложение принципа (своего рода энтимема).

Но есть и обратная сторона медали. Неправильное или неуместное использование фразеологизмов может привести к недопониманию или даже скандалу. В эпоху информационных войн и манипуляций это особенно актуально. Так бывает тогда, когда в истории есть неоднозначные феномены, отношение к которым менялось во времени. Например, не все фразеологизмы дореволюционной России принимались советской ментальностью. Политическим деятелям важно не только знать фразеологию, но и понимать ее глубокий смысл и возможные интерпретации.

Юриспруденция как важнейшая сфера человеческой деятельности опирается на науку, хотя сама ею и не является. Используя логический инструментарий, она требует

точности и однозначности. Здесь каждое слово имеет значение, а иногда и несколько. Фразеологизмы в юридическом языке используются с осторожностью, но они все же присутствуют. Например, такие выражения, как *буква закона* или *презумпция невиновности*, стали неотъемлемой частью юридического лексикона.

Это прекрасно работает тогда, когда люди готовы говорить на одном языке. В международном праве и при переводе юридических документов возникают сложности. Фразеологизмы, понятные в одном культурном контексте, могут быть неясными или даже вводить в заблуждение в другом. «Фразеологические обороты в языках мира формируются в результате целого ряда социальных, культурных и других факторов, являя собой некие культурные коды, которые, порой, могут быть понятны только носителям данного языка» [1]. Это создает необходимость в глубоком лингвистическом анализе и разработке методик, позволяющих преодолеть культурные и языковые барьеры.

Юриспруденция требует точности и однозначности. Закон и его последствия не могут пониматься в разных смыслах. В логике такого рода неточности чаще всего связываются с распространенной ошибкой «учетверения термина». Это же касается и политических договоренностей. Вместе с тем в международном праве и при переводе юридических документов нередко возникают сложности.

Говоря о перспективах лингвистических и лингводидактических исследований, отметим следующее. Мир развивается, сохраняя исторический опыт в явлениях, воспринимаемых в обыденной жизни как данность. На сегодняшний день проблемное поле сведения фразеологизмов и идиом к «единому знаменателю» обстоятельно раскрыто в научной и дидактической литературе, хотя и здесь все еще остается много неизведанного. Вместе с тем, хотелось бы предложить в качестве тематики изучения несколько иное направление. Речь идет о перспективе изучения аксиологической, политической и юридической ментальности через сравнительный анализ паттернов языка, выражаемых в устойчивых выражениях.

Язык – это живая материя, постоянно меняющаяся и развивающаяся. В этом смысле перспективность осмысления лингвистических и лингводидактических форм не теряет актуальности. Несмотря на тенденции упрощения и универсализации, славянская фразеология не теряет своей актуальности и, как часть нашего культурного наследия, нуждается во внимательном изучении и бережном отношении.

Список использованных источников

1. Шагбанова, Х. С. Изучение устойчивых выражений путем сравнения фразеологических единиц русского и английского языков / Х. С. Шагбанова // Филология: научные исследования. – 2023. – №6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-ustoychivyh-vyrazheniy-putem-sravneniya-frazeologicheskikh-edinit-russkogo-i-angliyskogo-yazykov>. – Дата доступа : 20.09.2024.

2. Плотников, В. В. Прогнозирование социальных процессов как предмет междисциплинарного исследования и индифферентность ко времени, как методологическое требование рационального познания / В. В. Плотников // Актуальные вопросы социогуманитарного знания: история и современность : межвузовский сборник научных трудов. – Краснодар, 2017. – С. 119–125.

3. Наумов, К. Д. Функционирование идиом на базе славянских языческих представлений в русском политическом дискурсе / К. Д. Наумов // Политическая лингвистика. – 2012. – № 1. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionirovanie-idiom-na-baze-slavyanskih-yazycheskih-predstavleniy-v-russkom-politicheskom-diskurse>. – Дата доступа : 15.09.2024.

4. Плотников, В. В. Деловая игра как метод развития конкурентного потенциала инновационной экономики у студентов экономических специальностей / В. В. Плотников, Е. О. Кубякин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2023. – № 11. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/delovaya-igra-kak-metod-razvitiya-konkurentnogo-potentsiala-innovatsionnoy-ekonomiki-u-studentov-ekonomicheskikh-spetsialnostey>. – Дата доступа : 14.09.2024.

5. Стрельцова, М. И. Библиейская фразеология русского языка как историческое наследие православной культуры восточных славян / М. И. Стрельцова // Новосибирский временник. – 2022. – № 2 (6). – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/bibleyskaya-frazeologiya-russkogo-yazyka-kak-istoricheskoe-nasledie-pravoslavnoy-kultury-vostochnyh-slavyan>. – Дата доступа : 30.09.2024.

Abstract. The article reveals the problem of understanding the meaning and significance of Slavic phraseology in modern political and legal discourse, and also reveals the prospects for linguistic and linguodidactic research. Slavic languages, having a rich phraseological fund, are of particular interest for research in the context of political and legal discourse. The article attempts to focus research attention on the value foundations embedded in linguistic constructions at the fundamental existential and even ontological level, which, in turn, determines the content of legal and political discourse.

Keywords: language teaching, Slavic phraseology, political discourse, legal discourse, linguistic research, linguodidactics, communication, cultural heritage, linguistic pedagogy.

Кулинская Светлана Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент; Краснодарский университет МВД России (svietlana.kulinskaia@mail.ru).

Кунина Мария Николаевна – кандидат филологических наук, доцент; Краснодарский университет МВД России (mari.kunina@bk.ru).

УДК 811.161.1'373.7

С. Б. Кураш, В. В. Струков

...НИ О ЧЁМ, ИЛИ ОБ ОДНОЙ НЕОФРАЗЕМЕ, ВОСХОДЯЩЕЙ К БАЗОВОЙ МЕТАФОРЕ «МИР ЕСТЬ ТЕКСТ»

Аннотация. В данной статье анализируется ставшее в последнее время устойчивым выражение *ни о чём*, обладающее признаками наречной неофраземы, восходящей к глобальной базовой метафоре «мир есть текст», ставшей одним из ключевых идентификаторов эпохи постмодернизма и постепенно расширившей зону своего распространения. Выделены основные концептуальные области, в которых анализируемая единица реализует свой неофразеологический потенциал, охарактеризован ее семантический и прагматический потенциал.

Ключевые слова: неофразема, базовая метафора, концептуальная метафора, текст.

Одной из самых показательных примет современного постмодернистского мышления является представленная и активно функционирующая в нем базовая концептуальная метафора «Мир есть Текст». Она в свою очередь породила целые серии частных метафорических формул, таких как «Мир – Космическая Библиотека» (В. Лейч), «Мир – Словарь» (У. Эко) и пр. Уточним, что постмодернизм не открыл для нас эту метафору – он лишь актуализировал и абсолютизировал ее (история мира есть история текстов; культура есть сумма текстов = интертекст; нет реальности – есть гиперреальность; нет референтов и знаков – есть симулякры и т. д.). И если это когда-либо и должно было случиться, то вполне логично, что самым «подходящим» для этого временем стал век информационного общества (см. работы Ж. Делёза, Ж. Бодрийера, М. Фуко, Ж. Дерриды, Р. Барта, Ю. Кристевой и др.).

Интересно и то, что анализируемая базовая метафора обнаруживает себя не только в литературно-философском дискурсе (своей «родной среде») и не только в эксплицированном виде. В повседневном общении на разнообразные темы мы вольно или невольно, сами того не замечая, весьма часто прибегаем к «отголоскам», «осколкам» данной метафоры, как, например, нижеследующие изречения из комментариев к футбольным матчам (как профессиональным, так и любительским), взятых с интернет-порталов и форумов: *Во втором тайме, когда МЮ попробовал переломить ход игры, Фабиньо*

вновь **прочитал нас** Антони (<https://www.sports.ru/football/blogs/3125828.html>); **Нападающий московского «Локомотива» Сергей Пиняев стал самым молодым автором гола в истории сборной России по футболу** (<https://www.championat.com/football/news-5046311-sergej-pinyaev-samyj-molodoj-avtor-gola-v-istorii-sbornoj-rossii.html>) и т. п. Тем самым, за счет сужения концептуальной сферы «Жизнь» до сферы «Спорт» структурируется имплицитная интертекстовая и интердискурсивная метафора «Футбол (Игра, Спорт) есть Текст». Подобных примеров можно немало найти и в дискурсивных практиках, посвященных иной тематике [1].

В пределах данной статьи, в продолжение к отмеченному выше, мы сосредоточим внимание на еще одной, ставшей в последнее время устойчивой, формуле, «отпочковавшейся» от базовой метафоры «мир – это текст», сводящейся к модели «X ни о чём», где X представляет концептуальную область «мир» и является переменной составляющей, а устойчивое выражение *ни о чём* – представляет концептуальную область «текст», поскольку последнее устойчивое выражение применимо в прямом смысле лишь к тому, что может иметь какое-либо содержание, т. е. «быть о чём-то», «быть прочитанным».

Собранный при помощи НКРЯ и поисковой системы Яндекс материал позволяет классифицировать его тематически, т. е. относительно того, какие тематические области может представлять переменный X-элемент, сочетающийся с устойчивым выражением *ни о чём*, обладающим рядом признаков неофраземы (НФ) [2, с. 5].

В связи с этим мы выделили следующие наиболее характерные тематические подгруппы рассматриваемых единиц (таблица 1).

Таблица 1 – Тематические сферы переменной X и значение НФ

Тематическая сфера переменной X	Примеры	Значение НФ
1	2	3
Процессы, состояния, действия	<i>У меня девушка есть. Год с ней встречаюсь. Ни о чём</i> (http://dnny.ru/blog/835-umenya-devushka-est-god-s-ney-vstrechayus-ni-o-chem.html); <i>Игра ни о чём ...или кто виноват, Аршавин?</i> (http://betting.gamblingunited.com/blogs/nick/igra-ni-o-chyomili-kto-vinovat-arshavin); <i>...чудо-прогулки ни о чём</i> (В. Володин. Повесть временных лет // «Волга», 2009); <i>Вчера была конференция, то есть, два с половиной часа ни о чём</i> (В. Ершов. Дневник (1999) // Летные дневники. 1984–2002 годы)	‘о бессмысленности процесса; о напрасно потраченном времени’
Психофизические явления, отвлеченные понятия	<i>Если пожалуешься на что-то, тоже стандартное – не обращай внимание, полное безучастие, дружба ни о чём</i> (https://www.woman.ru/psycho/friendship/thread/4881646); <i>Вся жизнь ни о чём</i> (http://zadolba.li/story/9625); <i>Музыка ни о чём</i> (http://www.proza.ru/2007/05/17-52); <i>Дождь ни о чём, дождь ни о чём...</i> (https://stihi.ru/2012/10/03/4404)	‘о разочаровании в ожиданиях; о том, что не заслуживает серьезного внимания’

Окончание таблицы 1

1	2	3
Предметы, товары, услуги	<p><i>Автошкола ни о чём</i> (инструкторы тоже) (http://vitebsk.biz/autoschool/avtovitcentr/comment/avtoshkola-ni-o-chem-instruktory-toje-progulivat-mojno-iz-8202/);</p> <p>– <i>Вы понимаете, «Виза Электрон» – она же ни о чём! Понимаете? Ни о чём!</i> (https://coollib.com/b/216148-bashorgru-zadolbali-bashorgru-zadolbali-nn-7001-8000/read);</p> <p><i>Костюм ни о чём, всё короткое, штаны до колена почти, а кофта до локтя</i> (https://www.wildberries.ru/catalog/165015666/feedbacks)</p>	‘о том, что низкого качества’
Лица	<p><i>Актер ни о чём</i> (в каждом фильме как мешок вообще не интересный) (https://www.playground.ru/gears_of_war/news/dejv_batista_opublikoval_video_v_obraze_markusa_feniksa-1245812);</p> <p><i>Футболист ни о чём. В марте он получил травму и не мог восстановиться</i> (https://allaboutfootball.3dn.ru/publ/o_futbolistakh/top_5_khudshikh_futbolistov_2010_goda/4-1-0-45)</p>	‘для отрицательной оценки того или иного лица по характеру, роду деятельности и пр.’
Ономастические единицы	<p>Сборная КВН СОБМК. Команда «Ни о Чём» (http://vk.com/club9324620);</p> <p>Творческое объединение «Ни О Чём» (http://vk.com/club8582006)</p>	–

Поясним, что в корпус исследуемого материала мы вносили только те контексты, в которых на месте X зафиксирована именно такая реалья, которая очевидно не входит в концептуальную область «текст» и тем самым образует метафорическую интеракцию с последней. Поэтому нами не рассматривались (или, по крайней мере, отнесены на периферию) примеры наподобие *Одно только вялое раздражение, вялый спор **ни о чём*** (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого // «Новый Мир», 2000); *Как всегда у Макса – гладкопись **ни о чём*** (М. Неволошин. Уходишь – счастливо, приходишь – привет // «Волга», 2016).

В отдельных случаях нами фиксировались лексико-грамматические и графические варианты исследуемой единицы, сравн.: *Прятельница морщила нос: – Да ну, ужас какой-то, а не работа... Наташ, я тебя не понимаю. Это вообще **ни про что**, потому что никому не надо. Кто в нашей стране к психологам ходит?* (Н. Холина. Ненужная работа // <https://www.b17.ru/article/37/>); *Блеск **ни-о-чём!** (...) Недостатки: бледный оттенок при нанесении, вытекает из тюбика...* (<http://irecommend.ru/content/blesk-ni-o-chem-ottenok-03-trend-setter-foto>).

Как можно заметить, устойчивое выражение *ни о чём* может не только входить в разные контексты в виде точечного вкрапления, но и получать в них ту или иную тематическую поддержку. Так, в нижеследующем примере можно наблюдать включение анализируемой НФ в антонимическую пару, сравн.: *Шампуни 2 в 1. Удобно или **ни о чём?*** (<http://forum.mujane.ru/viewtopic.php?t=54349>). В данном контексте, как видно, реализуется еще одно, пусть и близкое к отмеченным выше, значение ‘о том, что неудобно в использовании’.

Наконец, нами зафиксированы и такие случаи, когда анализируемая НФ реализуется в текстообразующей функции. В качестве иллюстрации можно привести текст песни в исполнении Т. Булановой «*Слёзы **ни о чём***» (автор текста и музыки –

О. Попков). Аналогичный пример – текст песни «*Эта грусть ни о чём*» в исполнении А. Укупника (он же автор музыки; автор слов – М. Макова). В обоих песенных текстах заглавная фраза выполняет функцию рефрена.

Таким образом, подводя итог сказанному, можно констатировать следующее:

1) глобальная базовая метафора «Мир как Текст» в современных дискурсивных практиках вышла далеко за рамки постмодернистского интеллектуального философско-публицистического и литературно-художественного дискурса и стала – в различных своих вариациях – одной из доминантных для русской языковой картины мира в целом, постепенно расширяя зону своего распространения за счет включения в нее новых понятий и сфер человеческой деятельности, окончательно закрепив за собой статус одной из тех метафор, «которыми мы живем», по знаменитому выражению выдающегося метафоролога, одного из основателей данной научной дисциплины Дж. Лакоффа;

2) на базе свободного сочетания частицы *ни*, предлога *о* (*про*) и местоимения *что* в современной русской речи, как устной, так и письменной, сформировалось устойчивое выражение, получившее признаки неофраземы, эквивалентной наречному фразеологизму с общей семантикой негативной оценки чего-либо или кого-либо по признакам бесполезности, некачественности и пр., или подвергшееся онимизации с ироническими коннотациями;

3) проанализированный корпус свидетельствует в пользу того, что в составе концептуальной метафорической формулы «мир есть текст» одной из основных ипостасей текста является его назначение выражать смысл, т. е. «быть о чём-то», быть гармонией, противопоставленной хаосу, и, таким образом, быть в целом положительным маркером; соответственно, «ни о чём» – это прямой антипод, отрицательный маркер, отсылающий к сфере непонятого, невразумительного, тёмного.

Список использованных источников

1. Кураш, С. Б. Базовая метафора текста и ее производные в современных речевых практиках / С. Б. Кураш // Язык – текст – дискурс: картина мира в свете разных подходов : сб. науч. ст.; под ред. Н. А. Илюхиной. – Самара : Изд-во «Самарский университет», 2013. – С. 103–109.

2. Столярова, А. Н. Новая фразеология в двуязычном медийном пространстве Республики Беларусь : моногр. / А. Н. Столярова ; под ред. д-ра филол. наук С. Б. Кураша. – Мозырь : МГПУ им. И. П. Шамякина, 2024. – 107 с.

Abstract. This article analyzes the recently stable expression about nothing, which has signs of an adverbial neophraseme, dating back to the global basic metaphor “the world is a text”, which became one of the key identifiers of the postmodern era and gradually expanded its distribution zone. The main conceptual areas in which the analyzed unit realizes its phraseological potential are highlighted, its semantic and pragmatic potential is characterized.

Keywords: neophrasema, basic metaphor, conceptual metaphor, text.

Кураш Сергей Борисович – доктор филологических наук, доцент; Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина (text2005@mail.ru).

Струков Виктор Викторович – Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина (text2005@mail.ru).

УДК 811.16'42:398.92

А. А. Лавицкий, А. Л. Дединкин

ЛИНГВОПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ КАК КОМПОНЕНТОВ ПОЛИКОДОВЫХ ТЕКСТОВ

Аннотация. В статье обобщены различные мнения об оценке конфликтогенного потенциала фразеологических единиц и обоснована авторская позиция, согласно которой и внутренняя,

и внешняя прагматика указанной лексики обуславливает ее использование в качестве инструментария реализации деструктивной коммуникации. Описана специфика лингвоправовой экспертной оценки фразеологизмов как компонентов поликодовых текстов.

Ключевые слова: фразеологизм, конфликтогенность, лингвистическая экспертология, семантика, прагматика.

Исследование подготовлено при поддержке гранта Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований «Судебная лингвистическая экспертиза поликодовых текстов в аспекте оценки их деструктивного информационного воздействия» (№ Г24-008).

Современная деструктивная коммуникация – это особый тип дискурсивной практики разновекторной реализации. Под разновекторностью в данном случае мы понимаем, в первую очередь, разнообразие форм и способов коммуникативного взаимодействия. В дигитализированном пространстве делинквентная языковая личность может найти себе собеседника, отвечающего практически любым запрашиваемым параметрам (пол, возраст, социальный статус, уровень образования, профессиональная деятельность, тематические интересы и т. д.). Этот «конструктор» всегда объединен моделью речевого поведения коммуникативного партнера, где не последнее значение имеет не только тематика, прагматика, интенции, но и собственно языковое наполнение текста (лексика, стилистика, синтаксис и т. д.). Наш опыт практической работы в области лингвистической экспертологии, непосредственно соприкасающейся с понятием деструктивного дискурса, показывает, что, несмотря на очевидные тенденции ювенилизации речевого поведения правового делинквента и снижения общего уровня грамотности, в том числе языковой, пользователей технологий массовой коммуникации, в конфликтогенных текстах повсеместно встречаются вариативные лексические средства реализации стилистической окраски, экспликации экспрессии. Не последнюю роль здесь играют различные фразеологизмы, семантика которых в зависимости от контекста выполняет различные функции: от эффекта комичности до реализации интенции инвективы.

Конфликтогенный потенциал фразеологического пласта лексики до сих пор вызывает экспертные споры. Нерешенными остаются вопросы методологического характера. Дело в том, что верифицированный в современном языкознании исследовательский инструментарий изучения фразеологии формально не призван решать специфические задачи ее лингвоправовой оценки. Но здесь важным является даже не то, что эксперт в отсутствие типовых методик изучения фразеологизмов должен самостоятельно брать на себя ответственность при выборе методов исследования. Более актуальным является отсутствие единства, а точнее, полифония мнений относительно конфликтогенного статуса фразеологизмов как единицы речи.

Одни специалисты не без оснований говорят о том, что фразеология не может быть табуированной как средство коммуникации. Она повсеместно представлена в языке бытового общения, в публицистике, литературе и т. д., следовательно, ее анализ не должен отличаться от изучения других языковых единиц. Более того, фразеологический фонд языка достаточно хорошо описан, а значение отдельных единиц зафиксировано в многочисленных лексикографических изданиях, в том числе в аспекте их контекстуального употребления.

Согласно другому мнению, которое также имеет научное обоснование, фразеология – это особый тип лексики, являющий собой результат «участия языка и речемыслительных механизмов сознания в процессах предметного восприятия и формирования представлений, понятий, суждений, умозаключений, а также механизмах памяти, участия языка в хранении и передаче от поколения к поколению общественно-исторического опыта людей» [1, с. 89]. В этом случае в преломлении к теории лингвистической экспертологии можно сделать вывод, что фразеологизм в тексте имеет значение некой смысловой квинтэссенции, которая указывает на отношение к объекту или

явлению с позиции массового языкового сознания. Иными словами, это уже не совсем авторский текст, а некое иносказание, объективизированное коммуникативной ситуацией, которое «обладает свойством служить средством обучения каким-то нужным вещам» [2, с. 45]. Таким образом, обосновывается особое функциональное значение фразеологизмов, в котором нет места прагматике правовой деструктивности. А. Вежбицкая вообще пишет о недопустимости взаимоподмены семантики и прагматики устойчивых оборотов [3, с. 139].

Существует и еще один прямо противоположный обозначенному мнению А. Вежбицкой подход, емко актуализированный Л. А. Лебедевой и С. Ю. Замай: «Носители языка эмпирически различают семантическую и прагматическую функцию устойчивого сравнительного оборота, исходя из коммуникативных целей его употребления» [4, с. 129]. Отсюда делается вывод о том, что фразеология в конкретном контексте (ситуации речевого взаимодействия) может реализовывать «преступный потенциал».

Мы в свою очередь склонны поддержать именно последний подход, так как конфликтогенный потенциал является естественным проявлением сущности любой языковой единицы. Косвенно это подтверждает и Н. Д. Голев, указывающий на то, что любой речевой акт потенциально конфликтогенен [5, с. 38] – всё зависит от коммуникативной ситуации: образов адресата и адресанта, жанрово-институциональной принадлежности текста, канала языкового взаимодействия и т. д.

Сложность лингвоправовой экспертной оценки фразеологизмов связана еще и с их осложненной прагматикой. Она бывает внутренней и внешней. Внутренняя прагматика фразеологизма «зашифрована» в его «бытовой» семантике, т. е. в значении, которое вытекает из лексикографического разъяснения. Так, *адвокат Дьявола* дает прямую отсылку к негативной характеристике личности, т. е. использование этого выражения по отношению к собеседнику, очевидно, будет реализовывать иллюкутивную инвективность. Внешняя прагматика обнаруживается в конкретной коммуникативной ситуации употребления фразеологической единицы: *Адвокатом Дьявола тебе точно не быть – ты слишком добрый и мягкий человек*. В приведенном примере мы видим, что контекст кардинально меняет прагматическую направленность использованного фразеологизма, он используется в антонимическом значении.

С позиции лингвистической экспертологии наибольшей конфликтогенной прагматикой обладают высказывания, имеющие интенциональные установки (внутреннюю прагматику) упрека, пожелания, предостережения, совета, угрозы и др.

Еще больше экспертных сложностей возникает при включении устойчивых единиц в состав поликодовых текстов, где семантика всего речевого материала реализуется по отличным от вербальных продуктов речевой деятельности законам и правилам. Вообще само понимание семантики поликодового текста является одной из сложнейших и не решенных до настоящего времени проблем. В научной и научно-методической литературе представлено значительное количество подходов и концепций к изучению содержания таких материалов. При очевидном отличии подходов и методов исследования семантики моно- и поликодового текста специалисты едины в понимании наличия общих принципов их функционирования как единиц коммуникативного взаимодействия: значение их знаковых оболочек отличается полисемией, т. е. вариативно в понимании языковой личности, что обусловлено конкретной коммуникативной ситуацией, контекстом, наличием или отсутствием гипертекста, социально-психологическими особенностями адресата и др.

Проблема изучения семантики поликодового языкового материала имеет междисциплинарное значение и входит в сферу исследовательских интересов не только лингвистики, но и философии, физиологии, психологии и др. Ключевой вопрос, однозначно не разрешенный специалистами до настоящего времени, заключается в понимании специфики восприятия и концептуализации содержания поликодового текста. Исходя

из принимаемого подхода, предпринимаются различные попытки описать соответствующие процессы – «уточнение устройства и функционирования знаковых стимулов и механизмов активации когнитивных процессов обращения к памяти и понимания при восприятии этих знаков субъектом». Конечный результат таких исследований заключается в разработке методов, позволяющих полностью вербализировать поликодовый материал, что имеет прикладное значение, в том числе и для сферы судебной лингвистической экспертизы текста.

Выделяют два основных подхода к исследованию семантики поликодового текста: 1) последовательное изучение смыслового наполнения разнокодового языкового материала; 2) параллельное осмысление семантики поликодового текста.

С нашей точки зрения, оба представленных направления не противоречат друг другу, а создают единую систему, позволяющую изучить семантику поликодового текста в каждом конкретном случае. Дело в том, что данные подходы коррелируют с типологией взаимодействия вербального и невербального компонентов в реализации семантико-смыслового единства поликодового речевого материала. Выделяют три типа такого взаимодействия: 1) доминирование вербального текста (невербальный материал в этом случае осуществляет функцию «поддержки» семантики речевого акта); 2) доминирование невербального компонента (вербальный компонент дополняет семантику материала и / или содержит иную значимую информацию о нем); 3) семантическая паритетность обоих компонентов (извлечение одного вида текстовых данных нарушает всю семантику текста). Следовательно, логичным видится, что концептуализация содержания поликодового текста, организованного по первым двум типам взаимодействия, реализуется через последовательное изучение семантики разнокодового языкового материала. При семантическом равноправии вербального и невербального компонента изучение семантики гибридного текста выстраивается на параллельном осмыслении его компонентов.

Экстраполируя указанный подход на вопросы лингвоправового исследования семантики фразеологических единиц, логично заключить, что в случае, если один из текстов (вербальный / невербальный) доминирует в поликодовом материале, исследование потенциально конфликтных фразеологических единиц будет строиться по схеме последовательного изучения языковых компонентов. Здесь уместно применение методов лексико-центрического и логико-семантического анализа, метода семантических полей и др. При паритетности разнокодовых текстов и необходимости их параллельного изучения в контекстуальной взаимосвязи чаще всего прибегают к логико-контекстуальному и прагмалингвистическому анализу.

Таким образом, фразеологизмы, как и другие единицы языка, обладают естественным конфликтным потенциалом, который может реализовываться на уровне как их внутренней, так и внешней прагматики. В аспекте лингвистической экспертологии проблемным является вопрос выбора методологического инструментария изучения семантики фразеологии. В большинстве случаев это является зоной профессиональной ответственности специалиста, самостоятельно определяющего методы исследования.

Фразеологизмы в современной деструктивной коммуникации используются как компоненты поликодовых текстов, что создает дополнительные проблемы их экспертной оценки. Одним из возможных подходов нивелирования методологических сложностей может стать механизм анализа соотношения вербальной и невербальной частей поликодового материала. В случае их паритетности следует изучать все семиотические компоненты (включая фразеологические единицы) в их контекстуально-семантической взаимосвязи. В случае если разнокодовые компоненты имеют «свободные связи», вербальный и невербальный текст могут изучаться последовательно, что обуславливает соответствующий выбор методов экспертной работы.

Конфликтность фразеологизмов определяется их семантикой и прагматикой. Конфликтность фразеологических единиц может быть универсальной (абсолютной)

и ситуативной. Поэтому важнейшую роль при их лингвоправовой экспертной оценке имеют иллокутивная и перлокутивная составляющие. В определенной коммуникативной ситуации фразеологизмы могут становиться ядром референтной ситуации – триггером коммуникативного конфликта. При этом следует четко дифференцировать конфликтность речевых актов с фразеологическим компонентом на содержащие признаки правонарушения и не имеющие таковых.

Список использованных источников

1. Мечковская, Н. Б. Социальная лингвистика : пособие для студентов гуманитар. вузов и учащихся лицеев / Н. Б. Мечковская. – 2-е изд., испр. – М. : Аспект Пресс, 2000. – 207 с.
2. Пермяков, Г. Л. Английские пословицы / Г. Л. Пермяков. – М. : Просвещение, 1970. – 255 с.
3. Вежбицкая, А. Сравнение – градация – метафора // Теория метафоры : сборник / пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. ; вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой ; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М. : Прогресс, 1990. – С. 133–152.
4. Лебедева, Л. А. Соотношение семантики и прагматики в лексикографическом представлении устойчивых сравнений / Л. А. Лебедева, С. Ю. Замай // Язык и дискурс в современном мире : мат-лы Междунар. научно-лингвистической конф. (19–20 мая 2005 г.). / Адыгейск. гос. ун-т. – Ч. 1. – Майкоп : АГУ, 2005. – С. 127–133.
5. Голев, Н. Д. Конфликтность и толерантность как универсальные лингвистические категории / Н. Д. Голев // Лингвистические проблемы толерантности : тезисы докладов Межд. науч. конф. / Урал. федеральн. ун-т. – Екатеринбург: УФУ, 2001. – С. 37–41.

Abstract. The article summarizes various opinions on the assessment of the conflictogenic potential of phraseological units and substantiates the author's position, according to which both the internal and external pragmatics of the specified vocabulary determines its use as a tool for the implementation of destructive communication. The specificity of linguistic and legal expert evaluation of phraseological units as components of polycode texts is described.

Keywords: phraseology, conflictogenicity, linguistic expertise, semantics, pragmatics.

Лавицкий Антон Алексеевич – кандидат филологических наук, доцент; Витебский филиал учреждения образования «Международный университет «МИТСО» (anton_lavitski@mail.ru).

Дединкин Александр Леонидович – кандидат исторических наук, доцент; Витебский филиал учреждения образования «Международный университет «МИТСО» (alexanderdedinkin@yandex.by).

УДК 811.161.1'373

Т. Е. Лаевская

СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ В ТЕКСТАХ АННОТАЦИЙ К СОВРЕМЕННЫМ ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ПРОИЗВЕДЕНИЯМ (ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

Аннотация. В статье рассматривается многообразие средств создания языковой устойчивости в текстах аннотаций к современным художественным произведениям, выявляются функции устойчивых единиц в рамках анализируемого жанра.

Ключевые слова: фразеологическая единица, жанр, аннотация к современному художественному произведению, функции фразеологизмов.

Исследование фразеологического фонда языка является, с одной стороны, одним из самых разработанных направлений современного языкознания, а с другой, продолжает привлекать внимание лингвистов, так как фразеологические единицы обладают

способностью фиксировать и отражать культурный код нации, являются продуктом коллективного народного сознания, представляют собой неисчерпаемый ресурс языковой выразительности. Многообразие подходов к пониманию фразеологических единиц (фразеологизмов, фразеологических оборотов) и их типологии, отсутствие единой терминологии, богатый текстообразующий потенциал фразеологизмов – всё это обуславливает неизменный интерес современных исследователей.

Мы придерживаемся широкого подхода к пониманию фразеологических единиц, который предполагает рассмотрение устойчивых многокомпонентных языковых конструкций разной степени семантической слитности, характеризующихся воспроизводимостью в речи. При этом ориентируемся на определение фразеологического оборота, данное Н. М. Шанским: «Фразеологический оборот – это воспроизводимая в готовом виде языковая единица, состоящая из двух и более ударных компонентов словного характера, фиксированная (т. е. постоянная) по своему значению, составу и структуре» [1, с. 20]. При таком подходе в составе фразеологических единиц рассматриваются фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания и фразеологические выражения, к которым можно отнести пословицы, поговорки, афоризмы, идиоматические единицы и другие сочетания, характеризующиеся регулярной воспроизводимостью в речи.

С нашей точки зрения, актуальным и перспективным является изучение функционирования средств создания языковой устойчивости в текстах вторичных речевых жанров, которые понимаются нами как жанры, образованные на основе других, первичных жанров, и сохраняющие их основное содержание. Изучение богатых стилистических и текстообразующих возможностей фразеологических единиц дает возможность выявить особенности динамики вторичных жанров в плане присущих им жанрообразующих признаков.

В данной статье рассмотрим функционирование устойчивых единиц в текстах аннотаций к современным художественным произведениям. Этот жанр можно отнести к прототипичным вторичным жанрам, так как его функционирование и структурно-содержательные особенности обусловлены спецификой первичного текста – художественного произведения.

Наблюдение над текстами аннотаций к современным художественным произведениям в аспекте реализации в них средств языковой устойчивости позволяет говорить о включении в анализируемые тексты устойчивых единиц разной степени семантической спаянности.

Для примера рассмотрим аннотацию к книге А. Белянина «Взять живым мертвого»: – *Не позволю казнить Бабу-ягу! – орал царь Горох, топая ногами так, что терем шатался.*

Но судебное постановление из Нюрнберга у нас на руках, да и бабка по юности много чего в лесах накуролесила, так что старое дело о якобы съеденном ею принце Йохане легло на наши плечи. И чтобы доказать невиновность нашей бабушки, всей опергруппе придётся ехать аж в Европу!

Ну да где наша не пропала!

И тут бы не пропала, если б не скандальный дьяк и волчий крюк <...>.

В данном тексте можно выделить фразеологическое выражение *где наша не пропала*, которое выполняет несколько функций. С одной стороны, являясь средством языковой выразительности, оно способствует приближению стиля языка аннотации к разговорной речи, что в свою очередь позволяет сформировать у потенциального читателя определенное представление о стилистической специфике текста-первоисточника. Данный факт свидетельствует о функциональной значимости используемого устойчивого элемента для выражения авторской интенции. С другой стороны, приведенное выражение выступает в качестве важного компонента структурно-содержательной организации текста. В следующем абзаце текста мы видим употребление трансформированного фрагмента данного выражения. Такой прием позволяет реализовать последовательную

связь предложений и определяет дальнейшее содержание текста. Потенциальный читатель понимает, что намерения главных героев художественного произведения могут не осуществиться из-за вмешательства других персонажей.

Нами были выявлены отдельные случаи употребления в текстах аннотаций к художественным произведениям фразеологических единств.

Рассмотрим фрагмент аннотации к книге Ф. Бакмана «Бабушка велела кланяться и передать, что просит прощения»: *Девочке Эльсе почти восемь, а ее бабушке скоро семьдесят восемь. Одни называют бабушку эксцентричной, другие – «бодрой старушкой», третьи считают, что она просто съехала с катушек. Но для Эльсы бабушка – супергерой и самая лучшая подруга. Потому что всегда защищает внуку, независимо от обстоятельств. И потому что понимает ее как никто другой <...>*. В данном тексте употреблен фразеологизм *съехала с катушек*, который в «Большом словаре русских поговорок» определяется как просторечный [2, с. 280]. Данный фразеологизм придает языку текста аннотации оттенок разговорности, что в свою очередь способствует определенной стилистической однородности с первичным текстом. Помимо этого, сниженная коннотация данного сочетания позволяет использовать его для выражения смыслового контраста, так как для характеристики героини произведения в аннотации употребляется лексика, несущая положительную семантику (*супергерой, лучшая, защищает, понимает*).

Примечательным является факт употребления в текстах аннотаций к современным художественным произведениям афоризмов: *Сложные расследования и опасные приключения – обычные будни разведчика и хакера. Выжить и при этом хорошо заработать сможет только обладатель острого ума, молниеносной реакции и хорошо подвешенного языка. Владу Воронову до сих пор все удавалось, но как долго продлится такое везение?*

Ничего не изменилось ни с той, ни с другой стороны Ворот. «Небожители» делят сферы влияния, спецслужбы интригуют, а мафия крутит свои грязные делишки. Воронов и рад бы не лезть в самую гущу событий, но есть долги, которые надо вернуть, и предложения, от которых нельзя отказаться... (фрагмент аннотации к книге А. Круза «Земля лишних. Слуга трех господ»). В данном тексте мы видим употребление трансформированного крылатого выражения *предложение, от которого нельзя отказаться*. Данное выражение представляет собой часть фразы, произнесенной главным героем романа американского писателя Марио Пьюзо «Крёстный отец», и обозначает завуалированный ультиматум, скрытое принуждение к совершению какого-либо действия. Использование представленного афоризма в тексте аннотации обусловлено его прочным закреплением в сознании читательской аудитории, следствием чего может являться узнавание и эмоциональный отклик со стороны потенциальных читателей аннотируемого художественного произведения.

Анализ текстов аннотаций к современным художественным произведениям позволяет отметить факт активного употребления в них устойчивых сочетаний, состоящих из семантически свободных компонентов. Вопрос включения таких языковых единиц во фразеологический фонд является дискуссионным, так как единственным критерием их устойчивости является частая воспроизводимость в речи. Компоненты данных сочетаний «притягивают» друг друга, повышая вероятность совместного употребления. Указанные сочетания могут определяться как коллокации [3], полуфраземы [4]. Исследователи отмечают их промежуточное положение между свободными сочетаниями и идиомами [5].

Широкое употребление данных языковых единиц в текстах современных аннотаций обусловлено, на наш взгляд, необходимостью реализации основных коммуникативных задач указанного жанра – формирования общего представления о тексте-первоисточнике и привлечения внимания потенциального читателя.

Рассмотрим текст аннотации к книге О. Северюхина «Ваше благородие»: *Старший лейтенант пограничных войск Туманов из лета 1985 года попадает в суровую*

зиму 1907 года в захолустный сибирский городок. Обдумав своё положение, он понял, что правду о себе никому рассказывать нельзя, никто не поверит, и, скорее всего, остаток жизни пройдёт в палате сумасшедшего дома. Единственный выход – сослаться на потерю памяти, а дальше... Ведь все умения, навыки и привычки – при нём, а это такой козырь! Обладая природной смекалкой и используя свои знания, Туманов легализуется в условиях царской России и поступает на военную службу, где делает головокружительную карьеру. Невероятное происшествие сталкивает его сначала с монахом Григорием Распутиным, а противодействие с социал-демократами – с премьер-министром Петром Столыпиным. Все это наводит Туманова на мысль, что он может попытаться изменить историю. В данном тексте можно выделить такие сочетания, как *пограничные войска, суровая зима, захолустный городок, сумасшедший дом, потеря памяти, военная служба, головокружительная карьера, наводит на мысль*, которые характеризуются частой сочетаемостью и регулярной воспроизводимостью в речи. Следует отметить достаточно большое количество данных элементов в тексте ограниченного объема. В отличие от фразеологизмов, которые употребляются в аннотациях точно и служат средством создания образности, характеризующие единицы, скорее, выступают в качестве «строительного материала» текста аннотации. Данный факт может быть обусловлен их фиксированностью в сознании читателей, которая облегчает восприятие текста аннотации. Широкое употребление относительно несвободных сочетаний согласуется с определенной клишированностью языка аннотаций, создает эффект узнавания, способствует формированию целостного образа текста.

Таким образом, можно сделать вывод о многообразии средств создания языковой устойчивости, используемых в текстах аннотаций к современным художественным произведениям. Описанные языковые единицы выполняют значимую стилеобразующую функцию, выступают средством создания образности и экспрессии, участвуют в текстопостроении аннотаций, способствуют реализации коммуникативных установок жанра.

Список использованных источников

1. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка [1963] / Н. М. Шанский. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Высшая школа, – 1985. – 160 с.
2. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 784 с.
3. Баранов, А. Н. Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М. : Знак, 2008. – 653 с.
4. Иорданская, Л. Н. Смысл и сочетаемость в словаре / Л. Н. Иорданская, И. А. Мельчук. – М. : Языки славянских культур, 2007 – 672 с.
5. Крышталёва, Е. В. К вопросу об определении понятия «коллокация» в отечественной и западной лингвистической традициях / Е. В. Крышталёва // Вестник НГУ. Серия : История, филология, 2016. – Т. 15. – № 9. – С. 34–41.

Abstract. The article examines the variety of means of creating linguistic stability in the texts of annotations to modern works of fiction, identifies the functions of stable units within the analyzed genre.

Keywords: phraseological unit, genre, annotation to a modern work of fiction, functions of phraseological units.

Лаевская Татьяна Евгеньевна – кандидат филологических наук; Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина (t-laevskaya@mail.ru).

Н. А. Лиханова

**СПЕЦИФИКА ПРОЯВЛЕНИЯ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В ДИАЛЕКТНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ
(НА МАТЕРИАЛЕ «СЛОВАРЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
И ИНЫХ УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЙ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ»)**

Аннотация. В работе представлен фрагмент регионального фразеологического фонда Восточного Забайкалья, который является частью формирования национальной картины мира. В качестве источника исследования выступает уникальный лексикографический труд «Словарь фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний Забайкальского края» В. А. Пащенко. В представленном материале репрезентируются диалектные фразеологические единицы, которые характеризуют речевую деятельность жителей региона.

Ключевые слова: региональная культура, диалектная фразеология, речевая деятельность, особенности забайкальской речи.

Изучение диалектной фразеологии становится необходимым условием для познания языкового пространства региона. В этом отношении забайкальская речь представляет собой уникальный феномен. Здесь исторически слились воедино разные народы, формируя свои особенности «регионального языка». Автор «Словаря русских говоров Забайкалья» Л. Е. Элиасов данное состояние опишет словами: «Шибко долго жизнь живу. Чево токма в жизни не понаслушался, а вот и нет ничо лучше, когда на своем поговоре сказку слушать али другой какой рассказ, про старое или про новое. Вот когда от дома далеко, да земляка встретишь, да как услышишь от него два-три слова, которые в твоей деревне слышал с детства, ну адали домой на побывку съездил. Вот что значит родное слово услышать» [1, с. 26]. Первые поселенцы Сибири – казаки, представители семейской культуры, бурятские и эвенкийские этносы, приграничные соседи – китайцы и монголы внесли неотъемлемый вклад в развитие языка региона.

В целом актуальность изучения диалектной фразеологии находит подтверждение в работах В. М. Мокиенко [2], Т. Г. Никитиной [3], И. А. Кобелевой [4] и др. Ученые говорят о необходимости изучения диалектного фразеологического материала, в котором обнаруживаются различные этнолингвокультурные черты, функционирующие на определенной территории: Н. Н. Кобякова [5], В. И. Теркулов [6], Н. М. Харлова [7] и др.

Одним из источников изучения диалектной фразеологии выступает «Словарь фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний Забайкальского края» В. А. Пащенко. Словарь содержит слова разных тематических групп: одни из них называют реалии определенного периода жизни человека, отражают какую-то часть его материального бытия, другие представляют некоторую сферу духовного опыта, характеризуют обычаи, устои, социальный уклад человека прошлого, третьи рассказывают о самой главной ценности – о самом человеке. Это помогает сформировать представление о региональной культуре, о языковом богатстве в Забайкалье.

Значение ряда фразеологизмов, представленных в словаре, указывает на языковые особенности исконной диалектной речи жителей Забайкалья. В частности, на способность человека принимать участие в разговоре, выражать мысли вслух. В разговоре подмечаются разные черты: манера говорения, особенности произношения, использование разных слов, распространенных в регионе. По сути, речь становится ценностным предметом изучения, где обнаруживаются региональные черты личности. Например, *гóвором говорíть* – ‘громко разговаривать’; *говорíть с повилúшкой* – ‘умалчивать о чём-либо в разговоре’; *говорить с протá, а думает с хвостá* – ‘о возможности превратного истолкования сказанного’ [8, с. 126]; *молотíть как Яшина мéльница* – ‘болтать, частить

в разговоре' [8, с. 159]; *уша́ми пова́живать* – 'прислушиваться к чужим разговорам' [8, с. 177]; *в разгово́р пуска́ться* – 'общаться' [8, с. 194]; *из китаю́хи в китаю́ху скла́дывать* – 'сплетничать' [8, с. 203]; *собирать ха́ры/ха́ре-ма́ре* – 'болтать чепуху' [8, с. 206]; *вся́ка ха́ра* – 'что попало говорить' [8, с. 349]; *спросила Па́раша Ага́шу* – 'никто спрашивать не будет' [8, с. 303] и др.

Анализ языкового материала позволил остановиться на некоторых выражениях, характеризующих речь в разных условиях коммуникации. Например, контекст с сочетанием *свой разговор*: *Ну они едут, разговаривают, вот как у лес ходили белковали, как хребет ломали. И усё это по-своему, по-чукóйски /по-чикóйски/ у нас же свой разговор* [8, с. 407]. Известно, что разговор *по-чукóйски /по-чикóйски/* ведут представители семейской лингвокультуры Забайкалья. Об особенностях функционирования и развития говоров семейских в условиях региона Т. Б. Юмсунова писала следующее: «в течение более двух веков, они приобрели новые черты под влиянием русско-сибирских и бурятских говоров, сохранив при этом своеобразие исконной материнской основы» [9, с. 31].

В следующих устойчивых сочетаниях подчеркивается манера произношения в отдельных районах Забайкальского региона. Например, *по Шилке маши́на бежит, а в маши́не мужи́к лежи́т, а шея-то – одне́ жи́лы*. Это дразнилка в адрес шилкинцев, жителей Шилки, произносится с мягкими шипящими. См. в контексте *В сельсовете работала Евденья Ивановна с Шилки. Дак её дразнили: по Шилке машина...* [8, с. 52]. Аналогично и выражение *поехали в Бишигино́ на маши́не шиши́кать* – дразнилка в адрес произносящих мягкие шипящие. Здесь также присутствует локальная фиксация: *Дед нас сторожил, смешно так говорил, шикал: жена, картошки... А его дразнили: ну, дед, поехали а Бишигино на машине шишикать* [8, с. 308]. В работе Т. Ю. Игнатович подробно описываются различительные особенности русских говоров Восточного Забайкалья севернорусского и южнорусского происхождения, где «сохраняется в фонетической системе позиционная мягкость шипящих: [ж'и]ли, [ж'е]нщина, [ш'е]сь, [ш'и]пишка, что давно было утрачено в литературном языке, и твердость долгих шипящих: во[ж:ы], я[ш:ы]к, та[ш:ы]ла, е[ш:о]» [10, с. 233].

Определена в источнике и дразнилка по поводу речи носителей местного говора – *Мы с брата́ном лони́сь тени́гусом хлы́ном хлы́няли / Мы с брата́ном Петрованом лони́сь по елани хлы́ном хлы́няли, я упал, а он – никого*. Соответствующее описание: *На нас городски говорят: Мы с брата́ном лони́сь тени́гусом хлы́ном хлы́няли. Да щас мало кто так говорит, это уже так шутят*. Далее: *Молоды про стариков говорят; мы с брата́ном Петрованом лони́сь по елани хлы́ном хлы́няли, я упал, а он – никого. А имя смеемся, что ихний-то разговр вообще непонятный* [8, с. 289]. Представим ряд диалектных слов, которые встречаются в описании дразнилки. Так, слово *тени́гус/тяни́гус* – 'подъем в гору; дорога, идущая в гору' [1, с. 410]. Л. Е. Элиасов дает контекст: *Мы с дядей Трифо́ном тени́гусом хлы́няли / Дорога всё время шла тени́гусом, и от того кони все в мыле*. Далее: *чем всю дорогу хлы́нять, лучше на месте стоять*, где *хлы́нять* – 'ехать рысцой, бежать тихо'. *Хлынь/ хлы́нца* – 'мелкая рысь', *бежать хлы́нцой* – 'бежать не торопясь' [1, с.442]. *Лони́сь/лони́* – 'в прошлом году': *Лони урожай был и ноне, видно, будет* [1, с.188]. Анализируемое выражение – это не просто фраза о речи в регионе, оно используется для создания речевого образа ряда диалектных компонентов. Высказывание становится этнокультурным кодом, который может понять только носитель забайкальского говора.

Во фразеологическом словаре также репрезентирована фраза, имитирующая забайкальский говор: *Скида́й па́ря, курму́шку, ве́шай на спи́чку да сади́сь на конопе́ль!* Автор поясняет в контексте: *В новой раз / иногда / городской кто придёт, ну и скажешь: скидай, паря, курмушку, вешай на спичку да садись на конопель! От глаза выпучит!* [8, с. 332]. По своему составу данное выражение достаточно содержательно, отражает диалектные особенности речи забайкальцев. Так, лексема *па́рь/па́ря* в «Словаре

русских говоров Забайкалья» – это ласковое обращение к молодому человеку, мужчине – товарищ, друг. Л. Е. Элиасов описывает данное слово так: *Ничо, парь, он не сказал, вот так парь, простоял, кашлянул про себя и ушёл* или *Садись, паря, чаевать. Долго паря, ждать. Выручай, паря, покуда што* [11, с. 287]. Фразеологический региональный словарь в этом случае фиксирует выражение *пáря-дéва* как обращение к собеседнице. Поясняется: *Не знаю, об ком страдаю. Да это я так, паря-дева, на свою жизнь напридумаешь всякого, вот и страдаешь* [8, с. 304]. Примечательно, что в данном выражении, где характеризуется забайкальский говор, видим диалектное слово *конопéль*. Распространено в этнокультуре семейских Забайкалья, где *канапéль*, *канапéлька* – небольшой деревянный диван с высокой резной спинкой и боковинами. Описание следующее: *Вот канапелька была, вроди дивана диривянава, шыроканькая такая, са спинкай и пад локти патстафки есть* [11, с. 192]. У В. А. Пащенко в результате выборки находим устойчивое выражение *голубá конопéль*, что означает ‘ложе для новобрачных’. Текстовый комментарий: *Чё же делать – любовь у нас! Заслал он сватов, приняли мы закон и, как говорится, повели нас на голубу конопель* [8, с. 385]. Далее *курма́/курмушка* – ‘легкое стеганое зимнее полупальто из хлопчатобумажной ткани’. Описание лексикографа: *Ходит без шапки в короткой курмушке, в ичигах* [8, с. 176]. Таким образом, видим, как через устойчивое сочетание передается материальная и духовная составляющие региональной личности. Жители, осознавая некую особенность своей речи, целенаправленно используют диалектные фразеологизмы и слова преимущественно в ситуации обиходного бытования. Здесь используется региональная форма обращения, встречаются предметы быта, внутри фразы возможно выделение и других оборотов, распространенных в регионе, например, *скида́й па́ря* или *вéшай на спи́чку*.

Выбранные примеры показывают, что изучение региональной фразеологии способствует познанию социального, исторического, этнографического, культурного контекста. Языковой материал, распространенный в Забайкалье, становится не только источником формирования региональной языковой картины мира, но и частью национальной картины мира.

Список использованных источников

1. Элиасов, Л. Е. Словарь русских говоров Забайкалья / Л. Е. Элиасов. – М. : Наука, 1980. – 471 с.
2. Мокиенко, В. М. Значение новгородской фразеологии для русской диалектной фразеологии / В. М. Мокиенко // Ученые записки НовГУ. – 2017. – № 2 (10). – С. 1–15.
3. Никитина, Т. Г. Диалектные образные сравнения в Полном словаре народной фразеологии / Т. Г. Никитина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2018. – № 5(128). – С. 116–122.
4. Кобелева, И. А. Русская диалектная фразеология и фразеография / И. А. Кобелева // Русская фразеология и фразеография: к 100-летию А. И. Молоткова. – Иваново : Ивановский государственный университет, 2016. – С. 239–257.
5. Кобякова, Н. М. Модели фразеосемантического поля «Речевая деятельность» в современном русском литературном языке / Н. М. Кобякова // Современное педагогическое образование. – 2023. – № 6. – С. 197–202.
6. Теркулов, В. И. Интерферентные явления в донецком региолекте / В. И. Теркулов // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2021. – № 3. – С. 209–223.
7. Харлова, Н. М. Особенности диалектной фразеологии Зауралья / Н. М. Харлова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2015. – № 4. – С. 130–136.
8. Пащенко, В. А. Словарь фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний Забайкальского края / под ред. Т. Ю. Игнатович ; Забайкальский государственный университет. – Чита : Изд-во ЗабГУ, 2014. – 484 с.
9. Юмсунова, Т. Б. Язык семейских – старообрядцев Забайкалья / Т. Б. Юмсунова. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – 288 с.

10. Игнатович, Т. Ю. Современное состояние русских говоров Восточного Забайкалья с точки зрения факторов формирования / Т. Ю. Игнатович // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2009. – № 6 (2). – С. 232–238.

11. Юмсунова, Т. Б. Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья / Т. Б. Юмсунова, А. П. Майоров, Н. А. Дарбанова [и др.]. – Новосибирск : Наука СО РАН, 1999. – 540 с.

Abstract. The paper presents a fragment of the regional phraseological fund of Eastern Transbaikalia, which is part of the formation of a national picture of the world. The source of the research is the unique lexicographic work “Dictionary of Phraseological Units and Other Set Expressions of Zabaikalsky Krai” by V. A. Pashchenko. The presented material represents dialectal phraseological units that characterize the speech activity of the inhabitants of the region.

Keywords: regional culture, dialect phraseology, speech activity, features of trans-Baikal speech.

Лиханова Надежда Анатольевна – кандидат филологических наук; Новосибирский государственный технический университет, факультет гуманитарного образования (Nadezh-l@yandex.ru).

УДК 81'371:61

С. И. Маджаева

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В МЕДИЦИНСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. Статья посвящена функционированию фразеологизмов (терминологизмов) с цветовым компонентом в медицинской терминологии. Терминологизмы языка медицины используются и как термины, и как фразеологизмы в общелитературном языке. Терминологизмы выполняют функцию названия и являются средством получения информации, ее закрепления. Они указывают на симптомы, признаки заболевания или называют болезнь. Термины с компонентом-цветообозначением указывают на сложность заболевания, т. е. фиксируют специальную информацию, делают медицинское знание более доступным, понятным.

Ключевые слова: фразеологизмы, терминологизмы, компонент-цветообозначение, язык медицины, общеупотребительный язык.

Язык – это не только средство коммуникации, но и репрезентант культуры. А фразеология, будучи настоящей сокровищницей образной характеристики предметов, объектов и явлений национальной картины мира, играет важную роль в отражении культуры народа, национальной специфики языка, запечатлевая исторический опыт народа. По утверждению В. Н. Телия, фразеологический состав любого языка является «зеркалом, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [1, с. 258]. Б. А. Ларин сравнивает фразеологизмы с утром, «как свет утра отражается в капле росы, так фразеологизмы отражают не только исторически сложившиеся воззрения народа, но и общественный строй, идеологию той эпохи, которая вызывает их к жизни» [2, с. 127].

Фразеологизмы динамичны, они появляются, закрепляются в языке, исчезают и вновь используются. Они могут возникать в устной речи, специальной речи, проникать из языка науки в общеупотребительный язык и наоборот, становясь достоянием литературного языка, пополняя собой фразеологический состав русского языка.

Е. А. Никулина, исследуя фразеологизмы, предлагает корпусное исследование при помощи частотного, дефиниционного, дистрибутивного, контекстного анализа. Ученый называет их сверхсловными образованиями, которые одновременно являются и терминами, и фразеологическими единицами [3, с. 421].

Изучение медицинских фразеологизмов в лингвистике актуально, и многие исследователи заинтересованы в их изучении (Э. М. Байдашева, Е. В. Бекишева, А. К. Газарянц

и др.). В русском языке встречаются фразеологизмы (будем называть их, вслед за Е. А. Никулиной, терминологизмами), функционирующие в медицинском дискурсе, например, *бронзовый диабет, пальцы прачек, краевые клетки, ползучая язва роговицы*.

Материалом для данной статьи послужили медицинские термины с компонентом цветообозначения, отобранные из медицинских словарей. В медицинской терминологии функционирует определенное количество цветовых терминов или терминов с компонентом-цветообозначением. Исследование показало, что они могут использоваться и как фразеологизмы.

В настоящей статье проблема функционирования медицинских фразеологизмов тесно связана с вопросом об их роли в русском языке. Под терминологизмами, вслед за Е. А. Никулиной, понимаем языковой феномен, заключающийся в том, что «сверхсловное образование имеет буквальное, но осложненное значение, терминологическое или профессиональное, на основе которого развивается переосмысленное, и данные значения актуализируются в зависимости от контекста употребления – терминологического или нетерминологического» [4, с. 10]. Например, *зеленая кайма* в медицинской терминологии обозначает линию зеленого цвета на деснах, которая возникает при отравлениях медью, а в общеупотребительной речи данный термин может означать *зеленую кайму скатерти*. Это свидетельствует о том, что «термин остается термином, но лексическая единица получает вторичное, метафорическое значение и начинает использоваться в неспециальной сфере» [5, с. 29].

Прежде всего, отметим, что цветовые термины актуальны, так как восприятие связано с физиологическими возможностями человека. Цветовое зрение дает дополнительную информацию специалисту-медику о состоянии пациента. Кроме того, цвет свидетельствует о симптоме заболевания, врач реагирует на цвет при постановке диагноза, установлении его стадии и степени распространения. Согласно мнению Е. В. Бекишевой, цвет играет большую роль в категоризации научных концептов, показывая, что новое познается специалистом-медиком с помощью визуальных средств [6, с. 137], например, *желтая лихорадка* – острое геморрагическое трансмиссивное заболевание, вирусной этимологии; *красная лихорадка* – детская болезнь, сопровождающаяся высокой температурой.

Функционирование цветовых терминов в языке медицины позволяет специалисту-медику по-разному воспринимать болезнь. Например, *бледная* и *розовая лихорадка* у детей. *Розовая лихорадка* указывает на положительный исход, в то время как *бледная лихорадка* свидетельствует о тяжелой степени заболевания (цианоз ногтей, положительный симптом «белого пятна», выраженная одышка и тахикардия, возможны судороги). Эти примеры показывают, что они не обладают терминологической функцией, а служат средством выражения объективно существующих патофизиологических проявлений болезни [6, с. 139]. Но, в то же время, термины, имеющие в своем составе колоронимы, несут в себе сложную информацию о заболевании, лекарственном средстве, симптоме [7, с. 223]. Фразеологизмы (терминологизмы), являясь неотъемлемой частью языка медицины, объективируют знания, полученные специалистом-медиком в процессе его деятельности. Данные единицы, по мнению Е. И. Головановой, выступают особым способом вербализации профессионально значимой информации – на стыке научного и обыденного знания [8, с. 70].

Источниками терминологизмов являются медицинские термины: *катаракта* – помутнение хрусталика глаза вследствие необратимых структурных изменений волокон хрусталика, а *черная катаракта* – один из видов зрелой катаракты, при котором изредка происходит накопление большого количества бурого пигмента, вследствие чего хрусталик приобретает черноватый оттенок. Компонент-цветообозначение указывает на тяжесть / этап заболевания или его симптом.

Терминологизмы применяются и как медицинские термины, и как фразеологизмы / метафорические сочетания общеупотребительного языка. Приведем примеры.

Малиновый язык – язык при скарлатине, гиперемия которого отличается большой интенсивностью; возникает в числе первых симптомов (на 4–5 день) заболевания. В общеупотребительном языке: *Верхосты товарищей один за другими всыхивали, и малиновые языки плазмы пожирали их как чудовищные моллюски* [Я. Сапфир, 2023]; *До неба взлетали малиновые языки пламени над стожками сена и соломы* [Малик, 1976]. В данных предложениях *малиновый (цвет языка)* играет роль эпитета, эффективно позволяя автору оказать влияние на адресата.

Золотой мальчик – патологическое состояние, развивающееся у детей раннего возраста вследствие первичной белковой недостаточности питания и характеризующиеся задержкой физического развития, распространенными отеками, диспигментацией кожи, нарушением кишечного всасывания и психическими расстройствами. Сравн.: *Валюша, твой внук просто золотой мальчик! Ты посмотри на него! Ну что за ребенок!* [Демиденко]. В данном примере фразеологизм эмоциогенен, автор создает чувственный образ героя.

Всего нами было выявлено 38 фразеологизмов в языке медицины. Они репрезентируют симптомы и признаки заболеваний.

Голубая линия – область, отграничивающая фиброкартилагинозную зону от сухожильных.

Зеленый свет – разрешение на проведение какого-либо медицинского вмешательства или процедуры.

Черная дыра – метафора для описания ситуации, когда ресурсы тратятся безрезультатно.

Синий экран – состояние, когда пациент теряет сознание.

Фразеологизмы (терминологизмы) возникают на основе обыденного знания. Их особый статус связан с использованием цветового компонента, в нем закреплено понятие, представляющее собой теоретическое обобщение. Фразеологизмы с компонентом-цветообозначением вербализуют сложную информацию о заболевании, его лечении. Они передают новые знания, осмысливаются как целые ситуации. Например, *красная линия* – граница, которую нельзя пересекать в процессе лечения.

Фразеологизмы с цветовым компонентом в медицинской терминологии репрезентируют знания о симптомах и признаках заболевания, актуализированное метафорическим путем посредством создания яркого, ассоциативного, запоминающегося образа: *желтая карточка* – предупреждение о необходимости обратить внимание на симптомы, указывающие на серьезные проблемы со здоровьем. Такие фразеологизмы способствуют углублению понимания специального знания, уточняют его содержание: *красный флаг* – симптом или признак, который указывает на наличие серьезного заболевания.

Терминологизмы с компонентом-цветообозначением, являясь неотъемлемой частью медицинской терминологии, фиксируют специальную информацию, делают медицинское знание более доступным, понятным.

Список использованных источников

1. Телия, В. Н. Российская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты / В. Н. Телия. – М. : Наука, 1996. – 288 с.
2. Ларин, Б. А. История русского языка и общее языкознание / Б. А. Ларин. – М. : Просвещение, 1977. – 224 с.
3. Никулина, Е. А. Опыт корпусного исследования английских субстантивных терминологизмов / Е. А. Никулина, М. А. Соколова // Преподаватель XXI век. – 2024. – № 2. Часть 2. – С. 421–430. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-2-421-430.
4. Никулина, Е. А. Терминологизмы как результат взаимодействия и взаимовлияния терминологии и фразеологии современного английского языка: дис. ... д-ра филол. наук / Е. А. Никулина. – М., 2005. – 363 с.
5. Лейчик, В. М. Терминоведение: Предмет. Методы. Структура / В. М. Лейчик. – М. : Либроком, 2009. – 256 с.

6. Бекишева, Е. В. Категориальные основы номинации болезней и проблем, связанных со здоровьем: монография / под ред. проф. В. Ф. Новодрановой / Е. В. Бекишева. – Самара : ООО «ИПК «Содружество» ; ГОУВПО «СамГМУ», 2007. – 250 с.

7. Маджаева, С. И. Термины с компонентом цветообозначения в языке медицины / С. И. Маджаева, Э. М. Байдашева // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. – 2019. – С. 219–226.

8. Голованова, Е. И. Особый статус терминов-фразеологизмов в метаязыке науки / Е. И. Голованова // Вестник Омского университета. – 2013. – № 1. – С. 69–75.

9. Метафоры и терминологически устойчивые выражения в медицине : словарь-справочник / Авт.-сост. А. П. Дьяченко. – Минск : Новое знание, 2003. – 428 с.

Abstract. The article is devoted to the functioning of phraseological units (terminologisms) with a color component in medical terminology. Terminologisms of the language of medicine are used both as terms and as phraseological units in the general literary language. Terminologisms perform the function of a name and are a means of obtaining information and consolidating it. They indicate the symptoms, signs of the disease, or name the disease. Terms with a color designation component indicate the complexity of the disease, that is, they carry other information, record special information, and make medical knowledge more accessible and understandable.

Keywords: phraseological units, terminologisms, component of color designation, language of medicine, common language.

Маджаева Санья Ибрагимовна – доктор филологических наук, профессор; Астраханский государственный медицинский университет (sanyasanya-madzhaeva@yandex.ru).

УДК 811'373:398.92:128

В. А. Маслова

ОПЫТ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ РУССКОГО ДУХОВНОГО КОДА

Аннотация. В статье указано, что важнейшим лингвистическим инструментом исследования языка является его описание через коды культуры. Данный подход, в том числе при анализе мира фразеологии, не только поможет рельефнее и зримее представить русскую языковую картину мира, но и позволит на качественно ином уровне строить преподавание языка.

Ключевые слова: фразеологизм, лингвокультурология, коды лингвокультуры, русский духовный код.

Сейчас существует несколько способов описания языка: системно-структурное, поуровневое описание (традиционное и самое всеобъемлющее), через лексико-семантические поля, через систему концептов, через ценности культуры, через коды. Описание через коды – это новый способ описания языка, который является также инструментом описания языка через коды.

Понятие кода широко распространено в семиотике. Он означает здесь закон соответствия плана содержания плану выражения. Кодом задается значимость знака, а интерпретатор (воспринимающий) эту информацию расшифровывает. Правила прочтения задаются культурой: культурным хронотопом, культурной компетенцией интерпретатора. Следовательно, код вырабатывается и функционирует в культуре. Отсюда термин «культурный код», под которым Д. Гудков и М. Ковшова понимают «систему знаков (знаковых тел) материального и духовного мира, ставших носителями культурных смыслов» [1, с. 9].

Мы несколько дополним это определение. Культурный код – это совокупность универсальных и национально специфичных явлений, формирующая национальную картину мира, это репертуар сигналов и одновременно способ структурирования культурного знания.

Коды культуры связаны с древнейшими архетипическими и мифологическими представлениями о мире. Дело в том, что наше сознание неоднородно: наряду с логическими структурами в него входят так называемые пралогические, т. е. архаические структуры, которые отличаются крайней эмоциональной интенсивностью, они не только мыслятся, но и переживаются. К ним относятся и фразеологизмы.

Особый интерес к кодам, вероятно, объясним их универсальностью: специалистами-генетиками, молекулярными биологами, семиотиками было замечено структурное сходство генетического кода и языка. Существуют даже работы генетика Р. Солганика о единстве музыкального, генетического и языкового кода, результатом исследования которого стала *музыка гена* с возможностью ее проигрывания. Такая универсальность может быть объяснима универсальной идеей Творца, которая все чаще находит подтверждение в достижениях разных наук, и это открылось на рубеже тысячелетий. Вероятно, наш организм неосознанно владеет информацией о своем строении, в том числе – о строении своего генетического кода и соотносит его с миром и языком.

Коды лингвокультуры, в которых фиксируются коллективные представления, универсальны как феномен, свойственный человеку разумному и культурному. А сама культура выступает как совокупность различных кодов. Коды культуры образуют систему координат, которая задает эталоны культуры.

В данной статье будет представлен только духовный код культуры, который составляют нравственные ценности и эталоны, зафиксированные в языке. Этот код изначально онтологичен, он пронизывает всё наше бытие, обуславливает поведение и деятельность. С помощью духовного кода как раз и может быть представлен «дух народа» (в понимании В. Гумбольдта): это система духовных законов, духовных ценностей, выработанных нацией в процессе ее формирования.

Как познать духовную сущность русского слова и большей единицы – фразеологизма, паремии? Религиозная философия утверждает, что отношения между миром вещей и миром слов не являются отношениями подобия, это отношения творения. Слово создает, творит мир. Бог равен Слову, Слово – орудие и материал Бога. Из простого зеркала мира оно становится источником творения. Идея творящего слова нашла воплощение в трудах В. Гумбольдта, А. Потебни, неогумбольдтианцев и др.

Итак, человек получил от Бога возможность творить посредством слова. Святой Лука (Войно-Ясенецкий) сказал в проповеди 1945 года: «Ни одно слово, исходящее из уст человеческих, не теряется в пространстве бесследно. Оно всегда оставляет глубокий, неизгладимый след» [2, с. 6].

Слово живет среди нас и действует на наши сердца, так как в слове содержится великая духовная энергия – или энергия любви и добра, или, напротив, богопротивная энергия зла. Современные ученые подтверждают, что любое произнесенное слово есть не что иное, как волновая генетическая программа, влияющая не только на нашу жизнь, но и на жизнь наших потомков.

Язык – основной источник веры. Во-первых, вера заключена в самом языке: первая и главная функция языка древних, скорее всего, была сакральной. Во-вторых, вера консервируется в языке и хранится в нем веками. Важное место здесь отводится фразеологизмам.

Мир русского фразеологизма есть единство энергийного, сакрального и духовного, поэтому, даже не понимая полностью значения фразеологизма, носитель конкретного языка способен чувствовать эмоциональный заряд языковой единицы, ее положительную или отрицательную окрашенность, способен чувствовать его духовную силу. Фразеологизм – это совокупность универсального и культурно-специфического, сложившаяся в национальной картине мира. Универсальное – это фразеологизмы из библейских текстов: *глас вопиющего в пустыне; внести свою лепту; святая простота; блудный сын; валаамова ослица* и др. [3]; а национально-специфичные – из обиходного языка, фольклора и других видов народной культуры.

Покажем это на примере судьбы. Понимание судьбы как высшей силы нашло отражение во всех толковых словарях русского языка. Например, в четырехтомном академическом словаре у слова *судьба* выделяется три значения, главным из которых будет следующее: 1) складывающийся независимо от воли человека ход событий, стечение обстоятельств (по суеверным представлениям – сила, определяющая всё, что происходит в жизни) – *покориться судьбе, удары судьбы*. В. И. Даль, помещая слово *судьба* в словообразовательное гнездо глагола *судить*, определяет судьбу как «неминуемость в быту земном».

Судьба управляется космосом. Своя судьба есть у всего: у людей, вещей, событий, явлений. Это место в жизни общества, бытие. Судьба – божественно установленные сущность и будущность каждой вещи и каждого человека, но это неразумная сущность, в религиозном сознании – это Бог.

Фразеологизмы с лексемой *судьба* образуют довольно целостную картину мира русского человека: – это **личность**, причем гораздо более сильная, чем человек, отсюда *гневить судьбу, поставить крест на своей судьбе, перст судьбы, волю судеб* и др.; **судьба-игрок** – *игра судьбы*; судьба – это **книга**, отсюда выражение *прочитать свою судьбу*; судьба – это **нить**, отсюда – *Их судьбы переплелись, спутались*; судьба – **дорога**, отсюда *ухабы судьбы, повороты судьбы*; судьба и **хозяйка**, и **рабыня** одновременно: *раб судьбы; господин своей судьбы*; судьба – **животное**: *взять за рога судьбу; Судьба – собака: кого облизжет, а кого укусит*.

Думается, что исчислить все образы судьбы, гештальты, свойственные языковому сознанию в целом, – задача невыполнимая, но в некотором замкнутом массиве культурно значимых текстов их можно установить. Например, в поэзии И. Бродского есть аналитические описания судьбы: *И географии примесь к времени есть судьба*.

Итак, во фразеологизмах с лексемой *судьба* объединяются две ключевые идеи русской культуры: идея непредсказуемости будущего (*перст судьбы*) и неконтролируемость происходящих с человеком событий (*игры судьбы*).

Таким образом, генетическая память народа сохраняется в слове. Даже в самых привычных и обычных словах зашифрована история рода и народа, союз земли и Неба. Например, слова, корень у которых *-образ-* тесно связаны с *Образом Божьим*, т. е. *иконой*. Отсюда все *безобразия* – связаны с утратой, потерей образа Бога. Стремление к *первообразу* – закономерно (сравн. понятие первообразного слова у А. А. Потебни). Так, *святой* – это несущий свет.

Важное место в исследовании духовного кода культуры должно быть отведено концептам «Религия», «Христианство», «Бог», «Богопознание», «Вера», «Воскресение», «Церковь», «Дух», «Чудо», «Спасение», «Крест», «Икона», «Храм», «Колокол», «Свеча» и др., а также фразеологизмам и паремиям с ними, потому что именно в них раскрываются наиболее важные для русского культурного мировосприятия понятия [4].

Продемонстрируем сказанное на примере колокола, что в переводе с греч. – «зов» – это зов Бога и к Богу. Это молитва в звуке. Он созывает верующих на богослужение, выражает торжество Церкви, призывает на защиту Отечества, возвещает о победе и т. д. С. Булгаков в своей работе «Философия имени» писал, что есть слова, имеющие тройкий смысл, – буквальный, переносный и духовный. Именно к таким словам относится колокол.

Согласно толковым словарям русского языка, *колокол* – ‘металлическое (из меди или из медного сплава) изделие в виде полого усеченного конуса с подвешенным внутри него для звона стержнем-языком’. Но это буквальное значение слова. Переносное – всякий предмет подобной формы – платье-колокол, цветок *колокольчик* и др. А духовный смысл может быть извлечен из функций и символики колокола.

Родиной колокола многие ученые считают Китай, а первые колокольчики датируются XIII–XI вв. до н.э. Колокола были знакомы древним египтянам, евреям, римлянам. Ко времени возникновения христианства колокольчики и бубенцы употреблялись

практически во всех религиях, и христиане осуждали их как языческие, этим и объясняется их упоминание в негативном контексте в Новом завете: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий».

Колокола на Руси освящались, но никогда не крестились и не нарекались человеческими именами, у них были лишь прозвища, которые давались с учетом особенностей их звучания или событий, в честь которых они были отлиты. Колокол с сильным, резковатым звучанием нередко назывался «Лебедем», с мягким, приятным – «Красным», с неровным, дребезжащим – «Козлом», «Бараном» и т. д. Считалось, что колокол умолкает на чужбине, подтверждением тому можно считать молчание наших колоколов, проданных после революции в Америку, где в Гарвардском университете использовалась лишь их сигнальная функция, недавно они возвращены в Свято-Данилов монастырь.

Православный звон отличается от колокольных звонов других конфессий: если звоны Западной Европы содержат мелодические и гармонические основы, то православный звон – это ритм и характер. В русском языке есть фразеологизмы *давать на позвонные*: если кому-то не возвращали долг, он давал звонарю деньги с просьбой исполнить погребальный звон по здравствующему должнику, и долг немедленно возвращался; *вызвонить грех* – отлить колокол, который своим звоном вымолит у Бога прощение за данного грешника.

Колокольный звон для русских – это жизнь, с ним проходят все важные события, он наводит на размышления и воспоминания: *Вечерний звон, вечерний звон, / Как много дум наводит он* («Вечерний звон» И. Козлов – перевод стихотворения Т. Мура).

Колоколу посвящено довольно много русских пословиц и поговорок: *У Царя колокол на всю Русь* (рекрутский набор); *Чужой человек, что соборный колокол*; *Колокольчик к замужеству, колокол к смерти*; *Бездушен колокол, а благовестит во славу Господню*; *Звонить во все колокола*; *Отзвонил – и с колокольни долой*; *Смотреть со своей колокольни*; *Пришло счастье, хоть в колокола звони*; *Ударил в колокола, не глянув в святыцы* (о неуместном заявлении, поступке). Есть и загадки: *Язык есть, речей нет, вести подает* (Колокол).

Колокол – образ-символ в русской культуре – в прозе, поэзии, музыке. Мотив колокола прошел сквозь всю русскую литературу, через многие произведения искусства (музыку, живопись, скульптуру). Это А. Пушкин «Зимняя дорога», М. Лермонтов «Поэт», А. Григорьев «Когда колокола торжественно звучат», Я. Полонский «Колокольчик», С. Надсон «Дитя столицы, с юных дней», К. Фофанов «Под напев молитв пасхальных» и др.

В стихотворении М. Цветаевой дан даже звукообраз колокола: *Красною кистью рябина зажглась...* Здесь как бы звучит большой колокол, а затем – *бо-го-слов* – маленькие колокольчики.

Для С. Есенина колокол – голос Родины, символ ее независимости и величия, под воздействием которого даже природа ведет себя иначе – «Пасхальный благовест»: *Колокол дремавший / Разбудил поля, / Улыбнулась солнцу / Сонная земля*. М. Лермонтов и К. Бальмонт сравнивают Поэта с колоколом: *Я – дух, я – призрачный набат, / Что внятн только привиденьям* (К. Бальмонт).

В рассказе Е. И. Замятина «Один» колокол управляет сюжетом, определяет его ход, подготавливает различные события: *Было весело – точно звонили, переливались, подплясывали в воздухе колокола*.

Русское культурное пространство в целом часто задается образом колокола. «Колокол» – так называлась вольная русская газета, которую А. Герцен издавал в Лондоне. Скульптор М. Микешин взял профиль колокола за основу памятника «Тысячелетие России» в Новгороде, музыку для колоколов писали П. Чайковский, С. Рахманинов и др.

Таким образом, сквозь призму духовного кода культуры несколько по-иному видятся национальные ценности народа (колокол), вскрывается то, что было невидимо

и неслышимо для непосвященных, без чего наше понимание русского человека и его культуры было бы неполным. Описание русского языка с позиций кодов культуры не только поможет рельефнее и зримее представить русскую языковую картину мира, но и позволит по-иному строить преподавание языка.

Список использованных источников

1. Гудков, Д. Телесный код русской культуры. Материалы к словарю / Д. Гудков, М. Ковшова. – М. : Гнозис, 2007. – 288 с.
2. Слово Святителя Луки / Таврида Православная. – 2008. – № 10 (212).
3. Иванов, Е. Е. Наследие Библии в языках и культурах народов России и Беларуси / Е. Е. Иванов, В. А. Маслова, В. М. Мокиенко. – М. : РУДН, 2022. – 408 с.
4. Постовалова, В. И. Теолингвистика / В. И. Постовалова. – М. : Проспект, 2022. – 1760 с.

Abstract. The article indicates that the most important linguistic tool for language research is its description through cultural codes. This approach, including in the analysis of the world of phraseology, will not only help to present the Russian language picture of the world more clearly and visibly, but will also allow you to build language teaching on a qualitatively different level.

Keywords: phraseology, linguoculturology, codes of linguoculture, Russian spiritual code.

Маслова Валентина Авраамовна – доктор филологических наук, профессор; Витебский государственный университет имени П. М. Машерова (mvavit@tut.by).

УДК 811.161:398.92

И. А. Меркулова

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В АСПЕКТЕ КВАНТИТАТИВНО-КВАЛИТАТИВНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК

Аннотация. В статье исследуются фразеологические словари трех восточнославянских языков: определяются их статистические характеристики, выявляются фразеологически активные лексемы (доминанты, вице-доминанты и первые 100 слов наиболее высоких рангов) и значения, объединяющие эти близкородственные славянские языки.

Ключевые слова: фразеология, фразеологический словарь, восточнославянские языки.

Выявление и ранжирование синтагматически активной лексики словаря является важной составляющей исследования системного устройства лексики языка. А фразеологическая активность, под которой понимается участие лексемы в создании фразеологических сочетаний, может рассматриваться как составная часть этих системных отношений.

Целью нашего исследования является анализ фразеологически активной лексики восточнославянских языков. Для ее выявления использовался метод параметрического анализа словаря. Его суть заключается в своеобразном «взвешивании» единиц словаря и определении более весомых (ядерных) и менее весомых (периферийных) элементов. Определить вес помогает формула ранжирования:

$$Pr_i = \frac{\sum r - R_{1-i}}{\sum r},$$

где $\sum r$ – сумма единиц всех рангов;

R_{1-i} – сумма единиц от первого до данного;

Pr_i – вес i -го ранга [1].

Объектом анализа послужили фразеологические словари восточнославянских языков: русского, украинского, белорусского: Фразеологический словарь современного русского литературного языка [Электронный ресурс] / под общ. ред. А. Н. Тихонова [2]; «Фразеологічний словник української мови» в двух книгах, созданный коллективом под рук. Л. А. Юрчук [3]; Лепешаў І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008 [4].

Квалитативные характеристики указанных словарей показывают следующую картину (таблица 1).

Таблица 1 – Распределение русской лексики по количеству фразеологизмов (данные приводятся по [5])

ФС	Слов	Накопл.	С-Вес	ФС	Слов	Накопл.	С-Вес
168	1	1	1,0000	37	3	68	0,9982
138	1	2	0,9999	36	9	77	0,9979
128	1	3	0,9999	35	3	80	0,9979
127	1	4	0,9999	34	3	83	0,9978
126	1	5	0,9999	33	3	86	0,9977
115	1	6	0,9998	32	7	93	0,9975
109	1	7	0,9998	31	5	98	0,9974
98	1	8	0,9998	30	5	103	0,9972
95	1	9	0,9998	29	2	105	0,9972
80	1	10	0,9997	28	5	110	0,9971
79	1	11	0,9997	27	8	118	0,9968
77	1	12	0,9997	26	8	126	0,9966
73	1	13	0,9997	25	6	132	0,9965
72	1	14	0,9996	24	7	139	0,9963
71	2	16	0,9996	23	12	151	0,9960
68	1	17	0,9995	22	8	159	0,9957
65	1	18	0,9995	21	17	176	0,9953
62	2	20	0,9995	20	14	190	0,9949
61	3	23	0,9994	19	13	203	0,9946
60	1	24	0,9994	18	19	222	0,9941
58	1	26	0,9993	17	23	245	0,9934
57	1	27	0,9993	16	22	267	0,9928
55	2	29	0,9992	15	35	302	0,9919
54	1	30	0,9992	14	33	335	0,9910
53	2	32	0,9991	13	47	382	0,9898
52	1	33	0,9991	12	58	440	0,9882
51	2	35	0,9991	11	67	507	0,9864
50	5	40	0,9989	10	98	605	0,9838
49	2	42	0,9989	9	109	714	0,9809
48	2	44	0,9988	8	159	873	0,9766
47	5	49	0,9987	7	195	1 068	0,9714
45	1	50	0,9987	6	265	1 333	0,9643
44	1	51	0,9986	5	396	1 729	0,9537
43	2	53	0,9986	4	686	2 415	0,9353
41	4	57	0,9985	3	1 232	3 647	0,9023
40	4	61	0,9984	2	2 452	6 099	0,8366
39	1	62	0,9983	1	6 095	12 194	0,6733
38	3	65	0,9983				

Как видим, самое большое количество фразеологизмов имеют следующие лексемы: *глаз* (168 ФС), *голова* (138 ФС), *давать* (128 ФС), *душа* (127 ФС), *дело* (126 ФС), *взять* (115 ФС), *рука* (109 ФС), *брать* (98 ФС), *ходить* (95 ФС), *выйти* (80 ФС), *язык* (79 ФС), *белый* (77 ФС), *выходить* (73 ФС), *чёрт* (72 ФС), *нога* (71 ФС), *чёрный* (68 ФС), *вода* (65 ФС), *дух* (62 ФС), *слово* (62 ФС), *быть* (61 ФС), *держать* (61 ФС), *место* (60 ФС), *сердце* (58 ФС), *тяжелый* (57 ФС), *хвост* (55 ФС), *ум* (54 ФС), *знать*¹ (53 ФС), *ход* (53 ФС), *бросать* (52 ФС), *жизнь* (51 ФС), *поставить* (51 ФС), *бог* (50 ФС), *войти* (50 ФС), *время* (50 ФС), *сила* (50 ФС), *честь* (50 ФС), *ставить* (49 ФС), *хватательный* (49 ФС), *входить* (48 ФС), *чистый* (48 ФС), *большой* (47 ФС), *идти* (47 ФС), *стать*¹ (47 ФС), *ухо* (47 ФС), *делать* (45 ФС), *смотреть* (44 ФС), *бить* (43 ФС), *вставать* (43 ФС), *дорога* (41 ФС), *красный* (41 ФС), *поднимать* (41 ФС), *шаг* (41 ФС), *нос* (40 ФС), *пойти* (40 ФС), *пускать* (40 ФС), *стоять* (40 ФС), *легкий* (39 ФС), *показывать* (38 ФС), *принимать* (38 ФС), *глядеть* (37 ФС), *память* (37 ФС), *тянуть* (37 ФС), *живой* (36 ФС), *падать* (36 ФС), *прямой* (36 ФС), *свет* (36 ФС), *сделать* (36 ФС), *сидеть* (36 ФС), *случай* (36 ФС), *счет* (36 ФС), *упасть* (36 ФС), *конец* (35 ФС), *угол* (35 ФС), *голос* (34 ФС), *кровь* (34 ФС), *час* (34 ФС), *земля* (33 ФС), *снимать* (33 ФС), *день* (32 ФС), *класть* (32 ФС), *лицо* (32 ФС), *мертвый* (32 ФС), *полный* (32 ФС), *уйти* (32 ФС), *говорить* (31 ФС), *отдавать* (31 ФС), *путь* (31 ФС), *совесть* (31 ФС), *становиться* (31 ФС), *век* (30 ФС), *взгляд* (30 ФС), *форма* (30 ФС), *хлеб* (30 ФС).

Квантитативные данные украинской фразеологии приводятся в таблице 2.

Таблица 2 – Распределение украинской лексики по количеству фразеологизмов

ФС	Слов	Накопл.	С-вес	ФС	Слов	Накопл.	С-вес
122	1	1	0,99995	25	3	43	0,99803
99	1	2	0,99991	24	3	46	0,99790
96	1	3	0,99986	23	1	47	0,99785
94	1	4	0,99982	22	3	50	0,99771
88	1	5	0,99977	21	2	52	0,99762
83	1	6	0,99973	20	5	57	0,99739
82	1	7	0,99968	19	7	64	0,99707
68	1	8	0,99963	18	6	70	0,99680
67	1	9	0,99959	17	8	78	0,99643
66	1	10	0,99954	16	7	85	0,99611
51	2	12	0,99945	15	10	95	0,99565
45	2	14	0,99936	14	9	104	0,99524
42	2	16	0,99927	13	7	111	0,99492
41	2	18	0,99918	12	15	126	0,99424
39	2	20	0,99909	11	19	145	0,99337
37	3	23	0,99895	10	12	157	0,99282
36	2	25	0,99886	9	33	190	0,99131
35	1	26	0,99881	8	33	223	0,98980
33	1	27	0,99876	7	45	268	0,98774
31	1	28	0,99872	6	63	331	0,98486
30	2	30	0,99863	5	98	429	0,98038
29	4	34	0,99844	4	135	564	0,97420
28	3	37	0,99831	3	263	827	0,96217
27	1	38	0,99826	2	568	1395	0,93619
26	2	40	0,99817	1	1 956	3 351	0,84671

Сто двадцать два фразеологизма отмечено у существительного *око* 'глаз'. На втором месте существительное – *рука* 'рука' (входит в 98 фразеосочетаний). Третье место занимает глагол *давати* 'давать' (96 фразеологизмов). Назовем идущие далее лексемы в порядке убывания количества фразеосочетаний: *мати* 'иметь, отличаться, обладать, содержать' (94 ФС); *душа* 'душа' (88 ФС); *серце* 'сердце' (83 ФС); *брати* 'брат' (82 ФС); *бог* 'бог' (68 ФС); *іти* 'идти, исходить, выходить' (66 ФС); *голова* 'голова' (51 ФС); *чорт* 'черт' (51 ФС); *дати* 'дать' (45 ФС); *пускати* 'пускать, отпускать, ронять, направлять' (45 ФС); *діло* 'дело' (42 ФС); *кидати* 'бросать, кидать, швырять, пускать' (42 ФС); *бувати* 'быть' (41 ФС); *дивитися* 'глядеть, смотреть, выглядывать' (41 ФС); *тримати* 'держат, содержать' (39 ФС); *ходити* 'ходить' (39 ФС); *бити* 'бить' (37 ФС); *світ* 'свет' (37 ФС); *слово* 'слово' (37 ФС); *держати* 'держат, содержать, соблюдать' (36 ФС); *раз* 'раз' (36 ФС); *стояти* 'стоять, находиться' (35 ФС); *собака* 'собака, пес' (33 ФС); *нога* 'нога' (31 ФС); *біс* 'бес, чёрт' (30 ФС); *лягати* 'ложиться, укладываться' (30 ФС).

В таблице 3 приводятся данные по белорусскому фразеологическому словарю, указанному выше.

Таблица 3 – Распределение белорусской лексики по количеству фразеологизмов

ФС	Слов	Накопл.	С-вес	ФС	Слов	Накопл.	С-вес
1	2	3	4	5	6	7	8
226	1	1	0,99973	35	1	45	0,98798
210	1	2	0,99947	34	4	49	0,98692
201	1	3	0,99920	33	4	53	0,98585
161	1	4	0,99893	32	3	56	0,98505
146	1	5	0,99866	31	2	58	0,98451
145	1	6	0,99840	30	1	59	0,98425
128	1	7	0,99813	29	3	62	0,98344
123	1	8	0,99786	28	3	65	0,98264
109	1	9	0,99760	27	5	70	0,98131
104	1	10	0,99733	26	2	72	0,98077
101	1	11	0,99706	25	4	76	0,97971
98	1	12	0,99680	24	4	80	0,97864
93	1	13	0,99653	23	1	81	0,97837
91	1	14	0,99626	22	6	87	0,97677
88	1	15	0,99599	21	5	92	0,97543
83	2	17	0,99546	20	10	102	0,97276
79	1	18	0,99519	19	9	111	0,97036
78	1	19	0,99493	18	11	122	0,96742
74	2	21	0,99439	17	12	134	0,96422
69	1	22	0,99413	16	15	149	0,96021
57	1	23	0,99386	15	9	158	0,95781
54	1	24	0,99359	14	15	173	0,95381
53	1	25	0,99332	13	19	192	0,94873
48	2	27	0,99279	12	24	216	0,94232
47	2	29	0,99226	11	30	246	0,93431
46	2	31	0,99172	10	37	283	0,92443
45	1	32	0,99146	9	45	328	0,91242
43	2	34	0,99092	8	37	365	0,90254
42	2	36	0,99039	7	75	440	0,88251

Окончание таблицы 3

1	2	3	4	5	6	7	8
40	1	37	0,99012	6	104	544	0,85474
39	1	38	0,98985	5	128	672	0,82056
38	3	41	0,98905	4	215	887	0,76315
37	1	42	0,98879	3	306	1 193	0,68144
36	2	44	0,98825	2	700	1 893	0,49453
				1	1 852	3745	0,37542

Примеры синтагматически нагруженных лексем: *вока* ‘глаз’ (226 ФС), *рука* ‘рука’ (210 ФС), *галава* ‘голова’ (201 ФС), *даваць* ‘давать’ (161 ФС), *адзін* ‘один’ (146 ФС), *свой* ‘свой’ (145 ФС), *душа* ‘душа’ (128 ФС), *нага* ‘нога’ (123 ФС), *бог* ‘бог’ (109 ФС), *язык* ‘язык’ (104 ФС), *свет* ‘свет’ (98 ФС), *сэрца* ‘сердце’ (93 ФС), *чорт* ‘черт’ (91 ФС), *браць* ‘брат’ (88 ФС), *нос* ‘нос’ (79 ФС), *вуха* ‘ухо’ (78 ФС), *узяць* ‘взять’ (74 ФС), *слова* ‘слово’ (69 ФС), *зуб* ‘зуб’ (57 ФС), *вада* ‘вода’ (54 ФС), *плячо* ‘плечо’ (53 ФС), *бок* ‘бок’ (48 ФС), *месца* ‘место’ (48 ФС), *пайсці* ‘пойти’ (47 ФС), *зямля* ‘земля’ (46 ФС), *кроў* ‘кровь’ (46 ФС), *ведаць* ‘знать’ (45 ФС), *канец* ‘конец’ (43 ФС), *паказаць* ‘показать’ (43 ФС), *быць* ‘быть’ (42 ФС), *дарога* ‘дорога’ (42 ФС), *дух* ‘дух’ (40 ФС). Заметим, что особенностью этого словаря фразеологизмов является распределение фразеосочетаний по словоформам. Например, 226 фразеологизмов лексемы *вока* (‘глаз, орган зрения’) складываются из примеров фразеологизмов, включающих формы *вока*, *вокам*, *вокі*, *вочы*, *вачам*, *вачамі*, *вачэй*, *вачах*, *вачыма*.

Что показывают данные количественные характеристики? По меньшей мере, три наблюдаемых факта.

Наблюдение 1. Количество фразеологизмов и количество лексем, вступающих во фразеосочетания, находятся в обратно пропорциональной зависимости. Чем больше фразеологизмов (столбец 1 таблиц 1–3), тем меньше лексем с этим количеством фразеологизмов (столбец 2 таблиц 1–3).

Наблюдение 2. С 13–14 ранга начинается поступательное увеличение количества фразеологически активных лексем во всех трех языках.

Наблюдение 3. Восточнославянские языки в качестве фразеологически активных доминант имеют соматизмы.

Проанализировав первые сто фразеологически нагруженных лексем в восточнославянских языках, можно определить общие для всех трех восточнославянских языков фразеологически активные семемы, обозначающие:

- соматизмы (‘глаз’, ‘голова’, ‘рука’, ‘нога’, ‘нос’, ‘ухо’, ‘зуб’, ‘язык’, ‘сердце’, ‘кровь’);
- временные отрезки (‘день’, ‘час’, ‘конец’);
- первостихии (‘вода’, ‘земля’);
- ментефакты (‘дух’, ‘душа’, ‘сила’);
- натурфакты (‘свет’, ‘собака’, ‘камень’);
- сверхъестественное (‘бог’, ‘черт’);
- вербальное (‘слово’, ‘говорить’, ‘сказать’);
- движение и перемещение (‘ходить’, ‘идти’, ‘наступать’, ‘дорога’);
- воздействие на объект (‘бить’, ‘пускать’, ‘показывать’, ‘нести’);
- приобщение и обладание (‘брат’, ‘иметь’, ‘давать’);
- действия, производимые рукой (‘держат’, ‘взять’);
- бытие (‘быть’, ‘стать’, ‘лежать’);
- когнитивные действия (‘знать’);
- зрительное восприятие (‘смотреть’).

Общих для трех языков признаков в этой фразеологически активной сотне слов не обнаружено, лишь обозначение черного цвета встречается в этом множестве у русского и белорусского языков.

Таким образом, наибольший синтагматический вес имеет слово со значением ‘рука’. Это основной инструмент моторных практик человека с целью познания и преобразования окружающей действительности. Рука является основным орудием повседневных действий. Кстати, среди синтагматически активных слов представлены и глаголы, обозначающие действия, выполняемые руками (*брать, держать, дать*). Другим значимым для носителей славянских языков соматизмом является *голова*. Глаз и нос обозначают важнейшие органы восприятия (зрительного и обонятельного) окружающей действительности, обеспечивающие функционирование животных и человека. «Зрительное восприятие лежит в основе древнейших представлений славян об устройстве мира (народная космология и мифология) и о человеке (народная антропология и аксиология), сохраняющих свою актуальность на протяжении веков и запечатленных в языке, фольклоре, верованиях (деление мира на «видимый» и «невидимый», вера в силу взгляда и пр.)» [6, с. 7]. В народной антропологии глаза связываются с душой, со светом, причем они не только воспринимают свет извне, но и сами могут его излучать.

Не менее важной для носителей славянских языков является идея времени. Действительно, осознание ритма жизни, хронологии событий и действий является неизменным и необходимым условием восприятия окружающей действительности. Очевидно, что время тесно связано с идеей движения, представленной синтагматически активными словами со значением ‘идти’, ‘вести’.

«Славянские языки, – как отмечают В. М. Мокиенко и О. В. Ломакина, – в разной степени, но весьма последовательно отражают симбиоз язычества и христианства, следы которого отражены в их фразеологии и паремиологии» [7, с. 55]. Это подтверждают и обследованные нами словари-источники, в которых выделяются в качестве фразеологически активных семемы ‘бог’ и ‘черт’.

Обратим внимание, что среди фразеологически активной лексики преобладают имена существительные. Действительно, фразеологичность имен и фразеологичность глаголов имеют разную природу. Фразеологичность глаголов – не лексична, а грамматична по своей природе, так как, с одной стороны, глаголы являются классификаторами имен, с другой стороны, глаголам свойственно превращаться в связку, и тогда богатство лексической сочетаемости глагола превращается в меру его грамматикализованности, что подтверждают глаголы обладания и бытия.

Список использованных источников

1. Титов, В. Т. Общая количественная лексикология романских языков / В. Т. Титов. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2002. – 240 с.
2. Фразеологический словарь современного русского литературного языка : 12 200 словарных статей / под общ. ред. А. Н. Тихонова. – М. : АДДК, 2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : 18.09.2024. – Дата доступа : 09.09.2024.
3. Фразеологічний словник української мови в двох томах / В. М. Білоноженко та інш. – К. : Наукова думка, 1993. – 984 с.
4. Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008.
5. Суворова, Ю. А. Синтагматическая стратификация русской лексики / Ю. А. Суворова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – № 2. – С. 132–138.
6. Ясинская, М. В. Представления о глазах и зрении в языке и традиционной культуре славян : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. В. Ясинская. – М., 2016. – 24 с.
7. Ломакина, О. В. Концептуальная дихотомия «БОГ» – «ДЬЯВОЛ» в русинской фразеологии и паремиологии (на славянском фоне) / О. В. Ломакина, В. М. Мокиенко // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 447. – С. 55–62. DOI: 10.17223/15617793/447/7.

Abstract. The article studies the phraseological dictionaries of three East Slavic languages. The statistical characteristics of the dictionaries are determined. And also phraseologically active lexemes (dominants, vice-dominants and the first 100 words of the highest ranks) and meanings that unite these closely related Slavic languages are identified.

Keywords: phraseology, phraseological dictionary, East Slavic languages.

Меркулова Инна Александровна – доктор филологических наук, доцент; Воронежский государственный университет (igell@yandex.ru).

УДК 003.292.5:398.92(=161.1)

О. А. Мещерякова

ЦВЕТОВОЕ СЛОВО В РУССКОЙ ПОСЛОВИЦЕ И ПОГОВОРКЕ

Аннотация. Отражая особенности колоративного фрагмента фольклорной картины мира, слова с прямым значением цвета используются в русских пословицах и поговорках достаточно широко. Некоторые цветолексеммы выходят за рамки сенсорной семантики и выступают цветовым кодом. С их помощью воссоздается еще и аксиологический фрагмент фольклорной картины мира.

Ключевые слова: цветное слово, русская пословица и поговорка, цветовой код, фольклорная картина мира.

Пословица и поговорка выступают уникальным жанром, в котором, несмотря на малый объем текста, реализуется огромная смысловая потенция. Рожденная многовековым опытом, мудрость народа отражается в слове, имеющем богатое содержание. Оно репрезентируется разными языковыми способами.

Так, еще В. И. Даль отмечал, что «во внутренней одежде в пословицах наших можно найти образцы всех прикрас риторики, все способы окольного выражения» [1, с. 19], выделяя метафору, олицетворение, гиперболу и др. На это обращают внимание и современные исследователи [2].

Однако в передаче народных знаний важны не только тропы и фигуры.

Большую роль в подобном процессе играют и цветные компоненты паремий – лексеммы, имеющие в семантеме сему ‘цветовая окраска’.

Как физическая величина, цвет является доступной для человека характеристикой предметов, а потому в языке представлен весьма широко и реализуется по-разному.

Об этом свидетельствуют и разделы лингвистики. С точки зрения морфемики, цвет именуется простыми и сложными словами: *красный, темно-красный, красно-оранжевый*. Лексика отражает использование прямого и переносного значения слов для именованья цвета: *желтый, золотой*. Морфология свидетельствует о разнообразной частеречной представленности цвета в языке: *белый, белеть, белизна, белым-бело*. Синтаксис указывает на возможность употребления словесной формулы *цвета X*, где *X* – именованье предмета, выступающего эталоном цветной окраски. В сфере синтаксической синтагматики констатируются разные сочетаемостные возможности цветных лексем: чаще всего цветообозначению свойственна широкая сочетаемость (*черные глаза, платки*), но в некоторых случаях цветолексема характеризуется ограниченностью связей (*карие глаза*).

В русских пословицах и поговорках для именованья цвета, как правило, используются простые лексеммы в прямом значении: *Бурлак, что сирота: когда белая рубашка, тогда и праздник; Ночь-то темна, лошадь-то черна: еду, еду, да пощупаю, тут ли она?; Осенью работник краснеет, а хозяин бледнеет*. При этом цветовой ряд включает обозначение как ахроматических, так и хроматических оттенков. *Черный глаз, карий глаз – минуй нас!*

Для паремиологического фрагмента фольклорного дискурса характерно употребление цветного слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами, что соответствует

народно-поэтическому стилю, общему для многих фольклорных жанров: *С белянкой котомкой – Христос по пути; Личико белянко, да ума маленько*. Особо выделяются поговорочные формулы, построенные на однокоренных словах: *Красным-краснешенек, желтым-желтехонек*. Подобные выражения поэтизируют цвет и одновременно фиксируют признак его интенсивности в семантике.

С точки зрения частей речи, пословица чаще всего обращается к прилагательному: *Белые ручки чужие труды любят*.

Возможно использование краткого прилагательного (*Бела, румяна – ровно кровь с молоком*), субстантивированного прилагательного (*Рыжему во святых не бывать*), форм сравнительной степени (*Зеленей горькой полыни; Утро вечера мудренее – трава соломы зеленее*). Грамматические формы обусловлены общей семантикой паремии, например, субстантивация связана с обобщением всех предметов, имеющих один и тот же цвет: *Из чёрного не сделаешь белого*.

Некоторые формы цветových прилагательных в пословицах имеют семантическую специфику. Так, сравнительная степень необходима для утверждения высшей степени проявления цветового свойства. С ее помощью доказывается, что есть эталон цвета, а есть нечто, превосходящее этот эталон по интенсивности цвета: *Белей белья стал; Желтей желта золота; Краше цвету алого, белее снегу белого*.

Конечно, среди цветолексем, используемых в паремиях, встречаются и глаголы, и имена существительные, и наречия. Приведем примеры частей речи, образованных от прилагательного *белый*: *Не обычай дегтем щи белить, на то сметана; Было шильце, было мыльце и белое белильце, а хватъ-похватъ – нет ничего!; Пошел черных кобелей набело перемывать*. Заметим, что из всех названных частей речи «цветовые» существительные наименее востребованы, так как эта часть речи «переводит» признак из конкретного в абстрактный, поэтому мы не обнаружили существительных от базовых именовании цвета (*белый – белизна; черный – чернота; синий – синева* и т. д.). Однако паремия активно использует цветовые существительные, образованные от прилагательного, именующего масть коня. Предполагаем, что такое словообразование в пословице активно используется под воздействием других жанров фольклора, особенно под влиянием сказки. Сравним присказку *Сивка-бурка, веший каурка, стань передо мной, как лист перед травой!* и пословицы: *Савраска да каурка – на два века; Хорошо на бурку валить – бурка все сvezет*. Это свидетельствует о межжанровом взаимодействии в сфере цветолексем. Подобную близость В. И. Даль считал вполне закономерной, выделяя в сборнике пословиц и поговорок раздел «Присказки», где были собраны формулы, пришедшие из сказки и ставшие в один ряд с пословицами и поговорками.

В целях не только семантической, но и ритмической организации в пословице возможно сочетание разных частей речи, которые хорошо рифмуются из-за близкой двукомпонентной структуры, например краткого прилагательного (корень + окончание) и наречия (корень + суффикс): *Мыло серо, да моет бело*.

В синтаксическом плане в пословицах и поговорках примечательно активное использование слов с узкой сочетаемостью, как правило, для именовании людей с определенным цветом волос (*рыжий, седой*), глаз (*карий*): *Дедушка сед, а смерти на него нет; Молодой зелен, старый сед, а середовой в масть; Избави нас, боже, от лыса, коса, рыжа и кривоноса!* Еще более активно используются такие цветолексемы с узкой сочетаемостью, которые служат для именовании масти животных: *Дело толковано, что сивая подкована; надобно толковать, как бы карую подковать; Вороной да серый мужику не ко двору; Врет, как сивый мерин; Прет, как сивый мерин; Конь гned, да шерсти на нем нет: передом сечет, зад волочет; Бурого коня за рекой примечают*. На наш взгляд, широкое использование подобных лексем в паремиях определило выделение В. И. Далем в его словаре особого раздела, названного «Цвет и масть».

Цвет в пословичном фонде представлен также лексемами, включенными в сравнительные обороты. Благодаря сравнению, цвет обретает конкретизацию посредством

задаваемого эталона цвета: *Красен, как свекла, как кровь, как клюква, как маков цвет*. Сравнительные обороты употребляются для уточнения основных цветов: *Зелен, как трава; Желт, как инбирь*. Кроме того, поговорочная формула-сравнение употребляется, когда речь идет о необычном цвете волос человека, в то время как привычный для этноса цвет волос сравнения не требует. Например: *Рыжий, как огонь*, но сравнения для русых или черных волос мы не находим: *Руса коса до шелкова пояса; Русы волосы сто рублей, буйна голова – тысяча, а всему молодцу и цены нет; Сивая лошадь черноволосому покупателю не ко двору*. Сравнения необходимы также для пояснения характера изменений, произошедших с кожей человека и его волосами: *Бледен, как смерть. Рожжа красная, хоть онучи суши; Рожжа — клюковка, глаза – луковки*. Сравнительный оборот описывает не только цветовой признак, но и цветовой процесс: *Покраснел, как рак; Побледнел, ровно скатерть*.

Примечательно, что в пословичном фонде у цвета, представленного через сравнение, есть свой гендерный аспект. Словарь фиксирует некоторые цветолексемы в форме женского рода, что указывает на их востребованность при характеристике лица исключительно женского пола. Так, красный цвет на лице девушки сравнивается с маковым цветом. *Красна, как маков цвет*. Особым сравнением передается белизна кожи: *Бела, как колтица, как лебедь*.

С точки зрения семантики, цветолексемы реализуют цветовой значение, принятое в языковом коллективе. Они обозначают колоративные свойства самых разных предметов. В первую очередь это человек – его кожный покров, цвет глаз и волосы: *Сама собой миленька, личиком беленька; Черный глаз, поцелуй хоть раз; тебя, свет мой, не убудет, а мне радости прибудет!; Глаз черный, взгляд бойкий, обычай волчий; Детинка с сединкой везде пригодится*. Из мира артефактов цветолексемой характеризуется цвет одежды: *Черные ризы не спасут, а белые не погубят*. Мир русского крестьянина не мыслится без мира растений и животных – домашних и диких, поэтому именование по цвету часто относится к этой сфере природы: *Черного кобеля не вымоешь (не домоешься) добела; Диковинная птица — черный лебедь*. Встречаются также пословицы и поговорки с описанием явлений природы: *Как ржса на болоте белый снег поедала, так кручинушка добра молодца сокрушала*. Паремия с цветолексемой может быть связана с некоторыми социальными явлениями. *Посадить в желтый дом* – здесь цветовой образ изначально связан с цветом корпуса Обуховской больницы для душевнобольных в Петербурге, цветообозначение же стало эвфемизмом, так как цветовой компонент нейтрален по смыслу и эмоциональной «нагрузке». В цветовом образе находит отражение и солдатчина: *Бессрочную амуничку побелить (солд., т. е. сходить в баню)*. Кроме этого, единичны случаи включения цветолексем для обозначения этно-мифических представлений русского человека: *Чудь белоглазая*. Так автор «Повести временных лет» называл людей, которые платили дань варягам. В более поздних документах это название относилось к северным народам, которые жили западнее от Чудско-Псковского озера, недалеко от современного эстонского города Тарту [3].

Таким образом, цветообозначения как компоненты паремий характеризуют воспринимаемые зрением свойства человека, артефактов и природы. Актуализируя в пословицах и поговорках прямое значение, колоративные лексемы создают конкретный цветовой образ предмета, изображают процесс развития признака, а в целом воспроизводят знания народа о цветовых свойствах предметов и явлений внешнего мира, которые являются частью признаковой модели фольклорной картины. Как и в целом фольклорная картина, она является производной от национальной языковой картины мира, ее «дискурсивным» продуктом.

Однако следует отметить, что предназначение цветового слова в пословице и поговорке не ограничивается задачей воспроизведения исключительно внешнего – цветового – признака. Ведь смысл любой языковой единицы в тексте зависит не только от семантического окружения, но и от жанра [4, с. 6]. А жанр пословицы формируется в первую очередь с целью выражения ценностных представлений народа, и компоненты паремии не могут не брать на себя подобной задачи.

В связи с этим в современной лингвистике, в первую очередь в ее лингвокультурологическом сегменте, разрабатывается проблема цветового слова как способа передачи народного опыта [5], что в свою очередь поднимает вопрос о языковых особенностях семантики цветолексема.

При этом, на наш взгляд, важно определить, почему в одних случаях цветное слово как компонент паремии остается на уровне фиксации физического цветового свойства, а в других – выходит на более высокий аксиологический уровень и «шифрует» нравственные понятия и представления.

В современных языковедческих исследованиях есть попытка дискурсивного осмысления проблемы, когда предлагается отграничение семантики слова в единичном контексте (поверхностная семантика) от семантики того же слова «при восприятии множества фольклорных контекстов в совокупности» (глубинная семантика) [6]. В целом одобряя необходимость учета контекстуальных смысловых приращений в рамках совокупности текстов, а также поддерживая значимость понятий поверхностной и глубинной структуры предложения, в том числе паремии, мы все же не видим объяснительной силы такой гипотезы при анализе цветолексем.

Сравним две паремии: *Пошел **черных** кобелей **набело** перемывать* и ***Черного** кобеля не вымоешь **добела***. Оба выражения содержат две цветолексем. Они употреблены в прямом (неметафорическом) значении и по цветовому содержанию воспринимаются как противоположные: *черный* – *белый*. В целом это дает основание говорить о формальной близости поговорки и пословицы. Однако говорить о содержательном сближении нельзя.

В первом случае лексем *черный*, *набело* остаются в рамках цветовой сферы, но актуализируют дополнительное знание о физической природе цвета – знание о невозможности изменить окрас шерсти домашнего животного ни при каком усердии со стороны человека. Поэтому, именуя такое действие, паремия осуждает тех, кто проводит время за бесполезным занятием.

В другом случае *черный*, *добела* выходят из физической сферы цвета и входят в область нравственных категорий добра и зла, в силу чего лексема с корнем *черн-* приобретает со-значение ‘плохой, несущий зло’, а *добела* – актуализирует то, что связано с *белым* – ‘хороший, чистый по своим помыслам, несущий добро’. Смысл пословицы концентрируется именно в этих цветолексемах. Не случайно есть вариант: *Черного кота (кобеля) не вымоешь добела*, потому что не столько важен носитель цвета: кот или кобель, сколько сам цвет. Не случайно также и то, что в одном из разделов словаря названная паремия следует после пословицы «без героев»: *Из черного не сделаешь белого*, так как по подтексту они тождественны и утверждают, что невозможно плохое сделать хорошим.

На наш взгляд, вопрос о том, почему столь различны смыслы слов в близких по структуре паремиях, лучше всего объяснить, обратившись к понятию «кода культуры». Слово выполняет такую функцию, если входит не только в первичную, но и во вторичную семиотическую систему [7].

Однако особенность цветного слова в том, что формируемая цветом вторичная система имеет множество подсистем, каждая из которых формируется своей экстралингвистической областью. В силу этого слово, номинирующее один оттенок, кодирует разные смыслы. Сравн.: *Мыло серо, да моет бело* – *Белые ручки чужие труды любят*. Кодовая многовариативность составляет, по нашему мнению, важную перспективу исследования цветного слова.

В целом исследование цветоименования в пословице и поговорке показало, что паремиологический фонд активно обращается к цветолексемам, весьма разнообразным в словообразовательном, морфологическом и синтаксическом планах.

В условиях паремии одни цветолексем реализуют себя только как единицы первичной семиотической системы, а другие выступают еще и как единицы вторичной семиотической системы, и, являясь носителем культурного кода, они формируют не только цветовой, но и аксиологический фрагмент языковой картины мира,

Возможно, в условиях современной лингвистики исследование слова вне его «кодовой» значимости кому-то покажется неинтересным, неактуальным и т. п., но нам оно представляется перспективным уже потому, что «возвращает» цветовому значению его «живописную» самодостаточность в языковой картине мира и в ее фольклорной разновидности в том числе.

Обращение же к цветолексемам, выполняющим роль цветового кода, видим в аспекте выявления многоплановости кодируемых культурных смыслов, представленных одной и той же цветовой лексемой. Это также важно для разграничения включенности слова в разные семиотические системы, для более глубокого изучения процесса кодирования и процесса метафоризации, символизации и т. п. Всё вместе это даст толчок к развитию и лингвокультурологии, и «лингвоцветоведения».

Список использованных источников

1. Даль, В. И. Напутное / В. И. Даль // Пословицы русского народа : сборник в 2-х т. – Т. 1. – М. : Художественная литература, 1989. – С. 5–22.
2. Недельчо, Е. В. Зоонимы в русских пословицах и пословицах народов Кавказа / Е. В. Недельчо // Фразеология и паремиология в диахронии и синхронии (от архаизации к неологизации) : материалы Международной научно-практической конференции. – Кострома, 2020. – С. 116–118.
3. Культура РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.culture.ru/s/slovo-dnya/tchud/>. – Дата доступа : 16.09.2024.
4. Червинский, П. П. Семантический язык фольклорной традиции / П. П. Червинский. – Тернополь : Крок, 2011. – 228 с.
5. Перфилова, М. Н. Колоративы как способ передачи народного опыта в пословицах и поговорках / М. Н. Перфилова // Вестник НовГУ. – 2014. – № 77. – С. 89–92.
6. Ван, Хуа. Поверхностная и глубинная семантика пословицы как уровни представления кодового значения соматизмов / Хуа Ван // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : сб. материалов VI (XX) Международной конференции молодых ученых, г. Томск, 18–19 апреля 2019 г. – Вып. 20. – Томск : Изд-во STT, 2020. – С.106–108.
7. Гудков, Д. Б. Единицы кодов культуры: проблемы семантики / Д. Б. Гудков // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М. : МАКС Пресс, 2004. – Вып. 26. – С. 39–50.

Abstract. Reflecting the peculiarities of the colorative fragment of the folklore picture of the world, words with a direct meaning of color are used quite widely in Russian proverbs and sayings. Some color lexemes go beyond sensory semantics and act as a color code. With their help, an axiological fragment of the folklore picture of the world is also recreated.

Keywords: color word, Russian proverb and saying, color code, folklore picture of the world.

Мещерякова Ольга Александровна – доктор филологических наук, доцент; Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина (lameo56@yandex.ru).

УДК 811.161.1'373.2'373.612.2

В. М. Мокиенко

НОМО SANUS В ЗЕРКАЛЕ СТАРОЙ И НОВОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Аннотация. В статье предлагается анализ русской и (частично) белорусской фразеологии со значением 'здоровый человек'. Фразеологические единицы, закрепленные литературным языком, созданы в основном по образной модели «Человек – дерево», «Человек – животное».

Русские же фразеологические неологизмы лишь частично образованы по такой модели. Они отражают доминантные тенденции неологического фразеологического образования – обогащение его ресурсов за счет жаргонизмов, просторечных языковых единиц и шутливо-иронических переосмыслений.

Ключевые слова: фразеология, фразеологизм, фразеологический неологизм, концепт «Здоровье», образная модель.

Исследование выполняется за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00141 «Идеографический словарь русской фразеологической неологии: динамика языка и мышления»), реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете).

Тема, предложенная нашими гостеприимными хозяевами из Гомельского университета имени Франциска Скорины, относится – можно сказать без всякого преувеличения – к темам вечным [1; 2]. И особенно – фразеологически вечным. Ведь Человек именно во фразеологическом и паремиологическом зеркалах предстает во всей его физической и духовной полноте. Пусть даже нередко полноте субъективной, несколько искаженной и преувеличенной, но зато – насыщенной оценочностью и экспрессивностью, категориально свойственной Фразеологии [3, с. 5]. Эта категориальность вытекает из ее свойства, давно уже подмеченного одним из патриархов нашей отечественной некогда самой молодой лингвистической дисциплины Л. И. Ройзензоном, – антропоморфичности [4], т. е. сосредоточенности на характеристике Человека во всех ипостасях его жизни. Это свойство объясняет концентрируемость фразеологизмов вокруг немногих, чаще всего отрицательно окрашенных коннотативных центров – внешность человека, черты его характера, психическое и эмоциональное состояние, физическая активность. Тематическая группа «Человек» поэтому единодушно признается фразеологами центральным объектом исследования и нередко детально анализируется в разных ракурсах [5; 6; 7; 8; 9; 10; 11 и др.]. Объективность этого «признания» подтверждается тем, что к такому выводу приходят, исследуя материал самых разных славянских и неславянских языков, который становится опорой для создания идеографических классификаций и соответствующих словарей.

Над созданием одного из таких словарей – «Идеографического словаря русской фразеологической неологии: динамика языка и мышления» вот уже несколько лет работает наша словарная группа, представляющая школу лексикографии проф. Б. А. Ларина (Е. В. Генералова, Е. С. Громенко, Н. Д. Игнатьева, В. М. Мокиенко, Н. А. Росова). В отличие от словарей синонимов (в том числе и фразеологических) идеографический словарь имеет более широкий семантический диапазон, захватывая и такие языковые единицы, которые структурно и семантически не тождественны. Это порождает особые трудности при построении словарных статей. В то же время при составлении неологического словаря мы постоянно ориентируемся и на традиционную синонимическую квалификацию русских фразеологизмов. Такой подход дает возможность определить семантико-стилистические сходства и различия традиционного, «старого» фразеологического материала по сравнению с новым, зафиксированным нами с 70-х гг. прошлого века до наших дней.

В предлагаемой статье такое сопоставление делается на материале, извечно и сущностно важном для человеческого существования. Концепт «Здоровье» – необходимое условие последнего, и фразеологическое зеркало отражает его в самых разных ракурсах. Он, этот концепт, по определению В. В. Колесова, представляет целый комплекс качеств: «**крепость тела** (*здоровенный – крепок как дуб*), **сила разума** (*здравый смысл*) и **твердость духа** (*здорово!*) в их совместном противопоставлении **болезни, недугу и немощи** («без болезни и здоровью не рад»), чего и желают при **встрече** (*здорово! здравствуй!*), расставании (*будь здоров*) и чувствуя (*твое здоровье!*)». Здоровье почитается как величайшее **добро**, которое свидетельствует о **милости Бога** и позволяет человеку стремиться к **счастью** [12, т. 1, с. 325].

Фразеологическое зеркало отражает практически все характеристики концепта «Здоровье», выявленные В. В. Колесовым. Вот лишь простой перечень традиционных синонимов, вошедших в наш фразеологический словарь (словарные статьи **Здоровый** и **Здоровяк** [13, с. 168]):

Здоров-здоровёшенек. *Нар.* О здоровом человеке.

В добром здравии. *Устар.* Будучи здоровым, не болея.

Здоров как дуб (как дубок). *Нар.;* **здоров как грибок (как боровик, как боровичок).** *Нар.* Об очень здоровом и крепком человеке.

Здоров как бык. *Прост.;* **здоров как лось.** *Прост.* Об очень здоровом и сильном человеке.

Здоров как боров. *Прост. неодобр.;* **здоров как бугай.** *Прост. неодобр.* Об очень здоровом и толстом человеке.

Здоров как лошадь. *Чаще неодобр.;* **лошадиный организм у кого.** *Неодобр.* Об очень здоровом и выносливом человеке.

Здоров как grenader. *Устар.* О здоровом, рослом и сильном человеке.

Как огурчик. О бодром, свежем, хорошо выглядящем человеке.

Что ему (тебе, мне и т. д.) сделается? Что с ним может случиться, произойти? Он будет здоровым.

Пахать можно на ком. *Часто шутл.;* **воду возить можно на ком.** *Часто шутл.;* **дрова возить можно на ком.** *Нар. часто шутл.* Об очень здоровом и сильном человеке.

Человек крепкого (железного, несокрушимого, богатырского) здоровья; человек с лошадиным здоровьем. Об очень здоровом человеке.

Крепкая (здоровая) основа у кого; он хорошей (доброй) закваски. *Прост.;* **с хорошей закваской.** *Прост.* О здоровом от рождения человеке.

Разумеется, в народной речи этот фразеологический ряд еще более многочислен. А при сопоставлении с родственными языками он обнаруживает как немалое сходство, так и оригинальные различия. Так, в нашем с Т. В. Володиной «Русско-белорусском словаре сравнений» [14] представлены, например, белорусские компаративные обороты, созвучные выше приведенным русским: *красен як боровик, хадзіць як бугай, здаровы як бык, здаравенны як вадзяны вол, здаровы (здараўляка, крэпкі, моцны) як дуб, здаровыя як дуб'ё, здарова як кабыла.* В то же время славянскому уху не менее приятны и чисто белорусские сравнения, ярко характеризующие здорового человека: *красен як ардзель, здаровы як рыжык баровы, здаровы як бурлак, здаровы як віціна, крэпкі як гвозд, як грузд, як груздзік, здаровы што дрот, здаровы як Дунай, здаровы як звер, здароў як зубёр, здаровы як камёлык, здаровы як камень..., як сыравежачка, як сыравежка, здаровы як тур, здаровы як цвік.* А В. И. Коваль, как известно, давно уже с восхищением вглядывается в гендерные компаративы, не оставляющие места «уравниловке» мужского и женского здоровья: *здоровая як апечаная, маладзіца як брусніца, здаровая як ласіца, здаровая дзеўка як сыр.*

Пожалуй, ни у одного фразеолога язык не повернется сравнить какого-либо мужчину (особенно сорокапятилетнего) с брусничинкой или просто – с ягодкой, ибо здесь русский и белорусский языки стойко держатся за наши традиционные ценности.

Конечно, многие устоявшиеся в языке фразеологизмы, характеризующие здоровых людей, достойны этимологической расшифровки. Ведь даже простые и всем понятные «дендрологические» сравнения типа *здоров как дуб* уходят в глубокую древность: не случайно происхождение самого прилагательного *здоровый* и его праславянского «предка» **sdorvъ* связывается с праслав. **dervo* 'дерево' [15, т. 2, с. 255], что делает сравнение с *дубом* – лишь одним из «натуральных» отростков древесного корня, общего для всех славян.

Любопытны в этой связи и попытки некоторых современных фразеологов влить молодое вино в ветхие этимологические мехи. Вот оригинальный комментарий

Н. Ф. Алефиренко и Л. Г. Золотых [16, с. 88] к сравнению *как огурчик* – ‘здоровый, крепкий, свежий на вид’: «Как утверждают биологи, огурец, употребляемый в пищу, есть недозревшая ягода. В современной культуре огурцы, как правило, не горькие (как в дикой природе). Распространенное мнение, что огурец состоит только из одной воды, не совсем справедливо. Во-первых, воды всего 96%, а во-вторых, есть в огурце еще и витамины (в основном в кожуре), разные минеральные и бактерицидные вещества. Но всё это, так сказать, лирико-биологические отступления. Что же касается лингвистической характеристики выражения, то возникает вопрос, почему говорят «как огурчик», а не «как огурец»? Видимо, потому, что, растолстев и став полновесным, огурец теряет свой привлекательный вид. Именно свежесть зелени, запах, хруст, да и весь облик нежного стройного огурчика (не огурца!) и сделали таким популярным это сравнение».

В целом, как видим, традиционные фразеологизмы, характеризующие здорового человека, в основном построены на образах растительного (resp. древесного) и животного мира. Эти модели во многом универсальны и для других языков. Для исследователей же неологизмов возникает вопрос: а актуальны ли эти образные модели для фразеологической неологии?

Рассмотрим с этой точки зрения те новые русские фразеологизмы, которые включены нами в идеографическую рубрику «Здоровый». Естественно, что их число ограничено по сравнению с приведенными традиционными фразеологизмами о здоровом человеке. И, будучи неологизмами конца прошлого – начала нашего века, они отражают «постмодерную» стилистику этого периода в русском языке.

Вот оригинальное разговорное выражение с иронической окраской – *железный Феникс*, характеризующее выносливого, стойкого, волевого человека:

Кулов вкатал в местном изоляторе шикарный ремонт и стал народным героем-страдальцем. «Железный Феникс», как называют его в народе. Комсомольская правда, 04.04.2005 (НКРЯ).

Сравн.: *Одну букву в названии поменял – и нет ни кожаной тужурки, ни нагана, ни холодной головы с бородкой клинышком, а вместо нее чайный клуб под названием «Железный Феникс». Михаил Бару. Записки понаехавшего, 2010 (НКРЯ).*

По мнению В. В. Химики [17, т. 2 с. 389], оно является пародийным обыгрыванием прозвища Феликса Эдмундовича Дзержинского (1877–1926), известного революционера-большевика, основателя и председателя ВЧК – Всероссийской чрезвычайной комиссии. Замена этого имени на мифологическое название древнегреческой сказочной птицы, способной при приближении смерти сгорать и потом возрождаться из пепла, обусловлена лишь случайным каламбурным созвучием. Известно, что Ф. Э. Дзержинский не обладал железным здоровьем и скончался в возрасте 48 лет. *Железным* его назвали за большевистскую стойкость и негибаемость в борьбе с врагами. Но скрещение его имени с мифологемой, которая еще у древних греков стала символом вечного обновления и возрождения, привело к созданию нового фразеологизма, входящего в сферу концепта «Здоровье». При этом он – типичное порождение современного языкового «стёба», претендующего на оригинальность и остроумие.

Другой шуточный фразеологический неологизм *щёки из-за (со) спины (ушей) видать* связывает здоровье – в соответствии с народной крестьянской традицией – с упитанностью, откормленностью и щекастостью [18, с. 1012]:

Надеюсь, не надо объяснять, что на презентации сходятся не голодные. Смокинги, бабочки, щёки из-за спины видать. АиФ № 5, 1995.

– Они там оковалками мясо жрут, молодые, здоровущие, щёки со спины видать. Кухонные, прикухонные, ни стыда, ни совести, ни страху. Л. Беляева. Скандалистка.

– Во ржёт! – неприятно сказала девица с наспех покрашенными глазами. – А чё ему! – вступила в разговор женщина с торговой двуколкой-торбой. – Обут, одет, накормлен. Вона, щёки из-за ушей видать. Е. Богданов. Дауенок.

В нашем словаре этот оборот квалифицируется пометой «прост.».

Фразеологизм *на винте* – один из многочисленных сейчас жаргонизмов с одобрительной оценочностью. Он характеризует бодрого, энергичного человека, что, естественно, является признаком здоровья:

Вышла заспанная дежурная, немолодая и хмурая. Ей было под пятьдесят. Ровесница. Но женщина не играла больше в эти игры и осела, как весенний снег. А он – на винте. Того и гляди взлетит. Но и он осядет. К любому Дон Жуану приходит Командор по имени «старость». В. Токарева. Груда камней голубых.

Я не на винте: сам становлюсь бараклом. Н. Я. Эйдельман. Дневник, 1979 (НКРЯ).

Признаюсь, что, готовясь, как всегда, с особой ответственностью к фразеопаремиологическому Форуму в гостеприимном Гомеле, я подбирал материал «с прицелом» к научным интересам профессора В. И. Коваля, блестяще выступившего в этом году на нашей традиционной мартовской конференции в Санкт-Петербургском университете. И вспомнилась его убедительная расшифровка фольклорного словосочетания *напоить коня*, предложенная им некогда на Краковском международном конгрессе славистов. И в концепте «Здоровье», к моему удивлению, также нашелся такой древний славянский анимализм. Но в зоне русской фразеологической неологии он обрел совершенно иную (хотя и не лишённую гендерности) семантику. При этом его компонентный состав обогатился сочетанием анимализма с соматизмом, придав тем самым нашему просторечному фразеологизму особую экспрессию – пусть и с некоторой вульгаринкой.

Я имею в виду неожиданно выплывший на просторы современной русской речи оборот *конь с тестикулами*.

– *Да, да, русская женщина – конь с я...ми, ей все по силам!* Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого. Путешествие в седьмую сторону света. «Новый Мир», 2000 (НКРЯ).

Подумал: «Вот еще и этот конь с я...ми». Галина Щербакова. Ангел Мертвого озера. «Новый Мир», 2002 (НКРЯ).

Ты видел, как старуха через ступеньки скачет? Конь с я...ми! Болеет она, как же... Андрей Житков. Кафедра, 2000 (НКРЯ).

Что-то типа проекта украшения ленинской комнаты к всесоюзному дню колхозника. Заказчицей была баба – конь с я...ми. Она курила «Казбек» и носила двубортный синий пиджак с мужским галстуком. Борис Левин. Блуждающие огни, 1995 (НКРЯ).

Как видим, в текстах двух современных писателей и двух писательниц гендерное равенство представлено идеально. Без необходимости его реализовывать физиологически, т. е. операционным путем. В этом – еще одно свидетельство сохранения наших национальных ценностей даже в таком постмодерном языковом пространстве, как фразеологическая неологика. Количественно, конечно, неологизмы, характеризующие концепт «Здоровье», значительно уступают традиционным их синонимам. Но зато они, по выражению поэта, «как в малой капле вод» отражают активные образные модели этого традиционного концепта. Вместе с тем, в них отразились и доминантные тенденции неологического фразеобразования – обогащение его ресурсов за счет жаргонизмов, просторечных языковых единиц и шутивно-иронических переосмыслений.

Список использованных источников

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Толстая, С. М. Мир человека в зеркале языка. Очерки по славянскому языкознанию и этнолингвистике / С. М. Толстая. – М. : Индрик, 2019. – 704 с.
3. Мокиенко, В. М. Славянская фразеология / В. М. Мокиенко. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : «Высшая школа», 1989. – 287 с.
4. Ройзензон, Л. И. Русская фразеология / Л. И. Ройзензон. – Самарканд : Изд-во СамГУ, 1977. – 121 с.
5. Алёшин, А. С. Устойчивые сравнения шведского языка, характеризующие человека (лингвокультурологический аспект) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. С. Алёшин. – СПб, 2011. – 24 с.

6. Алексеенко, М. А. Человек в русской диалектной фразеологии. Словарь / М. А. Алексеенко, Т. П. Белоусова, О. И. Литвинникова. – М. : ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2004. – 238 с.
7. Багаутдинова, Г. А. Человек во фразеологии: антропоцентрический и аксиологический аспекты: дис. ... доктора филол. наук : 10.02.20 / Г. А. Багаутдинова. – Казань, 2007. – 333 с.
8. Кравцов, С. М. Картина мира в русской и французской фразеологии (на примере концепта «поведение человека») : автореф. дис. ... доктора филол. наук / С. А. Кравцов. – Ростов-на-Дону, 2008. – 35 с.
9. Сметанина, З. В. Фразеология ярославских и костромских говоров, характеризующая человека : автореф. дис. ... канд. филол. наук / З. В. Сметанина. – Кострома, 1997. – 18 с.
10. Stěpanova, Ludmila. Человек во фразеологической картине мира (в русско-чешском сопоставительном плане). Člověk ve frazeologickém obrazu světa v ruskko-českém srovnání / Ludmila Stěpanova, Alla Archanhelska, Alexandr Polischchuk, Natalia Rajnochova, Markéta Svašková. – Olomouc : univerzita Paláceho v Olomouci. Filosofická fakulta, 2016. – 171 s.
11. Яранцев, Р. И. Справочник по русской фразеологии для иностранцев (свойства и качества характера человека) / Р. И. Яранцев. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1978. – 64 с.
12. Колесов В. В. Словарь русской ментальности : в 2 т. / В. В. Колесов, Д. В. Колесова, А. А. Харитонов. – Т. 1: А–О. – СПб. : Златоуст, 2014. – 592 с.; Т. 2: П–Я. – СПб. : Златоуст. – 592 с.
13. Бирих, А. К. Словарь фразеологических синонимов русского языка / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – 5-е изд., стереотип. – М. : «Аст-Пресс», 2023. – 448 с.
14. Володина, Т. В. Русско-белорусский словарь сравнений / Т. В. Володина, В. М. Мокиенко. – Минск : Беларуская наука, 2018. – 811 с.
15. Етимологічний словник української мови : у 7 т. / гол. ред О. С. Мельничук. – Київ : Наукова думка. – Т.1: А–Г. – 1982. – 631 с.
16. Алефиренко, Н. Ф. Проблема фразеологического значения и смысла (в аспекте межуровневого взаимодействия языковых единиц) / Н. Ф. Алиференко, Л. Г. Золотых. – изд. 2-е. – Астрахань : АГПУ, 2004. – 223 с.
17. Химик, В. В. Большой словарь русской разговорно-обиходной речи : в 2 т. / В. В. Химик. – Т. 1. – 525 с., Т. 2. – 532 с. – СПб. : Златоуст, 2017.
18. Квеселевич, Д. И. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка. Около 16 000 слов / Д. И. Квеселевич. – М. : ООО изд-во «Астрель», ООО изд-во «АСТ», 2003. – 1021 [3] с.

Abstract. The article offers an analysis of Russian and (partially) Belarusian phraseology with the meaning 'healthy person'. Phraseological units fixed by the literary language are created mainly according to the figurative model "Man – tree", "Man – animal". Russian phraseological neologisms are only partially formed according to this model. They reflect the dominant tendencies of neological phrase formation – enrichment of its resources due to jargon, colloquial language units and humorous and ironic rethinking.

Keywords: phraseology, phraseological unit, phraseological neologism, concept "Health", figurative model.

Мокиенко Валерий Михайлович – доктор филологических наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет (mokienko40@mail.ru).

УДК 81'246.2:303.722.23:398.92(=161.1)-053.2

Т. Г. Никитина, Е. И. Роголёва

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ РЕБЕНКУ-БИЛИНГВУ

Аннотация. В статье представлена концепция словарного описания русских фразеологизмов, восходящих к конфессиональной сфере. Подчеркивается их лексикографическая неразработанность на фоне пословиц библейского происхождения, анализируются многочисленные

ошибки детей-билинггов в восприятии таких фразеологизмов. На примере учебных словарей, разработанных Псковской лексикографической лабораторией, показаны приемы введения этимологической информации, раскрывающие культурный фон фразеологизма и его конфессиональный компонент.

Ключевые слова: учебная лексикография, фразеология, культурный фон фразеологизма, фразеологический словарь, этимологизация фразеологизма.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 23-18-00252, реализуемый в СПбГУ.

Проблемы фразеологического отображения духовного кода русской культуры рассматриваются в исследованиях разного уровня, включая коллективные монографии [1; 2]. Разрабатываются концепции лексикографической репрезентации русских фразеологизмов и паремий библейского происхождения на фоне восточнославянских и других европейских языков и культур [3; 4; 5]. В формате учебной лексикографии наиболее основательно разработаны пословицы и крылатые выражения библейского происхождения [6; 7].

Что касается фразеологизмов, отражающих реалии конфессиональной сферы, прежде всего, церковные обычаи и традиции, то учебные фразеологические словари не дают на этот счет исчерпывающей историко-этимологической информации. Отсюда – многочисленные ошибки в восприятии таких фразеологизмов, в том числе включенных в учебники для начальной школы по основной программе «Школа России», реализуемой в настоящее время.

Так, псковские школьники, пытающиеся семантизировать фразеологизм *бить во все колокола*, наряду с корректными ответами дают и следующие толкования, базирующиеся на семантике одного из компонентов фразеологизма: ‘сильно бить кого-то’, ‘избивать’, ‘бить посуду’; а фразеологизм *прийти к шапчному разбору* семантизируют исходя из компонентов *шапка* и *разбор* (неверно его интерпретируя по ассоциациям): ‘прийти на разборку с кем-то’, ‘выяснить отношения’, ‘что-то с шапками’, ‘это моя шапка’, ‘разбирать какие-то завалы’, из чего следует, что младшие школьники в большей степени знакомы со сленговой лексикой (*разборка*, *завал*) и современными конфликтными ситуациями, чем с традиционной русской фразеологией, этимологически связанной с конфессиональной сферой.

Особую сложность такие фразеологизмы представляют для детей-билинггов, недавно приехавших с родителями-мигрантами в Псков и осваивающих вместе с русскоязычными одноклассниками учебную программу начальной школы. Вот как они отреагировали на просьбу объяснить значение пословицы *Со своим уставом в чужой монастырь не ходят*: ‘Мы в монастырь не ходим’; ‘Мы были на экскурсии в Печерском монастыре’; ‘Монастырь – это Мирожский, на берегу’. Отрадно, что ребята-инофоны уже познакомились с достопримечательностями Пскова, но им предстоит еще большая работа по освоению русской паремиологии.

Еще более сложная ситуация у детей наших зарубежных соотечественников, например, в Эстонии, где сокращена программа русскоязычных школ, закрываются воскресные школы и клубы русского языка и культуры. Проведенный магистрантами ПсковГУ опрос младших школьников-билинггов из г. Нарвы дал следующие результаты, например, по фразеологизму *смотреть со своей колокольни*. Корректно семантизировать его смогли 5 % из 50 респондентов. Другие школьники в своих толкованиях связали фразеологизм с церковью и ее традициями, но смогли дать лишь неверные толкования: ‘что-то про церковь’; ‘это когда в церкви’; ‘когда звонят колокола’; ‘когда звонят колокола – какой-то праздник’; ‘это колокольня и колокола’; ‘когда смотришь, как бьют колокола’. Небольшая группа респондентов, основываясь на семантике глагольного компонента,

дала однословные толкования: ‘смотреть’, ‘наблюдать’, ‘выглядывать’. Были ребята, которые к этой семантической доминанте подключили компонент *свой*: ‘смотреть со своего дома’; ‘смотреть со своего роста’. Связывались толкования фразеологизма и с высокой колокольни (в тех случаях, когда детям было известно, что это за сооружение): ‘думаю, что забраться высоко’; ‘когда высоко залез, например, на башню’; ‘смотреть вверх’; ‘смотреть с вышки’.

В такой ситуации мы рекомендуем учителям русского языка, работающим с детьми-билингвами, использовать дискурсивные словари Экспериментальной лаборатории учебной лексикографии ПсковГУ [8; 9; 10; 11], в которых, наряду с другими фразеологизмами и паремиями, разработаны и обороты, восходящие к профессиональной сфере, с реалиями которой читателей познакомят научно достоверные этимологические версии, изложенные в доступной, занимательной форме рассказов.

Используя приемы диалогизации словарного текста, авторы приглашают читателя к совместному исследованию происхождения фразеологизмов, в ходе которого ребенок и знакомится с новыми для него культурно-историческими реалиями профессиональной сферы.

Так, в словарной статье «Бить во все колокола» [8, с. 302–310] ребенок «поднимается» на колокольню, видит работу средневекового звонаря, слышит звуки колокола, оповещающего жителей деревни о пожаре (в случаях опасности и звонили во все колокола) и даже помогает звонарю, а заодно узнает о традициях колокольного звона, который раньше сопровождал все церковные праздники, собирал народ на вече, объявлял набор на военную службу, возвещал о свадьбе, о приближении врага, а в наши дни колокола приглашают верующих на богослужения и по-прежнему сопровождают праздничную службу в церкви. Художественные иллюстрации здесь, как и в других словарях псковской лаборатории, помогают освоить страноведческую информацию, в том числе профессионально маркированную.

Словарная статья «Прийти к шапочному разбору» [8, с. 432–436] также переносит читателя в прошлое и приглашает его вместе с авторами посетить церковную службу. Здесь ребенок знакомится со старинным обычаем: пришедшие в церковь мужчины оставляют свои головные уборы у входа (ребенок узнаёт, что в православной церкви мужчины не должны находиться в шапке). Наблюдая за тем, как запоздавший пастушок приходит к окончанию службы и к разбору шапок, читатель осмысляет механизм развития фразеологического значения. А в одном из заданий фразеологического словаря-практикума [9, с. 72–73] рассказывает нерадивому школьнику Опоздайке о происхождении этого фразеологизма.

В словарной статье «Смотреть со своей колокольни» читатель становится свидетелем интересного диалога: «колокольня Ивана Великого из Москвы и самая высокая в России гора Эльбрус, которая находится на Кавказе, встретились и поболтали» [10, с. 137–139]. Выясняя, кто из них главнее, гора говорит о своей высоте, а колокольня напоминает о своей значимости: она представляет собой высокую башню, которая находится на здании церкви или рядом с ним, является самым высоким строением в селе или в городе. Реплика горы помогает колокольне и читателю разобраться с происхождением фразеологизма. *Гора: Мне не хочется тебя огорчать, дорогая, но с колокольни видно не так уж далеко (поэтому, если человек судит о ком-либо или о чём-либо со своих позиций, со своей точки зрения, о нём говорят с неодобрением: он смотрит со своей колокольни)* [10, с. 139].

Таким образом, разработанная в Экспериментальной лаборатории учебной лексикографии концепция словарной репрезентации русских фразеологизмов младшему школьнику, в том числе ребенку-билингву, обеспечивает адекватное восприятие оборотов с профессиональным компонентом и создает базу для их дальнейшей активизации в речи.

Список использованных источников

1. Балакова, Д. Наследие Библии во фразеологии / Д. Балакова, В. Ковачова, В. М. Мокиенко. – Грайфсвальд : Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald, 2013. – 307 с.
2. Восточнославянские библеизмы : общее и различное : коллективная монография / отв. ред. Х. Вальтер, В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – СПб. : ЛЕМА, 2024. – 269 с.
3. Мокиенко, В. М. Человек и бог: формы взаимодействия в образах фразеологизмов / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина // *Studia Slavica Hungarica*. – 2023. – № 1. – С. 98–110.
4. Мокиенко, В. М. Библейские фразеологизмы и поговорки в современном социокультурном контексте: к концепции словарной репрезентации / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина // *Научный диалог*. – 2023. – Т. 12. – № 8. – С. 193–210.
5. Лепта библейской мудрости : русско-славянский словарь библейских выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках : в 2 т. / под ред. Е. Е. Иванова, В. М. Мокиенко, Д. Балаковой, Х. Вальтера. – Могилёв: МГУ, 2019. – Т. 1. – 334 с.; Т. 2. – 308 с.
6. Не хлебом единым... Мини-словарь библеизмов для школьников / сост. С. Г. Шулежкова и др. – Магнитогорск : МГТУ им. Г. И. Носова, 2017. – 116 с.
7. Вечные истины. Крылатые фразы, пословицы, поговорки библейского происхождения / сост. В. Г. Мельников. – М. : Сибирская Благовозвонница, 2021. – 332 с.
8. Рогалёва, Е. И. Новый фразеологический словарь для детей / Е. И. Рогалёва. – Псков : Логос, 2007. – 542 с.
9. Рогалёва, Е. И. Фразеологический практикум: 3–4 классы / Е. И. Рогалёва, Т. Г. Никитина. – М. : ВАКО, 2012. – 96 с.
10. Рогалёва, Е. И. Ума палата. Детский фразеологический словарь / Е. И. Рогалёва, Т. Г. Никитина. – М. : ИД Мещерякова, 2020. – 191 с.
11. Рогалёва, Е. И. Фразеологический словарь. Занимательные этимологические истории для детей / Е. И. Рогалёва, Т. Г. Никитина. – М. : ВАКО, 2021. – 96 с.

Abstract. The article presents the concept of a dictionary description of Russian phraseological units related to the confessional sphere. Their lexicographic incompleteness is emphasized against the background of proverbs of biblical origin, numerous mistakes of bilingual children in the perception of such phraseological units are analyzed. Using the example of educational dictionaries developed by the Pskov Lexicographic Laboratory, techniques for introducing etymological information are shown, revealing the cultural background of phraseology and its confessional component.

Keywords: educational lexicography, phraseology, cultural background of phraseology, phraseological dictionary, etymologization of phraseology.

Никитина Татьяна Геннадьевна – доктор филологических наук, профессор; Псковский государственный университет (cambala2007@yandex.ru).

Рогалёва Елена Ивановна – доктор филологических наук, доцент; Псковский государственный университет (cambala2010@list.ru).

УДК 82-84:821.161.1:81'42

Е. В. Ничипорчик

СУДЬБА КРЫЛАТОГО ВЫРАЖЕНИЯ *ПУШКИН – НАШЕ ВСЕ* В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Аннотация. Анализируется употребление редуцированного варианта крылатого выражения *Пушкин – наше все* в современных художественных и публицистических текстах. На фоне семантического размежевания редуцированного варианта и исходной прецедентной единицы отмечается регулярность оживления связи интертекстема *наше все* с именем А. С. Пушкина.

Ключевые слова: Пушкин, крылатое выражение, крылема, редуцированный вариант, интертекстема, значение.

Исследование выполнено в рамках финансируемой темы «Белорусско-русские фразеологические и паремиологические параллели в словаре и интернет-коммуникации», № государственной регистрации 20212044, дата государственной регистрации 02.06.2021.

В 225-летнюю годовщину со дня рождения А. С. Пушкина конференциальное слово филолога не может прозвучать вне связи с этой юбилейной датой. В контексте непрекращающихся литературоведческих и философских дискуссий, обусловленных, с одной стороны, мифологизацией образа Пушкина, с другой стороны, научной секуляризацией этого образа (см. об этом подробнее [1; 2; 3; 4]), кажется особенно важным не потерять «своего», «нашего» Пушкина.

Философское понимание А. С. Пушкина как «нашего» закрепилось в сознании русской общественности с легкой руки литературного критика А. А. Григорьева, который в 1859 году, вслед за Н. В. Гоголем и в унисон гоголевскому пониманию значимости великого русского поэта, сказал следующее: «А Пушкин – наше все: Пушкин – представитель всего нашего душевного, особенного, такого, что остается нашим душевным, особенным после всех столкновений с чужим, с другими мирами. Пушкин – пока единственный полный очерк нашей народной личности, самородок, принимавший в себя, при всевозможных столкновениях с другими особенностями и организмами, – все то, что принять следует, отбрасывавший все, что отбросить следует, полный и цельный, но еще не красками, а только контурами набросанный образ народной нашей сущности, – образ, который мы долго еще будем оттенять красками» [5, с. 194]. Меткое и лаконичное выражение *Пушкин – наше все* закрепилось в коллективной памяти, а с течением времени стало употребляться и в редуцированном варианте.

О семантических и функциональных характеристиках, которыми обладает крылема *Пушкин – наше все* и ее структурный трансформ *наше все*, можно узнать, обратившись к современным лексикографическим источникам. В «Большом словаре крылатых слов и выражений русского языка» семантика крылемы *Пушкин – наше все* определяется следующим образом: ‘о значении А. С. Пушкина для русской культуры, для русского народа’ [6, с. 278]. В «Большом словаре русских поговорок» редуцированный вариант крылатого выражения *наше все* фиксируется со стилистической пометой, указывающей на его жаргонный статус и студенческую (а точнее, филологическую) среду бытования [7, с. 428]. Со ссылкой на более ранний лексикографический источник [8], составители словаря отмечают, что *наше все* используется в значении ‘поэт А. С. Пушкин’ [7, с. 428]. Викисловарь указывает на наличие двух значений у выражения *наше все*: 1) ‘об А. С. Пушкине, русском поэте и прозаике’; 2) разг., часто ирон. ‘что-либо важное, значительное, существенное для говорящего’ [9].

Какими же новыми сведениями можно дополнить данные словарей, если обратиться к современным речевым практикам носителей русского языка?

Изучение ресурсов Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ [10]) показывает, что крылатое выражение *Пушкин – наше все* не утрачивает своей культурной значимости и его редуцированный вариант характеризуется в настоящее время высокой степенью востребованности.

Количество контекстов с воспроизводимой единицей *наше все* в основном корпусе НКРЯ относительно невелико – 131. В это число включаются 16 контекстов с крылемой *Пушкин – наше все*, сохраняющей свою смысловую и структурную целостность, 39 контекстов с разного рода трансформациями крылемы: с расширением состава, инверсией компонентов, их дистантным расположением, закавычиванием *наше все* в структуре крылемы, метонимическим использованием *наше все* (вместо имени поэта), употреблением *наше все* для характеристики иных значимых лиц в контексте упоминания о Пушкине и др.: *Я бросила реплику: «Пушкин – это наше все» (за сто лет она стала банальной – бедный Аполлон Григорьев!)* [3. Плавинская. Отражение (2003) // Интернет-альманах «Лебедь», 28.07.2003]; *В то время никто ничего об этом не мог*

знать и даже думать. И Пушкин, который «наше все», в том числе [Ф. Светов. Чирик-пырик // «Знамя», 2001]; Как там у **Нашего Всего**: «Есть упоение в бою, и бездны мрачной на краю, и в разъярённом океане, средь грозных волн и бурной тьмы, и в дуновении Чумы»... [А. Иванов. Кормюниты (2012)]; Иногда кажется, что для XX века именно Василий Розанов – писатель, мыслитель – стал «нашим всем», то есть занял в русской культуре примерно то же место, которое в XIX веке занимал Пушкин [А. Голубкова. Василий Розанов как первый русский блогер // «Волга», 2016]. В остальных 76 контекстах наблюдается использование выражения *наше все* без отсылки к имени Пушкина и прецедентному тексту. Функциональное предназначение выражения связывается, как правило, с предикатной – характеризующей кого-либо или что-либо – позицией. Тематика текстов, в которых фиксируется выражение *наше все* (а это в основном публицистика), пестрая, однако наибольший процент приходится на искусство и культуру, политику и общественную жизнь. Редуцированный вариант крылемы в таких текстах реализуется обычно в значении ‘яркая, ценная для культурного сообщества творческая личность’, ‘достойный / ценный представитель этнической общности/социума’, ‘что-либо важное, значительное, существенное для общества’: «Мумий Тролль» – это в некотором роде *наше все*. С них началась новая эра в истории русской музыки и в бытовании отечественного шоу-бизнеса [А. Володин. Чечевичная похлебка. «Мумий Тролль» выступит в Лужниках // «Известия», 2002.08.29]; По инерции чиновники всех рангов рассказывают, что покорение космоса – это *наше все* [Космос как идея // «Русский репортер», № 18, 2007]. Интересен случай окказионального употребления выражения *наше все* в значении ‘начальник, главный в коллективе’: Пиши сопроводилку к пробирке с околородными водами, а я пойду, предстану пред заплывшие очи *нашего всего* [Т. Соломатина. Девять месяцев, или «Комедия женских положений» (2010)].

В газетном корпусе НКРЯ отмечается 67 вхождений выражения *Пушкин – наше все* (*Пушкин – это наше все*) и более 600 случаев автономного употребления устойчивого сочетания *наше все*, в 85 контекстах из этого числа *наше все* непосредственно связывается с именем А. С. Пушкина.

Активное использование выражения *наше все* в качестве автономной воспроизводимой единицы отмечается с девяностых годов прошлого столетия. Логичным было бы связать стремительное вхождение в узус этого выражения с празднованием 200-летнего юбилея со дня рождения А.С. Пушкина и новой волной востребованности нередуцированного варианта крылемы. Однако автономное употребление выражения *наше все* (нередко далеко не в григорьевском смысле) находим в текстах НКРЯ, датированных еще 1996 годом: *Разделившееся внутри себя русское образованное общество и создавало ту трещину, куда провалилось наше все. И бесхитростная, внутренне умирная хроника графа М. В. Толстого лишней раз напоминает об этом* [Е. Иванова. Москва постгрибоедовская // Независимая газета, 02.03.1996]; *«Вот перечитал “Казачков”. Какая же глыба, какой матерый человечец». Иначе нельзя. Потому что это наше все. Потому что если не это, и не Кировский балет (рассеявшийся по миру), и не сборная по хоккею (сгинувшая в джунглях НХЛ) <...>, то страну нашу можно смело стирать с карты мира* [В. Никифорова. «Ника» не теряет надежды // Независимая газета, 24.12.1996]; *Конечно, «технарям» не обязательно быть людьми культурными – культура есть наследие «тяжелого тоталитарного» прошлого, с которым синергетика уже начала разбираться. Синергетика – это наше все* [Ю. Нечипоренко. Куда ни кинь, всюду Ян и Инь // Независимая газета, 05.03.1996].

Материалы корпуса показывают, что чем ближе была юбилейная дата, тем все чаще и чаще употребление выражения *наше все* связывалось с именем А. С. Пушкина: *Пушкин – «наше все», и фильм, как «энциклопедия русской жизни», в год, предшествующий двухсотлетию гения русской поэзии, натурально восходит к пушкинским*

поэтическим открытиям [Е. Стишова. Шахназаров и Пушкин // Независимая газета, 13.03.1998]; *Кто же имел больше прав разделить пьедестал с Василь-Иванычем и Штирлицем, как не «наше все» Пушкин, мифологизированный еще в прошлом веке?* [А. Котылев. Пушкин как Бэтмен, Гоголь как Робин // Независимая газета, 24.09.1998].

Юбилейный 1999 год в некотором роде стал «переломным» в судьбе крылатого выражения *Пушкин – наше все*: оно вновь пережило пик своей востребованности, правда, отчасти с выхолощенным исходным смыслом и новыми коннотациями. Связь с претекстом все больше и больше утрачивалась. Тенденция к утрате этой связи ярко проявилась еще в 1937 году (в 100-летний юбилей со дня смерти поэта). Тогда о Пушкине писали все газеты, цитата из сочинения А. Григорьева оказалась востребованной, однако зачастую упоминалась без указания автора. Не удивительно в связи с этим, что прозвучавшее незадолго до 200-летия со дня рождения А. С. Пушкина высказывание мэра Москвы Юрия Лужкова «*Пушкин – это наше все!*» было воспринято как исключительно лужковское высказывание, в котором увидели «некий эквивок, корявость мысли, косноязычие» [1999-й: наше все и все наше// Журнал «Коммерсантъ Деньги»17.10.2011]. «Просто мало кто помнил, что фраза “Пушкин – наше все”, – комментировал данный факт один из коммерческих журналов, – принадлежит литературному критику XIX века Аполлону Григорьеву» [Там же].

На рубеже веков редуцированный вариант крылемы о Пушкине окончательно утвердился в качестве устойчивой, воспроизводимой оценочной единицы, приложимой, по сути, к неограниченному числу референтов. *Нашим всем* стали не только новые лица: поэты, писатели, художники, политические лидеры, ученые, режиссеры, актеры, популярные исполнители песен, спортсмены, тренеры, врачи, – но и социальные институты, общественные настроения, праздники и многое другое, чему приписывалась особая национальная значимость, культурная ценность, реже, напротив, то, что так или иначе связывалось с русской нацией, российским обществом, его культурой и вызывало ироническое отношение.

Если выражение *наше все* использовалось по отношению к персоне, то семантика выражения отчасти варьировалась, обнаруживая зависимость от того, кому именно приписывается данная характеристика и какой тональностью обладает контекст в целом: ‘национальная гордость’, ‘достойно представляющая нацию творческая личность’, ‘национальная надежда’ (часто в спорте), ‘истинный общественный лидер’, ‘ярко характеризующий этническую общность ее представитель’, ‘квазивеликий представитель сообщества’ (иронично): *Уланова была, как Пушкин, «наше все»...Улановой нет* [М. Котельникова. О великой немой // Независимая газета, 26.03.1999]; *В России новый «Солярис» будут судить с особым пристрастием: Тарковский, как и Пушкин, – это наше все* [С. Тыркин. Два «Соляриса»: их Клуни против нашего Баниониса // Комсомольская правда, 06.02.2003]; *Под шквалом плохой информации (нет центровых, опыта, атаки и т. д.) у нас остаются поводы для оптимизма. Во-первых, имеется Андрей Кириленко – суперзвезда, игрок НБА, хороший парень, «наше все»* [П. Садков. Из варяг в греки? Ну, за шанс! // Комсомольская правда, 03.09.2003]; *Весь этот фронт должен заявить, что «Зюганов – это наше все», что именно он – номер один, и активно поддерживать своего лидера* [Д. Ольшанский. ВВП и все остальные // Независимая газета, 08.02.2000]; *Показывают – толстую тетку, спящую на красном диване. Да, он такой, Живописец: может женщину «боготворить», а может и «опустить» (со слов его друга Иосифа Кобзона). <...> Он – наше все. Он «подарил городу свои работы», их же передал «в дар государству», их же сделал «частью народного достояния». Неразличение и есть основа мифа* [М. Сидлин. Художник, гражданин, полубог // Независимая газета, 19.06.1999].

В некоторых контекстах выражение *наше все* используется с установкой на буквализацию значения, однако прецедентность единицы и в этих случаях может обуславливать

реализацию имплицитированных смыслов, заданных исходным текстом: *Но если мы вспомним его клоунскую маску, так ведь и она была не такой уж гиперболической: долговязая фигура, короткие брюки, пиджак не по росту и фольклорная простота во взгляде. Вот, собственно, и все. Это наше все. И это все – наше. Когда говорят о загадочной славянской душе, то имеют в виду нечто иррациональное, даже демоническое. Разумеется, в подсознании каждого народа обитают демоны – у нас их не счесть. Но ведь и мир темного народного подсознания не без светлых, счастливых людей* [Ю. Богомолов. 80 лет назад родился Главный Клоун (2001) // «Известия», 17.12.2001].

Русское выражение *наше все* удивительным образом «преодолело» национальные границы, судя по тому, что в числе персон, по отношению к которым оказалась подходящей характеристика *наше все*, оказались представители иных культур и национальностей – особо ценные для нации (ценные в каком-либо отношении) личности: *Багдад и другие города страны украсились транспарантами с портретами Саддама. Улицы и здания пестрели плакатами: «Референдум – ответ врагам Ирака и арабской нации», «Саддам Хусейн – наш отец, наш брат, наше все»* [Попугай Наср сказал Саддаму «Да, да, да» // Известия, 15.10.2002]; *И каждый барселонец может, нисколько не кривя душой, утверждать: «Гауди – это наше все»* [Е. Ларичев. Каталаниский Грибник – выразитель национальной идеи // Независимая газета, 14.12.2000].

Интересно, что личность, которой приписывается оценка *наше все*, может быть ‘дорогой’, ‘ценной’, ‘незаменимой’ для ограниченного круга людей, а также на какой-то определенный промежуток времени: *Играть будем разную музыку и в разных коллективах. Сейчас я с Валеркой. Это – наше все! И друг, и музыкант, и собеседник. Просто уже родной человек, с которым мы знакомы 18 лет, и без него моя карьера не состоялась бы* [Светлане Сургановой в Саратове подарили стильный светильник // Комсомольская правда, 28.11.2008]; *Цитата дня: журфак – это Засурский, а Засурский – это наше все. Бессменный вот уже тридцать семь лет декан себя называет романтиком в журналистике. Он учит быть честным и независимым* [«Профессиональные скептики» с Моховой // Vesti.ru, 07.06.2002]; *Владимир Родионов, владелец саратовского «Автодора», в раскованном разговоре совсем не для печати основательно просвещает меня, дилетанта: насколько же разные тренеры Сергей Белов и Станислав Еремин. На тот момент – «наше всё»* [Ю. Цыбанев. Тайна Дэвида Блатта // Советский спорт, 18.09.2007].

Нельзя обойти вниманием тот факт, что выражение *наше все* в значении ‘дорогой, ценный для кого-либо человек’ дважды использовалось Ф. М. Достоевским в романе «Преступление и наказание»: в письме матери к Родиону Раскольникову: *Ты знаешь, как я люблю тебя; ты один у нас, у меня и у Дуни, ты наше все, вся надежда, упование наше* [Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)]; а затем в размышлениях Раскольникова над этим письмом: *«Потому что это дело очевидное, – бормотал он про себя, ухмыляясь и злобно торжествуя заранее успех своего решения. <...> “Ты наше упование, ты наше все!” О мамаша!...»* [Там же]. Вряд ли это употребление подразумевает григорьевский претекст, в то же время факт остается фактом.

Курьезным является и то, что выражение *Пушкин – наше все* иногда приписывается Ф. М. Достоевскому: *Достоевский сказал: «Пушкин – наше все». И нельзя было точнее и вернее определить взаимоотношения Пушкина и России до революции* [Г. В. Иванов. Петербургские зимы [дополнение] (1949–1952)]; *Перефразируя Достоевского, можно сказать, что нефть – это наше все.* [Малоэтажные предместья // Ведомости, 2007.10.10]. Возможно, такого рода ошибка объясняется неправомерной связью фразы *Пушкин – наше все* с тем, что Ф. М. Достоевский сказал о Пушкине на открытии памятника поэту в июне 1880 года. Речь Достоевского имела огромный успех и была своеобразным ответом на беспощадную и уничтожающую критику творчества Пушкина со стороны некоторых соотечественников [2, с. 68]. Достоевский

умело подчеркнул значимость Пушкина как выразителя национального самосознания и назвал его великим народным писателем, который, обращаясь к «идеям всемирным», «самым метким, самым прозорливым образом отметил самую глубь нашей сути» [11].

Связь выражения *наше все* с А. С. Пушкиным все же достаточно глубоко укоренилась в сознании образованных носителей русского языка. Об этом красноречиво свидетельствует частотное употребление в публицистике *наше все* в идентифицирующей либо в характеризующей поэта функции. Нередко в таких контекстах Пушкин сопоставляется с иными творческими личностями, политическими лидерами и др. Сообщение с интертекстемой *наше все* может быть проникнуто искренним уважением к наследию великого поэта либо, напротив, в угоду постмодернистскому настроению, – характеризоваться иронической, ернической тональностью: *Один из самых ожидаемых показов – фильм Владимира Мирзоева «Борис Годунов». За несколько часов до показа Владимир Мирзоев, замахнувшийся не просто на наше всё, а даже на большее, удивительно спокоен* [Кинофестиваль «Окно в Европу»: об одиночестве, власти и героях // Vesti.ru, 11.08.2011]; *Если Пушкин – это «наше все» в литературе, то Чайковский – это «наше все» в музыке* [Музыкальная коллекция «Великие композиторы»: содержание дисков // Комсомольская правда, 10.04.2009]; *И если Пушкин – это наше ВСЕ, то Евтушенко – это НАШЕ все. И все недостатки Евтушенко, все его плохие строчки, неоднозначные поступки – это все наши слова, мысли и поступки. Кого ругаете, господода? Евтушенко пишет не о нас, Евтушенко пишет нас* [С. Поволяев. Моя фамилия – «Россия» // Независимая газета, 17.07.1998]; *Снова Пушкин! Все-таки он недаром «наше все». За последние двадцать лет эти слова цитировали столько, что они уже стали народной поговоркой* [Л. Кафтан. Кто придумал, что русские – лодыри и пьянчуги? // Комсомольская правда, 10.09.2010]. *Например, в вызвавшей недоумение ФСБ подборке есть такой: «Теперь уже окончательно ясно, что Пушкин – это наше все, Церетели – это наше везде, а Путин – это наше всегда»* [А. Латышев. Тест на чувство юмора // Известия, 02.11.2007].

Велико число и иного рода объектов, которые оцениваются с использованием выражения *наше все* как с актуализацией культурных коннотаций, присущих этому выражению, так и без них. В числе этих объектов и произведения искусства, и мероприятия, и информационные технологии, и полезные ископаемые, и самые обычные вещи, продукты, которые оказываются значимыми для человека: *«Умиравший лебедь» – такое же «наше все», как и «Лебединое озеро»* [Лебедь, собранный по кусочкам // Известия, 07.10.2003]; *«Сабантуй – это наше все», – отметил в своем приветствии глава Татарстана Рустам Минниханов, вложив в эти слова искреннюю любовь и почитание древних народных традиций* [Казань отмечает Сабантуй // Vesti.ru, 25.06.2011]; *И мы должны жить в ногу со временем: цифровизация наше всё.* [Петербург приступил к активной цифровизации // Парламентская газета, 2021.10.29]; *Это когда-то наше всё был Пушкин А.С. Теперь наше всё – это баррель. И он упал ниже \$ 100* [Л. Злотин. Воспоминание о секвестре // Известия, 04.06.2012]; *По поводу еды особо не заморачивались: жареная картошка – это наше все* [Варсегов-Грачева. Как мы проиграли девочек в карты // Комсомольская правда, 01.06.2013].

Выражение *наше все* в последнее время стало использоваться и для обозначения негативных поведенческих стереотипов, негативных явлений, наблюдающихся в современном обществе и характеризующих его: *Получается, коррупция – это и есть наше все?* [Г. Ильичев. Индульгенция для коррупции? // Известия, 21.06.2006]; *Надо ведь ждать. Не отчаиваться. Отчаяние – грех. Ждун – это наше всё. Не Пушкин, а именно ждун. Русский ждун – это наш великий полководец, заманивший врага в Москву и ждущий в засаде, пока тот сам себя слопаёт* [Русский ждун // Ведомости, 2017.02.08]; *И сейчас я по-прежнему уверен, что ни Аполлон Григорьев, ни Юрий Лужков не были правы: армия и дедовщина – наше все, вовсе не Пушкин* [1999-й: наше все и все наше // Коммерсант, 17.10.2011].

Совсем иными – не ироническими, а положительными – коннотациями характеризуется выражение *наше все*, когда используется в качестве названия книжных издательств, газетных рубрик о героях нации, детских познавательных сайтов, телевизионных программ. В этом случае *наше все* связывается с подлинным достоянием нации, с теми людьми, кем действительно можно гордиться. Так, на Первом канале российского телевидения в настоящее время реализуется научно-познавательный и развлекательный проект «Наше всё». Цель телепередач – рассказать о том, «почему у россиян так много причин гордиться своей страной» [12]. Акцент делается на наиболее успешных бизнес-проектах в России. Продюсер и ведущая проекта П. Воробьева говорит о своей программе следующее: «Мы хотим доказать на примерах наших героев, что успешным может стать каждый, надо только поверить в себя. Пора заглянуть внутрь себя, принять себя такими, какие мы есть, осознать свою уникальность и заговорить о нас, о нашем» [Там же].

В заключение подчеркнем, что судьба крылатого выражения *Пушкин – наше все* абсолютно благополучная, так как оно не предано забвению, а напротив, жизнь крылемы оказалась долгой и сопряженной со структурными и семантическими трансформациями, удовлетворяющими потребности дня. Анализ бытования редуцированного варианта крылатого выражения – *наше все* – свидетельствует об утрате в сознании многих носителей языка связи этой интертекстема с исходной мыслью А. Григорьева. Однако для настоящих ценителей культурного наследия А. С. Пушкина интертекстема *наше все* всегда будет ассоциироваться с художником слова, чье творчество стало истинным национальным достоянием, проявившимся в непревзойденном для минувших эпох мастерстве выбора слова и отражении в этом слове национальной самобытности. Это означает, что ключевые семантические признаки ‘гордость нации’, ‘яркая, ценная для культурного сообщества творческая личность’ в структуре значения редуцированного варианта крылемы будут сохранять свою актуальность.

Список использованных источников

1. Бочаров, С. Г. Из истории понимания Пушкина / С. Г. Бочаров // Пушкин и теоретико-литературная мысль. – М. : ИМЛИ; Наследие, 1999. – С. 144–177.
2. Гуревич, А. М. Русская критика о Пушкине: драма непонимания / А. М. Гуревич // Литературные мелочи прошлого тысячелетия : сб. науч. ст. к 80-летию Г. В. Краснова. – Коломна : Коломенский государственный педагогический университет, 2001. – С. 67–75.
3. Шеметова, Т. Г. Биографический миф о Пушкине в русской литературе советского и постсоветского периодов : автореф. дисс. ... доктора филол. наук : 10.01.01 / Т. Г. Шеметова ; Московский государственный университет. – М., 2011. – 47 с.
4. Есипов, В. М. Мифы и реалии пушкиноведения : Избранные работы / В. М. Есипов. – М.; СПб. : Нестор-История, 2018. – 432 с.
5. Григорьев, А. А. Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина // Апология почвенничества / Составление и комментарии А. В. Белова ; отв. ред. О. Платонов. – М. : Институт русской цивилизации, 2008. – С. 184–284.
6. Берков, В. П. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка : в 2 т. / В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова ; под ред. С. Г. Шулежковой. – 2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск : МаГУ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2009. – Т. 2. : Н–Я. – 737 с.
7. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок: более 40000 образных выражений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина; под общ. ред. В. М. Мокиенко. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008. – 784 с.
8. Серов, В. Крылатые слова. Энциклопедия. – М. : Ликид-Пресс, 2003. – 831 с.
9. Наше всё // Викисловарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://ru.wiktionary.org/wiki/наше_всё. – Дата доступа : 15.09.2024.
10. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorgpora.ru>. – Дата доступа : 08.09.2024.

11. Достоевский, Ф. М. Пушкин. (Очерк) произнесено 8 июня в заседании Общества любителей российской словесности / Ф. М. Достоевский // Полное собрание сочинений : в 30 т. / Ан СССР. Ин-т рус. литературы. – Л. : Наука, 1984. – Т. 26. – С. 136–149.

12. Наше всё // Научно-познавательное и развлекательное реалити-шоу [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.1tv.ru/shows/nashe-vse>. – Дата доступа : 15.09.2024.

Abstract. The author of the article analyzes the use of a reduced version of the winged expression *Pushkin – nashe vse* in modern fiction and journalistic texts. The regularity of the connection's reactivation the intertexteme *nashe vse* with the name of A. S. Pushkin is identified on the background of the tendency to semantic separation of the winged expression's reduced version and the original precedent unit.

Keywords: Pushkin, winged expression, krylema, reduced version, intertexteme, meaning.

Ничипорчик Елена Владимировна – доктор филологических наук, профессор; Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины (evnich@gmail.com).

УДК 398.92(=161.1)-026.61(045)(093)

М. Н. Перфилова

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРК С ЦВЕТОВЫМ КОМПОНЕНТОМ (НА МАТЕРИАЛЕ СТАТЬИ «РУССКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ» Ф. И. БУСЛАЕВА)

Аннотация. Статья посвящена восстановлению историко-культурного контекста пословиц и поговорок с цветовой компонентом, полученных методом сплошной выборки из статьи «Русские пословицы и поговорки» лингвиста Ф. И. Буслаева. Для составления историко-культурного комментария к паремиям привлекаются разнородные источники.

Ключевые слова: цветообозначение, историко-культурный комментарий, пословица, поговорка.

Изучение лексики цвета в текстах различных фольклорных жанров продолжает оставаться в лексикологии одним из актуальных направлений, предполагающих постоянное расширение базы анализируемых источников.

Наша работа посвящена одному из таких источников – статье известного пензенского лингвиста, профессора Ф. И. Буслаева «Русские пословицы и поговорки», опубликованной в «Архиве историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемом Николаем Калачовым» за 1854 г. [1]. Ценность данной статьи не только в том, что часть приведенных в ней пословиц и поговорок не встречается в других сборниках паремий, но и в том, что Ф. И. Буслаев дает уникальный историко-культурный комментарий к пословичному творчеству русского народа, привлекая для сопоставления материалы из родственных языков. Без подобного комментария исследование лексики русских паремий, не только цветовой, представляется как минимум неполным, а в некоторых случаях – и невозможным, поскольку без понимания историко-культурного контекста пословицы или поговорки бывает затруднительно определить семантику конкретных слов.

Комментарий Ф. И. Буслаева основывается на выделении двух периодов возникновения пословиц и поговорок: мифического (языческого) и христианского. Особое внимание профессор уделяет пословицам мифического периода, поскольку они, относясь к «формации доисторической, неопределенны, исполнены намеков на отжившую старину, о которой сама история немного сохранила преданий» [1, с. 2]. Таким образом, не только историко-культурный контекст помогает лучше понять смысл, образы и языковые особенности пословицы и поговорки, но и сами паремии способны восстановить часть утраченных знаний о прошлом.

Например, в комментарии к пословице мифического периода *Да будем золоти (вар. колоти), яко золото (древнѣйшая клятва)* [1, с. 91] Ф. И. Буслаев выявляет историческую связь желтого и золотого цвета в мировоззрении русского народа: «Для уяснения этой эпической клятвы припомним следующие народные предания. Пятая трясца или лихорадка, одна из мифических сестер, называется *златеница*; а *желтый, жлутый, жолчь* и *золотый, злутый, злотый, золчь* – суть различные формы одного и того же корня. Как ни странно покажется, однако не могу не указать на одну и доселе общеупотребительную поговорку, в которой *желтый* (то же, что *золотой*) имеет значение несчастного, горемычного, злого; точно так же, как в старину *золотой* имело силу проклятия; а именно: “Житье-то мое (или твое, его) *желтенькое!*” Что это выражение старинное, общеславянское, доказывается подобной же поговоркой у сербов: “жут посао!” (желтое дело, т. е. злое, несчастное); слич. также сербскую пословицу: “Не мој бити люта, да не будеш *жута*”. Может быть, в связи же с нашею древнейшею клятвою на золоте следующая пословица в сборн. Янькова: “*злато бледно* отъ хищниковъ” [1, с. 11]. Далее профессор устанавливает связь поговорки с ведическими представлениями о болезни такмане: «... она, сожигая тело, дает ему цвет желтый или, как в старину говорили, золотой, откуда болезнь *златеница* (желтуха), и одна из сестер-лихорадок – *златеница*. Славяне утратили древнейшую форму заговора, но до времен Нестора сохранили о нем память в клятве перед Перуном как божеством огня: “да будем золоти, яко золото”» [1, с. 38].

Следы древних представлений о мире Ф. И. Буслаев находит и в пословице *Сърой волкъ на небѣ звѣзды ловит* [1, с. 18]: «Пожирание небесных светил волком, без сомнения, стоит в связи с греческим мифом о Зевсе Ликейском как божестве света, объясняя как отношение его к волку *lukos*, так и самое название ликейский, от *lukos* происшедшее. Власть волка над светилом выразилась у нас грубым представлением пожирания» [1, с. 18].

К мифическому периоду можно отнести также выражение *Дядя – бѣлой горохъ* [1, с. 18]. К сожалению, в рамках одной статьи профессор не мог дать полный историко-культурный комментарий к каждой пословице, поэтому данное выражение осталось без его пояснений. Однако в работе В. М. Мокиенко «Почему так говорят? От Авося до Ятя: Историко-этимологический справочник по русской фразеологии» [2] есть информация о том, что данная пословица – вариация выражения про Царя Гороха, имя которого известно во многих фольклорных жанрах как указание на очень давние времена [2, с. 143].

Не меньший интерес вызывают историко-культурные комментарии Ф. И. Буслаева к пословицам и поговоркам, возникшим в христианский период. Например, *Врагъ силенъ, завель и въ синемъ (валяетъ и въ синемъ)* [1, с. 11]: «Для объяснения одной русской поговорки обращаю внимание еще на старобытный эпитет молнии – *синяя*: в “Слове о полку Игор.” “трепещут синии молнии”; в сербской поговорке: “Пуче као сини гром”. Этим древнейшим эпитетом, стоящим в связи с средневековыми преданиями о синем пламени, объясняю я следующую поговорку, доселе сохранившуюся в устах народа: “Врагъ силенъ, завель и въ синемъ” или – “валяетъ и въ синемъ”, т. е. в синем пламени, в молнии. Отношение молнии к демону видно из сербского поверия, будто опасно креститься во время громоваго удара, потому что гром поражает беса; а если вблизи заметит бес творящего крестное знамение, то может спастись под оно: отсюда и произошла сербская поговорка: “Узврдао се као дяво испред грома”, т. е. завертелся, как дьявол перед громом» [1, с. 11].

К христианскому периоду относится также пословица *Псалтырь красенъ с гусями* [1, с. 162], которая современному читателю может показаться парадоксальной. Ф. И. Буслаев не оставляет к ней комментария, но в «Словаре переносных, образных и символических употреблений слов в Псалтири» Л. П. Клименко можно найти ее объяснение в общебиблейском контексте: «*Псалтырь красен с гусями* – ум и тело; приятная песнь: Примите псалом, и дадите тимпан, псалтырь красен с гусями (Пс.80:2).

“Псалтирю” пророк называет здесь ум, а “гуслими” – тело. Давид говорит: “Действуй-те умом и телом так, чтобы радовать Бога”. “Умственная псалтирь”, то есть ум, особенно приятен Богу (ЗТП. 28). Ириней полагает, что слова “псалтирь красен с гуслими” означает песнь, приятную Богу, которая противопоставляется “тяжкому и грубому гласу тимпанов (барабанов)” (ИТП. 40)» [3, с. 364].

При обращении к дополнительным источникам становится понятно библейское происхождение поговорки *Темна вода во облацѣхъ* [1, с. 145]: «Из Библии (церковнославянский текст). В Ветхом Завете, Псалтыре (пс. 17, ст. 12) сказано о Боге: “И положи тму закров свой, окрест его селение его, темна вода во облацех воздушных”. Русский перевод: “И мрак сделал покровом Своим, сению вокруг Себя мрак вод, облаков воздушных”. Иносказательно: нечто непонятное (ирон.)» [4, с. 746–747].

Касательно поговорки *Будто бѣлую дань платить* [1, с. 81] профессор Ф. И. Буслаев оставляет примечание, указывающее на ее связь с временами монголо-татарского ига [1, с. 2], следовательно, она также относится по происхождению к христианскому периоду. К нему же можно отнести поговорку *От того и баба пестра, что на пестрой замужь пошла* [1, с. 127–128], представляющую собой народную примету о причине несчастливой жизни: «... т. е. на пестрой недѣлѣ, о которой въ пословицахъ говорится: “На пестрой недѣлѣ жениться – съ бѣдой породниться”. Въ средние вѣка пестрый цвѣтъ почитался символомъ побочнаго родства и сиротства. Слич. Краинск. *pisana mati*, т. е. пестрая мать въ значеніи *Stiefmutter*)» [1, с. 127–128].

Пословицы и поговорки с цветовым компонентом, содержащие сведения о русском быте и народных приметах, в целом вызывают больше трудностей в установлении точного времени возникновения, поскольку в них реже можно найти какие-то указания на конкретную историческую эпоху. Например, трудно определить, когда могло появиться выражение *Во что кривая Аришка ни вынесетъ (вар. во что сивая не поставитъ)* [1, с. 86], являющееся вариантом поговорки *Во что кривая не вывезет*. Она показывает многовековую тесную связь крестьянской жизни с лошадьми: В. М. Мокиенко, освещая это выражение в его различных вариантах (в том числе в говорах и близкородственных языках), приходит к выводу, что в его основе лежит образ хромой лошади, которая может завезти седока туда, куда он ехать не собирался [2, с. 306]. Данную версию подтверждает наличие вариантов поговорки с мастебозначениями *саврасый, сивый, пегий*.

Нередко пословицы и поговорки с цветовым компонентом переходили в народную речь из солдатской среды: *Угодишь (или: угодиль) подь красную шапку (т. е. въ солдаты)* [1, с. 197]. Сравн.: в сборнике В. И. Даля – *Отдали подь красну шапку* [5, т. 1, с. 296]. При знакомстве с этими паремиями возникает закономерный вопрос, каково хотя бы приблизительное время возникновения образа красной шапки как солдатского атрибута. На наш взгляд, логично предположить, что красная шапка могла стать в народном представлении устойчивым признаком солдатской жизни лишь тогда, когда, во-первых, в России появилась постоянная армия и, во-вторых, у этой армии появилась униформа. Согласно обширному труду А. В. Висковатова по истории русской армии, первой такой «непременной», т. е. постоянной, армией стали «стрельцы, учрежденные во времена Иоанна Грозного» [6, с. 85]. Именно в описании их униформы впервые упоминаются шапки красного, малинового и вишневого цветов: по воспоминаниям шведского посла Пальмквиста, бывшего в Москве в 1674 году (во времена правления царя Алексея Михайловича Романова), шапки таких цветов были характерны для стрельцов 2, 3, 7, 8, 9, 10, 12 и 14-го полков, в то время как одежда солдат иных видов войск единообразием не отличалась [6, с. 92–95]. В более ранние времена головные уборы солдат изготавливались из металла и были рассчитаны на ближний бой, а не на дальний, следовательно, такой атрибут, как неметаллическая шапка, мог появиться в солдатской среде только при формировании лучных / стрелковых подразделений, атакующих противника на расстоянии. Таким образом, пословицы и поговорки с красной шапкой как символом солдатской жизни могли появиться в русском языке не ранее XVII века.

К сожалению, объем статьи не позволяет сделать подробный историко-культурный комментарий к каждой паремии с цветообозначениями: всего в статье Ф. И. Буслаева нами обнаружены 72 пословицы и поговорки с цветовым компонентом, в части из которых употреблены два и более колоратива.

Восстановление историко-культурного контекста пословиц остается одной из актуальных и сложных задач. Ее решению могут способствовать этимологические словари русской фразеологии: во-первых, по причине того, что пословицы и поговорки также являются устойчивыми выражениями; во-вторых, по причине того, что пословицы и поговорки тесно связаны с другими жанрами устного народного творчества и нередко используют схожие образные средства (сам профессор Ф. И. Буслаев акцентирует внимание на том, что пословицы и поговорки должны изучаться в неразрывной связи с эпосом и загадками). Выстроить историко-культурный комментарий к паремии помогает и сопоставление разных сборников русских пословиц и поговорок.

Например: *Всякой дуракъ красному радъ* [1, с. 86]. В «Пословицах русского народа» В. И. Даля можно обнаружить ряд схожих выражений: *Радъ, какъ дуракъ красной шапкѣ (изъ сказки); Радъ дуракъ красному; Что пестро, то дураку и красно'* [5, т. 1, с. 571]. Красный цвет в них становится очевидным, броским признаком внешней красоты, для восприятия которой человеку не требуется много ума. Поучительность пословиц и поговорок в данном случае возникает из внутреннего противопоставления красоты внешней и красоты внутренней, для оценивания которой нужен немалый ум.

В одном сборнике паремия может фиксироваться в сокращенном варианте, а в другом – в полной версии. Так, более понятной становится поговорка *Красное лѣто – зеленый покосъ* [1, с. 107], если найти ее полный вариант *Съ Петрова дня красное лѣто, зеленый покосъ* [5, т. 2, с. 509]. Или: *Люди бѣлить, а мы мѣста дѣлить* [1, с. 111] – в полной версии *Люди холсты бѣлить, а мы стлице дѣлить (т. е. мѣсто)*; полная версия восстанавливает исторический контекст паремии и помогает понять, что она связана с ткаческой областью крестьянского быта [5, т. 2, с. 165].

В ряде случаев пониманию пословицы или поговорки способствует обращение к данным русских говоров: *Золотую слезу не выронить* [1, с. 101]: «**Золотую слезу не уронит.** Волг. О беспечном, безразличном ко всему человеку. Глухов 1988, 54» [7, с. 618]; *Не все черных собак набѣло перемывать* [1, с. 119]: «**Чѣрных собак набело перемывать.** Диал. бездельничать» [7, с. 627]; *На рябыхъ-то хлѣбъ сѣютъ*: «*На рябом хлеб сеют, а на гладком навоз кладут, отвечает рябой, на укор за это, намекая на паровое и на вспаханное поле*» [8, т. 4, с. 125] и т. д.

Говоря об историко-культурном контексте пословиц, стоит отметить, что колоративы в нашей выборке, особенно те, что относятся к лексико-семантической группе красного тона, нередко являются постоянными эпитетами, наблюдаемыми в разных фольклорных жанрах: *Ахъ вы, красныя дѣвицы! пирожныя мастерицы, горшешныя пагубницы!* [1, с. 77]; *Бредетъ тот, что сѣрой котъ* [1, с. 80] (сравн. в колыбельных «котя, серенький лобок/хвосток», в сказках «кот – серый лоб»); *Бѣль свѣтъ на волю данъ* [1, с. 83]; *Красно солнце всходитъ: каково-то зайдетъ!* [1, с. 108] и др.

Наличие общих цветовых постоянных эпитетов в разных фольклорных жанрах, на наш взгляд, свидетельствует о стремлении образной системы устного творчества русского народа к стабилизации. В то же время среди пословиц и поговорок с цветовым компонентом отмечается вариативность, представленная различными видами:

1) при сохранении основного текста варьируется цветовой компонент:

– *Алой малой – зеленой кафтанъ* [1, с. 76]. Сравн. у В. И. Даля: *Алый малый – синь кафтанъ* [5, т. 2, с. 613]. В обоих случаях синий или зеленый кафтан является признаком щегольства, порицаемого в народе.

– *Это не пара смурому кафтану: надо подбой голубой* [1, с. 158]. У В. И. Даля: *Не подъ стать синему кафтану голубой подбой* [5, т. 2, с. 157]. Отметим, что *смурый* – ‘тёмно-серый, тёмно-бурый’, ‘домотканый, из некрашеной, тёмной, серой шерсти (о сукне)’ [9, с. 401].

– *Ни сиво, ни буро* [1, с. 124]. В говорах есть цветовая вариация «**Ни серо ни бело**. Кар. Перм. Не очень хорошо, но и не плохо» [7, с. 608];

2) при сохранении цветового компонента варьируется предмет – носитель конкретного цвета:

– *Есть въ немъ сѣрые овчины клокъ* [1, с. 96]. Здесь – вариация выражения, которое можно встретить у В. И. Даля: *Есть въ немъ сѣрой шерсти клокъ* (т. е. воръ)» [5, т. 1, с. 174]. С ее помощью выстраивается сложный ассоциативный ряд: вор – волк (вор овец) – овца (ее шерсть как доказательство воровства).

– *Поддѣвочка-то сѣра, да волюшка-то своя* [1, с. 130]. У В. И. Даля есть аналогичные по смыслу поговорки: *Свитка сѣра, да воля своя* и *Сѣро, сѣро, да волюшка своя* [5, т. 2, с. 447] (свитка – устаревшая верхняя одежда из домотканого сукна, разновидность кафтана). Они позволяют прийти к более точному толкованию смысла поговорок: серая одежда, бедная одежда не мешает человеку быть свободным;

3) варьируется и цветовой компонент, и предмет – носитель цвета:

– *Коза бѣла, коза сѣра, а все одинъ духъ* [1, с. 188]. В русском пословичном творчестве есть варианты этого выражения с сорокой, волком, овцой и бесом: *Пестра сорока, бѣлобока, а всѣ одна въ одну* [5, т. 2, с. 280]; *Сѣръ волкъ, сѣдъ волкъ, а все ему волчья честь* [5, т. 2, с. 285]; *Сѣра овца, бѣла овца – все одинъ овечій духъ* [5, т. 2, с. 463]; *Бурь чортъ, сѣръ чортъ, все одинъ бѣсъ* [5, т. 2, с. 464].

– *Молода зелена, подъ Очакомъ не была* [1, с. 113]. М. И. Михельсон упоминает данную пословицу (с вариантом *под Очаковым*) при рассмотрении солдатского выражения без цветового компонента *Молода – в Саксонии не была*, значение которого трактует так: «Подождать надо (иногда в виде отказа), не понимаешь, не умеешь» [10, с. 435].

Подобная вариативность свидетельствует как о стремлении русского народа разнообразить уже устоявшиеся выражения, так и о его желании сохранить в пословицах и поговорках самое главное, суть, не зависящую от каких-то внешних изменений. Цветообозначения являются в данном случае одним из способов передачи народного опыта в паремиях [11].

Таким образом, в пословичном творчестве наблюдается, с одной стороны, стабилизация образов, достигаемая при помощи постоянных цветовых эпитетов, и, с другой стороны, вариативность цветовых компонентов, которая не приводит к искажению сути пословиц и поговорок. На наш взгляд, эти свойства свидетельствуют о динамичном характере русского фольклора и могут считаться историко-культурной особенностью устного творчества нашего народа.

Пословицы и поговорки, собранные в статье профессора Ф. И. Буслаева, являются уникальным источником для изучения лексики русских паремий. Рассмотрение пословиц и поговорок с цветовым компонентом показало, насколько необходим для лексикологических исследований историко-культурный комментарий, опирающийся на различные источники: труды по культурологии, сборники пословиц и поговорок, диалектные материалы, этимологические словари русской фразеологии и др.

Список использованных источников

1. Буслаев, Ф. И. Русские пословицы и поговорки / Ф. И. Буслаев // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым. Книги второй половина вторая. – М. : Типография Александра Сомова, 1854. – С. 1–176 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004413514/. – Дата доступа : 06.09.2024.

2. Мокиенко, В. М. Почему так говорят? От Авося до Ятя : историко-этимологический справочник по русской фразеологии / В. М. Мокиенко. – СПб. : Норинт, 2004. – 512 с.

3. Словарь переносных, образных и символических употреблений слов в Псалтири : Ч. 1 : псалмы 1–50; Ч. 2 : псалмы 51–100; Ч. 2 : псалмы 101–150 / Л. П. Клименко. – Нижний Новгород : Изд-во Христианская библиотека, 2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://archive.org/details/2012._202210/page/363/mode/2up. – Дата доступа : 23.09.2024.

4. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений: более 4 000 статей / Авт.-сост. В. Серов. – 2-е изд. – М. : Локид-Пресс, 2005. – С. 746–747.
5. Даль, В. И. Пословицы русского народа : в 2 т. / В. И. Даль. – СПб.; М. : Издание М. О. Вольфа, 1879 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://runivers.ru/lib/book9724/482953/>. – Дата доступа : 23.09.2024.
6. Висковатов, В. А. Историческое описание одежды и вооружения российских войск, с рисунками, составленное по Высочайшему повелению. Ч. 1 / В. А. Висковатов. – СПб., 1841 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://runivers.ru/lib/book3093/9737/>. – Дата доступа : 23.09.2024.
7. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ЗАО «Олма Медиа Групп», 2007. – 784 с.
8. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003512034/. – Дата доступа : 23.09.2024.
9. Большой академический словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; [ред.: Л. И. Балахонова]. – Т. 26 : Скорее – Сом. – М.-СПб. : «Наука», 2019. – 695 с.
10. Михельсон, М. И. Русская мысль и речь: свое и чужое: опыт русской фразеологии : сборник образных слов и иносказаний / М. И. Михельсон. – СПб. : Тип. АО «Брокгауз – Ефрон», 1912. [Электронный ресурс]. Режим доступа : https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003793585/. – Дата доступа : 23.09.2024.
11. Перфилова, М. Н. Колоративы как способ передачи народного опыта в пословицах и поговорках / М. Н. Перфилова // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2014. – № 77. – С. 89–92.

Abstract. The article is devoted to the restoration of the historical and cultural context of proverbs and sayings with a color component, obtained by the method of continuous sampling from the article “Russian proverbs and sayings” by the linguist F. I. Buslaev. To compile a historical and cultural commentary to the paremias, various sources are used.

Keywords: color designation, historical and cultural commentary, proverb, saying.

Перфилова Мария Николаевна – кандидат филологических наук; Пензенский государственный университет (sovyska2608@yandex.ru).

УДК 81:39]:821.161.1-2”19”

И. М. Петрачкова

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ СМЫСЛЫ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ИМЕНИ *РОМЕО* В ТЕКСТАХ РУССКОЙ ДРАМАТУРГИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Аннотация. В статье описывается прецедентная единица *Ромео*, которая насыщает драматургический контекст дополнительной образностью, затрагивает литературную и культурную память, задавая при этом определенный угол интерпретации произведения. Эта номинация становится имплицитным элементом когнитивной базы носителей языка, является константной единицей художественного мира драматургов определенного временного среза, полисемична и моделирует в литературных контекстах новые лингвокультурные смыслы.

Ключевые слова: прецедентное имя, реминисценция, аллюзия, ономапозитическая метафора, узуальное имя, денотат, полисемичность.

Проблема взаимодействия языка и культуры является одной из центральных для филологической науки. Как известно, предметом лингвокультурологии становятся «единицы языка, имеющие символическое, эталонное, образно-метафорическое значение в культуре, обобщающие результаты культурного сознания, зафиксированные в мифах, легендах, ритуалах, обрядах, фольклорных и религиозных дискурсах, поэтических и прозаических художественных текстах, фразеологизмах и метафорах,

символах, пословицах, поговорках и т. д.» [1, с. 78]. Лингвокультуролог В. А. Маслова перечисляет следующие основные области взаимодействия языка и культуры: «1) фразеологический фонд языка; 2) мифологизированные языковые единицы: архетипы и мифологемы, обряды и поверья, ритуалы и обычаи, закрепленные в языке; 3) паремнологический фонд языка; 4) эталоны, стереотипы, символы; 5) речевое поведение; 6) область речевого этикета; 7) коды культуры; 8) концепты культуры; 9) ценности культуры» [1, с. 79]. «Однако, – отмечает ученый, – обозначенный нами список объектов для исследования в лингвокультурологии не представляется нам окончательным и неизменным, здесь указаны лишь основные» [Там же]. В этой связи, как нам представляется, к языковым единицам лингвокультурологии могут быть отнесены в том числе прецедентные имена (далее ПИ), используемые для возникновения в сознании адресата тех или иных образов и смыслов при восприятии и постижении происходящих событий.

Для эффективного понимания широкой аудиторией литературных произведений необходимо обладать культурной грамотностью, которая заключается в наличии фоновых знаний – общеизвестной информации, сконцентрированной в универсальных символах. ПИ входят в ядро когнитивной базы социума. Исследование феномена прецедентности относится к одной из актуальных проблем лингвокультурологии. Ее предмет и методы исследования предполагают «изучение способов, которыми язык воплощает в своих единицах, хранит и транслирует культуру» [2, с. 30]. ПИ наряду с паремиями и фраземами также относятся к единицам лингвокультурологии, поскольку реализация их потенциала связана с апелляцией «к чему-то известному, некоторому факту, который за ними стоит» [3, с. 153]. Прецедентные тексты, связанные с тем или иным именем, выступают в роли текстов-источников и способны вызывать определенные ассоциации относительно носителя аллюзивной проприальной единицы. Следовательно, ПИ представляет собой определенный знак, который воспроизводится в дискурсе и несет в себе относительно предопределенный смысл. В этой связи данную группу проприальных единиц можно сопоставить с идиомами, поскольку они обладают таким свойством, как воспроизводимость в речи в готовом виде. Более того, известны многочисленные случаи перехода ПИ в нарицательные лексемы с достаточно устоявшимся и закрепленным значением (например, *золушка*, *донкихот*, *буратино* и проч.). Все это позволяет отнести ПИ к культурно значимым языковым единицам.

«Прецедентные имена – это широко известные имена собственные, которые используются в тексте не столько для обозначения конкретного человека (ситуации, города, организации и др.), сколько в качестве своего рода культурного знака, символа определенных качеств, событий, судеб» [4, с. 4]. Что касается семантики ПИ, то следует иметь в виду, что в разных художественных контекстах обнаруживается многозначность одного и того же ПИ. Объектом нашего исследования стали драматургические тексты второй половины XX в. Предметом изучения в работе являются лингвокультурные смыслы ПИ *Ромео*. Становясь прецедентным, имя собственное обнаруживает тенденцию к выражению обобщенной семантики. Различные свойства первичного объекта рассматриваются как образцовые и переносятся на новый объект, который, по мнению автора, обладает ими.

Наблюдения над языковым материалом выявляют в ПИ *Ромео* следующие составляющие, которые можно также рассматривать как стадии становления прецедентности: 1) *первичный референт*, или прототип – предмет, обозначенный именем: главный герой одной из трагедий В. Шекспира; *денотат* – представление о референте, целостный образ, возникающий в сознании адресата при назывании имени вне контекста: *Ромео Монтекки* – страстно влюбленный юноша из классической трагедии В. Шекспира «Ромео и Джульетта»; *сигнификат* – понятие или комплекс дифференциальных признаков, складывающихся на основе созданного денотативного образа: *молодой человек благородного происхождения Ромео полюбил Джульетту, мужественно боролся за нее и однажды, подумав, что она умерла, выпил яд, чтобы навсегда быть*

вместе с возлюбленной; вторичный референт – герой, обладающий признаками (одним из признаков), входящими в понятие сигнификата: этот компонент целиком зависит от употребления аллюзии в художественном контексте. Стадии становления прецедентности сближают ПИ с идиоматическими выражениями (фразеологизмами и поговорками), поскольку и те, и другие обозначают предметы, явления, лиц, при этом, с точки зрения употребления, могут иметь как обобщенный денотат, так и конкретный. Безусловно, главное отличие состоит в том, что идиомы имеют большую устойчивость семантики, чем ПИ. Это связано с тем, что ПИ являются прежде всего элементом дискурса, в то время как идиомы – единицы языка. Прецедентные феномены проявляются только при их употреблении в той или иной ситуации, т. е. в дискурсе. Вне контекста, коммуникации они, как правило, не эксплицируют свои **коннотативные** прецедентные свойства и не могут выступать в качестве метафор, метонимий, сравнений. Идиомы же, извлеченные из контекста, напротив, в отличие от ПИ не меняют своей семантико-метафорической сути.

Метафоричность прецедентных поэтонимов многогранна, как и многогранно количество дискурсов, в которые писатели погружают одно и то же ПИ, извлекая из аллюзии необходимый для реализации авторского замысла дифференциальный признак денотата имени. Именно поэтому любое ПИ, присвоенное вторичному референту и используемое в разных дискурсах, обладает *полисемичностью* (множественностью значений). Полисемичность ПИ **Ромео** прослеживается в ряде художественных контекстов драматургических произведений второй половины XX в. ПИ для читателя/зрителя могут стать как воплощенными, так и невоплощенными номинациями. В случае успешной реализации ПИ резко усиливают эстетическое воздействие художественного текста на читателя.

Итак, **Ромео Монтекки** – главный герой трагедии В. Шекспира «Ромео и Джульетта». Имя **Ромео** сегодня стало нарицательным для влюбленного юноши, а также символом трагической несчастной любви, связанной со страданиями и переживаниями. В самом общем контексте слово **Ромео** может использоваться для обозначения влюбленного мужчины или любовника. Тем не менее в художественных текстах разных авторов ПИ **Ромео** как реализует вышеупомянутые значения номинации, так и приобретает дополнительные нюансы и смыслы. Контекст литературного произведения помогает раскрыть прагматический потенциал ПИ. Чаще всего аллюзия, применяемая авторами в различных пьесах социально-бытовой направленности, является **фрагментообразующей** и обладает **коннотативным** или **денотативным** значением [см. подробнее: 5]. Наиболее употребительна реминисценция **Ромео** в качестве **ономапозэтической метафоры**, хотя лингвокультурные смыслы номинации варьируются. Так, драматург А. В. Вампилов, который вообще достаточно редко в своих произведениях прибегает к так называемым поэтонимам-аллюзиям, в драме «Прощание в июне», употребляет лишь одно ПИ – **Ромео**. Когда студенту Колесову отец Репников выдвинул условие отказаться от любви к его дочери Татьяне взамен на возможность продолжить учебу в университете, герой в диалоге с девушкой трагически восклицает в свое оправдание: *КОЛЕСОВ. Прости... И послушай. Ты ушла, а я здесь думал, и вот какое дело: нам надо остановиться... Я не Ромео. Мне только показалось, что я Ромео. Какой я к черту Ромео!.. В общем так: отбросим иллюзии, у нас с тобой ничего не выйдет... Все! Я не Ромео. У меня на это нет времени... Мне некогда, понимаешь?* [6, с. 46–47]. Ономапозэтическая метафора в данном художественном контексте приобретает одновременно несколько **коннотативных** смыслов: *явный* (скорее, *показной*) и *скрытый*. С одной стороны, Николай Колесов, прибегая к ПИ с отрицательной частицей *не*, пытается оправдаться перед Татьяной и бравирует тем, что он слишком занят серьезным делом и, в отличие от **Ромео**, у него нет времени на то, чтобы выстраивать романтические любовные отношения. Здесь реминисценция **Ромео** выступает как антагонист лексеме *романтик* и обладает контекстуальной семой 'реалист, прагматик, циник'. С другой стороны, *скрытый* смысл этой бравады в том, что у студента Колесова нет того внутреннего стержня и смелости, как у шекспировского

Ромео, чтобы ради любви стать на путь борьбы, противостоять отцу Татьяны, отказаться от тех перспектив и возможностей, которые ему гарантированы в случае прекращения всех отношений с девушкой. Так, ПИ в художественном контексте приобретает дополнительный смысл: ‘смелый человек, способный бороться за свою любовь’. Таковым студент Колесов как раз себя и не считает. Прием ономапоэтической амплификации (повторяемости ПИ в художественном контексте) усиливает напряженность и эмоциональность ситуации, противоречивую борьбу чувств внутри самого героя пьесы.

Своего одноклассника Витю из драмы Л. Н. Разумовской «Дорогая Елена Сергеевна» за юношескую влюбленность в учительницу один из действующих лиц пьесы Володя также называет по имени главного героя трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта» – **Ромео**: *ВИТЯ. Елена Сергеевна, извините. Я вам починю... <...> Я вас люблю, Елена Сергеевна... Вы моя любимая учительница... с детства. У вас такие чудные глаза... как два озера... в них можно ловить... рыбу... ВОЛОДЯ (хохочет). Bravo! Наши Витюша – Ромео!* [7, с. 23]. Действительно, ПИ уже стало нарицательным по отношению ко всякому влюбленному юноше, а также считается символом несчастной трагической любви. В данном высказывании ономапоэтическая метафора обладает коннотативным шутливо-ироничным смыслом ‘искренне и сильно влюбленный молодой человек’.

В метафорическом значении ПИ **Ромео** присутствует и в пьесе А. М. Галина «Ретро», драматург применяет его в традиционно понимаемом иронично-шутливом идиоматическом смысле ‘герой-любовник’. Задумав женить своего тестя-вдовца Николая Михайловича Чмутина, антиквар Леонид приглашает одновременно на смотрины трех женщин, потенциальных невест: **ЛЕОНИД. В двадцать один ноль-ноль. Ровно по часу на каждую претендентку. Как это будет выглядеть? За десять минут до конца сеанса я возьму невесту под руку. «Уже поздно, могу вас подвезти». Отвожу ее и встречаю следующую. Самое интересное, как отнесется к браку наш Ромео** [8, с. 11]. Ирония состоит в том, что реминисценция **Ромео** применяется по отношению к пожилому человеку, ничего не подозревающему о хитрых намерениях и изворотливых планах своих предприимчивых близких людей: дочери и зятя, которые таким образом решили избавиться от старика.

Влюбленный в Жанну Калмыкову, одну из актрис театральной группы, сын Ефима Голдина из пьесы А. М. Галина «Аномалия» Илья внезапно становится объектом ненависти своего отца, поскольку, не зная о романе Ефима с Жанной, пытается ухаживать за девушкой и постоянно делает ей комплименты: **ИЛЬЯ (пьян). Я хотел бы выпить за... одну из вас... За ту, которая видит прекрасные сны... <...> Я хотел бы продолжить тост... Налейте мне еще! ГОЛДИН (Илье). Тебя не тошнит, Ромео? ИЛЬЯ. Ромео никогда не тошнило – он пил благородные вина! ГОЛДИН. Ромео постоянно тошнило, ... <...> ТАНЯ. Ефим, за что вы ругаете сына? Юноша хочет признаться нам в любви! ИЛЬЯ. Я говорил это женщине по имени Жанна! Где Жанна? <...> ГОЛДИН (подходит к сыну). Разве можно быть таким пьяным от ста граммов самогона, Ромео вонючий? ИЛЬЯ. От Ромео не пахло! Ты плохо знаешь Шекспира... ГОЛДИН. Пахло! А иногда и воняло (имеет ввиду любовника своей жены, который сыграл вместо него роль Ромео. – И.П.)! ИЛЬЯ. Нет... не пахло... <...> А к Жанне ты не приближайся. Иначе я тебе голову оторву!** [9, с. 14]. В данном художественном контексте поэтоним **Ромео** одним героем используется в пейоративном значении ‘недостойный влюбленный’ (особенно в сочетании с апеллятивным *конвоем*), другим же, напротив, – ‘благородный влюбленный’. Такое негативное субъективно-предвзятое отношение к персонажу трагедии В. Шекспира **Ромео** у артиста Ефима Голдина неслучайно. Когда-то в молодости его мечта сыграть в спектакле **Ромео** вместе со своей женой разбилась и стала причиной семейной драмы: **ГОЛДИН...Что касается Шекспира, сынок... я все это проходил давно. Я готовил роль Ромео для областного театра драмы... Я знаю эту пьесу наизусть... <...> Мне тогда играть не разрешили, сказали:**

у меня неаристократическое лицо. <...> Твоя мама должна была играть Джульетту. Я думал, что она... откажется... Я безумно ее любил! Но она сыграла с другим. Я был рад за нее, но жить с ней я уже не мог. У твоего отчима более аристократическое лицо... А я попал за ширму (стал актером театра кукол. – И.П.)... Продолжаю думать над ролью **Ромео** [9, с. 34]. Однако новая любовь к Жанне заставила Голдина вновь почувствовать себя молодым, и тема шекспировской трагедии видится ему уже в другом плане: ГОЛДИН. ...Знаешь, что мне здесь сдуру пришло в голову? Я представил «Ромео и Джульетту» в куклах... Без ширмы. **Кукла Ромео** в руках уже немолодого актера... А ты (обращается к Жанне. – И.П.) будешь играть Джульетту, без куклы! Ах, какой мог бы получиться спектакль! Старый артист любит молодую актрису. Для него она – живая Джульетта. Он признается в любви ей, а не кукле. А она смотрит на красивую **куклу Ромео** и старика не замечает! [9, с. 33]. Очевидно, что драматург в данном художественном контексте использует денотативное значение ПИ – ‘герой известной театральной пьесы В. Шекспира’.

Прецедентное имя **Ромео** закономерно применяется мастерами слова в сочетании с реминисценцией *Джульетта* не только в денотативном плане. К примеру, в художественном контексте пьесы А. Н. Арбузова «Вечерний свет» врач Борис Шнейдер призывает героиню Инну Сергеевну Пальчикову обратить внимание на семейные отношения с мужем Лавриком (Лаврентием Егоровичем), которого в день двадцатилетия их дочери не оказалось на дне рождения: ШНЕЙДЕР. <...> Я бы призадумался на твоём месте. ИННА. Стоит ли? Он любит меня, я люблю его. Все в порядке, Шнейдер. <...> Ты хочешь, чтобы в нашем возрасте мы разыгрывали **Ромео и Джульетту**? Не надо ничего преувеличивать [10, с. 488]. В драме ПИ обладают семей ‘юные влюбленные’. Многолетние семейные отношения придают героине уверенность в подлинности их чувств. В этой связи и поведение Инны Сергеевны отличается сдержанностью и уравновешенностью в отличие от выраженной эмоциональности и мук ревности, которые присущи в большей степени молодым влюбленным.

Еще в одном произведении «Воспоминание» А. Н. Арбузов употребляет ПИ **Ромео** в паре с именем-аллюзией *Джульетта* в значении ‘легендарный пример трагической любви’, ‘эталон настоящей любви’. Молодой человек Денис не отличается стабильностью во взаимоотношениях с девушками. Одна из его новых спутниц юная Асенька упрекает его за это: ...Зиночка чем виновата была? Ребенка оставить хотела – ты заставил. Хоть поздно было. А кончилось чем? Во сне по ночам не является? <...> Мне Дианка твоя все рассказала... А она как тебя любила?... ДЕНИС. Любила? Не смеши, Асенька, это уж из области легенд. После **Джульетты и Ромео** не слышать что-то. Народ иным занят [10, с. 732]. Денис давно уже разочаровался в любви, не верит в искренность чувств и все происходящее в жизни не считает особой трагедией. Герой убежден, что в современном ему мире легенда о Ромео и Джульетте как образце «подлинной искренней любви» осталась в далеком прошлом. Оправдывая себя, персонаж цинично обвиняет девушек в неверности, меркантильности и склонности всё нарочито драматизировать.

Таким образом, ПИ – это особый словесный знак, совмещающий в себе свойства собственного и нарицательного имени, но не входящий ни в один из этих классов. Прецедентные номинации представляют собой некие характеризующие знаки, так как они порождают ассоциативные связи в сознании читателя/зрителя. В поэтонимах подобного типа происходит кодирование информации автором и декодирование ее читателем. Сначала имя собственное метафоризируется, затем приобретает некое устойчивое значение, а потом употребляется в тексте. При этом контекстуальных вариантов употребления ПИ **Ромео** достаточно много. В частности, мы обнаружили использование ПИ **Ромео** в его денотативном («герой классической трагедии В. Шекспира») и коннотативном планах

(«юный влюбленный», «искренне и сильно влюбленный молодой человек», «романтик», «герой-любовник», «благородный влюбленный», «недостойный влюбленный», «легендарный пример трагической любви», «эталон настоящей любви», «смелый человек, способный бороться за свою любовь» и проч.), когда актуализировалась та или иная семантическая зона поэтонима. ПИ хоть и обладают относительно устойчивой семантикой, однако стадия становления постоянной семантики у ПИ отсутствует. Реминисценции употребляются в новых ситуациях, приобретая семантику контекстуальную. Их экспрессивность проецируется от исходной смысловой нагрузки на имя – к его реализации в новой ситуации. Следовательно, у ПИ отсутствует некая образцовая эталонная семантика, как у идиом. Экспрессивность ПИ порождает иные механизмы, связанные с созданием контекстуальных лингвокультурных смыслов. ПИ обладают *полисемичностью*, отражая разные нюансы и оттенки, присущие референту-носителю имени, в отличие от идиоматических единиц с устойчивой семантикой, независимой от художественного контекста или ситуации.

Список использованных источников

1. Маслова, В. А. Лингвокультурология как наука о наиболее культураносных языковых сущностях / В. А. Маслова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2014. – № 16. – С. 78–90.
2. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. – М. : Издательский центр «Академия», 2001. – 208с.
3. Прохоров, Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс / Ю. Е. Прохоров. – М. : Флинта, 2021. – 224 с.
4. Нахимова, Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации / Е. А. Нахимова. – Екатеринбург : ГОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет», – 2007. – 207 с.
5. Петрачкова, И. М. Лингвокультурная специфика прецедентных антропонимов в русских драматургических текстах Виктора Сергеевича Розова / И. М. Петрачкова // Язык и межкультурная коммуникация: современные векторы развития : сб. науч. ст. по материалам II Междунар. науч.-практич. конф., Пинск, март 2021 г. / Полесский государственный университет, Министерство образования Республики Беларусь [и др.]; редкол.: В. И. Дунай [и др.]. – Пинск : ПолесГУ, 2021. – № 2. – С. 456–466.
6. Вампилов, А. В. Прощание в июне: пьесы / А. В. Вампилов. – М. : «Советский писатель», 1984. – 323 с.
7. Разумовская, Л. Н. Сад без земли : сборник пьес / Л. Н. Разумовская. – Л. : Искусство, 1989. – 294 с.
8. Галин, А. М. Ретро / А. М. Галин. – М. : Библиотека драматургии Агентства «ФТМ», 1979. – 39 с.
9. Галин, А. М. Аномалия / А. М. Галин. – М. : Библиотека драматургии Агентства «ФТМ», 1984. – 35 с.
10. Арбузов, А. Н. Избранное : в 2-х т. / А. Н. Арбузов. – Т. 2 / Коммент. Л. Нимвицкой. – М. : Искусство, 1981. – 792 с.

Abstract. The article describes the precedent unit *Romeo*, which saturates the dramatic context with additional imagery, using which literary and cultural memory is touched, while setting a certain angle for the interpretation of the work. This nomination becomes an implicit element of the cognitive base of native speakers, is a constant unit of the artistic world of playwrights of a certain time period, is polysemic and models new linguacultural meanings in literary contexts.

Keywords: precedent name, reminiscence, allusion, onomapoetic metaphor, common name, denotation, polysemy.

Петрачкова Инна Михайловна – кандидат филологических наук, доцент; Гомельский государственный медицинский университет (innamihail@mail.ru).

Ю. Н. Русина

РУССКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ С КОЛОРАТИВАМИ И ИХ АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ СООТВЕТСТВИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются русские пословицы и поговорки с компонентом-цветообозначением (колоративом) и их англоязычные соответствия. Наиболее частотными колоративами в составе русских паремий являются единицы *белый* и *черный*. В соответствующих англоязычных пословицах и поговорках колоративы используются редко, что подчеркивает уникальность двух культур.

Ключевые слова: пословица, поговорка, цветообозначение, колоратив.

Пословицы и поговорки (паремии) представляют собой кладезь житейской мудрости. Будучи частью культурного наследия народов, они являются интересным объектом для изучения как в рамках одного языка, так и в сопоставительном плане.

Цвет – одна из основных физических характеристик объектов действительности. Он играет важную роль в восприятии человеком окружающего мира, он может вызывать определенные ассоциации. Цветообозначения широко функционируют в различных языках. Как отмечает Е. Н. Алымова, «наличие развитой системы цветообозначений в большинстве языковых систем, сложность их семантической структуры являются подтверждением важной роли цвета в когнитивной деятельности человека» [1, с. 3]. Неудивительно, что цветообозначения находят свое отражение и в паремиологическом фонде.

Изучение пословиц и поговорок с компонентом-цветообозначением на материале различных языков позволяет получить некоторое представление об особенностях языковой картины мира тех или иных народов. Все вышесказанное подтверждает актуальность предпринятого исследования, направленного на изучение русских пословиц и поговорок с колоративами (единицами-наименованиями цвета, цветообозначениями) с точки зрения их семантики и перевода на английский язык.

Как известно, в лингвистической науке существуют противоположные взгляды по поводу того, считать ли пословицы и поговорки фразеологическими единицами.

Так, некоторые лингвисты не включают пословицы и поговорки в состав фразеологических единиц. Для них характерно более узкое понимание фразеологии (например, А. И. Смирницкий, Н. Н. Амосова и др.). Другие же ученые подходят к определению объема фразеологии достаточно широко, относя пословицы и поговорки к фразеологическим единицам (Н. М. Шанский, С. Г. Гаврин, А. В. Кунин и др.).

Согласно А. В. Кунину, пословицы относятся к коммуникативным фразеологическим единицам, под ними обычно понимают «афористически сжатые изречения с назидательным смыслом в ритмически организованной форме» [2, с. 339]. Что касается поговорок, то ученый называет их «коммуникативными фразеологическими единицами непословичного характера» [2, с. 356]. В поговорках, в отличие от пословиц, не всегда содержится поучительный смысл.

Вслед за А. В. Куниным и другими учеными мы будем считать пословицы и поговорки составной частью фразеологического фонда любого языка.

При проведении данного исследования пословицы и поговорки русского языка с компонентом-цветообозначением отбирались методом сплошной выборки из следующих источников: «Словарь русских пословиц и поговорок» В. П. Жукова [3], «Русско-английский словарь пословиц и поговорок» А. Маргулиса и А. Холодной [4], «Русские пословицы и поговорки с соответствиями в английском языке» С. Ф. Кусковской [5]. Английские соответствия рассматриваемым русским пословицам и поговоркам отбирались из вышеуказанных изданий С. Ф. Кусковской и А. Маргулиса, а также

из сборника С. Ф. Кусковой «Сборник английских пословиц и поговорок» [6] и издания “Proverbia et dicta: Шасцімоўны слоўнік прыказак, прымавак і крылатых слоў” под редакцией Н. А. Гончаровой [7].

Используя указанные источники, мы отобрали 70 русских пословиц и поговорок со следующими колоративами: *белый, черный, красный, серый, зеленый, рыжий*. Поскольку во многих поговорах употребляется сразу по два колоратива, можно говорить о 90 случаях употребления.

Наиболее частотными колоративами в составе русских поговорок оказались ахроматические цвета – черный и белый (35 поговорок): 12 случаев употребления колоратива *белый*, 6 случаев – колоратива *черный*. Примеры поговорок будем приводить сразу с их английскими соответствиями:

Дела как сажка бела. – None too bright, could be better.

По сажке хоть гладь, хоть бей – всё будешь чёрен от ней. – You cannot touch pitch without being defiled.

Интересно, что в большинстве случаев данные колоративы встречаются в оппозиции, т. е. противопоставляются в одной и той же поговорке (17 поговорок, в которых зафиксировано сразу два колоратива – *черный* и *белый*):

Бела береза, да деготь черен. – Appearances are deceptive.

Говорит бело, а делает черно. – Fine words dress ill deeds.

Черное к белому не пристанет. – You'll never see good and bad to agree.

Как видим, противопоставление сохраняется и в некоторых английских соответствиях, только не при помощи колоративов, а при помощи антонимичных единиц: *fine – ill, good – bad*.

В нескольких поговорах встречаются единицы, производные от прилагательных *черный* и *белый* (глаголы и наречия):

Близ смолы ходишь – обчернишься. – You cannot touch pitch without being defiled.

Легко очернить, нелегко обелить. – A bad wound is cured, but/not a bad name.

Чёрное от стирки не белеет. – It's ill wool that will take no dye.

Черного кобеля не отмоешь добела. – You cannot wash a charcoal white.

Рассмотрим семантику данных колоративов.

Как отмечают в своей работе С. Ю. Карпенко и О. П. Шевчук, колоративы *белый* и *черный* можно назвать «языковой универсалией» [8, с. 540.]. А. Вежбицкая в своей работе подчеркивает, что «различие между “темными” и “светлыми” цветами играет важнейшую роль в большинстве языков мира» [9, с. 233]. Вероятно, это можно объяснить тем, что противопоставление света и тьмы восходит своими корнями к глубокой древности.

Если сравнить дефиниции прилагательного *black* в английском языке и прилагательного *черный* в русском языке, то можно увидеть много сходства. В обоих языках эти прилагательные являются полисемантическими, причем производные их значения схожи, так как имеют негативную коннотацию. Как английское прилагательное *black*, так и русское прилагательное *черный* могут передавать значения ‘мрачный, унылый, безнадежный’ (*things look black; черная скука, черная тоска*), ‘отвратительный, жестокий, крайне отрицательный’ (*black laws, black ingratitude; представить дело в чёрном свете*), ‘злой, сердитый; низкий, коварный’ (*black look; черная зависть, черная измена*) и др.

Производным значениям прилагательных *white* и *белый* присуща положительная коннотация: ‘незапятнанный, чистый, связанный с добром, нравственно безупречный’ (*It is I whose duty it is to see that your name be made white; Рубаха черна, да совесть бела*).

Именно переносные значения данных прилагательных актуализируются в рассмотренных поговорах. Из 35 русских поговорок с колоративами *черный* и *белый* лишь для пяти найдены англоязычные аналоги, также имеющие в своем составе эти колоративы, причем три русские поговорки являются синонимичными, поэтому им соответствует один и тот же английский аналог:

Горшок над котлом смеётся, а оба черны. – The kettle calls the pot black.

Черна корова, да бело молочко. – A black hen lays a white egg.

Черного кобеля не отмоешь *добела*. = *Черное* – не белое. = *Черную* душу и мылом не отмоешь. – *You cannot wash a charcoal white.*

Во всех остальных случаях для русских пословиц с колоративами *черный* и *белый* можно подобрать аналоги, не имеющие цветообозначений в своем составе:

Белые ручки чужие труды любят. – *A cat in gloves catches no mice.*

Белый свет не клином сошелся. – *The world doesn't end in a wedge.*

Все друзья, *все* приятели до *чёрного* лишь дня. – *When poverty comes in at the door, love flies out at the window.*

Личиком бел, да душою *черен*. – *A fair face, but a foul heart.*

Второе место по частотности в рассмотренных нами русских поговорках занимает колоратив *красный* (24 случая). Этот цвет можно назвать символическим для русской культуры. Если обратиться к данным толкового словаря русского языка под редакцией С. А. Кузнецова [10], то мы увидим, что основные производные значения данного прилагательного имеют положительную коннотацию и свойственны поэтической речи: (трад.-поэт.) ‘красивый, прекрасный’ (*красные девицы*); (народно-поэт.) ‘ясный, яркий, светлый’ (*красное солнышко; лето красное*). Одно значение, также с положительной семантикой, является устаревшим: (устар.) ‘радостный, счастливый’, тем не менее и в этом значении колоратив *красный* широко используется в поговорках:

Без обеда не *красна* беседа. – *A drink is shorter than a tale.*

Долг платежом *красен*. – *One good turn deserves another.*

Красна птица пером, а человек умом. – *Knowledge is power.*

Красно поле рожью, а речь ложью. – *A boaster and a liar are cousins.*

Любая ссора миром *красна*. – *A bad compromise is better than a good lawsuit.*

На миру и смерть *красна*. – *Woe to him that is alone.*

На чужой стороне и весна не *красна*. – *East or West, home is best.*

Не все *ненастье*, проглянет и *красно* солнышко. – *After adversity, prosperity.*

Английскому колоративу *red* не свойственна такая положительная семантика. В английском языке данному прилагательному присуще больше негативных коннотаций. Ни для одной из рассмотренных русских поговорок с колоративом *красный* не удалось подобрать английский аналог с каким-либо цветообозначением. На наш взгляд, это только подтверждает тот факт, что семантика и символика прилагательных *красный* и *red* сильно различаются в русском и английском языках.

Колоратив *серый* встретился в 8 случаях. В обоих языках производным значениям данного колоратива присуща негативная семантика: ‘пасмурный, тусклый’ (*серый день; grey day*), ‘ничем не примечательный; безликий, необразованный’ (*серое существование, серые будни; grey men*).

Данная семантика четко прослеживается в рассматриваемых поговорках:

У мужика кафтан *сер*, да ум у него не волк съел. – *The clothes do not make a man.*

Не все, что *серо*, волк; (и *космато*, да не *медведь*). – *All are not thieves that dogs bark at.*

Серенькое утро – *красненький денёк*. – *A foul morning may turn a fine day.*

Для одной поговорки имеется полный эквивалент в английском языке (говоря о переводе фразеологических единиц, под эквивалентом обычно понимают единицу другого языка, обладающую одинаковыми с исходной единицей семантикой и образностью):

Ночью все кошки *серы*. – *All cats are grey in the dark.*

Колоративы *зеленый* и *рыжий* встретились лишь в единичных случаях:

Молодо – *зелено* (погулять велено). – *You cannot put old heads on young shoulders.*

Осла хоть в *Париж*, все будет *рыж*. – *If an ass goes travelling he'll not come home a horse.*

В обоих случаях, как видно из представленных примеров, присутствует негативная семантика.

Проведенное исследование показало, что наиболее распространенными колоративами в русских поговорках являются *черный* и *белый*, причем очень часто они употребляются

в паре, акцентируя наше внимание на противоположных понятиях. Отобранные пословицы имеют только один полный эквивалент в английском языке (с колоративом *серый*) и лишь 3 аналога, в состав которых входят колоративы (*черный* и *белый*). Во всех остальных случаях используются аналоги без колоративов, что подчеркивает уникальность двух культур.

Список использованных источников

1. Алымова, Е. Н. Цвет как лингвокогнитивная категория в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. Н. Алымова; С.-Петербургский гос. ун-т. – СПб., 2007. – 19 с.
2. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка: учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / А. В. Кунин. – 2-е изд., перераб. – М. : Высш. шк., Дубна: Изд. Центр «Феникс», 1996. – 381 с.
3. Жуков, В. П. Словарь русских пословиц и поговорок / В. П. Жуков. – 7-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 2000. – 544 с.
4. Margulis, A. Russian-English dictionary of proverbs and sayings/ A. Margulis, A. Kholodnaya. – Jefferson : McFarland & Company, Inc., Publishers, 1974. – 487 p.
5. Кусковская, С. Ф. Русские пословицы и поговорки с соответствиями в английском языке / С. Ф. Кусковская. – Минск : Выш. шк., 1992. – 222 с.
6. Кусковская, С. Ф. Сборник английских пословиц и поговорок / С. Ф. Кусковская. – Минск : Выш. шк., 1987. – 253 с.
7. Proverbia et dicta: Шасцімоўны слоўнік прыказак, прымавак і крылатых слоў / Н. А. Ганчарова, І. М. Шчарбакова, Л. Г. Калядка і інш.; пад рэд. Н. А. Ганчаровай. – Мінск : Універсітэцкае, 1993. – 255 с.
8. Карпенко, С. Ю. Семантические особенности цветовосприятия в китайском и английском языках на примере белого, черного и красного цветов / С. Ю. Карпенко, О. П. Шевчук // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2019. – № 38 (4). – С. 540–550.
9. Вежбицкая, А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия / А. Вежбицкая // Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая; отв. ред. М. А. Кронгауз, вступ. ст. Е. В. Падучевой. – М. : Русские словари, 1996. – С. 231–291.
10. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovuj-slovar>. – Дата доступа : 29.09.2024.

Abstract. The article is devoted to the analysis of Russian proverbs and sayings which have a colour component. The author reveals that the most frequent colour terms used in Russian proverbs and sayings are items *white* and *black*. In the corresponding English proverbs and sayings colour terms are rarely used, which emphasizes the uniqueness of the two cultures.

Keywords: proverb, saying, colour term.

Русина Юлия Николаевна – кандидат филологических наук; Минский государственный лингвистический университет (jrusina@mail.ru).

УДК 811.161.1'37:81'373:398.92:124.2-027.31

Е. И. Селиверстова

СОЧЕТАЕМОСТЬ И СЕМАНТИКА НЕОФРАЗЕОЛОГИЗМА В ПРОЦЕССЕ КРИСТАЛЛИЗАЦИИ СМЫСЛА

Аннотация. Статья основана на анализе контекстов Национального корпуса русского языка и сети Интернет, иллюстрирующих процессы стабилизации содержания неологических фразеологизмов, их компонентного состава и сочетаемости. Один из признаков, нередко отличающих

адвербиальные обороты – и рассматриваемое нами выражение *в пузыре* (быть, находиться, оказаться и т. д.), состоит, с одной стороны, в их широкой сочетаемости, а с другой – в способности проявлять избирательность по отношению к отдельным глаголам-сопроводителям и тем самым демонстрировать становление иного варианта оборота – в виде глагольной фразеологической единицы. В статье речь также идет о фразеологизме *разговоры в пользу бедных*, обнаруживающем в контекстах различные версии семантического прочтения.

Ключевые слова: неология, фразеологизм, контекст, сочетаемость, глаголы-сопроводители, семантический спектр.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №23-18-00141, реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете).

Издаваемые «ежегодники», «десятилетники» и другие издания, в которых фиксируются новообразования, обращены к «верхнему – по протяженности своего существования в языке» – слою словарного состава языка [1, с. 3]. Одни из них только регистрируют новое, обнаруживаемое в прессе и художественной литературе, в других – материалах конференций, специальных журналах и сборниках статей – приводятся результаты изучения процессов, связанных с возникновением и функционированием неологических единиц.

«Текущая» фразеология отражается и в регулярных изданиях Института русского языка «Новое в русской лексике. Словарные материалы», и в собраниях исключительно фразеологического материала – сравн., в частности, [2; 3; 4] и др., и в трудах исследователей, чье внимание направлено на сохранение отмеченных ранее тенденций в этой области и обнаруживаемые в живом языке новые явления.

Ученые изучают культурологическую специфику фразеологизмов-неологизмов (ФЕ), проявляющуюся в идеографической концентрации в рамках определенных блоков [5, с. 18]; процессы создания новых слов от новых же фразеобразований – таких как, например, *голая вечеринка* → *головечеринить*, *головечеринник* и т. д. [6, с. 10–11]; варианты семантического прочтения оборотов, выходящих в речи за пределы специфической сферы функционирования [7]; явления синонимичности неофразеологизмов традиционным устойчивым единицам, образованным по актуальной структурно-семантической модели, – таких, как *дать пинкаря*, *дать в пятак*, *отвесить пенделя* и т. д. [8, с. 163–164]; об особенностях отражения неофразеологии в лексикографических источниках [9]; функционирование единиц, в состав которых входят компоненты – единицы «сладкого» культурного кода: *уже / совсем не торт*, *сладкая парочка*, *в [полном] шоколаде* и т. п. [10]; процессы образования неологических пословиц русского языка [11] и т. п.

Мы остановимся в данной статье на двух неофразеологизмах, руководствуясь интересом к их сочетаемости в контекстах и к вытекающему из этого их нынешнему семантическому содержанию – доступному четкой формулировке или же до некоторой степени аморфному.

Оборот *быть в пузыре*, обнаруживаемый в словаре с толкованием ‘быть изобличенным во лжи’ сопровождается пометами *Жарг. Угол*. [12, с. 543].

Между тем Национальный корпус русского языка и материалы сети Интернет предлагают ряд контекстов, демонстрирующих использование выражения в ином значении и с достаточно широкой сферой функционирования.

В условиях опасной эпидемиологической ситуации (2020 г.) это выражение встречается в описаниях спортивных встреч, проходивших в необычных условиях. *Нынешний чемпионат мира, который ради безопасности заперт в «пузыре» в Эдмонтоне, созданном еще под игравшийся летом и осенью play-off НХЛ, для сборной России – новая попытка вернуть себе золото* [Алексей Доспехов. *Пузырь* доброй надежды // Коммерсант, 25.12.2020]. Речь идет о спортивных матчах при отсутствии фанатов на трибунах и об изоляции игроков каждой из команд на отдельных этажах гостиницы – с проведением соответствующих процедур дезинфекции и т. п. При первой реализации подобных условий

изоляция команд продолжалась около 2 месяцев. Комментарии к этой ситуации, подчеркивающие в первую очередь психологические трудности, содержат словосочетания *жизнь / пребывание / жить / пребывать в пузыре*. В выражении «запертый в пузыре» подчеркивается вынужденность подобного шага спортсменов, идущих ради спортивных побед на изоляцию от семьи, друзей и т. п.

Из совокупности значений слова *пузырь*, приводимых в словаре – см., в частности, [13, с. 557], – нетрудно вывести инвариантное значение, послужившее основанием для фразеологического сочетания: ‘сосуд (мешок), способный что-либо вмещать с полной изоляцией от внешней среды’.

Идея отгороженности от мира, от поступления определенного рода информации реализуется в характеристике соцсетей, в рамках которых сведения могут дозироваться коммерческими компаниями, намеренно оставляя пользователей отчасти в неведении – они «*оказываются за пертыми в пузыре <...> приятной для них информации*» [Сергей Голубицкий. Покойся с миром, свободный интернет. Памяти Джона Перри Барлоу, главного киберлибертарианца планеты // Новая газета, 09.02.2018].

«Человеком в пузыре» журналистом назван герой фильма Вуди Аллена «Ангедония», построенного на целом ряде флэшбеков, монологов, воспоминаний и повествований героя, который при этом показан «в отрыве от событий его жизни», вне связи с ними [«Мы с успехом унижали друг друга» // lenta.ru, 03.02.2019].

В современных текстах выражение чаще используется в комбинации с глаголом *жить* и отглагольным существительным *жизнь*. Сравн.: *Проблема в том, что Лос-Анджелес – это совсем не то же самое, что Нью-Йорк, здесь все иначе. Мы как будто живем в пузыре, не видя, что происходит в остальной Америке. Все, что мы можем сделать, это быть чуть более вовлеченными* [Беседовала Алёна Кожевникова. «Это чертов кошмар» // lenta.ru, 21.02.2017].

Футболист Себастьян Пюигрень, игравший ранее за команду Санкт-Петербургского «Зенита», рассказывая о своем восприятии города и России, заявил, что «*общество здесь сильно отстает от европейского. Они будто живут в пузыре*» [Бывший игрок «Зенита» осудил фанатов-расистов и высказался об отставании России // lenta.ru, 17.09.2019].

В рассказе о сложной ситуации, в которой оказался переехавший на проживание за границу человек, не знающий законов, традиций и культурных особенностей. Не владея языком, «*на котором говорят в новой стране*», «*можно оказаться в пузыре*. <...> *Я оказываюсь в пузыре, который изолирует меня от окружающей реальности. Пузырь настолько большой и прочный, что не дает мне зайти во многие двери. В пузыре я хожу на улице и в магазине, езжу в нем на поезде. Вокруг что-то происходит, но я ничего не слышу из-за пузыря. Жизнь в пузыре при желании можно неограниченно долго. Я знаю несколько людей, которые живут в нем годами. <...> Но всё-таки без пузыря жить лучше* [*Жизнь в пузыре*; <https://blog.gypsyengineer.com/ru/german-life/life-in-bubble.html> (дата обращения 12.10.24)]. Интересно, что в этом примере автор позволил себе и активную языковую игру с неофразеологизмом, что обычно возможно с уже хорошо освоенными единицами. Сравн.: *Я записался в общество по борьбе с пузырями, где я в компании индийцев, поляков, греков и румын пытаюсь избавиться от своего ненавистного пузыря. Получается, но со скрипом* [там же].

С одной стороны, широкий разброс глаголов не позволяет говорить о единственной устоявшейся версии глагольной ФЕ – *жить в пузыре*. С другой стороны, в соответствующей словарной статье нельзя не привести хотя бы несколько примеров вариантной сочетаемости нового, но уже устойчивого, сочетания *в пузыре* с другими глаголами: *жить (быть, находиться, пребывать, оказаться) в пузыре*. В рамках традиции лексикографической разработки подобных адвербиальных единиц используется и такой подход, реализованный в словаре-тезаурусе русской идиоматики под редакцией А. Н. Баранова, когда заголовочная единица включает в качестве факультативных компонентов и некоторые

из глаголов; они приводятся в квадратных скобках; сравн., например, ФЕ со значением ‘быстро, сразу’: [схватывать... (что-л.)] с лёту/лёта. Оборот иллюстрируется контекстами, содержащими такие варианты, как *назвать с лету, схватывать с лету, раскупаться с лету* [14, с. 125]. Авторы словаря отмечают, что среди контекстов «примеры на базовый вариант присутствуют обязательно, а на остальные варианты – не всегда» [14, с. 7]. Нам представляется такой подход целесообразным.

Близким в приведенному по значению, структуре и образности является и выражение [как] в коконе (*быть, находиться, скрываться, оставаться*); сравн.: *заточить себя в коконе одиночества; остался в коконе, побоялся идти в жизнь; Человек в коконе заботится только о том, чтобы его невидимая стена не была разрушена, равнодушен к чужим победам и трудностям* и др., также актуализирующее семантику закрытости, изолированности от чего-л.

Интересную картину представляют трактовки в лексикографических источниках выражения *в пользу бедных*. Оно приводится преимущественно в сочетании с компонентами *разговор / разговоры*, например: ‘Разг. Ирон. Показное, лицемерное сочувствие чужим несчастьям’ [12, с. 553]. Семантические акценты в формулировках значений ФЕ разнообразны: ‘пустая болтовня’, ‘демагогия’. Так характеризуют содержание реплик собеседника, предлагающего «маловозможное решение социальных проблем прекрасногодушного или патетического характера»; этой тактики ведения разговора, дискуссии следует избегать [15, с. 222]. Оборот, таким образом, выступает как формула выражения несогласия с говорящим, его аргументами, но, как показывают современные контексты, – отнюдь не по причинам показного, лицемерного сочувствия.

Эта семантическая доля в значении ФЕ, поддерживаемом контекстами, практически отсутствует, т. е. постепенно размывается его связь с буквальным прочтением словосочетания и его «генеалогией». Актуализируется следующая семантическая линия: предлагаемое, высказываемое и т. п. – ‘это то, чем можно пренебречь’, что ‘не стоит принимать всерьез’, ‘не сработает, лишено действительности’. Сравн.: *Пропустить обязательный пункт типа опроса агентуры или обхода окрестных обывателей нельзя. Сочтут за нерадивого. Аргументы в пользу бедных не принимаются. Мероприятия должны идти своим чередом* [Марианна Баконина. Девять граммов пластита (2000)] – ‘оправдания бесполезны, они не будут услышаны, приняты во внимание’.

А если он и правда убийца? Тогда как? Запуталась я... Впрочем, все это были рассуждения в пользу бедных: посылать или не посылать ее к следователю было не в моей власти. [Вера Белоусова. По субботам не стреляю (2000)] – рассуждения напрасны, бесполезны – и в данном случае об этом, скорее, следует сожалеть.

Это выражение может характеризовать:

– напрасно затеянный разговор, неприятный для одного из его участников:

За все эти двадцать два года он ни словом об этой женщине и об этом ребенке не обмолвился – он избрал себе тактику страуса. Поначалу он говорил: «Эта тема не может быть поводом для обсуждения», а потом еще резче: «Опять разговор в пользу бедных!» – и по-прежнему допоздна пропадал на каких-то халтурах [Марина Вишневецкая. Есть ли кофе после смерти? (1999)];

– избыточную, второстепенную информацию: *Он верил, что в конце концов придет время, когда он перестанет быть вещью. Потому что купить его не сможет никто. Это и есть главное в человеке – его цена. А все остальное – разговор в пользу бедных* [Виктор Левашов. Заговор патриота (2000)];

– беспочвенные планы и обещания: *Несколько дней назад приезжал Володька Стрельников и говорил насчет своего нового назначения и новой работы для Томчака и Леонтьева. Но Вячеслав Петрович в это не верил. Все это одни пустые разговоры в пользу бедных* [Александра Маринина. Светлый лик смерти (1996)];

– встречи и собрания с нечетко сформулированными темой и целью: *Разговор этот состоялся, <...> когда проводилось очередное «рабочее совещание» и, как всегда,*

«в пользу бедных». Это отцовское выражение нравилось Катерине все больше и больше. – Я не понимаю нашей роли во всем этом замечательном деле, – начала Катерина, когда, уже под конец совещания, ей предоставили слово [Татьяна Устинова. Персональный ангел (2002)] и т. д.

Семантический крен в сторону указания на бесполезность, напрасность чего-либо вызвал к жизни оборот *в пользу бедных* – для оценки иных явлений действительности, а не только лишь разговоров, предположений и т. п. Сравн.:

Мы, единственные на «Пензе», за взятку подключены к электричеству, и холодильник у нас работает, как фордовский конвейер. Конкуренты где-то воруют промышленный лёд, но к обеду весь его эффект – в пользу бедных, которыми тогда, повторяю, были все... [А. Ю. Колобродов. «Юрюзаны», или как не стать олигархом // «Волга», 2011]. Здесь налицо значение ‘исчезает’ – лёд оказывается бесполезным, поскольку тает, но также используется прием каламбурного обыгрывания ФЕ.

Приведенные примеры показывают, что новые фразеологизмы активно используются говорящими и продолжают свое развитие, и лексикограф, работающий с неофразеологией, нередко оказывается в непростой ситуации, обязывающей его к изучению многочисленных нюансов в использовании единиц, которые находятся либо в стадии становления и кристаллизации семантики, либо в процессе расширения сферы употребления единицы и появления необходимости в корректировке ее толкования в словаре.

Список использованных источников

1. Левашов, Е. А. От редактора // Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов / под ред. Е. А. Левашова. – СПб. : Дмитрий Буланин, 1997. – 904 с.
2. Мокиенко, В. М. Новая русская фразеология. – Ополе : Uniwersytet Opolski; Instytut Filologii Polskiej, 2003. – 167 с.
3. Stepanova, L. Slovník ruských neologismů / L. Stepanova, M. Dobrova. – Olomouc, UP Palackého, 2018. – 469 s.
4. Словарь русского языка коронавирусной эпохи / отв. ред. М. Н. Приемышева. – СПб. : Ин-т лингв. исслед. РАН, 2021. – С. 432–489.
5. Вальтер, Харри. Лексические и фразеологические неологизмы: общее и различное / Харри Вальтер // Мир русского слова. – № 2. – 2011. – С. 14–19.
6. Козловская, Н. В. Динамические процессы в русском языке 2023 года и аспекты их лексикографического описания / Н. В. Козловская, А. С. Павлова // Неология. Неография. 2023 : сб. науч. статей / отв. ред. Н. В. Козловская / ИЛИ РАН. – СПб. : ИЛИ РАН, 2024. – С. 5–12.
7. Селиверстова, Е. И. По какому поводу танцы с бубнами? (ситуативно-семантический аспект) // XV Конгресс МАПРЯЛ : избранные доклады / отв. ред. М. С. Шишков. – СПб. : МАПРЯЛ, 2024. – С. 329–334.
8. Мокиенко, В. М. Новое и старое: динамика фразеологической синонимии / В. М. Мокиенко // Неология. Неография. 2023 : сб. науч. статей / отв. ред. Н. В. Козловская / ИЛИ РАН. – СПб. : ИЛИ РАН, 2024. – С. 160–168.
9. Генералова, Е. В. О фиксации новейших фразеологизмов в словарях русского языка разного типа / Е. В. Генералова // Международная научно-педаг. организация филологов. – West-East, October, 2/1. – № 1. – С. 33–37.
10. Николаева, Е. К. «Сладкая фразеология»: новые фразеологизмы с компонентами, обозначающими сладости / Е. К. Николаева // Новое в русской и славянской фразеологии / под ред. А. Архангельской. – Оломоуц, 2020. – С. 82–88.
11. Зиновьева, Е. И. Актуальные процессы в образовании неопаремий русского языка / Е. И. Зиновьева // Функциональная грамматика: теория и практика : сб. научных статей по итогам Всерос. с междунар. участием научно-практ. конф. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2021. – С. 225–230.
12. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок: более 40000 образных выражений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина / МАПРЯЛ, РОПРЯЛ, СПбГУ, Межкафедральный словарный каб. им. Б. А. Ларина. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2013. – 783 с.

13. Словарь русского языка : в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Русский язык, 1985–1988. – Т. 3. – 752 с.

14. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики : около 8000 идиом современного русского языка / Ин-т рус. Яз. им. В. В. Виноградова РАН; А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский, К. Л. Киселева [и др.]; под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. – М. : Мир энциклопедий Аванта+, 2007. – 1135 с.

15. Романова, Н. Н. Словарь. Культура речевого общения: этика, прагматика, психология / Н. Н. Романова, А. В. Филиппов. – 2-е изд., стер. – М. : Флинта, 2016. – 304 с.

Abstract. The article is based on an analysis of the contexts of the National Corps of the Russian language and the Internet, illustrating the processes of stabilizing the content of new phraseologisms, their composition and compatibility. One of the signs that often distinguish adverbial turns – and the expression *in the bubble (to be, to be, to be, etc.)*, which we are considering, consists, on the one hand, in their wide compatibility, and on the other, in the ability to show selectivity in relation to individual verbs and thereby demonstrate the formation of a different version – in the form of a phraseological unit with a verb. The article also deals with phraseological conversations *in favor of the poor*, revealing in contexts various versions of semantic reading.

Keywords: neology, phraseology, context, combinability, accompanying verbs, semantic spectrum.

Селиверстова Елена Ивановна – доктор филологических наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет (Selena754@inbox.ru).

УДК 81'33:338.484-026.613

Т. В. Сивова

«ЗЕЛЕНый», «КРАСНый», «ЧЕРНый» ТУРИЗМ: ВИДЫ ТУРИЗМА В ТЕРМИНАХ ЦВЕТА (ОПЫТ ПОЛИДИСКУРСИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Аннотация. В статье представлены наблюдения над семантическим объемом и спецификой современного функционирования в текстах различных дискурсов фразеологических единиц, построенных по модели «термин цвета + сущ. туризм».

Ключевые слова: лингвистика цвета, термин цвета, цветофразеологизм, ассоциативный эксперимент.

«Фразеологические единицы, содержащие в своем составе обозначения цвета, – по авторитетному мнению В. Г. Кульпиной, – представляют собой достаточно частотный и специфичный слой лексики» [1, с. 144]. «Фразеологизмы с цветовым компонентом, – отмечает В. Г. Кульпина, – являются частью лексической системы языка и функционируют в соответствии с присущими ей законами. В то же время цветовой компонент создает особого рода ассоциации и особого рода тип наглядности и суггестивности. Основная масса цветономинаций возникает на основе языковых механизмов метонимии, метафоры и перифразы» [2, с. 385]. В. Г. Кульпина подчеркивает: «Цветосемантика развивается у фразеологизмов на определенной лингвокультурной базе в определенных языковых и контекстных условиях и привносит специфические визуальные и ментальные смыслы» [2, с. 385].

Подтверждением тезису служат многочисленные посвященные исследованию цветофразеологизмов диссертационные исследования, среди которых работа Д. Н. Ерковой, ставящая целью выявление специфики цветофразеологизмов русского и испанского языков, их образного компонента, в которой предметом исследования «выступают семантические и грамматические особенности цветофразеологизмов в двух исследуемых языках»

[3, с. 3]; работа Ю. В. Зольниковой, в которой автор, обращаясь к словарям, осуществляет сопоставительное описание цветообозначений на материале ФЕ русского и немецкого языков, заключая, в частности: «значения цвета в русской и немецкой фразеологических системах, сходства и различия, затрагивающие глубинные слои сознания народов, национальные особенности, находят свое отражение в лексемах ЦВЕТ, СВЕТ, ТЬМА в рамках анализируемых лингвокультур» [4, с. 3–6]; работа В. С. Фоминой, которая посвящена изучению «истории формирования, развития и функционирования фразеологических единиц с основными названиями цветов спектра в качестве их компонентов в русском и белорусском языках, описанию их семантической структуры» [5, с. 4].

Особый интерес в свете проводимого нами исследования представляет работа А. Ю. Комановой, предметом которой являются «функции, выполняемые фразеологизмами с элементами цветообозначения с различной семантической структурой в рамках медиадискурса политической, экономической и бытовой направленности» [6, с. 3–4]; работа Чжан Цзе, объект исследования в которой «фразеологизмы с колоративным компонентом, появившиеся в русском языке в конце XX – нач. XXI вв.», предмет – «новые фразеологизмы с колоративным компонентом, встречающиеся в текстах экономической, политической и социальной направленности, их лексико-семантические, структурно-грамматические и функционально-стилистические особенности» [7, с. 3].

В фокусе нашего исследования – потенциал цветообозначений, реализуемый в неофразеологизмах, построенных по модели «термин цвета + сущ. *туризм*». В качестве материала исследования выступают тексты различных дискурсов: лексикографического, научного, правового, журналистского, данные проведенного нами лингвистического ассоциативного эксперимента.

Правовой дискурс. Постановлением Министерства спорта и туризма Республики Беларусь от 7 августа 2023 г. № 36 «О введении Единой классификации видов туризма в Республике Беларусь» определен перечень видов туризма: агроэкотуризм, активный, гастрономический, деловой, историко-культурный, лечебно-оздоровительный, медицинский, образовательный, охотничий, промышленный, религиозный, событийный, **экологический** [выделено нами. – Т. С.] [8].

Журналистский дискурс («СБ. Беларусь сегодня» [9]). Широкий спектр номинаций, обозначающих различные виды туризма: **патриотический туризм, гастрономический, промышленный, экологический, инклюзивный и религиозный** (13.05.2023); *на Гомельщине будут развивать «чернобыльский» туризм* (29.04.2023); *программа по развитию ностальгического туризма* (21.01.2021); актуализируемый в их создании потенциал языка: *деньги на «покурить-туризме» амстердамские кофешопы* (09.10.2019); *специализация – туризм с приставкой «эко»* (16.06.2023); *возможности для развития fashion-туризма* (30.04.2020); *город стал центром ивент-туризма* (15.12.2018).

Ассоциативный эксперимент (АЭ). В 2024 г. нами был проведен АЭ, в котором приняли участие 400 респондентов (студенты ГрГУ имени Янки Купалы – факультета истории, коммуникации и туризма, факультета математики и информатики; пол: 191 жен., 209 муж.; возраст: 17–20 лет), которым было предложено раскрыть смысл ряда словосочетаний (как реально функционирующих, так и смоделированных нами): *зеленый туризм, черный, красный, серый, синий, белый, желтый, коричневый, голубой, темный, розовый, оранжевый, фиолетовый, цветной*.

Изложим некоторые наблюдения над семантическим объемом искомым ФЕ, спецификой их функционирования, ролью терминов цвета в их образовании.

Зеленый туризм.

Лексикографический дискурс. *Зеленая стоянка* (остановка туристского теплохода, поезда для отдыха туристов в живописных местах) [10].

Научный дискурс. Статья «От экологического к зеленому туризму»: «В последние годы в Беларуси интенсивно развиваются различные виды туристско-рекреационной

деятельности, прямо или косвенно использующие национальное природное наследие (естественные ландшафты, особо охраняемые территории и др.). Соответственно, появились и стали активно употребляться такие понятия, как, например, “экологический туризм” (“экотуризм”), “зеленый туризм”, “агротуризм”, “сельский туризм”, “агро-экотуризм”» [11, с. 20]. В. Устин отмечает: «Широко употребляемый в настоящее время термин “зеленый туризм” подразумевает применение в туристической индустрии методов и технологий, оказывающих минимальное воздействие на окружающую среду. При этом нельзя ставить знак равенства между зеленым и экологическим туризмом <...> Наиболее близкие понятия – **устойчивый, поддерживающий (мягкий) туризм** [выделено нами. – Т. С.]» [11, с. 21–22].

Журналистский дискурс. Белорусские СМИ («СБ. Беларусь сегодня», 31 контекст; выборка: 30.04.2005 – 07.06.2024 гг.; первая фиксация 21.08.2007). В контексте: *Преимущество Беларуси очевидно, ведь в последнее время особенно популярным во всем мире становится «зеленый» туризм* (12.03.2010).

Специфика. Отождествление видов туризма: *Сейчас наиболее бурно на планете развивается именно «зеленый», экологический, туризм* (27.11.2010); *Услуги сельского, или, как его еще называют, зеленого туризма предоставляют около тысячи усадеб* (01.03.2008); реже – разграничение: *развитие экологического и зеленого туризма* (04.11.2021). Толкование значения: *набирает популярность так называемый зеленый туризм: гости с удовольствием ездят по району, по памятным местам, на велосипедах, бродят пешком, наслаждаясь тишиной и прекрасными пейзажами* (21.04.2017); *кроме природного, «зеленым» туризмом считаются сельский, этнографический, экологический и все другие виды, которые противостоят массовому туризму* (12.03.2010). В составе других номинаций: *форум «Зеленый туризм в Беларуси» с презентацией новых маршрутов* (23.08.2019); *Годом зеленого и активного туризма был 2013-й* (25.12.2013); а также: *«Зелено-туристические» отношения не подпадают под действие нормативных актов* (21.08.2007); *Минувший год сократил во всем мире объемы продаж «зеленых» туров* (12.03.2010). В пространстве языковой игры: *Занятие подсобным хозяйством или фермерством – условие со стороны государства, включившего зеленый свет зеленому туризму* (26.10.2016).

Российские СМИ (НКРЯ, газетный подкорпус [12], 19 контекстов; первая фиксация 04.08.2008). В контексте: *превосходная экология, которая обеспечила этой стране стремительный рост «зеленого» туризма* (Известия, 07.03.2014).

Специфика. Отождествление различных видов: *идея экологического, или «зелёного» туризма* (Vesti.ru, 19.05.2011); *Имеется потенциал выживания благодаря аграрному, или «зеленому», туризму* (Коммерсант, 03.10.2011). В составе других номинаций: *... не освобождают от выполнения традиционных программ, таких как «Зеленый туризм»* (Новый регион 2, 21.01.2009).

Ассоциативный эксперимент (превалирующие значения): **экологический** – с использованием экологичных технологий, по экологически чистым местам; **природный** – в дикой природе, без вреда природе; лесной, поход в лес с палатками, активный отдых в лесу, пикник на природе; пеший туризм, без транспорта; классический туризм; легальный; оздоровительный; бесплатный.

Красный туризм.

Научный дискурс. Статья «“Красный туризм” как основное направление сотрудничества в области туризма между Китаем и Россией»: «В середине 2004 г. в Китае впервые появился термин “красный туризм” – посещение старых революционных опорных баз, родных мест видных деятелей революционного движения и мест, где произошли важнейшие события в истории китайской революции, а также мест, связанных с коммунистической партией Китая и становлением социализма в Китае» [цит. по 13, с. 95–96].

Журналистский дискурс. Белорусские СМИ («СБ», 4 контекста; выборка: 22.03.2003 – 07.06.2024 гг., первая фиксация 26.09.2017). В контексте: *Активно используются популярный среди китайской молодежи «красный туризм», а также сотрудничество областей и провинций Беларуси и Китая* (31. 05. 2024).

Специфика. Классификация, толкование значения: *Популярен также историко-культурный «красный» туризм – речь о посещении туробъектов, связанных с историей СССР* (04.01.2024). Аудиторный и культурологический фактор: *Сейчас в Китае у туристов средней и высокой возрастных групп особый интерес к Беларуси и России. Есть даже термин «красный туризм» – путешествие по постсоветским странам* (26.09.2017); *Чем мы можем заинтересовать китайских туристов? Основная тема для них – «красный» туризм и объекты, связанные с историей компартии* (08.02.2018).

Российские СМИ (НКРЯ, 15; первая фиксация 04.08.2004): *Шаошань считается центром «красного туризма»* (Lenta.ru, 21.06.2010); *Любителей «красного туризма» заывают в пекинские подземелья* (Vesti.ru, 04.08.2004).

Специфика. Классификация: *соглашения о сотрудничестве в области развития военно-исторического («красного») туризма между Ульяновской областью и провинцией Хунань* (Известия, 17.07.2015). Толкование значения (многочисленные примеры, свидетельствующие о новизне явления): *в России активно развивается так называемый «красный туризм», связанный с посещением памятных для коммунизма мест* (lenta.ru, 19.02.2016). Аудиторный фактор: *в рамках кампании по развитию так называемого «красного туризма», ориентированного на посетителей, желающих прикоснуться к романтике революции и истокам истории Компартии Китая* (lenta.ru, 01.10.2015); *активно продвигает среди китайцев «красный» туризм – по памятным местам коммунистического прошлого* (РБК Дейли, 08.10.2013). Культурологический: *потенциал «красного туризма» в связи с юбилеем Октябрьской революции* (Коммерсант, 09.02.2017). В составе других номинаций: *Программа под названием «Красный туризм» основана на патриотической тематике, которая пользуется популярностью у китайских туристов* (РИА Новости, 15.09.2015).

Ассоциативный эксперимент: опасный, экстремальный; в опасные места; в жаркие страны, на юг; по местам боев, по военным местам; **посещение мест, связанных с коммунизмом и СССР**; поездки в Китай.

Черный туризм.

Научный дискурс. Статья «Потенциал развития “черного туризма”: есть ли перспективы? (на материале электронных СМИ)»: «развитие “черного туризма” связано с тем, что сегодня данный вид туристической деятельности вызывает любопытство среди туристов – посещать места, имеющие исторические, мистические значения и связанные с массовой гибелью людей, трагедиями и катастрофами. В англоязычной науке данное направление называется “dark tourism”» [14, с. 25]. Э. А. М. Абдель Вахед предпринимает попытку классификации и выделяет в составе черного туризма катастрофический, мистический, «смертельный», кладбищенский туризм; делает обзор исследований, посвященных данному феномену [14].

Журналистский дискурс. Белорусские СМИ («СБ», 0; выборка: 24.09.2005 – 07.06.2024) не фиксируют данное значение. Актуализация значения ‘нелегальный’ в номинациях *черный экскурсовод, «черные» операторы*. В контексте: *Директор Мемориального комплекса «Брестская крепость-герой» Григорий Бысюк уверяет, что устал бороться с черными экскурсоводами. <...> Думаю, в КоАП нужно вносить изменения – статью о привлечении к ответственности за нелегальные экскурсии* (25.01.2019).

Российские СМИ (НКРЯ, 2; первая фиксация 07.09.2015) фиксируют данное значение. В контексте: *Ранее газета The Daily Mail написала, что Чернобыль доказал растущую популярность «черного» туризма* (gazeta.ru, 07.09.2015).

Специфика: *В Японии запустили новый журнал для путешественников «Черный туризм», сообщает The Telegraph* (gazeta.ru, 07.09.2015).

Ассоциативный эксперимент: нелегальный, без визы; неэкологичный, наносит вред природе; опасный, экстремальный; поездки в загрязненные районы, по запрещенным местам; по пещерам и шахтам; **по местам гибели людей**; по странам Африки.

Темный туризм / Dark Tourism / Танатотуризм / Черный туризм.

Научный дискурс. Статья «Сущность и особенности “темного” туризма»: «Существует множество различных определений мрачного туризма. Оксфордский словарь определяет “темный туризм” как туризм, включающий в себя путешествия по местам, ассоциирующимся со смертью и страданиями. В то же время ученые Д. Леннон и М. Фоули определяют “темный” туризм как “феномен, включающий в себя представление и потребление превращенных в товар мест смерти и катастроф”. По мнению исследователей, “темный” туризм – это в основном явление, которое может способствовать переосмыслению некоторых моментов в истории» [15, с. 229].

Журналистский дискурс. Белорусские СМИ («СБ», 0; выборка: 12.04.2008 – 20.04.2024).

Российские СМИ (НКРЯ, 10; первая фиксация 02.12.2015). В контексте: *Портал Atlas Obscura, специализирующийся на «темном туризме», назвал топ-50 достопримечательностей и направлений 2017 года* (10.01.2017).

Специфика. Типология: *самая безобидная разновидность «темного туризма» – прогулки по кладбищам* (lenta.ru, 02.12.2015). Культурологический фактор: *самым известным направлением «темного туризма» можно назвать Индию – берега священного Ганга* (lenta.ru, 02.12.2015).

Ассоциативный эксперимент: по запрещенным местам; по заброшенным территориям, по кладбищам, посещение аномальных, мистических и заброшенных мест, **по историческим местам с темным прошлым**, по местам с плохой историей; по опасным местам, в страны с повышенной преступностью; с посещением пещер, изучение шахт; нелегальный; ночные путешествия.

Серый туризм.

Научный дискурс. Статья «Современная система и проблемы развития сети особо охраняемых природных территорий Астраханской области»: «Более того, организация природных парков “Волго-Ахтубинское междуречье” и “Баскунчак” способствует решению ряда проблем, таких как так называемый “дикий” и “серый” туризм, неконтролируемый вылов рыбы, браконьерство на зимовальных ямах и нерегулируемый выпас скота» [16, с. 257].

Журналистский дискурс. Белорусские СМИ («СБ», 0; выборка: 19.04.2005 – 08.06.2024). Актуализация значения ‘нелегальный’ в номинациях «серые» туристы, «серые» экскурсоводы, «серый» гид, «серые» операторы. В контекстах: *Замечаем заезжих или так называемых «серых» экскурсоводов. Достоверность информации, которую они излагают о нашем городе, нередко, мягко говоря, не соответствует действительности* (25.01.2022); *Когда гид – «серый». Как планируют бороться с нелегальными экскурсоводами* (23.05.2019).

Российские СМИ (НКРЯ, 3; первая фиксация 21.10.2019). В контексте: *В Госдуме заявили о росте «серого» туризма из Китая* (Известия, 20.10.2019).

Специфика. Толкование: *весомые суммы на китайском направлении РФ ежегодно теряет из-за «серого» туризма – огромное количество граждан Поднебесной приезжает через турфирмы КНР со своими экскурсоводами, посещает лишь китайские магазины или заведения* (Известия, 21.10.2019).

Ассоциативный эксперимент: городской туризм, по мегаполисам, по индустриальным городам; горный туризм, горы, путешествия по горам; **незаконный**, полуполюгальный, на грани законности; банальный; дешевый.

В свете продуктивности модели образования исследуемых ФЕ, расширения состава актуализируемых в них терминов цвета можно прогнозировать появление новых единиц, построенных по данной модели. Обратимся к смоделированным нами единицам и возможным значениям (по результатам АЭ).

Белый туризм: безопасный; легальный, от проверенных турфирм; альпинизм, горнолыжный курорт; поездки в холодные страны; религиозный туризм. Прогнозируемое нами значение ‘медицинский’ не фиксируется в результатах АЭ, что обусловлено, вероятно, молодым возрастом респондентов.

Синий туризм (вода, небо, покрытые снегом горы): водный, морской туризм, круиз по морю, отдых на море, озере, дайвинг, серфинг, сплавы по реке; горный курорт, горы; прыжки с парашютом. *Голубой туризм* (вода, небо, покрытые снегом горы): водный туризм, морские круизы, дайвинг, серфинг; горный, отдых на горнолыжном курорте; авиатуризм, полеты на дельтаплане, полеты на воздушном шаре.

Коричневый туризм (земля): отдых в деревне, в сельской местности, связан с землей; участие в археологических раскопках; грязевые ванны, грязевые и термальные источники. Фиксируем высокий процент отказов от ответа (вопрос вызывал затруднения у респондентов).

Желтый туризм (песок): путешествия по пустыням, к пирамидам, по странам Азии, по Африке; поездки в жаркие страны; пляжные курорты.

Розовый туризм: женский, для девушек, в женской компании; детский, посещение Диснейленда; путешествие в Японию во время цветения сакуры; отдых в романтических местах, медовый месяц, романтические путешествия. Фиксируем гендерную, культурологическую и эмоциональную составляющую.

Оранжевый туризм: путешествие по южным странам, отдых в теплых странах (Испания, Египет); путешествие по Африке, по странам Азии; путешествие по пустыням; пляжный туризм; экзотический туризм; экстремальный туризм, в страны с оранжевым уровнем опасности. Помимо ассоциаций с цветом песка, актуализируется значение ‘опасный’.

Фиолетовый туризм: дорогой туризм, люксовый, роскошный отдых (Дубай); путешествие по богатым местам; посещение экзотических мест, необычный туризм, загадочные путешествия в мистические места.

Цветной туризм (поли-): разнообразный, разный, многогранный; путешествие в страны с другой культурой; кругосветное путешествие, охватывающее разные страны, по всему миру; все направления туризма.

Таким образом, в результате проведенного на материале текстов различных курсов исследования выявлен семантический объем ФЕ, построенных по модели «термин цвета + сущ. *туризм*»; определены некоторые характеризующие современное функционирование искомым ФЕ черты, среди которых: необходимость толкования значения ФЕ и вариативность значения; акцентуация аудиторной и культурологической составляющей; актуализация в создании ФЕ потенциала терминов цвета, транслирующих, с одной стороны, значимую для описания вида туризма культурологически и ассоциативно опосредованную информацию о его тематике, целевой аудитории, с другой – создающих его оценочную характеристику.

Список использованных источников

1. Кульпина, В. Г. Лингвистика цвета: Термины цвета в польском и русском языках / В. Г. Кульпина. – М. : Московский Лицей, 2001. – 470 с.
2. Кульпина, В. Г. Фразеологизмы с цветовым компонентом как манифестация культурно-исторических явлений / В. Г. Кульпина // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке : материалы междунар. науч. конф. – Тула : ТППО, 2018. – С. 381–386.
3. Еркова, Д. Н. Цветофразеологизмы в лингвокультурном аспекте: на материале русского и испанского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Д. Н. Еркова ; Белгород. гос. нац. исслед. ун-т. – Белгород, 2012. – 22 с.
4. Зольникова, Ю. В. Цветовые фразеологизмы как фрагмент идиоматической картины мира русского и немецкого языков: на материале лексикографических источников : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Ю. В. Зольникова ; Тюмен. гос. ун-т. – Тюмень, 2010. – 23 с.

5. Фомина, В. С. Формирование и развитие фразеологических единиц с названиями основных цветов спектра как их компонентами : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / В. С. Фомина ; Минск. гос. пед. ин-т им. А. М. Горького. – Минск, 1992. – 25 с.
6. Команова, А. Ю. Функционирование фразеологизмов с элементами цветообозначения в англоязычном медиадискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. Ю. Команова ; Смол. гос. ун-т. – Смоленск, 2018. – 22 с.
7. Чжан, Цзе Фразеологизмы с колоративным компонентом в русском языке конца XX – нач. XXI вв. : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Чжан Цзе ; Моск. пед. гос. ун-т. – М., 2020. – 18 с.
8. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=W22340307>. – Дата доступа : 17.06.2024.
9. СБ – «СБ. Беларусь сегодня» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.sb.by/>. – Дата доступа : 17.06.2024.
10. БТС – Большой толковый словарь русского языка / ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
11. Устин, В. От экологического к зеленому туризму / В. Устин // Наука и инновации. – 2013. – № 7 (125). – С. 20–23.
12. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 17.06.2024.
13. Чжочао, Ю. «Красный туризм» как основное направление сотрудничества в области туризма между Китаем и Россией / Ю. Чжочао // Постсоветский материк. – 2019. – № 4 (24). – С. 94–106.
14. Абдель Вахед, Э. А. М. Потенциал развития «черного туризма»: есть ли перспективы? (на материале электронных СМИ) / Э. А. М. Абдель Вахед // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2022. – Вып. 3 (304). – С. 25–31.
15. Карпова, Ю. И. Сущность и особенности «темного» туризма / Ю. И. Карпова, М. Н. Лоташ // Региональные географические исследования : сб. научных трудов / под ред. А. В. Погорелова. – Вып. 13. – 2020. – Краснодар : Кубанский гос. ун-т. – С. 228–233.
16. Черкасов, А. И. Современная система и проблемы развития сети особо охраняемых природных территорий Астраханской области / А. И. Черкасов, Л. А. Морозова, Г. Т. Джумалиева // Совершенствование методологии познания в целях развития науки : сб. статей Международной научно-практической конференции (28 окт. 2017 г., г. Уфа) : в 2 ч. – Ч. 2. – 2017. – Уфа : «АЭТЕРНА», С. 256–258.

Abstract. The article presents observations on the semantic volume and specifics of modern functioning in the texts of various discourses of phraseological phrases built on the model *colour term + noun. tourism*.

Keywords: linguistics of colour, colour term, colour phraseology, associative experiment.

Сивова Татьяна Викторовна – кандидат филологических наук, доцент; Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (sitavi@tut.by).

УДК 811.161.1'373.7:821.161.1

О. Г. Соколовская, Е. В. Ковалева

ФРАЗЕОЛОГИЗМ КАК ТЕКСТООБРАЗУЮЩЕЕ СРЕДСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Аннотация. Статья посвящена исследованию текстообразующих свойств фразеологических единиц в художественном тексте. На примере романа И. П. Шамякина «Атланты и кариатиды»

авторы рассматривают текстообразующий потенциал фразеологических выражений на семантико-композиционном уровне, характеризуют индивидуальный авторский стиль использования фразеологизмов в тексте.

Ключевые слова: фразеологические единицы, фразеологизмы, художественный текст, текстообразование.

Одним из актуальных направлений исследования фразеологических единиц на данном этапе является их текстообразующий потенциал. Анализ функционирования фразеологических выражений в художественном тексте способствует выявлению их стилистического, эмоционального, смыслового потенциала, что является основой процесса текстообразования, под которым понимается процесс развертывания идеи, развитие сюжета за счет фразеологизма или его компонентов (как лексических, так и семантических).

Художественный текст способствует проявлению языковых и речевых свойств фразеологизмов. Н. С. Валгина определяет текст как динамическую единицу высшего порядка, как произведение, обладающее признаками связности и цельности – в информативном, структурном и коммуникативном плане [1, с. 3] и выделяет текстовые категории на основе коммуникативно-прагматического принципа: содержательные, структурные, строевые, функциональные, коммуникативные. Как отмечает И. В. Арнольд, «при анализе художественных текстов коннотативная часть семного состава оказывается особенно важной. При этом приходится различать узуальные и окказиональные, т. е. порожденные контекстом, коннотации» [2, с. 55].

Вопросы процесса текстообразования представлены в работах таких исследователей, как Н. С. Болотнова, Н. С. Валгина, И. Г. Кошечая, Т. В. Харламова и др. В нашей работе рассматриваются фразеологизмы в романе И. П. Шамякина «Атланты и кариатиды» (в переводе на русский язык А. Островского), за счет которых осуществляется процесс развертывания сюжетной линии, т. е. проявляется их текстообразующий потенциал (на уровне семантики, грамматики, прагматики и т. д.).

Актуальность исследования заключается в описании индивидуально-авторской фразеологической картины мира И. П. Шамякина на основе характеристики используемых в тексте фразеологических единиц (далее ФЕ). Роман И. П. Шамякина «Атланты и кариатиды» был написан во второй половине XX века, но не утрачивает своей актуальности в наше время. Социальные и семейные, профессиональные проблемы, сложности морального выбора, которые показываются в романе, характеризуют «вечные ценности», существующие во все времена.

Цель статьи – выявить текстообразующий потенциал фразеологических единиц на семантико-композиционном уровне на материале произведения «Атланты и кариатиды» И. П. Шамякина, их связующую значимость, а также охарактеризовать индивидуально-авторский стиль использования фразеологизмов в романе.

Семантический контекстный потенциал фразеологизмов проявляется в полной мере при наличии у реципиента фоновых знаний. Такие знания классифицируются учеными как общечеловеческие, региональные, культурные знания (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров), социальные и профессиональные (И. Я. Чернухина), социальные, индивидуальные, коллективные (В. Я. Шабес), житейские, донаучные, научные, литературно-художественные (Н. С. Валгина). За счет таких знаний фразеологизмы создают или вызывают в сознании больший объем информации, чем тот, что содержится в языковых единицах.

Одним из вариантов текстообразования является процесс трансформации фразеологизмов, т. е. отказ от употребления словарной формы ФЕ, а использование индивидуально-авторского выражения, обладающего фразеологическими признаками (семантическими и/или структурными). Так, в контексте *«Шугачев высказал уже свое мнение и может выпустить еще ни один залп тяжких и горячих слов. Но он был не из тех, кто машет после драки кулаками. Зачем?»* выявляется словарный вариант *после драки кулаками не машут*, т. е. ‘бесполезно действовать, негодовать, сокрушаться после

случившегося'. Безличное выражение в тексте указывает непосредственно на Карначу, главного героя романа. Риторический вопрос, следующий за фразеологизмом, подчеркивает рассудительность человека, его спокойное принятие ситуации, которая вызывает шквал эмоций у окружающих (его самоотвод).

Фразеологизм *стоять на пути* используется, как правило, в значении 'препятствовать в достижении цели': *Но и у телевизора, в затемненной комнате, полулежа в низком мягком кресле, Макоед не столько вникал в сюжет и детали постановки венгерской семейной комедии, сколько думал о Карначе, которому не однажды клялся в дружбе, однако в душе считал врагом, слишком часто **стоявшим у него на пути***. Трансформированная грамматическая структура используется для характеристики Карначу, который, по мнению Макоеда, был причиной отсутствия его профессионального роста. Замена формы компонента фразеологизма (глагола на причастие) происходит в соответствии с нормами языка, на уровне семантики подчеркивает регулярность таких действий в прошлом, что вызывает раздражение у Макоеда.

Известное устойчивое выражение *руки чешутся* обозначает 'хочется сделать что-нибудь, взяться за что-нибудь, побить кого-нибудь'. «У Максима *зачесались руки, но он спрятал их в карманы пальто*» – инверсия усиливает восприятие эмоционального состояния Карначу, который возмущен отношением молодого человека к беременной девушке. Само выражение говорит о сдерживаемом желании, а вторая часть предложения подчеркивает способность героя к самообладанию.

Фразеологизм *будить зверя* имеет значение 'пробуждать в ком-либо грубые инстинкты': *Не буди во мне зверя, Нина! – Ах, какой там в тебе зверь! Заяц. Изредка пьяный*. Родовидовые отношения лексем фрагмента текста являются основой текстообразования на структурном и семантическом уровнях. Гипоним *заяц* негативно характеризует Макоеда и выражает насмешливое и неуважительное отношение к нему жены.

В значении 'невозможно понять, разобраться (в существующем беспорядке, хаосе и т. д.)' используется устойчивое выражение *чёрт ногу сломит*. В контексте «*Легко Сосновскому упрекать. Разве он не знает, что в семейных отношениях сам чёрт ногу сломит, пока разберется. Однако придется разбираться не черту, а ему*» говорится о том, что для Игнатовича сложным был выбор правильного решения в линии поведения с Максимом: на профессиональные разногласия накладывались личные обстоятельства, чиновнику сложно было ориентироваться в перипетиях личной драмы Карначу, в которой и сам Карнач не сразу разобрался. Добавление местоимения *сам* указывает на архисложную задачу, которую предстояло решать чиновнику.

Фразеологическая единица *палец в рот не клади* ('тот, кто постоит за себя, сумеет воспользоваться оплошностью, излишней доверчивостью, промахом другого') фиксируется, как правило, в негативном контексте: *Герасим Петрович покраснел от гнева. Этот парень из молодых, да ранний, ему **пальца в рот не клади**. Ловко умеет застраховать себя от ошибок. Старательный, аккуратный, но ни одного вопроса не двинет с места, пока не узнает мнения начальства. Ишь как хитро подъехал! Но в данном случае Игнатовичу нет нужды загадывать загадки*. Неприятности с Карначом заставляли его идти на уловки, при этом приходилось взаимодействовать с молодыми карьеристами, которые метили, скорее всего, на его место. В данном случае употребление фразеологизма подчеркивает сообразительность человека.

В следующем примере имеют место несколько приемов трансформации фразеологизма: *Если это партийная тайна, можешь не говорить. Но настроения своего ты от меня не скроешь, как ни старайся. **Много соли мы с тобой вместе съели**, Витя, чтобы не понимать друг друга*. Фразеологизм *пуд соли съест* имеет значение 'очень хорошо знать кого-либо', что указывает на двадцатилетний брак Поли и Виктора, подчеркивая, что все разногласия они преодолеют. Разъединение компонентов выражения, замена лексической единицы в составе расширяют семантический и текстообразующий диапазон фразеологизма, делают высказывание героини простым и вызывающим доверие.

Фразеологическая единица *мозолить глаза* используется в значении ‘предельно надоедать, досаждают своим присутствием’. Автор использует ее для характеристики главного героя: *Вспомнил, как легко рвал и жег свои эскизы Максим – чтоб не мозолили глаза и не мешали искать другое решение. Завидовал такому мужеству и щедрости.* Его давний друг Шугачёв не имел такого таланта, а прорабатывал каждый проект с большим усердием, отчасти завидуя и одновременно злясь на Максима, который с легкостью создавал новые идеи, имевшие успех.

В другом примере также выявляется парадигматическая связь фразеологизма с последующим предложением, что расширяет его значение, создавая определенный контраст в восприятии описываемого человека: *Гляди, правду говорят, в тихом омуте черти водятся. Такая недотрога....* При разговоре с Галиной Владимировной Языкевич замечает ее волнение при упоминании Карнача. Данный фразеологизм в значении ‘тихий человек способен на непредсказуемые поступки’ характеризует секретаря Игнатовича, Галину Владимировну, которая держала свои мысли глубоко в себе, не открывая их окружающим.

Всего в тексте романа И. П. Шамякина «Атланты и кариатиды» нами было выявлено более 100 фразеологических единиц различной тематики. Текстобразование на основе фразеологизмов может осуществляться на основе парадигматических отношений, возникновения ассоциаций. Некоторые фразеологизмы повторяются в тексте романа, например, *ломать голову*, что говорит о важности описываемых событий и отношения к ним людей. Такие повторы возвращают мысленно к первому употреблению и, таким образом, ретроспективно расширяют значение и значимость фразеологизма для сюжета. Характерным для произведения при использовании текстообразующего потенциала фразеологических выражений является актуализация в тексте характеризующих и усиление эмоциональных свойств повествования. Отличительной чертой стиля писателя является обособление фразеологических выражений в отдельные предложения, как и обособление таким же образом отдельных, важных для контекста, лексических единиц. Только анализ структурно-смыслового целого всего романа позволяет выявить текстообразующие свойства фразеологических единиц и оценить их идейную значимость для всего произведения.

Список использованных источников

1. Валгина, Н. С. Теория текста : учеб. пособие / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2003. – 250 с.
2. Арнольд, И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность : сб. ст. / И. В. Арнольд ; науч. ред. П. Е. Бухаркин. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. – 444 с.
3. Шамякин, И. Атланты и кариатиды [Электронный ресурс] / И. Шамякин. – Режим доступа : <https://libking.ru/books/prose-/prose-su-classics/463555-110-ivan-shamyakin-atlanty-i-kariatidy.html#book>. – Дата доступа : 28.09.2024.
4. Академический словарь русской фразеологии / Баранов А. Н., Вознесенская М. М., Добровольский Д. О., Киселева К. Л., Козеренко А. Д. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : ЛЕКСРУС, 2020. – 896 с.

Abstract. The article is devoted to the study of the text-forming properties of phraseological units in a literary text. Using the example of I.P. Shamyakin's novel “Atlanteans and Caryatids”, the authors consider the text-forming potential of phraseological expressions at the semantic and compositional level, characterize the individual author's style of using phraseological units in the text.

Keywords: phraseological units, artistic text, text formation.

Соколовская Ольга Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент; Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина (olga_yablonskaya@rambler.ru).

Ковалева Елена Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент; Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина (alena.kavaliova@gmx.de).

С. Н. Стародубец, А. А. Хусаинова

**«РУССКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ»
В КОНТЕКСТЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ**

Аннотация. В статье рассматривается коммуникативная семантика составного наименования *русское национальное самосознание*. Описаны актуальные значения трехкомпонентного неоднословного образования в русской языковой картине мира, зафиксированные в результате анализа основного корпуса Национального корпуса русского языка.

Ключевые слова: идеологема, лингвокультура, составное наименование, коммуникативное значение, Национальный корпус русского языка.

Составные наименования представляют собой факт синкретичной номинации, реализованной в лексической и синтаксической системе координат. «Соотношение лексического и грамматического “компонентов” при этом осуществляется благодаря тексту: составная форма соответствует определенной синтаксической единице, ее структура играет роль грамматического показателя, а номинационная семантика проявляется нерасчлененно, в комплексе» [1, с. 63–64].

В наших исследованиях мы неоднократно описывали идеологемы, двукомпонентные идеологизированные составные наименования *Р/русская идея*, *Р/русская весна*, *русский след* и др. [2; 3; 4].

Предметом настоящего исследования является трехкомпонентное идеологизированное составное наименование *русское национальное самосознание*. На момент проведения исследования в основном корпусе НКРЯ зафиксировано 35 текстов, 39 примеров [5].

План выражения представлен инвариантами *русское национальное самосознание* / «*русское национальное самосознание*» / *русское «национальное самосознание»*.

Статистика частотности употребления идеологемы *русское национальное самосознание* в трех формах ее написания следующая: *русское национальное самосознание* – 94 %, «*русское национальное самосознание*» – 3%, *русское «национальное» самосознание* – 3 %.

Коммуникативное значение: постижение сущности самого себя с русских национальных историсофских, религиозных, культурных, национальных позиций.

<...> *Я с тревогой вижу, что пробуждающееся русское национальное самосознание во многих доле своей никак не может освободиться от пространнодержавного мышления, от имперского дурмана...* <...> [А. И. Солженицын. Как нам обустроить Россию (1990)];

<...> *Потому что мне... [нецензурное слово] на «русское национальное самосознание», как и на чеченское и на любое другое.* <...> [Герман Садулаев. Шалинский рейд (2009) // «Знамя», 2010];

<...> *Как и в древнем Израиле, в основе русского национального самосознания лежит идея богоизбранности и религиозного призвания народа...* <...> [В. Горский. Русский мессианизм и новое национальное сознание // «Зарубежье», 1971];

<...> *Г. Астафьев дорожит нашим русским «психическим строем»; он дорожит и русским «национальным самосознанием».* <...> [К. Н. Леонтьев. Кто правее? Письма к В. С. Соловьеву (1890–1891)] и др.

Семантическими компонентами смыслового поля являются: *чеченцы, Чечня, существование национальной идеи и государства и трагические судьбы людей, проблемы взрослого российского футбола, национальная осмысленность российского патриотизма, польза общегосударственной идеи, системообразующая роль русского народа в России, предательство национальных российских интересов, византийские императоры, возрождающееся христианское самосознание, новая историческая фаза русской*

идеи, национальная идея современной России, русская идея как феномен национального самосознания, русское самосознание в моменты кризисов и смут, особая роль Украины в СССР, роль Церкви в развитии русской культуры, архитектуры, музыки, литературы, живописи, губительность постсоветского мышления, скрупулезное осмысление исторического прошлого без антагонизма, сталинские кампании, мировидение еврея в России, русский мессианизм и новое национальное сознание, русские писатели как создатели русского сознания, отрицательные черты русского национализма, идея служения монарха, русская интеллигенция, православное христианство, равнинность территории, русский народ и Евразия, славянская идея, деятельность А. С. Суворина, национальная самобытность как руководящее начало славянской культуры, петровские преобразования.

Вариант русское национальное самосознание:

– безоценочные экспликатеры: *древнерусские представления о будущем страны как Третьем Риме, уваровская формула «православие – самодержавие – народность», идея построения коммунизма, реалии формирующегося постиндустриального общества, качество жизни, процесс поисков более совершенных форм государственной и общественной жизни, славянофильские или западнические тона, русский национализм, религиозный мессианизм;*

– мелиоративные экспликатеры: *понимание национальных чувств других народов, сочувствие нелегкой исторической судьбе других народов, умение налаживать не просто дружеские, а солидарные отношения, источник собственной национальной силы, с честью выходить из многих тяжелых исторических испытаний, достижение национальных целей, укрепление государственности, могущества и силы Российского государства, этногенез русской нации, потребность повышения национальной солидарности и уровня государственной защищенности русских, усиление внимания к национальной идее, прочный нравственный фундамент, честь, достоинство, духовность, трудолюбие, взаимопомощь, коллективизм, подвижничество, предприимчивость, предпринимательство, инициатива, преклонение перед мужеством и удачей, честность, порядочность, примат духовного делания, причастность [Украины] к строительству империи [СССР], трагическое право на несение креста Империи, особые российско-украинские узы, единственный выход из тупика, правоверная Россия, глубина своего духовного достояния, православная монастырская культура, рыцарственный, лично-бесстрашный, всепреодолевающий дух [русской армии], А. В. Суворов, родной язык, русский фольклор, русская классическая литература, сверхгосударственный и сверхнациональный народ [о русских], А. С. Суворин;*

– пейоративные экспликатеры: *искусственный, заметно инспирированный процесс подъема, безнадежная заурядность [российские футболисты], замкнутость, угрюмость, нелюдимость, неумение радоваться, извечный страх проявить себя, извечная тяга к приbedнению, умаление собственных достоинств, жестокий кризис, неконтролируемый взрыв оскорбленного национального самолюбия, двойственность подходов в национальной и федеральной политике, практика двойных стандартов, интересы самоназванной «элиты», разрушение оборонного комплекса, «россиянин», создание рынка американских и европейских товаров, остатки человеческого достоинства, варварские бомбардировки братской Югославии, натовская военицина, неприкрытое давление США на Россию, сказочная страна этнографических причуд и яркого фольклора [Украина], драма распада СССР, уход Украины, непрекращающиеся преследования Церкви и религии со стороны советской власти, активизация антирелигиозной пропаганды, пространнодержавное мышление, имперский дурман, дутый «советский патриотизм», «великая советская держава», безмерный захватчик, вреднейшее искривление сознания, навязываемый антагонизм в осмыслении трагического прошлого, карикатуры по поводу раздувания русской философии и поисков основных законов*

в различных сферах природы и общества, кампания против космополитизма, гордая проповедь старца Филофея, соблазны экономизма, этатизма и империализма, отвращение и презрение ко всему иноземному, славянская идея как инстинкт, благие указы Петра, излишнее поклонение всему иностранному, пренебрежение народным чувством, отсутствие правосудия, притеснения, безграмотность крестьян.

Вариант «русское национальное самосознание»:

– мелиоративные экспликативы: слезинка замученного ребенка, дети и женщины с оторванными руками и ногами, плачущие старики, пережившие своих детей и внуков;
– пейоративные экспликативы: национальная идея, политическое образование, требование оплаты своего существования [существования государства] ценой гибели людей.

Вариант русское «национальное самосознание»:

– пейоративные экспликативы: национальная самобытность славянских наций, особый русский «психический строй».

План выражения идеологема *русское национальное самосознание* представлен тремя орфографическими вариантами: *русское национальное самосознание*, «*русское национальное самосознание*», *русское «национальное самосознание»*, среди которых в количественном отношении преобладает первый вариант. План содержания идеологема определяется коммуникативным значением ‘постижение сущности самого себя с русских национальных историософских, религиозных, культурных, национальных позиций’. Смысловое поле орфографического варианта *русское национальное самосознание* состоит из безоценочных, мелиоративных и пейоративных лексических экспликативов, среди которых количественно преобладают последние. Смысловое поле орфографического варианта «*русское национальное самосознание*» представлено приблизительно равным количеством мелиоративных и пейоративных лексических экспликативов, варианта *русское «национальное самосознание»* – только пейоративными экспликативами.

Список использованных источников

1. Буров, А. А. Субстантивная синтаксическая номинация в русском языке / А. А. Буров; под ред. д-ра филол. наук, проф. К. Э. Штайн. – Ставрополь ; Пятигорск : Изд-во СГУ, 2012. – 400 с.
2. Стародубец, С. Н. Идеологема «Русская весна» в языковой картине русского мира / С. Н. Стародубец, А. А. Дариков // Политическая лингвистика. – 2024. – № 2 (104). – С. 144–151.
3. Стародубец С. Н. Идеологема «русская идея» в русской концептуальной и языковой картинах мира / С. Н. Стародубец, О. В. Белугина, О. Ю. Колегова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2023. – Т. 14. – № 2. – С. 347–364.
4. Стародубец, С. Н. «Русский след» в языковой картине мира социума / С. Н. Стародубец // Славянская фразеология и паремиология : сборник научных статей. Вып. 3 / редкол.: Е. И. Тимошенко (отв. ред.) [и др.] ; Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины ; Представительство Россотрудничества в Республике Беларусь, Российский центр науки и культуры в Гомеле. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2023. – С. 207–209.
5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 04.09.2024.

Abstract. The article examines the communicative semantics of the compound noun Russian national self-consciousness. The current meanings of the three-component multi-word formation in the Russian linguistic picture of the world, recorded as a result of the analysis of the main corpus of the National Corpus of the Russian Language, are described.

Keywords: ideologeme, linguaculture, compound name, communicative meaning, National Corpus of the Russian Language.

Стародубец Светлана Николаевна – доктор филологических наук, профессор; Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского (starodubets.madam@yandex.ru).

Хусаинова Анастасия Александровна – аспирант; Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского.

А. Н. Столярова

К ВОПРОСУ О СИНТАКСИЧЕСКОЙ НЕОФРАЗЕОЛОГИИ

Аннотация. В статье описываются особенности структурной и семантической организации синтаксических фразеологизмов. На материале публикаций крупнейшего белорусского периодического издания анализируется употребление новой синтаксической фразеологической единицы *X головного мозга*. Делаются выводы о специфике ее значения и компонентного состава.

Ключевые слова: неофразеология, синтаксический фразеологизм, постоянный компонент, переменный компонент, семантика, коннотация.

Исследование выполнено в рамках НИР «Ключавыя ідэнтыфікатары беларускай лінгвакультуры і іншакультурныя моўныя феномены ва ўмовах выклікаў глабалізацыі і інфармацыйна-лічбавай эпохі», входящей в задание «Беларуская мова: этналінгвістычны, сацыялінгвістычны і лінгвакультуралагічны аспекты даследавання» падпраграмы «Беларуская мова і літаратура» Дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў «Грамадства і гуманітарная бяспека беларускай дзяржавы» на 2021–2025 гг.

Фразеологический фонд русского языка, будучи богатым и многогранным, неизменно находится в центре внимания лингвистов, является материалом для плодотворных исследований на стыке лингвистики и социологии, психологии, когнитивистики, культурологии и др. Фразеология привлекает в том числе тем, что состав ее весьма разнороден – в нем присутствуют как идиомы, полностью переосмысленные немотивированные единицы, так и коллокации, синтаксические фразеологические единицы, речевые клише, пословицы, устойчивые сочетания слов и т. д.

В XX в. к исследованию и комплексному анализу синтаксических фразеологизмов обращались Н. Ю. Шведова, Д. Н. Шмелёв, Л. П. Якубинский, В. Ю. Меликян, А. В. Величко, А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский и др. Для обозначения изучаемого явления ими использовались термины *фразеосхема, сложные синтаксические шаблоны, целые шаблонные фразы, связанные синтаксические конструкции, предложения фразеологизированной структуры, фразеологизмы-конструкции*. Нами используется термин *синтаксический фразеологизм*, употребляемый в работах А. В. Величко, А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского.

Д. Н. Шмелёв ввел термин «фразеосхема», под которым понимались «такие ряды близких по строению фразеологизмов, которые являются результатом не преобразований какого-то определенного фразеологического словосочетания, а скорее результатом своеобразной лексикализации отдельных синтаксических конструкций, имеющих ... фразеологический характер» [1, с. 327]. Ученым отмечались такие признаки фразеосхем, как отсутствие лексической неподвижности, фиксированная и неизменная схема построения, обязательный порядок слов, наличие строго определенных грамматических форм (*сначала + императив соверш. вида, потом + императив несоверш. вида*) [1, с. 327–329].

В работах А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского синтаксические фразеологизмы определяются как «синтаксически автономные выражения устойчивого состава, в которых пропущены некоторые элементы... Причем фиксированные элементы конструкции, вместе с ее синтаксисом, характеризуются единым значением, приближающимся к лексическому» [2, с. 88]. Авторы метко называют синтаксические фразеологизмы шаблонами с пустыми местами, «которые заполняются в зависимости от контекста и коммуникативного намерения автора» [2, с. 86] (*X – он и в Африке X, где уж нам X*).

Синтаксические фразеологизмы продолжают появляться и в наше время, отражая наиболее актуальные тенденции развития языка и общества. Наша цель в рамках данной

работы – выделить их из общего неофразеологического фонда и описать особенности их употребления, структурной и семантической организации. Проведенное ранее исследование [3] и отобранный для него материал позволяют утверждать, что количество новых синтаксических фразеологизмов весьма невелико. Однако выделяется одна единица, количество употреблений которой показывает тенденцию к росту – *X головного мозга*.

Для сбора иллюстративного материала мы обратились к сайту сетевого издания «СБ. Беларусь сегодня» (sb.by) [4]. В результате поискового запроса по публикациям на сайте было получено 1874 контекста, содержащих сочетание *головного мозга*. Их анализ позволил выявить 17 случаев употребления синтаксического фразеологизма (*Тикток головного мозга, запад головного мозга, пандемия головного мозга, инстаграм головного мозга, острый шпионаж головного мозга* и др.) Статистика по годам употребления выглядит следующим образом: 2014 г. – 1, 2015–2018 гг. – не зафиксировано, 2019 г. – 1, 2020 г. – 5, 2021 г. – 3, 2022 г. – 1, 2023 г. – 4, 2024 г. – 2. Исследуемая единица употребляется десятью разными авторами. Данные факты (временной промежуток, употребляемость и количество авторов) свидетельствуют о том, что синтаксический фразеологизм прошел стадию фразеологизации и стал частью языковой системы.

Устойчивым, постоянным компонентом фразеологизма является часть *головного мозга*. Ее грамматическая форма неизменна во всех выявленных случаях употребления. Данный компонент идиоматичен: сочетание *головной мозг* подверглось метафорометонимическому переосмыслению. Если в прямом значении *головной мозг* – это главный орган центральной нервной системы, контролирующей функционирование человека, то в переосмысленном выражении основными семами являются нарушения естественных процессов и их последствия. При этом нарушения являются кардинальными, поскольку связаны с переосмыслением головного мозга как самой сути, ядра, центра ч.-л./к.-л. Соответственно, фразеологизм во всех изучаемых контекстах имеет отрицательную коннотацию.

В семантической структуре фразеологизма *X головного мозга* также отчетливо прослеживается сема болезни, постановки диагноза, что еще раз актуализирует значение ненормальности, неправильного функционирования. Рассмотрим примеры употребления анализируемой единицы:

Запад головного мозга (заголовок). *Да, именно наш министр иностранных дел выставил такого пошиба политикам по названным симптомам точный диагноз: разгерметизация мозговой оболочки и, как следствие, абсолютно неадекватная оценка ситуации* (СБ, 19.02.2022).

А мне вот показалось, что Конли эта самая довольно серьезно больна. И болезнь эту я назвал бы эрозией головного мозга. Это – ИППП. Инфекция, передающаяся политическим путем. Характерные ее симптомы – неадекватная оценка окружающей действительности, тоннельное зрение, когда видишь только то, что хочешь видеть, абберрация слуха, когда слышишь только то, что хочешь, а в особо тяжелых случаях – только себя любимую(ого) (СБ, 09.11.2021).

Ведь чем сильнее они верят в «две Беларуси», правильная из которых – это они сами, тем сильнее и запущеннее становится, как нынче принято говорить, «инстаграм головного мозга». Любой врач это подтвердит (СБ, 19.03.2020).

В данных примерах сема болезни поддерживается лексическим контекстом (поставить диагноз, симптомы, инфекция, ИППП, вирулентность, очаги инфекции, врач, запущенный / тяжелый случай). Медицинская терминология актуализирует семантику фразеологизма и позволяет повысить экспрессивность текста, создать понятный и близкий читателю образ, ведь болезнь и связанные с ней посещения врача – это понятная и знакомая человеку ситуация.

Семантика диагноза как окончательного вердикта находит отражение в частотном употреблении фразеологизма в заголовке или подзаголовке (10 случаев) – это своего рода резюме содержания публикации.

В следующем примере также отражено значение негативной результативности: *X головного мозга* – это ярлык, клеймо, это плохо:

В 29 лет она осталась одна в большом городе с детьми двух и четырех лет от роду, с клеймом «**инстаграм головного мозга**» и отравленным на всю жизнь днем собственного рождения, который стал смертельным для самого дорогого человека (СБ, 07.03.2020).

Фразеологизм *инстаграм / тикток головного мозга* (о человеке) предполагает полную зависимость человека от социальных сетей, когда его поведение, поступки, мысли направлены лишь на просмотр чьих-либо постов либо публикацию своих. Человек с таким «клеймом» любую жизненную ситуацию оценивает с точки зрения возможности ее опубликования в сети и привлечения подписчиков, получения лайков.

Анализ переменных компонентов фразеологизма *X головного мозга* позволяет разделить их на две группы. К первой группе отнесем лексемы, обладающие высокой степенью экспрессивности и оценочности (*жара, анархия, острый шпионаж, пандемия*). Лексемы, относящиеся ко второй группе, являются нейтральными в своем прямом значении, но в изучаемой структуре употребляются в обобщенном значении, описывают гиперболизированную версию реальности (*зماغарыш, мотольки, инстаграм, запад, тикток*). В обоих случаях объединение в постоянной синтаксической структуре значения переменного лексического компонента и фиксированного фразеологического компонента *головного мозга* порождает отрицательную коннотацию с элементом критики, сарказма. Схематически отобразим это следующим образом (рисунок 1).

(1)	(2)	(3)
переменный компонент	+ <i>головного мозга</i> =	это плохо; негативный диагноз; клеймо, отрицательные последствия; критическое отношение; сарказм

Рисунок 1 – Структура синтаксического фразеологизма *X головного мозга*

Синтаксическим фразеологизмам присуща двойственность природы. С одной стороны, они устойчивы и целостны – в любом фразеологизме, образованном по схеме, сохраняется структурная организация, порядок следования компонентов, неизменным остается постоянный компонент и общее значение.

С другой стороны, неотъемлемой характеристикой синтаксических фразеологизмов является изменчивость, вариативность первого компонента структуры. Поэтому любой новый синтаксический фразеологизм, образованный по фиксированной схеме, имеет в составе новый лексический компонент: «индивидуальность фразеологических конструкций проявляется в сфере синтаксиса, т. е. в пределах заданной схемы допускается в той или иной мере свободное лексическое наполнение» [1, с. 327].

Таким образом, главный признак синтаксического фразеологизма – это его устойчивая переменность, его новизна в каждой созданной по схеме единице. Так, в анализируемом фразеологизме устойчивой и постоянной является структурная организация *X головного мозга*, где *головного мозга* – фиксированный компонент, общее значение кардинальной неправильности, отрицательной оценки, а новизна каждой вновь появляющейся единицы образуется переменным лексическим компонентом *X*.

Синтаксический фразеологизм *X головного мозга* является востребованным и актуальным в современном русском языке. Растет количество явлений, людей, событий, характеризующихся неадекватностью в глазах большинства, отклонением от общепринятых норм поведения, морали и нравственности. Анализируемый фразеологизм дает

возможность кратко и экспрессивно назвать данные явления и выразить к ним отношение. А прозрачная мотивированная семантическая структура позволяет в полной мере реализовать коммуникативно-прагматические интенции авторов, употребляющих фразеологизм *X* *головного мозга*.

Список использованных источников

1. Шмелев, Д. Н. Современный русский язык. Лексика / Д. Н. Шмелев. – М. : Просвещение, 1977. – 335 с.
2. Баранов, А. Н. Основы фразеологии : учеб. пособие / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – 2-е изд., стер. – М. : Флинта, 2014. – 312 с.
3. Столярова, А. Н. Новая фразеология в двуязычном медийном пространстве Республики Беларусь : моногр. / А. Н. Столярова ; под ред. д-ра филол. наук С. Б. Кураша. – Мозырь : МГПУ им. И. П. Шамякина, 2024. – 107 с.
4. Издательский дом «Беларусь сегодня» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.sb.by>. – Дата доступа : 03.09.2024.

Abstract. The article describes the features of the structural and semantic organization of syntactic phraseological units. The use of the new syntactic phraseological unit *X of the brain* is analyzed on the basis of publications of the largest Belarusian periodical. Conclusions are drawn about the specifics of its meaning and component composition.

Keywords: neophraseology, syntactic phraseologism, stable component, variable component, semantics, connotation.

Столярова Анастасия Николаевна – кандидат филологических наук; Средняя школа № 9 г. Мозыря (stolyarova_an@mail.ru).

УДК 81'367.7:398.92(=161.1)

Е. И. Тимошенко

ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННАЯ СИНТАКСИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ «ТОТ ЕЩЕ + СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В основе отрицательной оценочной семантики фразеологизированных конструкций, построенных по модели «Тот еще + существительное», лежат пространственные представления о «далеком», «чужом» и поэтому небезопасном. Оценка в подобных предложениях выражается конструктивно (с помощью порядка слов и интонационного оформления), а также с помощью оценочной лексики, употребленной как в прямом, так и в переносном значении.

Ключевые слова: фразеологизированная синтаксическая конструкция, акцентирующее слово, отрицательная оценка.

Ко фразеологизированным синтаксическим конструкциям относят структурно устойчивые обороты, во-первых, со «стертыми» грамматическими связями между компонентами, во-вторых, с ослабленными или утраченными грамматическими или прямыми лексическими значениями компонентов. Эти конструкции используются для выражения субъективно-модальных или оценочных значений; их классификация строится на основе того, какая служебная часть речи (предлог, союз или частица), междометное или местоименное слово выступает в качестве организующего центра [1, с. 96, 217–218, 383–386]. К особенностям подобного рода структур относится то, что в них имеется постоянный лексический компонент и компоненты варьировующиеся.

Устойчивые конструкции, построенные по модели «Тот еще + имя существительное», выражают отрицательную оценку. А. В. Величко в своей монографии «Предложения фразеологизированной структуры в русском языке» указывает, что «в синтаксисе различаются структуры, описывающие оценку (например, *Мне нравится эта картина, Это хорошая картина*) и выражающие ее. Выражение оценки мы наблюдаем тогда, когда она передается самой структурой, а не лексическими значениями входящих в нее слов» [2, с. 141–142]. Среди предложений рассматриваемой структурной модели отмечены как предложения с существительными, выражающими оценку, так и предложения с нейтральными компонентами. Поскольку общая отрицательная оценка представлена и в том и в другом случае, нет сомнений в том, что данная модель в целом должна быть отнесена ко второму типу, то есть к предложениям, которые выражают оценку самой своей структурой (набором постоянных компонентов, располагающихся в определенной последовательности и имеющих определенную же интонационную оформленность), с поправкой на то, что выражение оценки может совмещаться с ее описанием в тех случаях, когда в предложении имеется оценочное существительное.

Рассмотрим данную фразеологизированную модель подробнее. Как уже было сказано, в предложениях рассматриваемого типа могут употребляться как нейтральные с точки зрения оценки существительные, так и существительные оценочные, причем всегда выражающие только отрицательную оценку. В первом случае общая отрицательная оценка, выражаемая предложением, формируется за счет постоянного комплекса компонентов *тот еще*; во втором – этот постоянный комплекс выполняет экспрессивно-усилительную функцию, подчеркивая высокую степень негативной оценки.

Среди нейтральных субстантивов в рассматриваемой синтаксической модели возможны существительные различных лексико-грамматических разрядов:

– конкретные со значением лица (или собирательные – со значением совокупности лиц): *Трушин – тот еще деятель, я его насквозь вижу.* А. Волос. Недвижимость (языковой материал, анализируемый в статье, извлечен из Национального корпуса русского языка [3]); *Пистолета не было. Падая, выронил его, тот еще боец.* В. Маканин. Кавказский пленный; *Куоккальский магазин назывался «Наво» – и именно такое прозвище носила жена Энгестрема, Руфь Георгиевна, «Мадам Наво» – тот еще персонаж, как и все люди, связанные с «Вазой».* Л. А. Данилкин. Ленин: пантократор солнечных пылинок; *Если да, то эта хрень вообще работать не будет, так что Вы следите, чтобы не унесли, народ сейчас пошел тот еще <...>.* К. Букша. Завод «Свобода»; *Несколько раз чуть-чуть не перевернулись... Тот еще был водитель! Но – приехали.* Н. Амосов. Голоса времен. Устойчивый оборот *тот еще* придает оценке иронический характер и, благодаря сниженной стилистической окраске, способствует ее экспрессивности;

– абстрактные со значением действия, процесса, состояния, признака: – *Ну и ну! Да... тот еще банкет получился! Кирилл Алексеич, наверно, в ужасе, – отозвалась француженка.* Г. Полонский. Ключ без права передачи; *Надеюсь когда-нибудь я перестану Мухиным быть, потому что быть Мухиным это тот еще жребий.* С. Носов. Фигурные скобки; *Сначала у Ирины ничего не получалось. Характер у лис оказался тот еще. В отличие от собак, стайных животных, лисы больше похожи на одиночек-кошек.* Д. Злобина. Зачем ученые лис приручили; *Вид у меня... был тот еще – босой, в одном нательном белье, наверняка растрепанный, с пистолетом в руке.* А. Бушков. Дверь в чужую осень (сборник).

Среди оценочных существительных подавляющее большинство составляют наименования лица. Оценка может быть выражена собственно прямым лексическим значением слова, суффиксом субъективной оценки или достигаться с помощью переносного употребления субстантивов других семантических типов (чаще называющих насекомых, птиц, а также конкретные предметы, виды пищи и пр.). Сравн.:

Аркаша, младший брат, тот еще соня – как же было тяжело порой поднять его в школу! И. Куншенко. Дни лукавы; *Ксафон, конечно, тот еще подлец, но срывать*

сделку, о которой сам же Серпухину и намекнул, было не в его интересах. Н. Дежнев. Принцип неопределенности; Когда позвонил Ксафонов – **проходимец**, скажу я вам, **тот еще**, клеймо негде ставить, – решил, что ко мне заявится этакий процелыга, наглая, отъезжая морда, а вы, оказывается на редкость симпатичный человек. Н. Дежнев. Принцип неопределенности; В идеале – врач офтальмолог. Доктора презрительно попереглядывались – **те еще снобы**. Чтобы врач – да в торгашах подался? Т. Соломатина. Девять месяцев; Да и Петрушка, как известно, **тот еще охальник**. М. Б. Бару. Замок с музыкой. Среди подобных оценочных субстантивов – **взяточник**, **хмырь**, **нахал**, **прохвост**, **психопатка** и т. д.;

Так, когда один бывший фашист, рассказывая другому о добрых гномах, объясняет, что «**народец** они, вообще, **тот еще**». Л. А. Данилкин. Круговые объезды по кишкам нищего; Девчонка была **тот еще подарочек**. Ленивая, своенравная, неблагодарная. А. Китаева. Белый танец;

Твой Стрельников **тот еще жук**, и сам денег нагреб, и нам еще осталось. А. Маринина. Светлый лик смерти; Пока он не нарвался на моего дядю Леву, который тоже был **тот еще перчик**. А. Хайт. Монологи, миниатюры, воспоминания; Работу Макс полюбил, хотя **сачок был тот еще** – знал, кому и что вовремя поручить, чтобы самому ничего не делать. Н. Б. Черных. Слабые, сильные.; Зря послушал Зайца, – подумал президент, – пусть бы сам и крутился на той встрече! Да и ректор – **тот еще фрукт!** И не погонись же сразу. А. Пашкевич. Сим победиши; – Ху из Швыдкин? – спросила Катя. – Так бухгалтер приходящий, **тот еще кекс**. Ты его видеть не могла, а мне поверь – сволочь. М. Зосимкина. Ты проснешься (и т. п.).

Несколько замечаний нужно сделать по поводу синтаксических функций, которые могут выполнять рассматриваемые обороты. Наиболее регулярной для них оказывается функция сказуемого. Выполнение этой функции наблюдается в случаях, когда в предложении есть (или опущено, но восстанавливается) подлежащее, например: *Пастернак, писал он, предостерегал от этого знакомства: Крученных, Кручка – тот еще тип, со странностями, стихи давно забросил, квартира как лавка старьевщика*. И. Н. Вирабов. Андрей Вознесенский (*тип* – ‘человек обычно странных или отрицательных качеств, свойств’ [4, т. IV, с. 365]); *Да он в жизни ничего не стеснялся. Тот еще нахал* (подлежащее в предшествующем предложении). А. Маринина. Чужая маска. Рассматриваемые структуры могут употребляться в функции дополнения: *И никто не вмешивается, всяк творит что взбредает в голову, как сюзерен в феодальных владениях, собственно, и на городском уровне **те еще номера** выкидывают <...>*. Гоар Маркосян-Каспер. Кариатиды. Несколько сложнее обстоит, на наш взгляд, дело в тех случаях, когда оборот явно расчленяется, сравн.: *Ангелы, кстати, **те еще были**: два вполне взрослых обалдуя, весь фильм паливших в кого попало*. С. Дигол. Старость шакала. В роли сказуемого выступает конструкция *те еще были*, если учитывать наличие интонационной паузы и ее (конструкции) оценочный характер, хотя расчленение фразеологизированного оборота всегда нежелательно.

Лексическое наполнение данной фразеологизированной модели показывает, что попытка выявления ее внутренней формы может оказаться небезуспешной. Семантическим центром конструкции является указательное местоимение *тот*, основное значение которого толкуется следующим образом: ‘указывает на предмет, более отдаленный в пространстве, чем другой подобный (обычно парный) предмет’ (противоп. *этот*) [4, т. IV, с. 390]. Связь с пространственной семантикой и антонимия с местоимением *этот* вводит это местоимение в круг бинарных понятийных оппозиций, с помощью которых носители языка представляют окружающий мир.

Известно, что в основе языковой картины мира лежит пространственная модель: пространственные представления и категории первичны, прежде всех остальных

определяют положение человека в окружающей действительности; подвергаясь переосмыслению, формируют представления абстрактные, в том числе оценочные. Прежде всего следует обратить внимание на противопоставление **того и этого света**. Эта антиномия является, пожалуй, главной в языковой картине мира, поскольку она отражает представление о жизни и смерти. (Сравн.: «Оппозиции семантические – один из основных механизмов содержательного плана культурной традиции, организующий, упорядочивающий и структурирующий набор символического языка культуры, определяющий основные параметры символизации и оценки реалий внешнего мира и самого человека» [5, т. 3, с. 557]). Один из компонентов семантической оппозиции, как правило, закрепляет за собой значение положительной оценки, другой – отрицательной. Как указывают авторы словаря «Славянские древности», в основе семантического осмысления пространства лежит понятийная оппозиция «свой – чужой», а «главными параметрами, получающими оценку, являются оппозиции “верх – низ”, “правый – левый”, “передний – задний”, “восток – запад”» [5, т. 3, с. 557] и некоторые другие. Нет оснований сомневаться в том, что противопоставление **того и этого света** является одной из реализаций оппозиции «свой – чужой»: *свое* (известное, «это») пространство воспринимается как благоприятное, безопасное для жизни и здоровья, а *чужое* (неизвестное, «то») как неблагоприятное, опасное, угрожающее, связанное со смертью, дьяволом и т. п.

На наш взгляд, именно эти переосмысленные пространственные представления о **своём и чужом** (об **этом и том свете**) и лежат в основе формирования семантики отрицательной оценки во фразеологизированных конструкциях, построенных по модели «Тот еще + имя существительное», в русском языке. Оценка в подобных структурах выражается конструктивно – с помощью порядка слов и интонационного оформления. В качестве дополнительного средства выражения оценки выступают оценочные существительные, существительные с суффиксами субъективной оценки и слова, выражающие оценку в переносных значениях.

Список использованных источников

1. Русская грамматика. Том II. Синтаксис / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Наука, 1980. – 709 с.
2. Величко, А. В. Предложения фразеологизированной структуры в русском языке. Структурно-семантическое и функционально-коммуникативное исследование : монография / А. В. Величко. – М. : МАКС Пресс, 2016. – 416 с.
3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 08.10.2024.
4. Словарь русского языка : в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Русский язык, 1981–1984. – Т. 4. С–Я. – 1984. – 794 с.
5. Славянские древности : Этнолингвистический словарь в 5 т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. – Ин-т славяноведения РАН. – М. : Международные отношения. – Т. 3, 2004 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://vk.com/doc526932823_502586855?hash=XgVoefIxRJzsSJ97giYP8bEEqJhEiXZNhom7v1Evbzk. – Дата доступа : 10.10.2024.

Abstract. The basis of the negative evaluative semantics of phraseologized constructions built on the model of “The one + the essential” are spatial representations of the “distant”, “alien” and therefore unsafe. Evaluation in such sentences is expressed constructively (using word order and intonation), as well as with the help of evaluative vocabulary, used both literally and figuratively. phraseologized syntactic construction, accentuating word, negative evaluation.

Keywords: phraseologized syntactic construction, accentuating word, negative evaluation.

Тимошенко Елена Ивановна – кандидат филологических наук, доцент; Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины (elena_skorina2@mail.ru).

Т. Г. Трофимович, И. К. Русакович

О ФРАЗЕОЛОГИИ ЖЕСТОВЫХ ЯЗЫКОВ

Аннотация. Публикация посвящена проблеме фразеологических составов жестовых языков. Выявляются некоторые особенности функционирования устойчивых выражений в языках, носителями которых являются люди со слуховой депривацией. Основное внимание уделено русскому жестовому языку, данные других языков привлекаются частично.

Ключевые слова: фразеология, жестовый язык, словесный язык, свойства фразеологических единиц, использование фразеологизмов.

Современному языкознанию хорошо известно о существовании в любом языке лексико-фразеологического уровня, который образуют лексемы и фраземы. Использование носителями языков этих единиц взаимообусловлено и взаимосвязано. Слова и фразеологизмы образуют единое целое, дополняют друг друга. При этом фразеологические единицы обладают целым рядом специфических свойств, среди которых главными оказываются воспроизводимость, устойчивость, целостность значения, образность.

По данным Всемирной организации здравоохранения, в мире насчитывается около 72 миллионов человек со слуховой депривацией, которые используют приблизительно 300 жестовых языков [1]. Как в них представлен фразеологический уровень?

Наблюдения показывают, что жестовый язык располагает арсеналом жестов, не соотносимых со словесными средствами, не поддающихся прямому переводу и не имеющих точных слов-эквивалентов. Этот пласт жестовых знаков изучается в процессе прохождения тем, связанных с идиомами, сленгами, жестовыми фразеологизмами. Последние, как правило, чаще всего выражают отношения, а не обозначают предметы (например, жест, выражающий устойчивое значение 'меня это не касается' или 'жестовое имя'). В формировании значения жестовой фразеологии используется путь от ситуации к обозначению жестом выделенного признака, объекта.

Как словесный фразеологизм может состоять из нескольких слов, так и жестовый может состоять из одного или нескольких жестов, изображенных с помощью рук, положения ладоней и пальцев, места положения, движения и немануального компонента (мимики, положения тела в пространстве). В отличие от фразеологизмов в словесном языке, где устойчивые словосочетания типа *стоять на часах, пройти огонь, воду и медные трубы* и др. включают слово или несколько с определенным значением, которое в составе фразеологизма реализует иной смысл, в жестовом языке фразеологизмы визуально «цепляют» либо «изображают» нужный образ или смысл с помощью определенных характеристик – указательных, пластических, обрисовывающих, имитационных жестов. Это объясняется визуально-двигательной природой жестового языка, его основной чертой – иконичностью, т. е. склонностью отображать смысл и суть информации.

В научной и научно-методической литературе проблемам жестовой фразеологии уделено пока очень мало внимания. Из российских источников отдельные жесты, устойчивые выражения, которые могут обозначать целое высказывание, в формате рисунков, полезных для изучения, представлены в пособии Г. Л. Зайцевой «Жестовая речь. Дактилология» [2, с. 179].

Пока вне зоны внимания специалистов по жестовой речи осталась теория формирования фразеологизмов. Рассмотрим несколько примеров.

Так, жестовый фразеологизм, соотносимый со словесным *поцеловать замок* со значением 'не застать дома', исполняется при помощи жеста со сжатыми в кулак пальцами и движением ведущей руки к носу – это выглядит как *получить закрытой дверью по носу*. При этом обязательно добавляется выражение растерянности на лице.

Устойчивое выражение со значением *'успокоиться после каких-либо волнений'* складывается из двуручного жеста, в котором сначала указательный, большой и средний палец выпрямлены (символизируют напряженность) и потом с движением встречным друг к другу эти пальцы смыкаются, смягчаются (что означает снижение градуса накала, смягчение ситуации), а на лице в это время отражается облегчение.

Жест со значением *'точь-в-точь'* показывают одной ведущей рукой, в которой ладонь опущена вниз, а указательный и средний палец сначала разъединены, а затем, по мере движения к схожему предмету разговора, смыкаются вместе, что визуально подчеркивает тождественность обозначаемых предметов, признаков, действий.

Жестовый фразеологизм со значением *'выкинуть из головы'* имеет также иконическую природу, он похож и на вариант *'упустить из виду'*. При этом используется более объемная форма руки и жесткое, резкое движение с одновременным распрямлением пальцев. Когда наблюдаешь такой имитирующий жест, складывается определенная картинка: что-то реально вытащили из головы и выбросили.

Есть основание считать, что жестовые фразеологизмы формируются на основе имеющихся обозначений и дополняются при этом образами. Напомним, что жестовые фразеологизмы изучены пока мало.

Целый ряд фразеологизмов жестового языка, используемого на территории Республики Беларусь, зафиксирован в разделе Международного интернет-словаря жестовых языков "SPREADTHESIGN". Особенностью этого ресурса является возможность увидеть жест в динамике, поскольку в нем представлены видеоролики к жестам и жестовым высказываниям в заявленных тематических группах, среди которых и разговорно-обиходная лексика, и терминологическая, и тематическая. С 2016 года, с момента присоединения Республики Беларусь к проекту «Распространим жест», в данном интернет-ресурсе количество государств увеличилось с 30 до 42, а содержание словаря постоянно совершенствуется. Что очень важно для изучения фразеологии в жестовом языке, толкования ее значения, их связи с образом и смыслом – добавляются рисунки, увеличивается пласт детской лексики и международного жестового языка, расширяются способы подачи жестового материала (формат 3Д с 2021 года).

Кроме зафиксированной в словаре «Распространим жест» категории «Идиомы, выражения и речевые обороты», некоторые фразеологизмы представлены в формате тем обучающих курсов, например, на ютуб-канале Школы жестового языка «Образ» (Санкт-Петербург, Россия). Следует отметить, что на данном канале присутствуют варианты перевода словесных устойчивых выражений – таких, как *ни свет ни заря* – исполнитель показывает смысл *'утром, очень рано'*. Презентованы собственно жестовые устойчивые выражения, которые отображают смысл не буквально, а образно, художественно.

Достаточно широкий пласт фразеологии всплывает при поиске средств художественного перевода песен, стихов, литературных произведений. Такой формат существует в рамках известных проектов жестового пения (на сайте БелОГ, РДК БелОГ или ВОГ), которые организуются и проводятся в разных странах. Например, в Беларуси это известный международный фестиваль художественного сурдоперевода песен "Сузор'е".

Российские исследователи жестового языка (Т. П. Давиденко, А. А. Комарова, В. Паленный и др.) иницируют целенаправленную работу по поиску, описанию и анализу фразеологизмов жестового языка, совместно со Всероссийским обществом глухих (ВОГ), способствуют распространению богатства жестовой лексики и фразеологии через организацию различных конкурсов: мастеров жестового рассказа и др. [4]. Эти ресурсы, а также словари жестовых языков используются в качестве наглядных методов изучения особенностей безэквивалентных жестов.

Интересные находки могут предложить сами носители жестового языка – взрослые и дети в процессе игры «Пойми меня» (интерпретация телеверсии в жестовом варианте), когда учащиеся подбирают различные средства жестового языка для описания определенного явления, понятия, отражающие разнообразие и вариативность эквивалентной и безэквивалентной жестовой фразеологии [5].

Изучение жестовой фразеологии имеет важное значение как для исследователей национального жестового языка, так и для его носителей и пользователей – преподавателей, учителей, студентов, обучающихся с нарушением слуха.

В вузовских программах, например, при подготовке сурдопедагогов в Белорусском государственном педагогическом университете имени Максима Танка студенты в процессе изучения жестового языка и методики его преподавания в специальной школе знакомятся не только с лексикой по темам (дактилология, числа, вопросы, знакомство, семья и т. д.), но и с фразеологизмами. Например, в учебной университетской программе по подготовке сурдопедагогов изучаются темы «Особенности жестовой лексики», «Жестообразование» (вопросы – роль мимических маркеров в образовании жестов). В курсе «Методика преподавания жестового языка» рассматриваются вопросы об устойчивых жестовых выражениях.

На практических и лабораторных учебных занятиях студенты изучают и запоминают отдельные жесты и устойчивые их сочетания, анализируют их компонентный состав, подбирают письменные эквиваленты.

Кроме того, будущие сурдопедагоги осмысливают визуально-пространственную природу жестового языка, его лингвистическую сущность и коммуникативную значимость. Им становятся понятны трудности неслышащих обучающихся в овладении словесным языком, в особенности материалов со скрытым или переносным смыслом.

В специальных школах введены уроки жестового языка, которые организуются в 6–12 классах. Учебная программа по учебному предмету «Жестовый язык» [6] включает изучение тем, связанных непосредственно с жестовой фразеологией (например, темы «Лексическое значение жеста. Словари-жестовники» (6 класс); «Жестовые обозначения эмоций и чувств», «Культура жестовой речи. Поздравление на жестовом языке» (7 класс), «Идиомы» (10 класс), «Жестовые фразеологизмы» (11 класс) и другие, а также с подготовкой к осмысленному переводу фразеологизмов, которые обучающиеся встречают в учебных текстах.

Обучающимся с нарушением слуха на уроках жестового языка и коррекционных занятиях по развитию жестовой речи предлагаются задания с использованием имеющихся видеоресурсов и словарей: анализ представленных в них фразеологизмов, их обсуждение, задания на соотнесение жестовых и словесных конструкций. Целесообразными являются упражнения на перевод словесных фразеологизмов: в их процессе происходит размышление о том, какими наиболее подходящими средствами жестового языка можно передать их смысл.

На этапе жестотворчества неслышащие обучающиеся могут моделировать ситуации передачи целого словесного высказывания одним жестом: *‘Льет дождь как из ведра’*; *‘Солнце село за линию горизонта’* и др.).

Завершающим этапом в работе с жестовой фразеологией может быть сравнительный анализ словесных и жестовых фразеологических оборотов. Обучающиеся в процессе работы должны научиться понимать и передавать переносный смысл высказываний в жестовом языке, этимологию устойчивых выражений со значениями *жестовое имя, известно всему свету, не застать дома, держать себя в руках, обессилеть, использовать и выбросить, на сердце кошки скребут, разочароваться* и др.

Работа с фразеологией готовит обучающихся к восприятию в дальнейшем выразительных средств русского языка, проявлению внимания к ним в литературных произведениях. Так, в рамках школьной программы школьники знакомятся с переводом на жестовый язык фразеологизмов, загадок и пословиц, анализируют разницу между калькирующим и смысловым переводом выражений. *Не имей сто рублей, а имей сто друзей; Когда в товарищах согласья нет, на лад их дело не пойдет; Слезами горю не поможешь; молодо-зелено* и др. Запоминают отличие в передаче переносного смысла словесными и жестовыми средствами.

Подведем некоторые промежуточные итоги. Наше обращение к фразеологии жестовых языков показало, что это новое, молодое, еще недостаточно изученное

и представленное в имеющихся разработках жестовых языков междисциплинарное направление исследований. Оно является востребованным и актуальным как для специального образования, так и для подготовки специалистов, связанных с изучением жестового языка (сурдопедагогов, переводчиков).

Перспективами исследования становятся дальнейшая систематизация накопленного материала, его описание, создание и презентация национальных разработок жестовых фразеологизмов [7].

Список использованных источников

1. Жестовые языки [Электронный ресурс] // Режим доступа : <https://www.bobrlife.by/news/mezhdunarodnyj-den-zhestovyh-yazykov/>. – Дата доступа : 27.09.2024.
2. Зайцева, Г. Л. Жестовая речь: дактилология : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / Г. Л. Зайцева. – М. : Владос, 2000. – 192 с.
3. Словарь белорусского жестового языка [Электронный ресурс] // Международный интернет-словарь жестовых языков “SPREADTHESIGN”. – Режим доступа : <https://www.spreadthesign.com/be/>. – Дата доступа : 08.08.2024.
4. Билингвизм: роль жестового языка в языковом и когнитивном развитии детей с нарушенным слухом : сб. статей / под ред. А. А. Маллабиу и З. А. Бойцовой ; пер. с англ. И. А. Чистович. – СПб.: «Реноме», 2017. – 168 с.
5. Богданова, Т. Г. Жестовая речь и психическое развитие глухих детей: современное состояние вопроса (обзор зарубежных исследований) / Т. Г. Богданова // Клиническая и специальная психология. – 2021. – Т. 10, № 2. – С. 3–22.
6. Учебная программа по учебной дисциплине «Жестовый язык» [Электронный ресурс] // Режим доступа : <https://adu.by/images/2023/spec/up-gest-yaz-6-12kl-2otd-s-nar-sluha1.pdf>. – Дата доступа : 28.09.2024.
7. Альманах «Исследуя сообщество глухих: 1» : Материалы междисциплинарной конференции «Что значит быть глухим? Новые вызовы для сообщества», Доам культуры «ГЭС-2», Международная лаборатория исследований социальной интеграции Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», май 2023 года. – М. : V – F – C Press, 2024. – 304 с.

Abstract. The publication is devoted to the problem of phraseological compositions of sign languages. Features of the functioning of stable expressions in languages are considered, the carriers of which are people with auditory deprivation. The main attention is paid to the Russian sign language, the data of other languages are partially attracted.

Keywords: phraseology, sign language, verbal language, properties of phraseological units, use of phraseological units.

Трофимович Тамара Григорьевна – доктор филологических наук, профессор; Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка (t.trof@mail.ru).

Русакович Ирина Кузьминична – кандидат педагогических наук, доцент; Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Институт инклюзивного образования.

УДК 81-112:398.92(=16)(=512.1):303.446.2

М. С. Хмелевский, И. В. Кузнецова, А. В. Савченко

ОТРАЖЕНИЕ ДУХОВНО-МАТЕРИАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ БОСНИЙСКИХ МУСУЛЬМАН-СЛАВЯН КАК ЭТНОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ КОД

Аннотация. Статья посвящена этно- и лингвокультурным особенностям боснийской фразеологии и идиоматики, отражающей самобытные духовно-религиозные ценности боснийских

славян-мусульман мира *Slavia Muslimana*. Иллюстративные примеры, собранные из произведений боснийской художественной литературы, а также из разговорной речи в ходе полевых исследований в местах компактного проживания данного этноса на территории современной Боснии и Герцеговины, демонстрируют роль ориентализмов (в первую очередь турцизмов и арабизмов, персизмов, проникших через турецкий в боснийский язык). Этот факт является отражением основополагающих концептуальных религиозных понятий, используемых в повседневной речи балканских славян-мусульман, равно как и в формировании новых образов и культурно-прагматических коннотаций устойчивых фразеологических (идиоматизированных) сочетаний в разговорном языке боснийских мусульман, включая идиоматику, прецедентные тексты и жаргон.

Ключевые слова: духовно-материальные ценности, боснийские мусульмане-славяне, сербохорватский лингвокультурологический континуум, фразеология, идиоматика, славянский мир, этнокультурологический код.

Традиционно славянский мир принято разделять на две основные общности: *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Romana*, т. е. славянские народы, формировавшиеся под теми или иными историко-культурологическими и религиозными влияниями: в соответствии с византийско-православной либо римско-католической традициями и мировоззрением эти веяния наложили значительный отпечаток на формирование их духовно-ценностных устоев, образ жизни и быта, этнический менталитет [1, с. 91]. Однако при этом зачастую упускается факт объективного существования на почти 300-миллионном славянском пространстве еще одной общности, а именно – *Slavia Muslimana*, т. е. славянских этносов, проживающих на Балканском полуострове, которые на протяжении XV–XVII вв. в качестве основной религии принимали ислам, в результате чего со временем выделились в отдельные народы, особые этнорелигиозные группы. В данном случае имеются в виду болгары-помаки (Болгария), сербы-боснийцы-горцы (Южная Сербия), а также собственно – мусульмане (*Muslimani*) (*мусульмане (Muslimani)* – специфический этноним, которым называют славянский народ, проживающий на территории современной Боснии и Герцеговины (Федерация) и насчитывающий около 2 млн. человек, которые испокон веков исповедуют ислам, а его представители говорят на варианте языка, относящегося к общему южнославянскому языковому континууму). Именно о боснийских мусульманах-славянах пойдет речь в настоящей статье [2, с. 51].

Особенности менталитета так называемых *бошняков (боснийцев, мусульман)*, сформировавшегося под влиянием Стамбула [3, с. 86], не могли не отразиться не только на их культуре в целом, но и фактически на их повседневном языке, в частности, на фразеологическом и паремиологическом уровнях, в том числе и в концептуальных фразах, используемых боснийскими мусульманами-славянами в местах их компактного проживания в Боснии с такими культурными, историческими и политическими центрами, как Сараево, Тузла, Мостар, Травник, Бихач, Живнице, Яйце и др.

Исторический факт принятия славянами в XVI в. мусульманства ярко иллюстрирует современный прецедентный фразеологизм *pade Bosna ko dozrelo jabuko u sultanovo krilo* (букв. ‘пала Босния, как созревшее яблоко, в объятия султана’), который в современном языке метафорически употребляется в значении ‘свершилось что-то неминуемое, но заранее предрешенное, чему невозможно было противостоять’ (сравн. русск. *Чему быть – того не миновать*). О том, как мусульманская религия особым образом приживалась в Боснии и подстраивалась под нравы местного славянского населения, образно свидетельствует боснийская поговорка: *Bosna je potekla šerbetom, ali i muselezom* (букв. ‘Потекли по Боснии шербет, но и вино’), где турцизмы *šerbet* – ‘вода, подслащенная медом’, и *muselez* – ‘слабое вино из незрелого винограда’ обозначают национальные напитки, издавна распространенные в Боснии. Данное устойчивое выражение включает в себе образ пришедшего вместе с исламом запрета на употребление алкогольных напитков, которые, согласно Корану, «помутняют дух и разум», но, с другой стороны, – подмечает своеобразие внедрения и укоренения ислама у славян в их

привычном укладе жизни, который не представляется без традиционной культуры виноделия или изготовления ракии – крепкого национального алкогольного напитка. Метафорическое значение этой фразы можно истолковать как ‘принимать новое, не утратив при этом старые традиции’ (сравн. русск. *Все новое – хорошо забытое старое*, в том смысле, что старые вещи/устои могут быть более ценными и полезными, чем новые, неизвестные и чуждые, хотя и добровольно принятые в силу ряда исторических причин). То же значение заложено и в такой ироничной боснийской поговорке, как *Religije se mijenjaju, pivo i vino ostaje* (букв. ‘Религии меняются, а пиво и вино остаются’) – сравн. русск. *Все течет, но ничего не меняется; Собака лает, а караван идет*. Сам факт исторически обусловленного перехода южных славян из одной веры в другую, что влечет за собой, соответственно, и смену национальной отнесенности к тому или иному народу – серб, хорват или боснийский мусульманин (что весьма нехарактерно для миров Slavia Orthodoxa и Slavia Romana), отражает поговорка *Ne zna se u kojoj ćeš vjeri umrijeti* (т. е. неизвестно, в какой вере умрешь), имеющая в переносном употреблении более широкое значение ‘не знаешь, что тебя ждет в будущем’ (сравн. русск. в том же смысле, но с другими лексическими компонентами – *От тюрьмы да от сумы не зарекайся*).

Подтверждением того, что эти и нижеприводимые устойчивые единицы узуально активны и частотны именно среди боснийских мусульман, хотя и являются узнаваемыми соседними народами (однако далеко не всегда), свидетельствуют комментарии наших информантов – сербов, хорватов, черногорцев: *Razumet, ali kod nas se tako ne kaže, to ćeš čuti samo u Bosni* (*Я понимаю, но у нас так не говорят, это ты услышишь только в Боснии*), *Tako se kaže samo u Bosni* (*Так говорят только в Боснии*), *Kako se kaže u Sarajevu...* (*Как говорят в Сараево...*), *To je muslimanski izraz za...* (*Это мусульманское (т. е. боснийско-мусульманское) выражение для...*) и т. п. [4, с. 82].

Разницу между южнославянскими народами и их языками можно наблюдать в том числе на междоветном уровне, в частности, в формах принятых приветствий, которые уже сами по себе заключают и выражают духовные ценности этих этносов: с одной стороны, все народы сербохорватского языкового континуума употребляют общее для всех *Dobar dan!*, но с другой – у каждого из них мы обнаруживаем свои этикетные формулы приветствия, отражающие собственный уникальный этнокультурный колорит и самобытность: сербск. *Zdravo!*, хорв. *Vok!* (*Bog!*), босн. *Selam!* (*Sabahajrula!* (утреннее приветствие), *Akšam hajrula!* (приветствие после захода солнца), которые если и понятны всем народам, живущим в одном культурологическом пространстве, однако при этом будут восприниматься ими как чужеродные и маркированные принадлежностью к другому, т. е. чужому этносу [5, с. 298].

Наряду с общими для всех южных славян закланиями *Boga mi!* – (*Богом клянусь*), *života mi!* (*Жизнью клянусь*), *Majke mi!* (*Матерью клянусь*), *Oca mi!* (*Отцом клянусь*) и даже утратившее внутреннюю семантику *Tita mi!* (*Клянусь Тито*), в Боснии довольно широко распространены аналогичные выражения-штампы эмоционально-экспрессивного характера: *Allaha mi, rojma ti nemaš o tome!* (*Аллахом клянусь, ты в этом ничего не понимаешь!*), *Dolazim ja, rahmeta mi!* (*Я приду, клянусь покоем усопшего*) и даже с повторением компонента для усиления экспрессии: *Kinemat se Allahom i rahmetom, istina je to!* (*Клянусь Аллахом и покоем усопшего, это правда!*). Здесь следует отметить, что сама лексема *Allah* довольно часто встречается в речи боснийских мусульман в качестве синонимичного заменителя компонента в общих для южнославянского языкового пространства выражениях, например: *Allah će znati* (сравн. сербск. *Bog će znati*), *Ako Allah da* (сравн. сербск. *Ako Bog da*), восклицание *Allah, Allah* (сравн. сербск. *Bože, Bože!*), удивление в звательном падеже *Allahu sačuvaj* (сравн. сербск. *Bože sačuvaj*) и т. п., а междоветное словосочетание *Allahu ekber!*, заимствованное из Корана, часто используется просто исключительно для эмоционально-экспрессивного выражения удивления, восхищения с утратившейся внутренней семантической мотивировкой, а не в религиозном смысле или исконно соотносимом контексте [6, с. 118].

Ниже приведем наиболее иллюстративные из таких идиоматизированных (фразеологизированных) выражений, чтобы максимально разносторонне представить уникальность боснийской фразеологии в рамках сербохорватского языкового континуума, что во многом обусловлено спецификой, реалиями и колоритом мира, уклада жизни представителей *Slavia Muslimana*, который неразрывно связан с исламскими религиозными традициями.

Так, турцизм *džamija* ‘мечеть’ только в речи славянских мусульман, у которых данное понятие является маркером не чужеродной культуры, а своей родной, обыденной, мы находим такие устойчивые сочетания, как *čisto kao u džamiji* ‘очень чисто’ (сравн. сербск., хорв. *čisto kao u crkvi*), *čuvati kao džamiju* (беречь как мечеть), т. е. ‘очень беречь’ (сравн. русск. *беречь как зеницу ока*), *Iz džamije bi ukrao* (*Он бы и из мечети украд*) ‘о воре, готовом на любое преступление’ – сравн. русск. *Для него нет ничего святого*.

Можно отметить и такие этнофразеологические единицы, как *ramazanski post*, *trajati kao ramazanski post* – выражения, употребляемые в самом широком значении ‘длиться очень долго’ (сравн. русск. *тянется (длинный) как Великий пост*). Приведем и еще один национально и культурно-специфический боснийский фразеологизм – *vikati sa munare* (кричать / орать с минарета) в значении ‘распространять какую-либо новость, весть, информацию как можно шире’ (сравн. русск. *кричать во всю Ивановскую*).

Наряду с интернациональными фразеологическими моделями (встречающимися в большинстве европейских языков) – *caru carevo*, *kralju kraljevo*, *bogu božje* (сравн. русск. *Кесарю Кесарево*) в языке боснийских мусульман мы находим варианты данной общеузнаваемой устойчивой конструкции со специфичными для рассматриваемого региона компонентами-ориентализмами: *agi agino* (*aga* ‘вождь, правитель’), *begu begovo* (*beg* ‘старший, главный правитель’) или вариант с расширением компонентного состава – *hadžiji hadžijino ... a meni moje* (*hadžija* ‘хаджи’, где *hadžija* – 1) ‘почетный титул мусульманина, совершившего паломничество в Мекку и Медину’, 2) ‘праведный человек’, а в жаргоне – 3) ‘богатый, знатный, авторитетный, выделяющийся каким-либо качеством человек’) [7, с. 42].

Еще один турцизм, отражающий реалию славянского исламского мира, – *deredža* ‘религиозный статус, положение’ – иллюстрирует процесс выхода лексемы за рамки сугубо религиозной сферы и расширения контекстов ее использования в живой речи, например в качестве компонента во фразеологизме *Dobar (pošten/pametan) i budala (glup) su na istoj deredži* (*Добрый (честный/умный) и дурак (глупый) – все в одном положении*) – говорится об уравнивании в правах разных по своим способностям и характеристикам людей; *pasti na jednu deredžu* ‘уподобиться кому-л.’ (обычно с негативным значением). Данный фразеологизм в современном языке обрастает многочисленными вариантами типа: *Pariz i Sarajevo su na istoj deredži* (*Париж и Сараево – на равных правах, одно и то же*), причем первая часть может свободно варьироваться: *lud i hrabar* ‘сумасшедший и смелый’, *dobar i jeban* ‘хороший и придурковатый’, *zdravi hodža i zdravi hamal* (= *здоровый ходжа и здоровый носильщик / чернорабочий*), *Sva božija stvorenja kod Allaha su na istoj deredži* (= *Все божии создания у Аллаха одинаковы*) – сравн. русск. *Перед Богом все равны; под одну гребенку; одним миром мазаны* [8, с. 28].

Вышеприведенные примеры иллюстрируют процесс актуализации ориентализмов путем их попадания в интернациональную фразеологическую модель в силу экстралингвистических причин, благодаря чему в принимающем языке они начинают жить «своей жизнью». Далее приведем такое устойчивое сравнение, как *oči kao fildžani* ‘о больших (от удивления или страха) глазах’. Здесь *fildžan* (сравн. южнославянские аналоги – *čaša*, *šolja*) – заимствование из турецкого языка в значении ‘стакан, чашка, кружка, чаша’ с тем отличием, что *fildžan* – традиционная боснийская кофейная чашка без ручки, являющаяся неотъемлемым и широко распространенным атрибутом местной традиции питья кофе, сопровождаемого многочисленными ритуалами, в том числе гаданием: *gledati u fildžan* (= *смотреть в кофейную чашку*) в значении ‘гадать’

(сравн. серб. *gledati u šolju*, русск. *гадать на кофейной гуще* с тем отличием, что сербская *šolja* по своему внешнему виду отличается от боснийского *fieldžana*, а русская традиция гадания на кофейной гуще ушла далеко в прошлое, в отличие от повседневного ритуала кофепития в Боснии и в целом на Балканах) [9, с. 554].

Не менее выразительным в канве рассматриваемых устойчивых единиц с культурологическим наполнением является босн. *provoditi vrijeme u akšamluku* – ‘беззаботно, расслабленно и весело проводить вечер в компании друзей за беседами, едой и алкогольными напитками’ (*akšamluk* ‘молитва, намаз перед заходом солнца, четвертый по порядку ежедневный намаз, после которого верующие могут позволить себе расслабиться, вести непринужденные разговоры и даже употреблять спиртное, что запрещено Кораном в течение светлого времени суток’); *Akšam hajrulah!* – вечернее приветствие, *od sabaha do akšama* ‘от заката до рассвета’, где *sabah* (фаджр) – ‘утренний намаз, совершаемый после восхода солнца’. Здесь любопытно проследить процесс расширения жаргонного значения лексемы *akšam* с турецким по происхождению *-luk* (тур. суффикс *-luk*, заимствованный южными славянами, выражающий ‘место, состояние, самочувствие’), которая отражает местный колорит мусульманских славян и специфику укоренения ислама на славянской почве, т. е. ‘вид отдыха – легкое времяпрепровождение в кругу друзей и близких, обычно за едой, вином или ракией, причем обычно в вечернее время суток’, а в переносном значении – в любое время досуга. Как следствие данного семантического и метафорического переосмысления исконного ориентализма в современной речи боснийских славян-мусульман возникают такие фразеологические сочетания, как *akšamluk pijuckati* ‘попивать ракию в кругу друзей в вечернее время’ или *živjeti od akšamluka do akšamluka* (‘жить от времени окончания вечернего намаза до времени окончания вечернего намаза’) в значении ‘наслаждаться жизнью’ (сравн. русск. *от праздника к празднику*).

С принятием ислама через турецкий в язык боснийских мусульман попадает заимствование из арабского и персидского языков – лексема *bajram* – ‘мусульманский религиозный праздник’ (сравн. сербск. *praznik*, хорв. *blagdan*), которое, актуализировавшись в последние десятилетия, в разговорной речи употребляется для обозначения любого праздника или выходного дня. Анализируемый компонент устойчивого сочетания легко ложится в интернациональные фразеологические модели: *Bosancu/budali je svaki dan bajram* (Боснийцу/дураку каждый день праздник) – сравн. русск. *Дураку каждый день праздник*, *Ni bajrami nisu što su bili* ‘Даже святые (мусульманские) праздники уже не те, что были раньше’ и употребляется для выражения ностальгии по старым временам: *od bajrata do bajrata* (от святого праздника до святого праздника), т. е. ‘очень редко’, *Ima li bajrata?* (Есть ли праздник?) – используется в разговорной речи в значении ‘Можно ли присоединиться к вам? / к вашему столу, к вашей компании / к вашему шалашу?’ [9, с. 141].

Приведем еще ряд выражений с переосмысленным компонентом, выражающим в исконном значении реалии ислама: *Mubarek mjesec Ramazana!* (Счастливого месяца Рамазана!), *slati selame* – ‘отправлять приветственные сообщения, передавать привет кому-л.’; *puno selama!* (сравн. сербск. *puno pozdrava!*); *preseliti na Ahiret* – ‘уйти в иной мир, умереть’, где *Ahiret* – в исламе ‘потусторонний мир, райский сад’; ирон. *kao za dženazu* ‘(сидеть) грустно, с понурым лицом’ (сравн. русск. *сидеть как на похоронах*), где *dženaza* – ‘похороны в мусульманской традиции’. Одновременно лексему *dženaza* ‘намаз, совершаемый в мечети по умершему’ в ироничном употреблении можно встретить также и в жаргонном сленге спортивных болельщиков в значении ‘разгромное поражение’ или с иронично-экспрессивным оттенком в устойчивом сравнении *veselo kao na dženazi* ‘очень грустно, тихо’ (сравн. ирон. русск. *Весело как на похоронах*). Боснийский колорит также отражает и фразеологизм с компонентом *šenluk* ‘бал, веселье’ со смысловым расширением значения лексемы в жаргоне ‘тусовка, пьянка’): *Kad je šenluk*,

nek je šenluk! (по общей модели сербск. *Kad je bal nek je bal*) с вариантами второй части: *Kad je šenluk, nek i hala gori* (Когда праздник – пусть хоть и зал горит) или *Kad je šenluk nek izgori i džamija* (Когда праздник – пусть хоть и мечеть сгорит) [10, с. 251].

В связи с приведенными языковыми примерами, отражающими этнокультурную самобытность славян-мусульман на Балканском полуострове, нельзя не вспомнить мысль В. фон Гумбольдта о важности связи между языком и «духом народа», о том, что язык и духовная сила народа развиваются взаимосвязанно и нераздельно, поскольку каждый индивид развивается под влиянием родного языка, мыслит его структурами [11, с. 137]. Язык, таким образом, не может существовать вне культуры, а наоборот, служит важнейшим инструментом для ее отражения и выражения.

Тщательное исследование зафиксированных (resp. вербализованных) в языке феноменов, реалий и прочих элементов, относящихся к сфере духовно-материальных (равно как и иных) ценностей, во многом помогает более глубокому пониманию универсального и национально-специфичного как в лексике, фразеологии определенного языка, так и шире – в динамических культурно-исторических процессах нашего современного социума.

Список использованных источников

1. Толстой, Н. И. История и структура славянских литературных языков / Н. И. Толстой. – М. : Наука, 1988. – 239 с.
2. Дуличенко, А. Д. Славянские литературные микроязыки. Образцы текстов / А. Д. Дуличенко. – Тарту : Изд-во Тартусского ун-та, 2004. – 398 с.
3. Егорова, М. А. О социальных функциях вариантов сербохорватского языка / М. А. Егорова // Вестник РГПУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». – М. : РГПУ, 2021. – № 2. – С. 85–116.
4. Хмелевский, М. С. Отражение истории, культуры и традиций Боснии в языке и фразеологии / М. С. Хмелевский // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. – 60/1 (2015). – Budapest, 2015. – S. 79–86.
5. Хмелевский, М. С. О междометных приветствиях в славянских языках / М. С. Хмелевский, А. В. Савченко // Слово – фразеологизм – дискурс: актуальные проблемы исследования в современном гуманитарном знании. – Кострома : КГУ, 2023. – С. 292–230.
6. Хмелевский, М. С. Роль процесса актуализации ориентализмов в формировании современного сараевского городского койне / М. С. Хмелевский // *Acta Universitatis Wratislaviensis. Slavica Wratislaviensia*. – CLXIX. – Wrocław : WU, 2019. – S. 111–120.
7. Кузнецова, И. В. Лексемы ориентального происхождения, называющие человека, в языке славян-мусульман Боснии / И. В. Кузнецова, М. С. Хмелевский // *Slavia Centralis* 14 (1). – Maribor, 2021. – S. 34–47.
8. Савченко, А. В. Bosnia and Herzegovina as a Historical Balkan Bridge between Cultures, Religions and Nations / А. В. Савченко, М. С. Хмелевский // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 11.3. – М. : РУДН, 2020. – С. 546–560.
9. Пурич, А. О понятиях героизма в славянских языках: русские и сербские параллели / А. Пурич, М. С. Хмелевский // Этнопедагогический ежегодник : сборник научных статей. – Вып. 14. – Чебоксары : ЧГПУ им. И. Я. Яковлева, 2023. – С. 140–144.
10. Савченко, А. В. Образы национальных характеров и юмористические персонажи балканских народов Южной Славии сквозь призму их стереотипного отображения в современных анекдотах / А. В. Савченко, М. С. Хмелевский // *Językownawstwo*. 1(15). – Łódź : Akademia Humanistyczno-Ekonomiczna, 2022. – S. 241–257.
11. Гумбольдт, фон В. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – 2-е изд. – М. : Прогресс, 2000. – 400 с.

Abstract. The paper deals with ethno and cultural peculiarities of Bosnian phraseology and idioms, which reflect spiritual and material values of the Bosnian Muslim Slavs of the world Slavia Muslims. The illustrative examples collected from the Bosnian fine literature, as well as from colloquial speech during the field research in the area of compact residence of this ethnic group on the

territory of modern Bosnia and Herzegovina, demonstrate the role of Orientalisms (primarily Turkishisms and Arabisms, Persianisms that penetrated the Bosnian language through Turkish). This fact is a reflection of the fundamental religious concepts used in the everyday life and speech of the Balkan Muslim Slavs, as well as in the formation of new images and cultural-pragmatic connotations of the stable idiomatic phraseological (idiomatized) combinations in the colloquial language of the Bosnian Muslims, including idioms, precedent texts and slang (jargon).

Keywords: spiritual and material values, the Muslim Slavs of Bosnia, Serbo-Croatian lingua-cultural continuum, phraseology, idioms, Slavic world, ethnocultural code.

Хмелевский Михаил Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент; Санкт-Петербургский государственный университет (chmelevskij@mail.ru).

Кузнецова Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент; Чувашский государственный педагогический университет имени И. Я. Яковлева (irinak47@yandex.ru).

Савченко Александр Викторович – кандидат филологических наук, доцент; Государственный университет Чжэнчжи (savchenko75@mail.ru).

УДК 811.161.3'42:398.92*У.Караткевич:82-13:82-14

Л. М. Шэцка

ФРАЗЕАЛАГИЗМЫ-ИНТЭРТЭКСТЭМЫ ИДЫЯСТЫЛЮ ПАЭЗИИ І ПРОЗЫ У. КАРАТКЕВИЧА

Анотацыя. Артыкул прысвечаны даследаванню ідыястылю паэзіі і прозы У. Караткевіча ў аспекце інтэртэкстуальнасці. Характарызуюцца фразеалагізмы-інтэртэкстэмы, народныя выслоўі як сродак рэалізацыі інтэртэкстуальных сувязяў у ідыястылі пісьменніка.

Ключавыя словы: ідыястыль, інтэртэкст, інтэртэкстуальнасць, інтэртэкстэма, фразеалагізм-інтэртэкстэма.

Даследаванне катэгорыі інтэртэкстуальнасці з’яўляецца адным з актуальных напрамкаў у сучаснай айчыннай і замежнай лінгвістыцы. У цэнтры ўвагі лінгвістаў знаходзяцца віды інтэртэкстуальных узаемадзеянняў тэкстаў, мэты, спосабы і маркеры ўвядзення фрагментаў, спасылак, цытат аднаго тэксту ў іншы, а таксама тыпы інтэртэкстуальнага ўключэння. У тэорыі інтэртэкстуальнасці ў якасці адных з ключавых функцыянуюць такія паняцці, як “алюзія”, “цытата”, “рэмінісцэнцыя”, якія ажыццяўляюць стварэнне міжтэкставых сувязяў і разглядаюцца як элементы інтэртэксту. Пад інтэртэкстам пры гэтым разумеецца “наяўнасць у тэксце элементаў, якія, з прычыны мэтанакіраванай аўтарскай стратэгіі, актываюць у свядомасці чытача іншыя, прачытаныя ім раней, тэксты” [1]. Трэба адзначыць, што пытанне тыпалагізацыі інтэртэкстуальных элементаў – інтэртэкстэм – застаецца актуальным да гэтага часу.

Тэрмін “інтэртэкстэма” (В. М. Макіенка, К. П. Сідарэнка) выкарыстоўваецца даследчыкамі для наймення “прадстаўніка прэтэксту”, “міжуроўневага рэляцыйнага сегмента змястоўнай структуры тэксту <...> уцягнутага ў міжтэкставыя сувязі” [2, с. 143]. Інтэртэкстэмы выкарыстоўваюцца аўтарам наўмысна, з камунікатыўнай мэтай: перадаць чытачу аўтарскія інтэнцыі, якія чытач з улікам асабістых фонавых ведаў павінен дэкадзіраваць. Інтэртэкстэма ў нашым разуменні – гэта сродак рэалізацыі інтэртэкстуальных сувязяў, любая праява інтэртэкстуальнасці. Некаторыя даследчыкі да інтэртэкстэм адносяць, акрамя цытат, алюзій, рэмінісцэнцый, таксама парафразы і ўстойлівыя выразы – парэміі, фразеалагічныя адзінкі (В. М. Макіенка, К. П. Сідарэнка, М. А. Фокіна і інш.)

Фразеалагізмы-інтэртэкстэмы (далей – ФА-інтэртэкстэмы) з’яўляюцца адным з асаблівых сродкаў экспрэсіі і вобразнасці ў ідыястылі паэзіі і прозы У. Караткевіча,

надаюць мове яго твораў больш яскравы народна-паэтычны характар, а таксама садзейнічаюць дакладнасці, трапнасці і лаканічнасці выказванняў: – *В-вох, – ні з пушчы ні з поля сказаў Карніла* [3, с. 175] (*ні з пушчы ні з поля* ‘зусім недарэчна, неўпапад’ [4, с. 283]); *Дзед намыліў нам галаву оптам і ў розніцу* [5, с. 306] (*мыліць галаву* ‘моцна прабіраць каго-н, выгаворвацца з дакорам’ [4, с. 55]); – *Ну, расхвасталася, – сказаў Багдан. – Вечна свае тры грошы* [6, с. 357] (*устаўляць, (утыкаць, сунуць) свае тры грошы* ‘умешвацца ў чужыя справы’ [4, с. 578]).

У творах пісьменніка шырока выкарыстоўваецца фразеалагічная сінанімія: *А калі агонь разгарэўся яшчэ больш – яны агледзеліся і зразумелі, што трапілі з агню ў полымя* [3, с. 264] (*з агню ды ў полымя трапляць, трапіць, кідаць* ‘з адной непрыемнасці ў другую’ [4, с. 52]); *Здарылася, аднак жа, зусім не так. Праз нейкія там пару гадзін ён трапіў у такі пераплёт, якога яшчэ не бывала ніколі ў ягоным жыцці* [3, с. 308] (*папасці (трапіць) у пераплёт* ‘аказвацца ў цяжкім, небяспечным ці непрыемным становішчы’ [4, с. 180]); *Ды яшчэ смяюцца бессаромна, зубы нахабныя прадаюць* [5, с. 131] (*прадаваць зубы* ‘весела смяцца, рагатаць беспрычынна’ [4, с. 292]); *Ён мне не падабаўся з дзяцінства. Вечна такі, быццам яго сабакі шкамуталі, вечна зубы выскаляе. Ярышты нейкі, злы* [5, с. 192] (*выскаляць зубы* ‘смяцца, рагатаць; насміхацца з каго-н.’ [4, с. 259]).

Сустрэкаюцца таксама выпадкі выкарыстання сінанімічных выслоўяў з розных моў з мэтай характарыстыкі інтэлігентнасці і адукаванасці герояў: – *Толькі і я не лыкам шыты, як кажучь рускія. Мы тэж не яцы-тацы, а цваняцы¹, як кажучь палякі, і не нагою смаркаемся, як кажам мы¹ – ¹мы таксама не сякія-такія, а спрытнягі* [7, с. 533–524] (ужыта рускае трапнае выслоўе, беларускае і аўтарскі пераклад польскага выразу, які падаецца ў зноскі).

У некаторых выпадках назіраецца варыянтнасць устойлівых выказаў: *Чорт бы пабраў гэтых мужоў, што ездзяць на сем месяцаў у экспедыцыі, ды яшчэ туды, куды нават няшчасны Макар не ганяў сваіх не менш няшчасных цялят* [7, с. 234] (*куды Макар цялят не ганяў* ‘вельмі далёка, у вельмі аддаленае або цяжкадаступнае месца (ехаць, трапіць і пад.)’ [4, с. 11] або далучэнне да агульнавядомага выразу індывідуальна-аўтарскіх слоўных кампанентаў з мэтай узмацнення асноўнага сэнсу ФА-інтэртэкстэмы); *мяняць яго было проста небяспечна: пачнуць працаваць цераз пенькалоду, не будуць сачыць за панскімі земляробчымі прыладамі, пераламаюць іх – гары яны ясным гарам, калі такая ўжо справа* [6, с. 113] (*цераз пенькалоду* – ‘абы-як, нядбайна (рабіць што-н.)’ [4, с. 203]; *гары ён (яна, яно, яны) гарам* ‘выказванне моцнага раздражнення, прыкрасці, абурэння чым-н.’ [4, с. 298]).

Нярэдка асобны маналог героя ці яго разважанні ўяўляюць сабой монатэматычныя кантамінацыі ўстойлівых выказаў: *Іліяш зразумеў, што ўсё дарэмна. Трэба было даваць лататы. З гэтым кашы не зварыш*. Бач, твар які [3, с. 409] (*кашы не зварыш* ‘з кім-н. не дамовішыся, не дойдзеш да згоды з кім-н.’ [8, с. 485]; *даваць (задаваць) лататы* ‘кінуцца наўцёкі, імкліва ўцякаць’ [4, с. 345]) – ФА-інтэртэкстэмы характарызуюць дзеянне і рысы характару); *Тая ўсё яшчэ трымала ў руцэ хлеб, і ад штуршка хлеб гэты выпаў. Упаў на зямлю. Па закону паскудстваў прыроды, ясна ж, маргарынам уніз* [6, с. 361] (з двух фразеалагізмаў *закон подласці* і *закон прыроды* атрымаўся аказіянальны выраз са значэннем ‘усё, што можа пайсці добра, пойдзе не так’).

Пры захаванні аднолькавага лексічнага значэння некаторыя агульнаўжывальныя лексічныя варыянты фразем набываюць у мове твораў пісьменніка функцыянальныя адрозненні. Як правіла, выбар таго ці іншага лексічнага варыянта ажыццяўляецца з улікам мэты выказвання і ўмоў кантэксту: *Глухі, бы з-пад зямлі, раздаўся раптам нейкі прызыў – а можа, маленне? – і сціхнуў. Зноў паўтарыўся... І нечакана ў адказ на яго прагучаў нечуванай сілы голас, ад якога ў нявольных сведкаў пабег па спінах мароз* [3, с. 268]; *Па маіх*

вантробах прабег мароз: гэта сапраўды горш [5, с. 10]. У слоўніку І. Я. Лепшава падаюцца наступныя варыянты: *мароз на скуры (на спіне, на целе) прабягае, ходзіць, дзярэ; прабег, прабягаў, хадзіў, прайшоў, прадзіраў* ‘у каго-н. узнікае непрыемнае адчуванне ад раптоўнага страху, хвалявання і пад.’ [4, с. 22]; параўнаем: *набег мароз на спінах* – пісьменнік выкарыстоўвае семантыка-сінанімічны варыянт кампанента *на скуры – на спінах*, які не змяняе замацаванага за ім значэння ‘дрыжкі ад моцнага страху, хвалявання’.

Экспрэсіўна-стылістычную афарбоўку мае варыянтная фразема *на маіх вантробах прабег мароз*, якую ўжывае аўтар пры абмалёўцы такога ж унутранага стану героя: перадачы страху, хвалявання. Фразеаграфічныя даведнікі беларускай мовы не фіксуюць варыянта дадзенай ФА з кампанентам *вантробы*, што дае падставу аднесці яе да індывідуальна-аўтарскай фразеалагічнай адзінкі, створанай на аснове адзінкі жывой народнай мовы. Замена такога слоўнага кампанента ў структуры агульнаўжывальнага фразеалагізма надае варыянтнай фраземе дадатковае сэнсавое адценне жаху і жудаснасці дзеяння.

Сярод ФА-інтэртэкстэм вылучаюцца асобна кампаратыўныя фразеалагізмы, якія могуць абазначаць:

– адначасова і фізічны, і псіхічны стан чалавека: *Лязо ўсё глыбей уваходзіла ў цела, і ён апускаўся. Хрыстос стаяў белы, як панера* [3, с. 316];

– паводзіны чалавека, якія звязаны з псіхічным станам і рысамі характару чалавека: *Брашу, / Як сабачы сын* [9, с. 242] – у пісьменніка назіраецца мадыфікацыя: замена слоўнага элемента *сабака* на лаянкавы выраз *сабачы сын* з мэтай узмацнення негатывных канатацый;

– псіхалагічнае ўздзеянне: *А я яму, як соллю ў вочы, праўду* [3, с. 114];

– рысы характару чалавека: *Ідзеш бяскрылы, бяззбройны, як матыль на агонь* [3, с. 371];

– адносіны адной асобы да другой: *Ён выпадкова ўбачыў іх разам, але яна пры апошнім спатканні хлусіла яму, **выкручвалася, як вужака пад віламі*** [5, с. 221] – фраза ўтворана спалучэннем двух розных выразаў: *вужом выкручвацца* і *выкручвацца як на патэльні* – з заменай слоўнага кампанента;

– працяканне дзеяння: *Туляўся ў свеце як на пеклу Марка* [9, с. 317]; *Рабіць мне, пакуль тое, не было чаго, і я пачаў блукаць па вёсцы, як Марка на пекле, тым болей што было цёпла і раскошна* [7, с. 359].

У ідыястылі пісьменніка прадстаўлены трапныя народныя выслоўі, якія неаднаразова ўжываюцца, напрыклад, шырока вядомы абразлівы выраз *ёлуп хваішчоўскі* (Існуе меркаванне, што ўзнік на Шклоўшчыне: у в. Фашчаўка Шклоўскага раёна на могілках стаіць цагляны слуп (калона), на якім драўляная фігура Святога Сімліцыяна. Помнік быў узведзены манахамі-каталікамі, верагодна, у XVII ст. [10, с. 772]): – *Пабачу я, колькі ты на сваім шляху знойдзеш людзей накісталт гэтага прыдуркаватага Карнея, ёлуп хваішчоўскі!* [5, с. 214]; *Відаць, і яна была расчараваная. Сярод нас лічылася, што я «адукаваны, начытаны і гаварыць умею». І – на табе. Яна паціснула плячамі. Ясна, каму ахвота бавіць час у бяседзе з гэтым ёлупам хваішчоўскім?* [6, с. 385]; *Ах, ёлупень! Ах, бесталач, асталоп, паўдур’е, медны лоб, ёлуп хваішчоўскі! Ты правільна, бо змяя віецца і вінтавая лесвіца віецца, вырашыў навіваць пергаментную стужку на нейкі прадмет* [7, с. 310].

Прыгадаем устойлівы выраз, пададзены на польскі лад: – *Не веру. // – Тумаіш няверны* [6, с. 96]. *Фама няверуючы* – пададзены ў прыведзеным кантэксце на польскі лад выраз, у рамана «Хрыстос прыямліўся ў Гародні» гэтая фразеалагічная адзінка знайшла сваё іранічнае пераасэнсаванне: *Значыцца, так, – сказаў Лотр. – Ты, Багдан Роскаш, за шляхецкую ўпартасць тваю, зныня – апостал Фама, Тумаіш няверны, іначай званы Блізнюк* [3, с. 140]. Аўтар на працягу ўсяго рамана выкарыстоўвае гэтае выслоўе: – *Белае, – сказаў Тумаіш няверны. // А побач у Хадасах людзі мруць, – дадаў*

Луда [3, с. 222]; *Фама абамлеў: шкаляр ішоў павольна-павольна. Тумаи няверны не ведаў, што калі каго даганяеш плоймай, а тут бачыш, што ён, адзін, ідзе і не спяшаецца, нібы яму начхаць, ярасць пагоні робіцца вышэй за сілы таго, хто даганяе* [3, с. 319]. Часам у інверсіі: *Ад гвалту барабаніла ў вушах. // – Цыц! – гаркнуў раптам няверны Тумаи. – А я згодзен з ім. Дзеля гонару* [3, с. 183]; *Апосталы з Хрыстом сядзелі ўбаку, грэліся на вячэрнім добрым сонцы. // – Няўжо яму навераць? – спытаў няверны Тумаи* [3, с. 247]. І толькі на апошніх старонках твора, насуперак вытокаам дадзенага фразеалагізма, падаецца сюжэт ужо не з негатыўным, а з пазітыўным героем, таму пераважае станоўчая экспрэсіўна-ацэначная афарбоўка і паважлівае аўтарскае стаўленне: *Чалавека звалі Багдан Роскаш, а падчас Хрыстовай эпопеі – Тумаи Няверны, званы Блізнюк. Ён кружляў па горадзе, сам не ведаючы чаго. Проста тут сядзеў Хрыстос, а Фама быў не з тых людзей, што кідаюць друга ў бядзе* [3, с. 456–457].

У. Караткевіч ў сваіх творах мэтанакіравана выкарыстоўваў і творча вар’іраваў беларускую фразеалогію, ствараючы фразеалагічныя інавацыі. ФА-інтэртэкстэмы захоўваюць сувязь са сваім зыходным зместам (з кантэкстам спараджэння), а таксама фарміруюць новыя сэнсы ў кантэксце іх функцыянавання. Творчая мадыфікацыя фразеалагізмаў і парэмій адбываецца з захаваннем мастацкай вартасці народных фразем – вобразнасці, афарыстычнасці, рытмікі і меладычнай упарадкаванасці, надае ім новую экспрэсіўную афарбоўку і ўзмацняе выразнасць у ідыястылі паэзіі і прозы пісьменніка.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Васильева, Е. А. Функциональная специфика аллюзивных текстов: на материале пьес Т. Стоппарда «Розенкранц и Гильденстерн мертвы» и «Травести»: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. А. Васильева; С.-Петербург. гос. ун-т. – СПб., 2011. – 246 с.
2. Сидоренко, К. П. От крылатого слова к интертекстеме (межуровневая проекция) / К. П. Сидоренко // Грани слова : сборник научных статей к 65-летию проф. В. М. Мокиенко. – М. : ООО Изд-во «ЭЛПИС», 2005. – С. 143–145.
3. Караткевіч, У. Збор твораў : у 8 т. / У. Караткевіч. – Мінск : Маст. літ., 1990. – Т. 6 : Хрыстос прыязмліўся ў Гародні : раман. – 494 с. : 4 л. іл.
4. Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2008. – Т. 1 : А–Л. – 669 с.
5. Караткевіч, У. Збор твораў : у 8 т. / У. Караткевіч. – Мінск : Маст. літ., 1988. – Т. 2 : Аповесці, апавяданні. – 511 с. : 4 л. іл.
6. Караткевіч, У. Збор твораў : у 8 т. / У. Караткевіч. – Мінск : Маст. літ., 1988. – Т. 3 : Раман. Аповесці. – 543 с. : 4 л. іл.
7. Караткевіч, У. Збор твораў : у 8 т. / У. Караткевіч. – Мінск : Маст. літ., 1990. – Т. 7 : Дзікае паляванне караля Стаха : аповесць ; Чорны замак Альшанскі : раман. – 574 с. : 4 л. іл.
8. Лепешаў, І. Я. Лінгвістычны аналіз тэксту : вучэбны дапам. для студэнтаў / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Выш. шк., 2009. – 287 с.
9. Караткевіч, У. Збор твораў : у 8 т. / У. Караткевіч. – Мінск : Маст. літ., 1987. – Т. 1 : Вершы, паэмы. – 431 с. : 4 л. іл.
10. Караткевіч, У. Збор твораў : у 25 т. / У. Караткевіч. – Мінск : Маст. літ., 2012–2018. – Т. 1–8.

Abstract. The article is devoted to the study of the idiostyle of poetry and prose of V. Korotkevich in the aspect of intertextuality. Phraseologisms-intertextemes and folk sayings as a means of realizing intertextual connections in the writer’s idiostyle are characterized.

Keywords: idiostyle, intertext, intertextuality, intertexteme, phraseological unit-intertexteme.

Шецко Лариса Михайловна – кандидат филологических наук; Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины (larisachaika7905@gmail.com).

А. В. Юрова

ОБРАЗНОСТЬ В ПОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКЕ «НОВОСТЬ ИЗ ХЕЛМСКОЙ ЗЕМЛИ»: ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ И ПОСЛОВИЦЫ

Аннотация. Данная статья посвящена уникальной сказке «Новость из Хелмской земли», записанной Оскаром Кольбергом во время его работы над собранием сочинений «Народ, его обычаи, уклад жизни, речь, предания, поговорки, традиции, обряды, игры, песни, музыка и танцы». Информант Кольберга соединил в своем рассказе литературное и народное, а также модернизировал многие пословицы и фразеологизмы, известные славянским языкам. Эта сказка, как и всё собрание сочинений, не переводилась на русский язык, а также на русском языке не проводились исследования этого сборника.

Ключевые слова: польская народная сказка, Оскар Кольберг, пословица, фразеологизм.

Кольберг в 1879 году работает над томом под номером 39, который изначально носил название «Пруссы Западные, Кашубы, Полабы». Однако уже опубликованная рукопись получила название «Поморье», потому что включает в себя те территории, которые в международном научном сознании называются Поморье или Восточное Поморье, где и был собран материал, за исключением только территории Крайны, здесь исследования Кольбергом проведены не были. Собственно, этот том включает в себя материал, собранный из следующих регионов: Кашубы, Западные Кашубы, Боров-Тухольские, Повисле и Жулавы, а также территории, обозначенной Кольбергом как Хелминская земля. Во время работы Кольберга такого деления еще не существовало [1, с. 20–32].

Как и в принципе во всем собрании «Народ...», в томе «Поморье» часть материалов берет свое начало с исследований Кольберга, большая же часть представляет собой описание самых разных источников и формирование из них одного единого материала.

Сказки из Хелмской земли являются одними из наиболее интересных материалов для исследования, так как не являются переводами, а были собраны Кольбергом непосредственно во время его этнографических экспедиций. Для нашего анализа мы используем сказку «Новость из Хелмской земли», записанную в Хелмно. Сюжет этой сказки выстраивается вокруг четырех братьев: Павла, Гавла, Петра и загадочного Путерноги, на имя которого редакция рукописи сборника дает комментарий: *Zwykle mówimy kuternoga (chromy); zob. Słownik Lindego, gdzie przy tym różni autorzy są wzmiankowani. Chcielibyśmy więc wiedzieć, skąd wziął się w powieści wyraz puternoga.* — Обычно говорим *кутернога* (хромой); см. Словарь Линды, где отмечены разные авторы. Поэтому мы хотели бы знать, откуда появился в сказке *путернога* [1, с. 283].

Сказка открывается удивительной присказкой *Małych złodziejów wieszają, ale dużych to puszczają* ‘Мелких воров вешают, но больших отпускают’ [1, с. 282]. Данная пословица появилась в польском языке как афоризм Миколая Рейя, в данном случае эта пословица отлично описывает ситуацию, но остается удивительным тот факт, что ее знает сказитель. Это еще раз доказывает, что литература и фольклор неразрывно связаны и, как отмечал Ю. Кшижановский в своей работе «Литература и фольклор», как литература черпает из фольклора материал, так и фольклор использует литературу как источник.

Разворачивая эту пословицу в присказку, информант Кольберга кратко дает информацию о том, что будет происходить дальше. Путернога мешает братьям жить хорошо, Павел, Гавел и Петр винят его во всех своих бедах, ведь ему везет больше, он богаче и дела у него идут лучше. Тогда они принимают решение избавиться от ненавистного брата, при обсуждении плана Павлу приходит идея подбросить ядовитого паука, ведь тогда их никто не заподозрит. Тогда Гавел возражает, ведь это все еще убийство, Бог накажет их за такой поступок. Братья решают подумать еще, на следующий день Петр

предлагает другую идею: убить брата своими мыслями и словами – ведь то, о чём мы думаем, материально. Тогда каждый из братьев приглашает Путерногу стать крестным отцом детей, а после крестин навещают его, при этом отмечая, как он плохо выглядит и что смерть его близка. Путернога, слушая братьев, начинает замечать, что ему нездоровится, и впоследствии умирает. После этого Павел, Гавел и Петр начинают жить своей жизнью и радуются смерти брата, однако это длится недолго. Братья избежали городского суда, но, когда они сами умирали, к ним пришел Путернога с целой свитой чертей.

Эта сказка привлекла наш интерес тем, что информант использовал при рассказе множество различных речевых оборотов и первая поговорка, использованная в качестве присказки, является лишь начальным этапом. Некоторые из использованных автором выражений трудно классифицировать, так как они не закреплены в языке и, видимо, являются авторским творчеством, однако мы начнем с тех выражений, которые можно обнаружить в словарях.

В присказке рассказчик использует следующее выражение: *Zły człowiek, ale z dobrą głową* [1, с. 282] ‘злой человек, но хорошая у него голова’ – комментируя его следующим образом: здесь это точно не комплимент, информант таким выражением еще раз подчеркивает изобретательность братьев в подготовке к убийству. В польских словарях не встречается такое выражение, тем интереснее его метафоричность, связанная с содержанием будущей истории. Продолжая свою присказку, сказитель, подчеркивая правдивость будущей истории, использует фразеологизм *nie z jednego pieca chleba kosztował* ‘не из одной печи хлеб ел’ [1, с. 283], аналогом которого является русский фразеологизм *собаку съел* [3, с. 628]. В польских словарях он отмечен в форме *nie z jednego pieca chleba jadł*, что значит ‘быть опытным, разбираться в делах’.

Рассказывая о счастье Путерноги, информант использует фразеологизм *jak pączek w maśle opływał* ‘как пончик в масле плавал’, понятный русскому читателю благодаря выражению *как сыр в масле кататься*. В том же абзаце, снова пробуя описать полученное от Бога везение, сказитель прибегает к выражению *A szczęście, to jak szczęście: ma zwyczajnie oczy zawiązane* ‘а счастье, это как счастье: имеет обычно завязанные глаза’ [1, с. 283]. Из него выделяется фразеологизм *szczęście ma oczy zawiązane*, который отсылает нас к образу древнеримской богини Фортуны с завязанными глазами. Но и на этом рассказчик не останавливается. Развивая образ слепой Фортуны, информант говорит, что чаще всего судьба *gra w ślepa babkę* ‘играет в слепую бабку’ [1, с. 283]. Информант использует образ детской игры, которая до сих пор является популярной среди польских детей и основывается на том, что один игрок с завязанными глазами ищет остальных ребят.

Продолжая вести свое повествование, сказитель снова прибегает к словотворчеству и, подчеркивая то, как Путернога мешал братьям, использует выражение, не зафиксированное ни одним словарем польского языка *jak maciora w kapustę* ‘как свинья в капусту’ [1, с. 283]. Из контекста несложно догадаться, что речь идет о том, как Путернога лезет к братьям и любопытничает, тем самым данное выражение становится новым аналогом для русского *совать везде свой нос* [3, с. 450].

Сказитель также использует поговорку *Jak szydło z worka wyklulo* ‘Как шило из мешка выпало’ [1, с. 284] в ситуации, когда Петр, Павел и Гавел договариваются о том, чтобы убить своего брата, но боятся, что правда выйдет наружу. Снова рассказчик трансформирует поговорку, заменяя глагольный компонент на другой, изначально должен был использоваться *wyjść* ‘выйти’.

Для описания сложности дела, которое придумали братья, рассказчик использует поговорку *Trudno głową mur przebić!* ‘Сложно головой стену пробить’ [1, с. 283], которая в польских словарях закреплена в виде *Głową muru nie przebijesz* ‘Головой стену не пробьешь’. Далее сказитель снабжает действие своих героев трансформационной поговоркой *Głowa na karku, a rozum w głowie* ‘Голова на плечах, а в голове разум’

[1, с. 284], возникшей из известного польского фразеологизма *głowa na karku* ‘голова на плечах’. Информант создает пословицу и добавляет к фразеологизму вторую часть, не столько для ритма, сколько для смысла.

В дальнейшем повествовании информант использует целый ряд знакомых не только польскому, но и русскому читателю (по аналогам) фразеологизмов, среди них такие единицы, как *potarł się po łysinie* [1, с. 284] ‘потер по лысине’, *oka nie zmrúżyłem* ‘глаз не сомкнул’ [1, с. 285], *włosy na głowie wstają* ‘волосы на голове встают’ [1, с. 285], *na sto koni wsadził* ‘на сто коней посадил’ в значении «на седьмом небе от счастья» [1, с. 287], *życie na włosku wisi!* ‘жизнь на волоске висит’ [1, с. 282].

На этом использованные информантом фразеологизмы, к которым можно подобрать аналог в русском языке, заканчиваются. Но имеются также такие выражения, которые отмечены в словарях польского языка, но при этом они имеют дополнительную часть, являющуюся авторским творчеством информанта. Так происходит с пословицей *Jakiegoś piwa nawarzył, to go wypij, a choćbyś i pękł jak żaba!* [1, с. 285] ‘Какого пива наварил, его выпей, даже если лопнешь как жаба’, которая знакома русскому языку через частичный эквивалент *Сам кашу заварил, сам ее и расхлебывай* [3, с. 281]. В польском языке на месте компонента *каша* используется компонент *пиво*, но стоит обратить внимание на авторское продолжение данной пословицы, которая является трансформацией польского фразеологизма *pękł jak bańka mydlana* ‘лопнуть как мыльный пузырь’ [3, с. 543], только вместо слова *пузырь* информант использует слово *жаба*. Таким образом, получается новая пословица, построенная на контаминации с трансформированным фразеологизмом.

Информант использует еще одну интересную пословицу, которую не удалось найти в польских словарях. Это пословица *Zabij myszy dziurę, to ona sobie inszą znajdzie* [1, с. 287] ‘Забей мыши одну дырку, она себе другую найдет’, которая используется в тексте сказки для того, чтобы подчеркнуть, что братья все равно нашли бы способ избавиться от Путерноги.

Отдельно стоят образные выражения, которых информант использовал в своем повествовании для придания ему еще большей образности и выразительности. Прежде всего это такие интересные сравнения, как *łzy z oczu jak groch padały* [1, с. 284] ‘слезы падали из глаз как горох’, *uśmiechnął się jak słońce na pochmurnym niebie* [1, с. 284] ‘его улыбка как солнце на небе, покрытом тучами’ – знакомый всем славянам фольклорный образ.

Особенно интересным представляется сравнение *Ale w człowieku – to jak w marcu: w jednej chwili z wszystkich stron wiatr zawiać może* [1, с. 284] ‘Но человек как март: в одну минуту со всех сторон может ветер повеять’, содержащее в себе народную мудрость, построенную на связи человека и погоды в марте: человек в своих рассуждениях, поступках, желаниях представляется таким же ветреным, какой бывает погода в марте.

Еще одно сравнение проводит информант со скоротечностью жизни человека, так он сравнивает человека с пузырем *Człowiek ci to jak bąbel na wodzie! Dziś żyje, jutro gnije!* [1, с. 287] ‘Человек как пузырь на воде! Сегодня живет, завтра гниет’. Необходимо обратить внимание и на вторую часть данного выражения, в нем употреблена пословица, отмеченная в том числе и у Адальберга, и у Мицкевича, известная хорватскому языку. Эта пословица имеет библейское происхождение и обозначает конечность всего, что есть в мире, особенно выигрышно это смотрится с метафорой о пузырях на воде.

Закончить свое небольшое исследование нам хотелось бы выражением, которое встречается уже после страшной гибели Путерноги, а именно выражением *Serduszko skakało, jakby tam dynu-dana na Weselu grano* [1, с. 287] ‘Сердечко плясало, как будто играли на свадьбе дына-дана’. Несомненно, здесь представлена рифма, еще один яркий маркер народного творчества, но большая культурологическая загадка – это выражение *dynu-dana*, музыка, которую играют на свадьбе. Эти слова часто повторяются в польских колядках. Однако что это за мелодия, о которой рассказывает сказитель, на данный момент установить очень сложно.

Таким образом, польская народная сказка «Новость из Хелмской земли», представленная в сборнике Оскара Кольберга, является уникальным сокровищем, на пяти страницах содержания читатель встречается множество образов, пословиц, фразеологизмов, не просто часто встречающихся в словарях и литературе, а совершенно новых, модернизированных. Несомненно, данная сказка заслуживает более тщательного и подробного рассмотрения в разных аспектах.

Список использованных источников

1. Kolberg, Oskar. *Dzieła wszystkie* / J. Kądziołka, D. Pawlakowa ; Wydano Pod Opieką Naukową Polskiej Akademii Nauk Z Funduszu Komitetu Obchodu Tysiąclecia Państwa Polskiego. – Wrocław – Poznań : Polskie Towarzystwo Ludoznawcze, 1965. – 629 s.
2. Skorupka, Stanisław. *Słownik frazeologiczny języka polskiego* / S. Skorupka. – Т. 1–2. – Warszawa : Wiedza Powszechna, 1967. – 790 s.
3. Мокиенко, В. М. *Большой словарь русских пословиц* / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева ; под общ. ред. В. М. Мокиенко. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1024 с.
4. *Wielki słownik języka polskiego* [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://wsjp.pl/index.php/p-age/historia>. – Дата доступа : 10.06.2024.

Abstract. This article is devoted to the unique tale “News from Chelm Land”, recorded by Oskar Kohlberg while he was working on his collection of essays “The People, Their Customs, Way of Life, Speech, Legends, Proverbs, Traditions, Rites, Games, Songs, Music and Dances”. Kohlberg’s informant combined the literary and the folk in his tale, and modernised many proverbs and phraseologies known to Slavic languages. This fairy tale, as well as the whole collection of works, has not been translated into Russian, and no studies of this collection have been conducted in Russian.

Keywords: Polish folk tale, Oskar Kolberg, proverbs, phraseological phrases.

Юрова Алина Владимировна – аспирант; Санкт-Петербургский государственный университет (st085309@student.spbu.ru).

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Абжапарова М. Д.</i> Интенсификационно-оценочный потенциал лексем <i>красный</i> и <i>синий</i> в тюркских и славянских языках.....	3
<i>Авдеева О. И.</i> Механизм мотивации семантики фразеологизма его внутренней формой (на примере фразем, воплощающих зооморфный код культуры).....	8
<i>Бакина А. Д.</i> Лингвокультурологические аспекты перевода библейской фразеологии.	14
<i>Бирр-Цуркан Л. Ф., Манёрова К. В.</i> Визуальное восприятие серого цвета в русской фразеологии (на фоне немецкого языка).....	21
<i>Бурмина В. И.</i> Антропоморфные представления о печи (на примере фразеологизмов и паремий).....	27
<i>Васильев А. И.</i> Предложно-именные фразеологизмы древнерусского языка.....	30
<i>Гальцова Д. Н., Сафонова У. В.</i> Фразеологизмы с компонентами <i>жить, жизнь / жыць, жыццё</i> в русском и белорусском языках: семантический и грамматический аспекты.....	35
<i>Голубева В. К.</i> О фразеологизации в кругу предложно-падежных форм и их наречных коррелятов.....	39
<i>Гомонова И. Г.</i> Метаоператоры паремий в поэтических текстах.....	44
<i>Горбанали ния Н.</i> Фразеологические единицы со значением ‘щедрый – жадный’ в русском и персидском языках.....	49
<i>Григорьева О. Н.</i> Прилагательные с семантическим компонентом ‘лишенный цвета’ в русских фразеологических сочетаниях.....	52
<i>Гуркова О. С.</i> О неофраземе <i>бегущая строка</i>	56
<i>Данич О. В.</i> Лексикографическая интерпретация духовного кода белорусов (на материале учебного словаря для детей младшего школьного возраста).....	59
<i>Дедович О. Г.</i> Метафорическое моделирование семантической сферы «Человек» в русском и немецком лингводидактическом дискурсе: сходства и различия.....	62
<i>Дубровская Е. М.</i> Репрезентация кодов культуры в паремиологических единицах народов России.....	66
<i>Елынцева И. В.</i> Пословицы с компонентом-цветонаименованием в современных русском и белорусском языках.....	70
<i>Завтрикова П. С.</i> О степени идиоматичности сочетаний, образованных по модели « <i>X не на месте</i> ».....	73
<i>Иванова Е. В.</i> Номо spectāns во фразеологии русского и английского языков (на материале данных корпуса).....	79
<i>Каліта І. У.</i> Колеравыя коды неафразеалогіі – агульныя трэнды ў адлюстраванні (каля)эканамічнага дыскурсу.....	83
<i>Кан Жоши</i> Фразеологический компонент в психолингвистическом изучении китайских и русских зоонимов.....	91
<i>Керамати Ф.</i> Природный код культуры в русских устойчивых сравнениях.....	96
<i>Коваль В. И.</i> <i>Плач Ярославны</i> : возникновение и употребление фразеологизма.....	100
<i>Котова М. Ю.</i> К вопросу о вариабельности лингвокультурем русско-словацкого паремиологического ядра.....	104
<i>Крамкова О. В.</i> Эвфемистическая функция лексемы <i>изумрудный</i> в русском языке...	109
<i>Кулинская С. В., Кунина М. Н.</i> Значение славянской фразеологии в политическом и юридическом дискурсе: перспективы лингвистических и лингводидактических исследований.....	113
<i>Кураш С. Б., Струков В. В.</i> ... <i>Ни о чём</i> , или об одной неофраземе, восходящей к базовой метафоре «мир есть текст».....	116
<i>Лавицкий А. А., Дединкин А. Л.</i> Лингвоправовая оценка фразеологизмов как компонентов поликодовых текстов.....	119

<i>Лаевская Т. Е.</i> Средства создания языковой устойчивости в текстах аннотаций к современным художественным произведениям (функциональный аспект).....	123
<i>Лиханова Н. А.</i> Специфика проявления речевой деятельности в диалектных фразеологизмах (на материале «Словаря фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний Забайкальского края»).....	127
<i>Маджаева С. И.</i> Фразеологизмы в медицинском дискурсе.....	130
<i>Маслова В. А.</i> Опыт лингвокультурной реконструкции русского духовного кода.....	133
<i>Меркулова И. А.</i> Восточнославянская фразеология в аспекте количественно-качественных характеристик.....	137
<i>Мещерякова О. А.</i> Цветовое слово в русской пословице и поговорке.....	143
<i>Мокиенко В. М.</i> Homo sapiens в зеркале старой и новой фразеологии.....	147
<i>Никитина Т. Г., Роголёва Е. И.</i> Конфессиональный компонент русской фразеологии в лексикографической репрезентации ребенку-билингву.....	152
<i>Ничипорчик Е. В.</i> Судьба крылатого выражения <i>Пушкин – наше все</i> в русской культуре.....	155
<i>Перфилова М. Н.</i> Историко-культурный контекст пословиц и поговорок с цветовым компонентом (на материале статьи «Русские пословицы и поговорки» Ф. И. Буслаева).....	162
<i>Петрачкова И. М.</i> Лингвокультурные смыслы прецедентного имени <i>Ромео</i> в текстах русской драматургии второй половины XX века.....	167
<i>Русина Ю. Н.</i> Русские пословицы и поговорки с колоративами и их англоязычные соответствия.....	173
<i>Селиверстова Е. И.</i> Сочетаемость и семантика неофразеологизма в процессе кристаллизации смысла.....	176
<i>Сивова Т. В.</i> «Зеленый», «красный», «черный» туризм: виды туризма в терминах цвета (опыт полидискурсивного исследования).....	181
<i>Соколовская О. Г., Ковалева Е. В.</i> Фразеологизм как текстообразующее средство художественного текста.....	187
<i>Стародубец С. Н., Хусаинова А. А.</i> «Русское национальное самосознание» в контексте лингвокультуры.....	191
<i>Столярова А. Н.</i> К вопросу о синтаксической неофразеологии.....	194
<i>Тимошенко Е. И.</i> Фразеологизированная синтаксическая модель «Тот еще + существительное» в русском языке.....	197
<i>Трофимович Т. Г., Русакович И. К.</i> О фразеологии жестовых языков.....	201
<i>Хмелевский М. С., Кузнецова И. В., Савченко А. В.</i> Отражение духовно-материальных ценностей во фразеологии боснийских мусульман-славян как этнокультурологический код.....	204
<i>Шэца Л. М.</i> Фразеологізми-інтэртэкстэмы ідыястылю паэзіі і прозы У. Караткевіча.....	210
<i>Юрова А. В.</i> Образность в польской народной сказке «Новость из Хелмской земли»: фразеологизмы и пословицы.....	214

Научное издание

**СЛАВЯНСКАЯ
ФРАЗЕОЛОГИЯ И ПАРЕМИОЛОГИЯ**

Сборник научных статей

Основан в 2020 году

Выпуск 5

Подписано в печать 12.11.2024. Формат 60x84 1/8.

Бумага офсетная. Ризография.

Усл. печ. л. 25,57. Уч.-изд. л. 22,27.

Тираж 30 экз. Заказ 569.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования

«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины».

Специальное разрешение (лицензия) № 02330 / 450 от 18.12.2013 г.

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий в качестве:

издателя печатных изданий № 1/87 от 18.11.2013 г.;

распространителя печатных изданий № 3/1452 от 17.04.2017 г.

Ул. Советская, 104, 246028, Гомель.